

№ 5(41). 2020

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2020 № 5 (41)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Евгений Журавли – поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев – секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Валентин Курбатов – член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 13 октября 2020 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк
Отпечатано в типографии «Страж Балтики»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчеркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, его эл. адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии

Александр Субетто. Русскость российской цивилизации как выражение исторического синтеза «Востока» и «Запада» (основы россиеведения)	4
--	---

Проза

Владимир Крупин. Мы вышли из тоннеля. <i>Эссе</i>	16
Александр Чумиков. Непал. <i>Винтажный роман. Часть 5. Начало в № 1 (37)-2020</i>	19
Геннадий Гусаченко. Китобойная одиссея. <i>Роман. Завершение. Начало в № 4 (40)-2020</i>	50
Валерий Копнинов. В тёмном лесе. <i>Современная сказка</i>	54
Александр Цыганов. Курдюг. <i>Повесть (современная исповедь). Вступительное слово Л. Г. Яцкевич</i>	68
Николай Ольков. Подарок судьбы. <i>Рассказ</i>	83
Светлана Савицкая. Увидеть звезду и вспомнить песню. <i>Повесть</i>	96
Елена Дубровина. Цвет безобразия. <i>Рассказ</i>	121

Поэзия

Андрей Фролов. До неба – полверсты. <i>Стихи</i>	125
Наталья Радостева. Приворот. <i>Стихи</i>	128
Наталья Мамлина. <i>Стихи</i>	132
Анна Барсова. <i>Стихи</i>	134
Татьяна Костандогло. <i>Стихи</i>	136
Владимир Стрижов. <i>Стихи</i>	139
Вячеслав Куприянов. Из жизни одного короля.....	142

Берега юбилеев

Александр Герасимов. Ни слова о телевидении! <i>К 65-летию автора</i>	146
--	-----

Берега памяти

Григорий Блехман. Неправда, друг не умирает... <i>Памяти поэта Сэды Вермишевой</i>	151
Павел Плюхин. Ермак и Строгановы. Служа Верой и Правдой Отечеству. <i>К 440-летию начала похода Ермака и покорения Сибири</i>	157
Георгий Кольцов. <i>Стихи. К 75-летию поэта</i>	164
Галина Капецкая. Если мы войну забудем... ..	167

Берега прочтения

Екатерина Козырева. Тайная судьба А. С. Пушкина	171
Алина Чадаева. Чума во время пира	179

Берега Новороссии

Фаина Савенкова. Детский смех Победы. <i>Эссе</i>	185
--	-----

Русский мир без границ

Берега Германии

Владимир Штеле. Январь. Европа. Стынь. <i>Стихи</i>	189
--	-----

Берега Канады

Ваагн Карапетян. Немногое из того, что было. <i>Отрывок из романа</i>	193
--	-----

Наши друзья

О приобретении и подписке на журнал	198
---	-----

Приглашаем к дискуссии

Александр Субетто

Александр Иванович Субетто – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат Премии Правительства РФ, директор Центра ноосферного развития Научно-исследовательской лаборатории россиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления (филиала РАНХиГС при Президенте России), профессор кафедры истории религии и теологии факультета истории и социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена, почётный профессор НовГУ им. Ярослава Мудрого, почётный президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, председатель Философского Совета Русского Космического Общества, вице-президент Международной академии гармоничного развития человека (ЮНЕСКО), член президиума Международного высшего учёного совета, действительный член Российской академии естественных наук, Европейской академии естественных наук, Международной академии психологических наук, Академии философии хозяйства, Академии проблем качества.

Русскость российской цивилизации как выражение исторического синтеза «Востока» и «Запада» (основы россиеведения)

1. Русскость нашей цивилизации как триединство русской культуры, языка и философии

Россия – евразийская, общинная, многонациональная, с самой большой территорией проживания общества в мире (с самым большим хронотопом бытия) и с наиболее холодным (по отношению к другим цивилизациям) климатом, определяющим самую высокую энергетическую стоимость¹ воспроизводства жизни общества, цивилизация.

Главным цивилизационным качеством России является её русскость как, с одной стороны, выражение исключительной и цивилизационно-системообразующей роли русского народа в становлении российской цивилизации и российского государства и, с другой – как особый, уникальный синтез «Востока» и «Запада», не имеющий больше аналогов в мире и позволяющий определять Россию как особый «цивилизационный, социоприродный континент», равновеликий и «Азии» (за пределами России), и «Европе» (за пределами России).

В монографии «Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке» в 2005 году я так определил смысл утверждения «русскость российской цивилизации»:

«Русскость российской цивилизации отражает триадическое единство, которым цементируются её духовные основания. Это есть русская культура, русский язык, русская философия (русский космизм и холизм).

Русский народ является системогенетическим фактором в становлении российской государственности.

Исторические истоки такой функции русской нации или русского этноса в этногенезе российской государственности, и в логике становления и развития русского языка, и в логике становления

¹ Концепция закона энергетической стоимости разработана мною и представлена в серии работ по экономической теории и политэкономии.

русской культуры – в глубокой древности, возможно в арийско-русской гипотезе происхождения индоевропейского семейства народов и языков на территории “российской Евразии”... Отметим, что на существование древней истории “Руси до Руси” (если воспользоваться этой метафорой П. М. Золина, указывал ещё М. В. Ломоносов, резко выступая против норманнской гипотезы происхождения российского государства Мюллера). К этому можно добавить положение Александра Сергеевича Пушкина, не только великого поэта, но и не менее великого русского мыслителя: “Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой... история её требует другой мысли, другой формулы”».

2. Русскость российской цивилизации определяет её духовность

Русскость российской цивилизации определяет её духовность. Российская цивилизация есть духовная цивилизация.

А. С. Панарин отнёс «западные цивилизации» к типу «прагматических цивилизаций». В этих цивилизациях поступают в соответствии с кредо – «действовать по обстоятельствам». Джульетто Кьеза назвал «Запад» «скупым царством прагматизма». По А. С. Панарину, цивилизации «Востока», в том числе и российская цивилизация, относятся к типу «духовных цивилизаций», в которых люди поступают и действуют в соответствии с кредо – «вопреки обстоятельствам».

Уже в моей оценке это качество духовности российской цивилизации особенно ярко проявилось в эпоху СССР как «советской цивилизации» (в определении С. Г. Кара-Мурзы).

Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» подчёркивал, что в революционном творчестве В. И. Ленина и в деятельности партии большевиков под его руководством глубоко отразился именно «русский коммунизм», т. е. идеал праведности и справедливости, который всегда присутствовал в русской душе. Он писал: «Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние запада в течение двух столетий не овладело русским народом».

И далее обращал внимание на следующую особенность коммунизма и русской социалистической революции, которые были рождены именно цивилизационными основаниями России, которые я именую «русскостью» как интегральным качеством российской цивилизации:

«Русская революция универсалистична по своим принципам, она свершилась под символикой интернационала, но она и глубоко национальна и национализируется всё более и более по своим результатам. Трудность суждений о коммунизме определяется именно его двойным характером, русским и международным... Сам интернационализм русской коммунистической революции – чисто русский, национальный... Ленин сделан из одного куска, он монолитен».

Именно кредо духовной цивилизации – «действовать вопреки обстоятельствам», многократно усиленное именно советским социализмом, когда люди труда прошли школу созидания, особенно в 30-х годах, прямо космического масштаба (и памятник Мухиной советским рабочему и колхознице, устремляющих свой молот и серп к небу, в космос, появился не случайно, он олицетворял эту космическую масштабность вершившегося созидания на просторах СССР), стало основой Великой Победы над фашистской Германией 9 мая 1945 года, 75-летие которой мы отметили в этом, 2020-м году. Русский народ в единстве со всеми народами СССР – России (это единство по праву получило название «советский народ»), во главе с Всесоюзной коммунистической партией большевиков (ВКП(б)), обеспечив высокое качество своих Вооруженных сил и качество и мощь советской экономики, разгромил фашистскую Германию во главе с Гитлером, а вместе с ней – разбил вдребезги огромную военную машину, которая работала на базе военной экономики всей Европы.

Отмечу сразу, что если «русский коммунизм» в определении Н. А. Бердяева, который и есть построенный советский социализм, есть последовательное выражение качества российской цивилизации как «цивилизации правды и справедливости», как «духовной цивилизации», т. е. последовательное проявление её духовности, то либерально-рыночное реформаторство, а вернее – рыночно-капиталистическая контрреволюция последних 30 лет (1990–2020), есть то «западничество», с одновременным отказом от цивилизационных и ценностных оснований России как цивилизации, в том числе от её русскости, которое уже превратило её в экономическую колонию и де-факто потерпело исторический крах.

Потерпело исторический крах как по внутренним основаниям и причинам, потому что вступило в конфликт с цивилизационной сущностью России, так и по внешним основаниям и причинам, потому что «миру рынка и капитализма (строю мировой финансовой капиталократии)» подписала Экологический Приговор Природа – Биосфера и планета Земля, как суперорганизмы, предъявив свой «ультиматум» в форме процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы, которые тоже уже развиваются 30 лет. Кстати, переживаемая человечеством коронавирусная пандемия, по моему предположению, есть одна из «реакций» иммунных механизмов Биосферы на рыночно-капиталогенно-хозяйственное «давление» на её живое вещество и её гомеостатические механизмы.

3. Исторический спор между «скупым царством прагматизма» Запада и евразийской цивилизационной укоренённостью и русскостью России – постоянная борьба за цивилизационную самоидентификацию России

Интересно, что известный западный общественный деятель и мыслитель, учёный социалистической ориентации Джульетто Къеза так и оценил «рыночные реформы» в 90-х годах в России как гибель российской цивилизации и победу «скупого царства прагматизма» Запада.

В книге «Прощай, Россия» в 1997 году он писал:

«Третий Рим, или вернее, страна, претендовавшая на этот титул, сворачивает свои знамёна. Первый пал под ударами полчищ варваров, второй – под ударами Востока, который с рождения пропитывал его. Этот Рим уничтожается на наших глазах Западом. Единственное отличие от двух других состоит в том, что падение совершается намного быстрее. И без боя. Россия со своей хвалёной духовностью склоняется с приходом скупого царства прагматизма, успеха и материализма. Быть может, ещё есть время для мучительных конвульсий, для кровавых и бесполезных судорог, порождённых иллюзиями, которые всегда отказываются умирать. Но новый взлёт маловероятен. Спад и распад, – которым сами русские способствовали своей глупой ленью и глупым подражанием худшим примерам, – только начались. За потерей Средней Азии последует утрата Кавказа. А потом россияне распрощаются с Сибирью, их подомнёт самый сильный из азиатских тигров».

На этот прогноз Джульетто Къезы я так ответил в своём «Слове о русском народе и русском человеке»:

«Конечно, прогноз Джульетто Къезы ждёт тот же крах, который терпят и терпели прогнозы и желания по уничтожению России многих её врагов и врагов русского народа, в том числе и Аллена Даллеса, и Гитлера. Русский народ не раз переживал “смутные времена” и тяжёлые кризисы своей цивилизации, и каждый раз восстанавливал своё хозяйство и своё историческое движение вперёд, именно благодаря верховенству духа и духовности над материальными началами. Так будет и впредь!»

Позже Джульетто Къеза пересмотрел свои взгляды на Россию, изменив их на противоположные, связывая будущее человечества с будущим России, с тем, что именно Россия спасёт человечество от грядущей катастрофы. И ушёл он из жизни в этом году другом России.

Но для меня важно, что Джульетто Къеза, будучи по стилю мышления и философствования именно западным человеком, проницательным взглядом увидел, что отказ России от русскости и духовности, «либеральная прививка» ей «ценностей Запада» – «скупого царства прагматизма», ведёт её к цивилизационному распаду и гибели. Тем самым подтвердив совершенно иное по отношению к «Западу» цивилизационное качество России, которое наиболее ярко воплотилось в СССР и которое полностью имеет антирыночную, антикапиталистическую направленность. И это связано (что вытекает уже из моей теории энергетической стоимости) с высокой энергетической стоимостью воспроизводства жизни общества на территории Российской Евразии, что в свою очередь определяет доминирование закона кооперации над законом конкуренции, плана (планирования) над рынком, что и было воплощено наиболее полно и последовательно в советской плановой экономике.

Косвенно подтверждением взгляда Дж. Къезы в книге «Прощай, Россия», в соответствии с которым отказ России от духовности, от следования большой национальной идее (закон идеократии является важным законом бытия и развития российской цивилизации – по моей теории специфици-

ческих законов её развития и бытия, представленной в наиболее развёрнутом виде в монографии «Законы социально-экономического развития России») ведёт её к распаду, является высказывание яркого западника, соратника Б. Н. Ельцина, министра иностранных дел в 90-х годах А. Козырева: «Отказавшись от мессианства (моё замечание: т. е. от большой национальной идеи. – С. А.), мы взяли курс на прагматизм (моё замечание: т. е. взяли курс на цивилизационную перекодировку России, на её превращение в «прагматическую цивилизацию» с её кредо «действовать по обстоятельствам». – С. А.)... мы быстро пришли к пониманию, что геополитика заменяет идеологию».

И не мог осознать Андрей Козырев, что эффективная, действительная геополитика возможна только на адекватной исторической эпохе идеологии.

О том, что «рыночные реформы», которые являлись материализацией идеологии либерального западничества, да ещё навязанного «умными» советологами из США и Великобритании, ведут Россию к геополитическому краху прямо указывает в работе 90-х годов «Великая шахматная доска» Збигнев Бжезинский, назвав состояние всего постсоветского цивилизационного пространства «чёрной дырой», выход из которой, по его мнению, связан с отказом России от своих цивилизационных оснований, с необходимостью провести «процесс редефиниции» с ответом на вопрос «Что такое Россия и где находится Россия?».

По Бжезинскому, ответ на этот вопрос единственный: Россия – это Европа, что и повторяют регулярно на разных каналах телевидения либералы-западники.

Бжезинский очень боится евразийства России, иронично отзывается о концепции евразийства, включая работы Л. Н. Гумилёва, потому что – и здесь он озвучивает положение – обращённость политики и геополитики России к своим евразийским цивилизационным корням будет означать рост независимости России от «Запада», за которым обязательно последует отказ от оголтелой абсолютизации ошибочного взгляда, что «рыночная экономика» – двигатель развития мировой экономики и прогресса.

Он писал:

«Отказ же России (мой комментарий: отказ России от идентификации себя как европейского государства. – С. А.) стал бы равносильным отказу от Европы в пользу обособленной евразийской самостоятельности и обособленного существования».

Опасения Бжезинского подтвердились. Создание Евразийского Экономического Союза (ЕвразЭС), рост осознания российским обществом, русским народом особенности российской цивилизации, связь её будущего с евразийством и социализмом, рост понимания, что именно СССР, советская цивилизация соответствовали цивилизационным особенностям России, а нынешняя либерально-рыночная стратегия исторического развития терпит исторический крах, – процесс, который неумолимо нарастает.

4. Выражением русскости российской цивилизации является русская философия

Выражением русскости российской цивилизации является русская философия – философия любви и добра, форма проявления русского разума, в мировоззрении которого «всечеловечность» (Ф. М. Достоевский), «всемирная отзывчивость» (В. С. Соловьёв), обращённость к кооперации как основе бытия человека на Земле являются «сквозными» на протяжении всей истории.

«Если взглянуть на путь развития европейского философского разума и путь развития русского философского разума, – писал я в «Слове о русском народе и русском человеке», – то они противостоят друг другу, как... кантовские тезис и антитезис»¹.

Западная философия аналитична, русская философия синтетична... Свою роль в таком расхождении главных доминант русской и западноевропейской систем философствования сыграли и особенности русского и западноевропейских языков, в первую очередь немецкого, французского и английского, и особенности хронотопа (пространств-времени) бытия. Русский язык по своей природе,

¹ Я здесь имел в виду вторую антиномию Канта в его «Критике чистого разума», которая формулировалась так:

Тезис: «Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, вообще существует только простое и то, что сложено из простого».

Антитезис: «Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого».

в том числе по причине функционирования на большом «пространстве», является одним из самых флексивных языков по сравнению с языками Европы. Объём оценочных слов в русском языке более 40 %, в то время как в немецком – около 16 %, а в английском – около 5 %, а это и есть косвенное свидетельство о «левополушарности», аналитичности немецкого и английского языков и о «правополушарности», синтетичности русского языка.

Я уже выше цитировал А. С. Пушкина. Прочитую его ещё раз в более развёрнутом виде. «Поймите же... – обращался он к мыслящим русским людям, – что Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой; что история её требует другой мысли, другой формулы, как мысль и формулы, выведенные Гегелем из истории христианского Запада».

Отмечу сразу, что эта пушкинская линия всегда была важным основанием самосознания русской философии. Спор между «западниками», которые считали за передовой образец развития именно стран Западной Европы, в первую очередь Германии (Голландии, Дании при Петре I), Франции, Британии, в наше время – США, и «славянофилами» (хотя это название неточное), т. е. теми, кто, подобно М. В. Ломоносову, А. С. Пушкину, Н. Я. Данилевскому, Ф. М. Достоевскому и «евразийцам» в первой половине XX века, считали Россию самостоятельной цивилизацией, в которой произошёл синтез европейских и азиатских начал, не прекращается до сих пор.

И каждый раз в этот спор вмешивается История, причём именно История России как самостоятельной цивилизации (изгнание польского нашествия из России в Смутное время, когда «Запад» с помощью «Польского королевства» пытался реализовать свой план «окатоличевания» России; изгнание французского нашествия в 1812 году, Великая Русская Социалистическая Революция, которая стала Русским Прорывом человечества к социализму, продолжающемуся до сих пор и обещающему перерасти в Ноосферный Прорыв из России в XXI веке, Великая Победа над фашистской Германией во главе с Гитлером, с помощью которой «Запад» пытался не только покончить с советским социализмом, но и с Россией в целом и русским народом).

И каждый раз эта История подчёркивала цивилизационную уникальность России, проявленную в ценностном геноме российской цивилизации, которую я назвал «цивилизационным социализмом», и каждый раз «Дранг нах Остен» («наступление на Восток»), за которым де-факто стояла задача «вестернизации» России, превращение её в колонию Запада, терпели исторический крах.

И Збигнев Бжезинский, и другие «специалисты по России», которые мечтают, в конце концов, утвердить своё господство над российско-евразийским пространством и его ресурсами в своих прогнозах, проектах, планах, уже терпят крах.

Русская философия – это не только узкое течение философской мысли, ограниченное рамками философско-православной или философско-христианской рефлексии, выраженной в той или иной форме, системе взглядов, например – представленной работами А. С. Хомякова, Н. А. Бердяева, П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, В. С. Соловьёва, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, П. П. Сувчинского, Л. П. Карсавина, И. А. Ильина, Б. П. Вышеславцева и других.

Как русское социокультурное явление, причём мирового масштаба, русская философия не уступает классической западной философии. Она и шире, и синтетичнее. Она включает в себя и народно-демократическое, социалистическое и марксистское направления русской философской мысли, яркими представителями которой являются А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Некрасов, А. М. Бакунин, В. Г. Плеханов, И. С. Трубецкой, П. А. Кропоткин, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский, И. А. Ефремов, В. И. Вернадский, А. А. Богданов, А. Л. Чижевский, В. И. Ленин.

Русская философия и евразийна, и социалистична по своему глубинному цивилизационному коду.

Выступая против ярого западничества, европоцентричного «перехлёста» в рефлексии «западников», выстраивавших своё мировоззрение на констатации отсталости России и необходимости её цивилизационной перекодировки на основе подражания («европейничанья») «образцам развития», демонстрируемым Францией, Германией, Англией, Ф. М. Достоевский писал:

«...Русский не только европеец, но и азиат. Мало того, в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! (моё замечание: чего и боится З. Бжезинский, выше мною цитируемый. – С. А.)... Надо признать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут о нас, что мы азиаты большие, чем европейцы... Это ошибочный стыд наш, это ошибочный взгляд на себя единственно как только европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), этот стыд и этот ошибочный взгляд дорого, очень дорого стоили

нам в эти два века, и мы поплатились за него и утратою духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых, Бог знает, сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты... Азия, азиатская наша Россия, – ведь это тоже наш большой корень, который не то что освежать, а совсем воскрешать и пересоздать надо!.. Азия возвысит наш дух, она придаёт нам достоинства и самосознание, – а это сплошь у нас теперь, или нет, или очень мало».

Тезис Ф. М. Достоевского: Россия – и Европа, и Азия одновременно, русский – и европеец, и азиат одновременно, и его утверждение-прогноз, что нам надо отказываться от «европейничанья» и возрождать и развивать своё азиатское начало, на языке синтеза – есть косвенное утверждение моего теоретического положения, что Россия – и не Европа, и не Азия, а есть их синтез.

Результат этого синтеза на протяжении всей истории Российской Евразии и есть российская цивилизация, представляющая собой самостоятельный «российский евразийский континент» на базе социокультурного «сплава» европейского и азиатского начал. Этот «сплав» европейского и азиатского начал я и называю русскостью российской цивилизации.

Существует легенда, что при переходе наших войск, гнавших Наполеона и его поредевшее и потрёпанное войско на Запад, через границу, император Александр I звал фельдмаршала Кутузова с собой, продолжить военную кампанию в Европе до полного разгрома Наполеона, поскольку тот был противником похода наших войск в Европу. И между ними состоялся такой разговор. Александр I убеждал Кутузова в необходимости движения русской армии в Европу, чтобы добить Наполеона, исходя из тезиса, что Россия – это тоже Европа. «Мы же Европа», – сказал император фельдмаршалу. «Нет, мы – не Европа», – ответил Кутузов. «Так кто же мы – Азия?!» – раздражённо воскликнул Александр I. На что Кутузов спокойно ответил: «Нет, мы – не Азия, мы – Россия».

«Мы – Россия» – это кутузовское положение и есть признание уже состоявшегося исторического синтеза «Запада» и «Востока», европейского и азиатского начал бытия человечества, имя которому «Россия», – Россия как самостоятельная евразийская цивилизация, со своим ценностным геномом, социокультурным архетипом бытия и развития.

5. Русский Космизм как измерение философии и Эпохи Русского Возрождения

Евразийский фокус русской философии, большой хронотоп исторического развития России определили появление Русского Космизма как важнейшего философского русского мировоззрения и мироосвоения.

Русский Космизм есть космическое измерение русской философии, или другими словами – есть русская космическая философия, древность которой равномасштабна древности русского языка. Кстати, по результатам исследования современного греческого филолога Дмитрия Ираклидиса, создавшего этимологический словарь, все европейские языки, включая и сам греческий язык, произошли от русского языка, поскольку он старше по историческому возрасту¹. «Именно, наверное, поэтому, по М. В. Ломоносову, мы находим в русском языке “великолепие” испанского, “живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского” и “сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков”. Ну а поскольку в русской культуре “язык” и “народ” – синонимы (на что с восхищением обратил внимание Ф. М. Достоевский), то в генетике русского языка отражена и генетика русского народа, русского человека».

Будучи древним по развитию, Русский Космизм как космическая философия расцветает именно в Эпоху Русского Возрождения. Именно в эту эпоху получают развитие такие направления, как:

- «учение о космической эколого-ноосферной проективности» (Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, Н. А. Морозов, Н. А. Бердяев, А. А. Богданов, П. А. Флоренский, Н. А. Умов, А. К. Горский, В. Н. Муравьёв и др.);

- «поиск гуманитарных оснований научно-технического прогресса цивилизаций» (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, Н. А. Умов и др.);

¹ Интернет-портал «Всё о Гиперборее». Интервью у Д. Ираклидиса, взятое Катериной Арабаджи для газеты «Афины & ELLAS». Международный Клуб Учёных. <http://yperboreia.org/greek.asp>

- осмысление в новых координатах «единства Макрокосма и Микрокосма, гомеоморфности человеческого разума Космосу» (Н. К. Рерих, К. Э. Циолковский, П. А. Флоренский, И. А. Ефремов и др.);
- утверждение «творческой презумпции человека в космосе и космоса в человеке» (Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, Н. К. Рерих, В. Н. Муравьёв и др.).

При этом мною в Русском Космизме выделяются следующие четыре направления русской культурной космо-ориентированной мысли:

- философско-мистическое и космо-психологическое. К этому направлению я отношу и космофилософские поиски с «масонско-мистической» направленностью. Это направление нашло яркое выражение в творчестве Е. П. Блаватской, В. И. Крыжановской, Е. И. Рерих и др.;

- философско-научное. Это направление нашло своё воплощение в трудах Д. И. Менделеева, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского, А. А. Богданова, Ф. А. Цандера, А. Ф. Лосева, И. А. Ефремова, Н. Г. Холодного, Н. А. Морозова, Н. А. Умова, В. Н. Муравьёва, Л. Н. Гумилёва, В. П. Казначеева, Н. Н. Моисеева и др.;

- литературно-художественно-космическое. Оно нашло яркое выражение в творчестве таких русских космических мыслителей и художников, как М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев, М. Горький, В. В. Маяковский и др.

Русский Космизм, в моей оценке, итожит эволюцию космизма мировой культуры, в ней присутствует Ренессанс универсализма, который ярко нашёл своё развитие в учении о ноосфере В. И. Вернадского, и в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, когда перед человечеством Большой Логикой Социоприродной Эволюции поставлен императив выживаемости, перерастает в Ноосферизм – научно-мировоззренческую систему XXI века, и одновременно в стратегию выхода человечества из Экологического Тупика Истории в виде развивающихся процессов первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы.

Русский Космизм в своём развитии в соединении с Советским Социализмом в XX веке (за которым стоит Русский Социалистический Прорыв человечества, начавшийся в 1917 году с Великой Октябрьской Социалистической революции) и дал Космический Прорыв Человечества из СССР (когда 4 октября 1957 года был запущен первый спутник Земли, а 12 апреля 1961 года – в Космос, на советской ракете, взлетел Юрий Алексеевич Гагарин и, облетев на космическом аппарате вокруг Земли, успешно приземлился на саратовской земле, откуда он и сделал свои первые шаги в «покорении неба»). И это тоже было воплощение русскости российской цивилизации, вершиной развития которой стала советская цивилизация в лице СССР, а вершинами её духовного расцвета – Победа в Великой Отечественной войне 9 мая 1945 года и Космический Прорыв СССР 12 апреля 1961 года.

6. Русское человековедение как основа российского мироотношения

Развитие русской культуры, русской философии и русской науки породило русское человековедение, которое по внутренней своей сути, по ценностным доминантам было всегда антикапиталистическим, антимонетарным, антипотребительским, провозглашая примат духовного над материальным, взыскуя к творчеству, к труду ради всеобщего блага для всех, ради счастья для всех.

Русское человековедение как явление русско-культурное и русско-духовное имеет свои яркие воплощения в творчестве Титанов Эпохи Русского Возрождения – Ломоносова, Державина, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Л. Н. Толстого, Чехова, С. Н. Булгакова, Горького, Шолохова, Твардовского, Мечникова, Менделеева, Циолковского, С. П. Королёва и многих-многих других.

Один из выдающихся богословов Сербской Православной Церкви преподобный Иустин (Поנוвич) в книге «Достоевский о Европе и славянстве» показывает (здесь я интерпретирую его высказывание в контексте русского человековедения), что человековедение Достоевского, которое является глубоко православным человековедением, несёт в себе мысль о России, призванной спасти весь мир от духовной катастрофы. «Красота спасёт мир», – говорит любимый герой Достоевского князь Мышкин, но именно та красота, которую несёт в себе лик Христа, а Христос есть любовь, а любовь есть красота, и красота спасёт мир от смерти.

Удивительно, но Достоевский ещё в 70-х годах XIX века, именно как русский духовный провидец «универсалистского», или «пушкинского», цикла Эпохи Русского Возрождения, предупреждал мир и Россию об опасности, которую несёт в себе развитие общества потребителей в Западной Европе,

пророчит крах потребительского идеала Западной цивилизации (как прагматической цивилизации, по А. С. Панарину), т. е. капитализма, в ближайшем историческом будущем.

Финал потребительского «рая» человечества в мире господства капитала, когда человек становится отчуждённым не только от плодов собственного труда, но и от природы (а в конце XX века это отчуждение от природы приобрело катастрофическую форму в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы), – и в этом качестве отчуждения он становится отчуждённым от себя и терпит уже антропологическую катастрофу, Достоевский описывает так:

«...они вдруг почувствовали бы, так сказать, себя осыпанными счастьем, зарытыми в материальных благах; они, может быть, ходили бы или летали по воздуху, пролетали бы чрезвычайные пространства в десять раз скорее, чем теперь по железной дороге; извлекали бы из земли баснословные урожаи, может быть, создали бы химией организмы, и говядины хватило бы три фунта на человека... словом, ешь, пей и наслаждайся. “Вот, – закричали бы все филантропы, – теперь, когда человек обеспечен, вот теперь только он проявит себя! Нет уже больше материальных лишений, нет больше «заедающей среды», бывшей причиной всех пороков, теперь человек станет прекрасным и праведным! Нет уже более непрерывного труда, чтобы как-нибудь прокормиться, и теперь уже займутся высшими, глубокими мыслями, всеобщими явлениями. Теперь, только теперь настала высшая жизнь!..”

Но вряд ли и на одно поколение хватило бы этих восторгов! Люди вдруг увидели бы, что жизни уже более нет у них, нет свободы духа, нет воли и личности, что кто-то у них всё украл разом; человек узнал бы, что он стал скотиной. И загнило бы человечество: люди покрылись бы язвами и стали кусать языки свои в муках, увидя, что жизнь у них взята за хлеб, “за камни, обращённые в хлеба”.

Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на дармовщину и что счастье не в счастье, а лишь в его достижении».

Русское человековедение фактически раскрывает «цивилизационный социализм» ценностных основ российской цивилизации, который складывался веками и отражал ценности, центрирующиеся вокруг «правды» как единства истины, добра, красоты и справедливости, а также – ценности любви или кооперации, взаимопомощи, товарищества, соборности или общинности, коллективизма, сильного государства, труда, равенства.

«Не в силе Бог, а в правде!» – говорил князь, защитник Земли Русской Александр Невский.

В 2013 году я писал в «Слове о русском народе и русском человеке» так:

«Русское человековедение правдолюбивое, что означает, что оно смотрит на человека, на смысл его жизни через призму правды – правды человеческого бытия. И именно эта правда человеческого бытия подводит человека к Социалистическому прорыву в начале XX века, к Великой Русской Социалистической Революции, 100-летнюю годовщину которой мы, т. е. Россия и человечество, отметим в 2017 году. Ведь коммунизм как общественный идеал подразумевает раскрытие природы человека, его творческого потенциала, подразумевает высший уровень человечности общества, который раскроет в будущем предназначение человека».

Поэтому русское человековедение пронизано борьбой против несправедливости, думой о духовном и космическом предназначении человека.

Пример – Лев Николаевич Толстой, не только великий писатель, но и не менее великий русский мыслитель, философ социалистической ориентации де-факто, по сущности своего мировоззрения.

Вот как он писал о природе денег и их функции как инструмента эксплуатации человека человеком:

«Деньги! Что ж такое деньги? Деньги представляют труд. Я встречал образованных людей, которые утверждали даже то, что деньги представляют труд того, кто ими владеет... Властвование одних людей над другими происходит не от денег, а от того, что рабочий получает неполную стоимость своего труда. Неполную же стоимость своего труда он получает от свойств капитала, ренты и заработной платы и сложных отношений между ними и между самим производством, распределением и потреблением богатств. По-русски выходит, что люди, у которых есть деньги, могут вить верёвки из тех, у кого нет денег... Отчего происходит порабощение одних людей другими? Отчего происходит то денежное царство, которое поражает нас всех своей несправедливостью и жестокостью? Отчего одни люди посредством денег властвуют над другими?... Почему лучи солнца, вода, пища, зна-

ния не признаются отдельными факторами производства, а признаются только земля, орудия труда и труд?.. человек, у которого есть деньги, может скупить весь хлеб и заморить другого голодом и за хлеб поработить совершенно. Так и делается на наших глазах в огромных размерах».

Так писал великий русский человековед и обществовед Лев Николаевич Толстой, которого В. И. Ленин назвал «зеркалом русской революции», ещё в 80-х годах XIX века. И как актуально они звучат в начале XXI века, когда всей рыночно-капиталистической системе хозяйствования на Земле, диктатуре «хозяев больших денег» – мировой финансовой капиталократии – «подписала» Экологический Приговор Природа в виде первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы и предъявила «ультиматум»: или экологическая гибель человечества, или Ноосферная Социалистическая Революция – переход человечества к Ноосферному Экологическому Духовному Социализму как единственной стратегии его спасения от экологической гибели.

Профессор кафедры международных финансов МГИМО, председатель Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова, профессор Валентин Юрьевич Катасонов, более 130 лет спустя после этих размышлений о природе денег Л. Н. Толстого, ввёл даже понятие «хозяева денег», которые стремятся установить свою диктатуру над миром (в том числе с помощью «капитализма катастроф» – Н. Кляйн) и ставят перед собой задачу окончательной колонизации России и «уполовинить численность населения России».

Он пишет:

«...надо жёстче смотреть на то, что происходит в России. Те “глобальные” господа, которые планировали разрушение Советского Союза и которые сейчас посылают управляющие сигналы российским чиновникам, министрам и депутатам через разных посредников, ставят своей целью, по крайней мере, уполовинить численность населения России. То есть здесь рассматривается откровенный геноцид (моё замечание: эта оценка В. Ю. Катасонова подтверждает мой вывод, представленный мною в монографии «Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика». – С. А.)... К сожалению, мы не понимаем духовной стороны той борьбы, что ведётся уже многие тысячелетия. Мы, как слепые котята, реагируем на какие-то удары, шоки, знамения, но до конца понять происходящего не можем. Но ведь именно в духовной борьбе – смысл всей мировой истории... раз мы с вами живы – какой-то шанс победить есть».

В рассказе «Ведьма» Дмитрия Михайловича Балашова происходит диалог автора, т. е. Д. М. Балашова, в воображаемой встрече с немецким мыслителем-просветителем XVIII века Рихардом фон Эккертом, который, обращаясь к нему как «русичу», говорит, что Россия не раз спасала Германию и Европу, не думая о выгодах. И на прощание, прежде чем исчезнуть, раствориться в «небытии», он произносит завет-обращение: «Будьте сами собой». «Оставайтесь людьми. Хоть вы там, на Востоке, – останьтесь людьми...»

Русское человековедение кладёт в центр своего человекопознания мысль о человеке как духовном воине, о человеке, о котором вологодский поэт А. Я. Яшин написал:

В несметном нашем
Богатстве
Слова драгоценные есть:
Отечество,
Верность,
Братство,
А есть ещё:
Совесьь,
Честь...
Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали, –
И это не просто слова!

В интервью главному редактору алтайского журнала «Розмысл» К. Г. Колтакову¹ под названием «Думы о России» я подчеркнул:

¹ Позже К. Г. Колтаков защитил докторскую диссертацию по философии (я был его оппонентом), стал ректором Бийского государственного педагогического университета им. В. М. Шукшина и погиб в 2006 году (несчастный случай).

«Запад празднует победу “Строя Денег” по Жаку Аттали. Но празднует рано. Время “работает против Запада”. Природа, Биосфера не признаёт его ценностей. И в этом смысле правда за Историей России. Прав А. С. Панарин: в нашем духовном наследии – цивилизационная альтернатива Западу. Остаётся только одно для всех: для рабочего, студента, школьника, преподавателя, инженера, учёного, писателя, композитора, священника, верующего и т. д. – вернуться к собственным корням бытия, услышать мерную поступь настоящей истории, и тогда начнётся восстановление экономики России, её достойное движение в XXI веке».

Русское человековедение – это одновременно раскрытая через человековедение как ядро русской культуры русскость, как интегральное цивилизационное качество России.

«Истинная мера времени – духовная, а не механическая мера», – отмечал не только знаменитый русский общественный деятель конца XIX века, но и не менее знаменитый мыслитель-космист К. П. Победоносцев. Поэтому на знаменитый вопрос Э. Фромма «Быть или иметь?» Русское человековедение отвечает «быть».

В XXI веке «быть» означает стать Ноосферным Человеком и Ноосферным Разумом соответственно, т. е. поднять духовность человека на «ноосферную высоту», на высоту ноосферного «трудозаботы» (понятие А. С. Макаренко), сохраняющего всю Мегасистему жизни на Земле – Биосферу – и переводящего её в Ноосферу.

7. Русскость российской цивилизации – состоявшийся исторический духовный синтез «Востока» и «Запада»

В России нет конфликта между «Востоком» и «Западом», потому что она как уникальная евразийская цивилизация есть уже исторический состоявшийся цивилизационный и духовный (поскольку Россия – «духовная цивилизация») синтез «Востока» и «Запада».

Русскость есть русская мера этого синтеза, которая подкреплена исторической и цивилизационной миссией русского народа, русской культуры и русского языка – быть «скрепом» российской цивилизации, служить основой евразийской кооперации народов-этносов, живущих на территории России.

Эта роль русского народа особенно выпукло проявилась в период грозного и трудного исторического испытания СССР (и России в качестве советской цивилизации) в годы Великой Отечественной войны. И это Иосиф Виссарионович Сталин, и как глава советского государства, и как Верховный Главнокомандующий, во время торжественного приёма в Кремле, данного в честь Великой Победы 24 июня 1945 года, отметил в своём знаменитом тосте за «русский народ» как руководящую силу в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Значение этой величественной миссии русского народа и русского человека я особенно ощутил во время посещения «Ржевского мемориала советскому солдату» под Ржевом 10 августа этого, 2020 года. Этот величественный памятник передал нам величайший дух советских бойцов всех национальностей, сражавшихся за Советскую Родину, в том числе – и дух русского человека, дух русского народа, рядом с которым воевали величайшие русские полководцы, запечатлённые на орденах этой войны: А. Невский, А. Суворов, М. Кутузов, Ф. Ушаков, П. Нахимов.

Ещё раз подчеркну, что Россия как «духовная цивилизация» есть «Цивилизация Правды». Поэтому русская духовность есть «духовность правды».

Приведу ряд высказываний известных русских учёных и мыслителей, разделённых достаточно большими историческими промежутками времени.

Михаил Васильевич Ломоносов, научное и духовно-культурное творчество которого А. С. Пушкин назвал нашим «университетом», так сказал о правде: «Люблю правду всем сердцем, как всегда любил и любить буду до смерти».

Владимир Иванович Вернадский, наш ноосферный гений XX века, как будто продолжая мысль Ломоносова, спустя более 150 лет, записывает как своё сокровенное: «Ищешь правды, и я чувствую, что могу умереть, могу сгореть, ища её, но мне важно найти её, эту правду, как бы горька, призрачна и скверна она ни была!»

Русский и советский философ-марксист Владимир Георгиевич Комаров в своей монографии по социальной философии «Правда: онтологическое основание социального разума», опубликованной

благодаря усилиям другого русского и советского философа-марксиста и известного политэконома В. Я. Ельмеева в 2001 году, после смерти автора этой монографии, придал понятию «правда» категориальную функцию и поднял её на высший уровень категориальной системы, описывающей онтологию социального разума.

Без познания «онтологической правды», или «правды истории», «социальный разум» остаётся в «ловушке» лжи истории, или онтологической лжи, и в этом качестве обречён на гибель.

И в этом контексте служение онтологической правде и есть русскость, и есть истинная русская, и на её базе – истинная советская, философия.

По В. Г. Комарову, понятие «онтологическая правда» как «правда истории» снимает иллюзорные покровы «с философии прагматизма», которая по своей сущности есть «мышление в пределах объективных социальных видимостей», порождаемых «фетишистскими рыночными реалиями». Он вводит понятие «жизнеобеспечивающий труд», который есть «труд принципиально необсуждаемый» и в котором проявляется «фундаментальная сущностная связь между рабочей силой, её функцией – трудом и продуктом соответствующей деятельности – жизнью как движением общественной формы материи».

Онтологической правде, или правде истории, противостоит онтологическая ложь, или ложь истории, за которой скрывается отчуждение человека в рыночно-капиталистической системе бытия и от своего труда, от себя и своего предназначения, и как следствие – от истории, которую он воспроизводит своим трудом.

В. Г. Комаров так характеризует основания и истоки временного пребывания в истории «псевдоправды истории», или «онтологической лжи»:

«Не обладая универсализмом и всеобщностью правды истории, её антипод – ложь истории – всё-таки существует, но только как несамостоятельная, паразитарная форма бытия псевдоправды истории, выдающей себя, разумеется, за правду... псевдоправда (ложь) истории есть не более чем объективная материальная кажимость, заимствующая чужую сущность – сущность правды истории. Когда правда в очередной раз достигает возобладания над неправдой, когда начинается процесс генерализации правды истории, что происходит обычно в период демократических подъёмов революций, выглядящих катастрофами главным образом в глазах господствующих “верхов”, тогда ложь истории рассыпается в прах и раскрывается ничтожность её внутренней определённости. То, что в онтической/онтологической лжи истории было заимствованием у правды, в такие моменты подвергается разоблачению в качестве пустой внешней видимости».

Русскость есть постоянное духовное устремление русского народа к правде Истории, к онтологической правде. И как интегральное цивилизационное основание истории России оно превращает российскую цивилизацию в «исторического предиктора».

В монографии «Основания и императивы стратегии развития России в XXI веке» я указывал:

«Самый большой в мире пространственно-временной хронотоп государственности и бытия России делает её уникальной и единственной.

“Бесформенность” России, на которую сетуют “политики” и “эстеты” западного толка (на что обращает внимание А. С. Панарин), является относительной, кажущейся. Она “бесформенна” для западного взгляда намного меньшей масштабности и поэтому не привыкшего иметь дело с “формами” другого, на порядок масштабнее, пространственно-временного (хронотопического) континуума.

Оформленность российской цивилизации крупномасштабна.

Такая особенность российской цивилизации и порождает логику её Истории.

Амплитуда “исторической волны” в России (глубина её кризисов) является амплитудой (глубиной кризисов) всей Истории человечества. Вот почему крупные исторические события в России несут в себе смысл “исторических предикторов”, поскольку в ней как бы проявляется “геном” будущего человечества.

“Большое пространство и время” исторически могут быть освоены только кооперацией, только с помощью механизма “любви”, которая в цивилизационной логике есть механизм притяжения и стяжения “большого пространства”, чтобы оно не распалось».

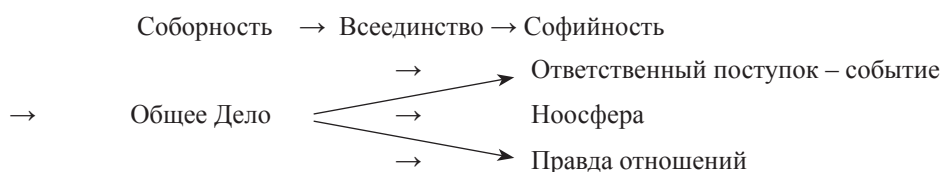
Россия как Цивилизация Правды снова в XXI веке начинает «говорить» с миром «языком» онтологической правды – правды истории, которая состоит в переходе человечества к ноосферной

истории – в виде управляемой социоприродной эволюции на базе общественного интеллекта, научно-образовательного общества и Ноосферного Экологического Духовного Социализма.

Именно Эпоха Русского Возрождения с её ноосферно-космической устремлённостью подарила миру в первой половине XX века, в советскую эпоху, учение о ноосфере В. И. Вернадского, которое перерастает в начале XXI века в Ноосферизм – научно-мировоззренческую систему XXI века и одновременно стратегию спасения человечества от экологической гибели.

Правда Истории приобретает ноосферное содержание. Она уже через появление в конце XX века первой фазы Глобальной Экологической Катастрофы «подписала», повторю ещё раз, экологический приговор всей рыночно-капиталистической системе на Земле, приобретшей вид строя мировой финансовой капиталократии и его «спутника» в виде системы экономического колониализма. Капитализм превратился в «онтологическую ложь», задержка в «пространстве» которой грозит человечеству экологической гибелью, т. е. небытием.

Русский и советский философ Валерий Николаевич Сагатовский в 1994 году, осмысливая новое содержание «русской идеи» на рубеже XX и XXI веков, так её конкретизировал в виде категориальной цепочки, характерной для русской философии:

По Сагатовскому, соборность конкретизируется с помощью категорий всеединства и софийности, и все три категории служат основаниями идеала «Общего Дела» (по Н. Ф. Фёдорову), который есть созидание ноосферы. Здесь Сагатовский «философию Общего Дела» Н. Ф. Фёдорова объединил с учением о ноосфере В. И. Вернадского.

XXI век есть Эпоха Великого Эволюционного Перелома и одновременно ноосферная социалистическая революция, включающая в себе «Роды Действительного – Ноосферного – Разума».

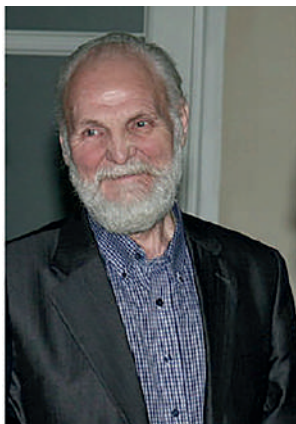
Русскость российской цивилизации как выражение исторического синтеза «Востока» и «Запада» приобретает ноосферный масштаб.

Русский Прорыв человечества к социализму в форме Великой Русской Социалистической Революции в 1917 году перерастает в XXI веке в Русский Ноосферный Прорыв человечества. И так будет. Потому что альтернатива ноосферной парадигме развития человечества – его экологическая гибель по рыночно-капиталистическим причинам.

Проза

Владимир Крупин

Владимир Крупин – родился в Вятской земле 7 сентября 1941 года. После школы работал в редакции райгазеты. Служил три года в Советской армии. Окончил литфак Московского облпединститута. Преподавал в школе, в Духовной академии, в Литинституте, в Академии живописи, ваяния, зодчества, избирался секретарём Правления Союза писателей СССР, первый лауреат Патриаршей литературной премии, член Президиума Всемирного Русского Народного собрания, сопредседатель Правления Союза писателей России. Главная тема творчества – спасение всех и каждого в приходе ко Христу. Россия стала одинока в мире, но именно она спасётся.

Мы вышли из тоннеля

«Благодарим Тебя, Господь, мы вышли из тоннеля», – это из песни православной певицы ма-тушки Людмилы Кононовой. Песня о сбившихся с жизненного пути молодых людях, о том, как они блуждали в потёмках блуда, наркомании, неприятия родительских наставлений, но вот – Господь просветил, они выходят на свет Божий.

Хотелось бы этот пример перенести на наш выход из тоннеля нашедшей на нас заразы вирусного времени. Перетерпели. Вышли. С потерями, но вышли.

Что-то же изменилось в нас. Не могло не измениться. Не говорю за всех, но православных крепко потрянуло и вразумило.

Главное: подтолкнуло поляризацию общества. Она и так всё время шла, а нынче ускорилась. По-ляризация эта одна: она делит людей на тех, кто за Христа, и на тех, кто против.

Люся

Одноклассник, друг мой Васька (он спустя годы был председателем райисполкома и погиб в ав-токатастрофе), любил десятиклассницу Люсю. Я бы её тоже любил, но я был моложе Васьки на два года. Во-первых. Во-вторых, я просто представить не мог, как это – любить Люсю, я просто робел пред ней и замирал от её красоты. И чтобы она на меня посмотрела хотя бы, да вы что!

Но Васька был посмелее. Он красавец, выступал на сцене, пел и декламировал. Мы играли в школьном театре. Конечно, Васька был на первых ролях. Помню, как Васька, играя папашу невесты, вздымает руки, вдоль которых ниспадают широкие рукава реквизитного халата и вопит: «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом?»

Но это он на сцене герой, и с нами на реке, и у костра смельчак, а к Люсе приблизиться тоже бо-ялся. Но решился, придумав какой-то предлог зайти к ней в дом. Один всё-таки не посмел, уговорил меня.

Идём. Чувствую, Васька трусит. Как и я. У её дома клумбы и грядки, цветы и рассада. Весенние экзамены. Люся сидит над билетами. Она в лёгком летнем сарафане. Косы перекинута на грудь. Весело здороваются. О чём они говорят с Васькой, я забыл.

Но вот это ощущение присутствия в мире красивой девушки, сквозная, летящая чистота от её платья, русых волос, свежесть из распахнутого окна, цветы под окном, замирание дыхания от вос-торга, вспоминалось потом.

Сегодня узнал, что уже ровно вторая годовщина со дня прощания с ней.

Люся и похожие на неё девушки, а их много, приходят в этот мир, чтобы принести в него чистоту. И пока они есть, эти девушки, никакой пошлости и разврату не выжить в этом мире.

Мальчик и камень

Мы устанавливали Крест на истоке реки Вятки. Мужчины несли огромный Крест, иконы и хоругви, а всех остальных батюшка просил взять по камню, чтобы укрепить Крест. Исток был на болоте.

И навсегда запомню мальчишку, который выбрал камень, даже по виду тяжёлый, и потащил. Пожалев его, я сказал: «Возьми камень полегче». – «Донесу», – ответил он.

И когда шли по болоту, а это долго и трудно, проваливались в воду, насекомые тучами жужжали и кусали, я иногда оглядывался и видел, что мальчику тяжело: у него же руки заняты, его тоже кусают, и не отгонишь этих кровососущих. Руки заняты, а он идёт и идёт. И даже подпекает молитвам.

Дошёл, миленький! Положил свой камень ко Кресту, напился и умылся из истока реки своей родины. Сел на траву, глубоко дышал и радостно улыбался.

Этот мальчишка для меня – символ моей будущей России.

И символ, и пример. Он терпел жару, усталость, укусы насекомых, жажду, но шёл, нёс свой камень к подножию Креста.

Будем подражать этому мальчику, понесём камни своих трудов ко Христу. Да, тяжело, да много гнуса вокруг. Но всё равно же надо идти и дойти. И жажду утолим, и усталость пройдёт. А следы укусов – это награды.

Баба-яга и Венера Милосская

Подумать страшно, сколько изведено человеческого времени, целых жизней на изучение античности, просто прорва. На изучение, совершенно зряшное и бесполезное. Ну, хорошо, не будем так категоричны, и античность была нужна, и триумвират Сократа-Платона-Аристотеля, и Афины, и Пальмира, и Фаюмский портрет, и Фидий, и античный театр, да и Александрийскую библиотеку не надо было жечь, оставить для любопытных, но чтобы уж настолько в античности застрять, на такие века и эпохи, так без передышки мучить умы мифологией, богами, учить, где римская богиня охоты, где той же охоты, но греческая... и это всё валилось на головы бедных детишек. Пороли несчастных. За что? Да за то, что, например, не знали, что Гефест был хромым, и кто был прикован, и у кого орёл выклёвывал печень?

А северо-восточнее от античности была наша славянская сверхдревняя история. Тоже не без своих богов. Но всё как-то роднее и милосерднее. Они потом – духи земли и воды, огня и ветра, кащеи, лешие, кикиморы, змеи-горынычи – уползли от приходящих в славянские просторы Крестов в леса, болота, а потом, когда появилась мультипликация, выползли и стали её персонажами. Но не претендовали на повелителей умов, головы особо не морочили. Домовые, баннушки всякие даже как бы оживляли свою таинственную жизнь рядом с нами. С принятием христианства вся эта, не говорю нечисть, но изнанка восприятия реальности, легко потеснилась. Праздники языческие замещались православными, но отголоски долгим эхом шли рядом с людьми. «Иван Купало, обливай кого попало» – это на праздник святого Крестителя Спасова Иоанна Предтечи. И на зимние святки личины из берёзовой коры надевали, тоже было. И доселе какие-то отголосочки есть. Но всё уже несерьёзно, на уровне игры.

А посерьёзнее с этими «богами» и нашей, и западной античности было то, что они требовали себе поклонения, часто кровавого. Всесожжения, гекатомбы трупов убитых животных, жертвы человеческие – это всё знаки тогдашних верований. Идолы боялись, их задабривали. Кормились около них ловкие жрецы.

Защищающие язычество говорят о гармонии человека и природы. Конечно, жалко рубить дерево. Но оно и вырастает для чего-то, а не для гниения на корню. Можно и попросить прощения у дерева перед тем, как его срубишь, но всё равно же срубишь.

В первые века новой эры христиане не всегда вежливо обходились с богами и богинями античности. В музеях видны отбитые носы у мраморных скульптур, у Венеры Милосской отбиты руки. Это всё следы борьбы с ложными богами. В Летнем саду, куда Пётр I навёз античные статуи, даже охрану ставили, ибо старухи, и не только, рвались их свергнуть, на них плевали.

И правильно. После грехопадения Ева и Адам сшили себе одежды, прикрылись, застыдились, а тут опять всё на вид выставляют, экая срамота. Любишь, царь, голых бабёнок, дело твоё, но Россию не позорь.

И в целом Россия не приняла античности. Здесь не Европа. Показатель отношения – прекрасная поэма замечательного поэта Ипполита Богдановича «Душенька», которая «во всех нарядах хороша» и из-за которой перессорились все боги Олимпа. Да у них и до Душеньки был сплошной разврат, легко убедиться, прочтя «Мифы Древней Греции», другие мифы. Мифы-то мифами, а влияли на нравственную жизнь разлагающе. Уж если боги такие, так и нам можно.

Когда западное христианство зашло в тупики, тамошние умники спохватились и решили поправить положение. Как? Возродив античность. Этот средневековый период был назван эпохой Возрождения, Ренессансом. Но что возрождали? Возрождали окультуренное язычество, многобожие. Это была эпоха антропоцентризма. Человек во главе угла. А это тупик. Обожение твари вместо Творца. Не ангелы, а пупсики, амурь, культ обнажённого тела. Красота-то телесная, плотская. Отсюда в обществе разврат. Какие боги, такое и возрождение.

Наши духи были поцеломудреннее. Баба-яга, конечно, ссорилась со Змеем-Горынычем, но возникающие проблемы решали без обострения отношений.

Мысль о написании этого материала возникла у меня, когда мы свергали идолов у истока реки Вятки. Скульптуры лесовичков оставили: и резьба по дереву искусная, и похоже, что они вышли из леса и любят начало реки. Но Бабу-ягу, парящую над источником, свергли. Не жгли, не рубили, положили неподалёку. Нашёлся один заступник идолов. Сказал, что это в традициях здесь живущего народа. Но жил ли этот народ, когда возник родник, и кто этот родник, эту реку создал? Весь вопрос в этом.

Природа – не наше, она – Божие создание и достояние. Богом она сотворена и нам подарена для жизни и сбережения. И благодарить за лес, воду, воздух, весну-лето-осень-зиму надо прежде всего Господа. А присваивать себе природу и грешно, и даже преступно.

И самая лучшая наша благодарность – это символ нашего спасения – Крест Христов. Его мы и установили.

Наша Баба-яга, парящая в ступе с метлой над статуей Венеры Милосской, смотрелась бы вполне заслуженно, оправданно и гармонично. Обе они из языческого многобожного мира, долго трудились, пора и на покой. В музее самое место.

А нам надо жить дальше. С Богом.

Проза

Александр Чумиков

Александр Чумиков – журналист и писатель, академический учёный и университетский профессор, альпинист и путешественник.

В художественно-документальной прозе дебютировал в 2008 году с мемуарной книгой «Записки Профессионала». В журнале «Берега» в 2016–2019 годах опубликовал повести «Москва-400», «Кам-са-мол!», «90-е». Эта полижанровая трилогия вышла в 2020 году отдельной книгой в издательстве «Питер». Повесть «90-е. Александр и другие» удостоена Национальной литературной премии «Серебряное перо Руси».

Непал

Винтажный роман

ЧАСТЬ V. ВОПРОС ЗАКРЫТ

Пролог

Джха тор

Грифы большой стаей расселись на земле. Они медленно передвигались на своих лапах с большими затупленными когтями. Грифы слегка взмахивали тёмными крыльями, и тогда становилось видно, какие они широкие. У грифов были гладкие, словно ошипанные, шеи и головы. Когда человек подходил близко, грифы не собирались улетать. Я бросил птицам кусок хлеба. Они не проявили к хлебу никакого интереса, а в ответ на взмах моей руки не выразили ни боязни, ни агрессии. Грифы будто чего-то ждали. Они и вправду ждали...

– Этого парня звали Чунта, – переводил сирдар Ешэ. – А говорит с тобой его отец по имени Галсан. У тибетцев много имён, и каждое что-то означает. «Чунта» означает, что это младший сын в семье. Галсан говорит, что Чунта часто жаловался на недомогание. Но он же молодой, поэтому все были уверены, что никакой серьёзной болезни нет. Потом Чунта не смог носить тяжёлые камни, и его оставили дома ухаживать за скотом. Однако и это давалось ему всё труднее. Однажды Чунта лёг и уже не мог встать. Брат Галсана – дядя Чунты – давно ушёл в монастырь и стал монахом, и Галсан позвал его.

Монах осмотрел Чунту и сказал, что у того болезнь крови и проблемы с печенью. «Посмотрите, – сказал монах, – Чунта пожелтел. Разве вы не замечали этого?» И посоветовал пустить Чунте кровь. Это нужно, убеждал монах, чтобы отделить плохую кровь от хорошей и избавить кровь от ветра. Но, наверное, не нужно было пускать кровь: Чунта не ел два дня, потерял силы, а когда монах выполнил свою процедуру, ослабел ещё больше.

Тогда монах сказал, что Чунта должен десять дней, утром и вечером, повторять мантру: Чуне-До-Алма Рунг-Нинг. На одиннадцатый день Чунта почувствует прилив сил и выздоровеет. Чунта повторял мантру два дня, а на третий день уже не смог. На четвёртый день Чунта умер.

Галсан посадил Чунту возле дома и позвал ламу. Лама целые сутки читал возле него молитвы из Книги мёртвых. Молитвы нужны, чтобы помочь душе пройти через бардо – состояние между смертью и возрождением. Всего есть сорок девять уровней бардо, и душа должна преодолеть каждый из них. Следующие два дня лама не читал молитвы, но душа продолжала уходить. Через три дня, когда душа окончательно покинула тело, пришло время произвести джха тор...

Мы сидим в простом, а скорее примитивном, каменном доме, в котором даже нет стёкол. Если не топить, то здесь всегда будет холодно. В Королевстве Ло – Мустанге все живут в каменных домах без стёкол; с печками, которые топят дровами или сухим навозом. Но и дрова берегут, потому что

дров мало: большие леса расположены ниже Мустанга. И яков – главных поставщиков живой органики – не так много. Крыши домов слеплены из какой-то то ли глины, то ли грязи. В Королевстве Ло нет электричества, телевизоров и телефонов.

Мустанг является частью Непала с тибетской культурой. Жители королевства – буддисты, однако буддизм у них особый, ламаистского толка. Они верят в перерождение человека после смерти. Впрочем, разобраться в буддистских хитросплетениях очень сложно: сами монахи постигают их годами. Поэтому я особенно и не пытаюсь. Виктор Пелевин пытался и, в конце концов, стал использовать не до конца постигнутые религию и философию в художественных спекуляциях. Борис Гребенщиков пытался, да бросил и обратил недополученные сакральные знания в эстетство или шутку...

Приходит человек – его представляют близким другом покойного Чунты. Он взваливает завёрнутого в одеяло Чунту на спину и направляется как раз в ту сторону, где сидят грифы. Это берег реки Кали-Гандаки. Да-да, той самой реки, которую вспоминал мэри Шамони Морис. Опять река Кали-Гандаки! Совпадений накапливается всё больше. На берегу ждёт другой человек. Он в обыкновенной одежде и оснащён несколькими ножами и топориком.

– Что это за человек и что он будет делать?

– Я же сказал тебе: это джха тор. Действие производит специальный человек, называемый рогьяпа, подготовка джха тор – его профессия. Рогьяпа станет готовить тело так, чтобы его удобнее было съесть птицам...

Меня начинает знобить, несмотря на тёплую одежду. Рогьяпа разворачивает одеяло и укладывает тело на траву, выпрямляя безжизненно застывшие конечности. В стае грифов заметно оживление: они передвигаются теперь более интенсивно, издают звуки, шевелят крыльями, но к телу не приближаются. Рогьяпа надрезает тело, рассекает его части ножом. При виде таких операций меня бросает в дрожь и немного мутит. Рогьяпа берёт топорик и рубит. Что, зачем? Сирдар объясняет, что это толстые сухожилия, которые трудно разжевать. Кому? О, ёж ты моё ж!

Меня словно бьёт электрическим током, когда рогьяпа отрезает... – мне и произнести ужасно, что он отрезает, – и бросает эти куски птицам. Они набрасываются на ошметки человеческого мяса и начинают давно ожидаемую трапезу. Лицо рогьяпы не выражает ни жестокости, ни садистского удовлетворения, которое виделось в фантазиях. На лице не содержится также реальной или напускной печали и сострадания. Лицо спокойно, рогьяпа думает о своём. Он просто работает – как мясник, разделяющий тушу свиньи, или повар, занятый приготовлением курицы. Рогьяпа даже напевает что-то себе под нос. Я не могу больше на это смотреть, отворачиваюсь и ухожу. Ешэ идёт вслед за мной.

– Расскажи, что ли, что тут к чему, – выдавливаю я из себя, хотя беседовать совсем не хочется.

– Тебе же говорят, что это джха тор. Сейчас Галсан посвятит тебя в обряд, а я после сделаю некоторые пояснения, – говорит Ешэ.

– «Джха тор» на нашем языке означает «подавание птицам», – рассказывает Галсан, тоже, как и рогьяпа, совсем не опечаленный. – Согласно тибетским верованиям, человек на всех этапах своего земного существования должен стараться приносить пользу, даже тогда, когда душа уходит, а тело умирает. Последнее благое дело, которое может сделать человек, – отдать это тело для пользы других. У нас «другие» – это птицы, они съедят тело, и будут жить, и полетят в небо. И тело вместе с душой улетит в небо. Джха тор – небесное погребение. Так должно происходить со всеми тибетцами, кроме Далай-ламы и Панчен-ламы. Их тела после смерти сохраняются. Я слышал, что их бальзамируют и покрывают золотом...

Галсан закончил и приглашает нас в дом попить чаю с лепёшкой-чапати, кашей и сыром. В чае плавают ячий жир. Ешэ говорит, что это очень хорошее угощение, жители Мустанга употребляют такой набор далеко не каждый день. При виде жира я вспоминаю только что прошедшие перед глазами «картинки», и меня начинает мутить ещё больше. Достая из рюкзака двухсотграммовую фляжку кукри-рома: приходится привыкать к напитку, которому вполне можно присвоить придуманный для другого питья слоган «Пей легенду», поскольку виски в Непале стоит довольно дорого. Выпиваю фляжку целиком прямо из горлышка. Галсан безучастен к моему поступку, Ешэ смотрит с пониманием и кивает головой. Я вроде бы прихожу в себя и даже расслабляюсь. Ешэ видит это и начинает обещанные пояснения.

– У джха тор есть несколько причин. Одна из них носит религиозный характер. Такое отношение

к телу умершего не есть неуважение. Просто буддисты уверены, что тело теперь превратилось в пустой и ненужный сосуд; природа может его спокойно забрать. Но она его не заберёт сразу: тело долго разлагается. И звери не заберут, здесь поблизости нет зверей, способных унести тело. А птицы могут съесть его очень быстро! Таким образом, тело уничтожается без следа; буддисты считают, что в этом случае душе легче покинуть тело, чтобы найти себе новое пристанище.

Вторая причина вполне земная. В Тибете и Мустанге земля слишком твёрдая и каменная, чтобы рыть могилу. Возможно, его могли бы сжигать, как это делают в Индии и в большей части Непала. Но у нас очень мало топлива, дерева не хватает на нормальный обогрев. Можно, конечно, просто сбросить тело в реку. В некоторых местах так и поступают, но не в Королевстве Ло. Джха тор выступает практичной альтернативой этим способам...

У меня остаётся вопрос, но я боюсь его задать, поскольку страшновато: опьянение в холоде выпаривается, и опять начинает подкрадываться дрожь. Я наморщиваю лоб и двигаю губами. Ешэ понимающе смотрит на меня, улыбается и говорит:

– Я знаю, о чём ты хочешь спросить. Но боишься. У тебя есть ещё кукри-ром? Тогда глотни, и пойдём посмотрим...

Да, я хочу спросить именно об этом: куда деваются кости. И мы снова идём на берег Кали-Гандаки. Кукри-ром помогает мне без конвульсий пережить зрелище обглоданного черепа и кучи костей. Но их почему-то не так много. Вскоре становится понятно, почему. Птицы не могут склевать кости. И рогьяпа аккуратно дробит их молотком, превращая почти в порошок. Рядом лежит мешочек с цампой. Рогьяпа смешивает костяной порошок с мукой и бросает грифам, многие из которых уже насытились. Несколько грифов поднимаются в воздух и парят над рекой. Они подыскивают себе новую добычу.

ГЛАВА I

Звезда и смерть

Откуда пошло это одновременно высокое и печальное сочетание – «звезда и смерть»? Полагаю, что оно возникло и хорошо прижилось в России, а вернее, сначала в Советском Союзе, как раз в тот период, когда я начал копить свои мысли и впечатления, – 70-е годы прошлого века. «Прилетели» слова вовсе не из Непала, а совсем с другого континента – из Латинской Америки.

Старшее поколение помнит события 1973 года, связанные со свержением в Чили лидера левых сил президента Сальвадора Альенде и приходом к власти правых военных во главе с генералом Аугусто Пиночетом. Мы, то есть СССР, вместе со «всем прогрессивным человечеством» развернули широкую кампанию с критикой «кровавого режима» и в поддержку репрессированных чилийских коммунистов. И вот тогда-то советские идеологи вспомнили про поэта Пабло Неруду, который, по стечению обстоятельств, умер в сентябре 73-го, через двенадцать дней после переворота. Неруда считался прогрессивным, боровшимся за всё хорошее против всего плохого, а его поэзия была удостоена в 1971 году Нобелевской премии по литературе.

Какие же конкретно произведения получили столь высокую награду? Речь шла о совокупности стихов, но наши дотошные «поисковики» решили посмотреть повнимательнее и наткнулись на драматическую кантату с названием по-испански «Fulgur y muerte de Joaquín Murieta» – первоначально её перевели на русский язык как «Сияние и смерть Хоакина Мурьеты». Сюжет произведения может быть назван коммунистическим с большой натяжкой. В середине XIX века простой латиноамериканец Хоакин Мурьета едет в Калифорнию, где началась «золотая лихорадка», и становится старателем. «Белые» рейнджеры нападают на посёлок «цветных» золотодобытчиков, насилуют и убивают жену Хоакина крестьянку Тересу.

Мурьета становится разбойником и мстит. Он скачет на коне, стреляет, держит в страхе всю округу, вершит расправу над белыми гринго, творящими беззаконие; помогает бедным. Однажды Хоакин приносит розы на могилу покойной жены, а рейнджеры устраивают на кладбище засаду. Они убивают Хоакина, а потом, чтобы не воскрес, отсекают ему голову. В общем, речь идёт о «сиянии и смерти» разбойника, которого, опять же с натяжкой, называли в советской прессе местным Робин Гудом. Текст кантаты на русском языке опубликовали в журнале «Иностранная литература».

Тут бы конец истории с её последующим затуханием и забвением, тем более что и борьба за коммунистические идеалы, и диктатор Пиночет остались далеко в прошлом. Но... началось даже и не продолжение, а, я бы сказал, старт. За сюжет взялись творческие люди, и в 1976-м на сцене московского Театра имени Ленинского комсомола поставили одну из первых в СССР рок-опер, где слово «сияние» заменили на «звезду», и получилось «Звезда и смерть Хоакина Мурьеть». Мюзикл произвёл настоящий фурор в театральном мире Страны Советов, спектакль побил все рекорды по посещению зрителей и долгие годы, включая время новой России, не сходил со сцены Ленкома.

Но главное для меня – а равно и ответ на вопрос, почему ухватился за эту фразу, – в том, что мы часто, на подсознательном уровне, задумываемся о пути человека в жизни, используя именно эти и похожие слова. Последнее, конечное из них – всегда «смерть», неизбежное и всеобщее завершение жизни; а первое, начальное – собственно «жизнь», или «сияние», как у Неруды, или «мечта», «миссия». Но лучше всего «звезда» как символическое обозначение наших стремлений, а если повезёт, реализованных желаний, достигнутого успеха.

Что стало звездой героев нашей книги? Звезда здравствующего Тенцина служит людям, освящает смыслы; излучает любовь и сострадание. Путь к звезде вечен, а смерть предстаёт лишь физиологической формальностью, а вовсе не сожалением о чём-то несбывшемся. Дорогу к звезде, несомненно, продолжают последователи.

Высоко взшла звезда Дипа: он стал принцем, главнокомандующим армией; повезло ему и в настоящей любви. Но смерть обернулась бесславным крушением всего достигнутого. Звёздный путь безнадежно закончился, и никто его не продолжит.

Однако оба пути, и королевского наследника, и духовного наставника, как бы они ни завершились в реальности или в предположениях, были predeterminedены заранее избранностью этих исторических персонажей. Другими словами, они изначально помещались в течение, по которому следовало плыть к звезде. Тенцин так и поступал, а Дип решил двигаться против течения и даже повернуть реку жизни вспять.

Звезда учителя, а затем повстанца Кеша – иная, не дарованная судьбой, а ставшая совокупностью обстоятельств. Перед ним будто бы развернулось небо со звёздами, живыми и мёртвыми, с согревающими светилами и разрушающими метеоритами. Увидев одну звезду, Кеш стал учителем, что само по себе означало избранность в бедной крестьянской стране. Но счастливую звезду закрыла звезда несправедливости, и человек начал искать новое светило правды и борьбы в другом созвездии. Эта звезда поманила и даже потешила самолюбие, сделала Кеша авторитетным командиром повстанцев и... потухла.

Меньшинство людей оказывается в положении Дипа и Тенцина, когда, при всей значимости собственных достоинств, воли и труда, стоит лишь двигаться обозначенным свыше путём. Но огромному, подавляющему большинству достаётся удел Кеша – неочевидный и длительный путь выбора своей звезды и следования к ней вместе с напряжённым трудом и преодолением отвлекающих соблазнов.

Именно такой путь – не predeterminedенности, а «совокупности обстоятельств» – и развернулся перед Володей, который впервые предстал у меня Володей-младшим, а на других страницах и теперь будет фигурировать как просто Володя. Конечно, что-то для развития человека закладывает и географическое место его становления, и родители, и окружающая атмосфера. Что было у него? Про место – Чебоксары, столицу Республики Чувашия, и чебоксарскую школу сказать особенно нечего: жил и жил, учился и учился. А вот про отца, наверное, есть что. Родитель по национальности был чувашем, и Володя, Владимир Леонидович, унаследовал во внешности характерные черты этого этноса.

Леонид директорствовал на местных заводах – «Чувашкабель» и электроизмерительных приборов. Это способствовало технической ориентации Владимира в жизни, что реализовалось на практике: я уже упоминал, что парень стал студентом Физтеха – Московского физико-технического института, одного из ведущих ВУЗов СССР, а потом работал в московском же научно-производственном объединении «Энергия», тесно связанном с космонавтикой.

Позже говорили, что якобы Володя «заболел горами» ещё в школе, в 1967-м, когда на экраны вышел фильм Станислава Говорухина «Вертикаль». Но в этом случае следует признать, что все мы также «заболели», поскольку очень любили другого Владимира, автора песен для фильма, которого

власть в то время «зажимала». На полузакрытые концерты Высоцкого попасть было трудновато, поэтому слушать барда его многочисленным почитателям приходилось путём воспроизведения многократно скопированных магнитофонных записей со слабо различимыми словами. И вот прорыв: четыре «горных» песни Высоцкого – «Парня в горы тяни, рискни», «Ведь это наши горы», «Альпинистка моя» и «Лучше гор могут быть только горы» – прозвучали в фильме в исполнении автора, а затем появились на гибкой грампластинке массовым тиражом. Но заболеть-то мы заболели, однако в горы не полезли, в том числе и наш Володя: ни песенных вершин, ни альпинистских традиций близости не оказалось.

Другое дело Физтех: в институте работала популярная альпинистская секция спортивного общества «Спартак», именно отсюда Володя и начал свой путь к звёздам – реальным небесным как инженер-программист космических аппаратов и метафорическим горным в качестве восходителя. Уже на младших курсах совершил свои первые восхождения в кавказских альплагерях и после этого заниматься альпинизмом уже не прекращал, став в двадцать пять лет мастером спорта СССР.

Здесь возникает закономерный вопрос: а как же работа? Ну, знаете, в альпинистской среде ходила тогда следующая шутка: «Если альпинизм мешает работе или учёбе, надо бросать... работу или учёбу». Многие так и делали. Статистика советского времени, а собственно говоря, только в это время она, применительно к альпинизму, и велась, показывала: одна часть восходителей – люмпенизированные элементы, «числившиеся» на работе либо подрабатывавшие в межсезонье; другая часть, напротив, высокоинтеллектуальная, с большой прослойкой кандидатов и докторов наук. Почему так? А вы порассуждайте и, возможно, самостоятельно придёте к любопытным выводам.

Володе удавалось держаться в середине: способный математик, он занимался разработкой программ для бортового компьютера космической станции «Мир». Как ценного кадра, парня не выгоняли и даже ценили.

– Долго я совмещал горы и космос, – вспоминал альпинист, – удавалось убеждать руководство в важности моих путешествий, и меня отпускали в экспедиции. Но случалось так: я в отпуске, а в космосе сбой по моей части. Где Владимир? В горах... Немедленно доставить сюда! А если он на восхождении? Делайте что хотите: посылайте самолёт, вертолёт, снимайте с маршрута. Надо срочно помочь космонавтам на борту!

В общем, балансировал между работой и увлечением. Тут важно упомянуть вот какую немаловажную деталь: где космос, там секретность. В советское время из-за этой детали Володя пребывал в статусе невыездного, что также держало его на работе. То есть в наши советские горы ходи, а в зарубежные – ни-ни. К моменту возникновения новой России «занавес» открылся, а увлечение альпинизмом превратилось для уже зрелого человека и горвосходителя в главную часть жизни. И шутка сделалась былью...

Итак, отец определил «техническую ориентацию». Кто и что сформировали направленность горную? Песни Высоцкого, альпсекция в институте – понятно. А люди? «Да-а, были люди в наше время...» Они вообще-то существовали в любое время. И сейчас есть. И у Володи имелись свои авторитеты, в прошлом и настоящем.

Рождённый в начале XX века Виталий Абалаков, в 70-е, о которых мы пока говорим, в горы по-серьёзному ходить перестал. Но с молодёжью встречался, придумывал альпинистские приспособления, а касательно консультаций – так даже помогал будущим восходителям на Эверест в 1982-м. Но, думается, не этим привлёк Виталий Михайлович – заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР, руководитель первой советской экспедиции на пик Ленина – внимание Владимира. А чем? Я, кажется, упоминал такое качество целеустремлённых восходителей, как волю, а проще и точнее – упёртость. Так речь о ней. Соседствующей, применительно к Абалакову, с терпением выше среднего и аскетизмом.

В 1936-м, во время экспедиции на Хан-Тенгри, альпинист в результате обморожений потерял тринадцать пальцев рук и левой ноги, стал инвалидом первой группы, но восхождения продолжал. Всё? Не только не всё, а почти что ничего. Потому что в печально знаменитом 38-м Абалаков был арестован органами НКВД как «немецкий шпион». За что? Как за что – за сотрудничество! С немцами? Конечно, несмотря на то что мы с ними тогда дружили! «А до войны вот этот склон немецкий парень брал с тобою» – помните-нет? Ладно, позже напомним.

Так вот. Мало того что два года, до 1940-го, альпинист отсидел в тюрьме. Мало того что выбили зубы, и последующую жизнь Виталий Михайлович «щеголял» железным ртом. А много – это когда вспомнили чекисты про отмороженные пальцы и били по оставшимся, с тонкой живой кожей фалангам палками-дубинками. Терпел. И даже через шестнадцать лет, в 56-м, руководил первой советской экспедицией на пик Победы. Он же, как и Володя, был технарём – другой вряд ли смог бы работать с верёвкой, молотком, крючьями без пальцев. Помните француза Мориса? Он подобного не сумел и после обморожений и ампутаций завершил занятия альпинизмом. Но у Абалакова получалось. Причём его наука осталась не только в воспоминаниях друзей, но и в учебнике «Основы альпинизма», переведённом на многие языки.

Но ведь может человек в трудные, экстремальные моменты давать слабинку? Может. Виталий Михайлович не давал. И Володя не давал. Никогда.

В качестве авторитетов он называл и современников. В 1997-м, накануне... Володю спросили о пятёрке лучших восходителей. Переходя к ответу, думаю, что, коль скоро я упомянул по имени-отчеству-фамилии Виталия Михайловича Абалакова, стоит и с другими из Володиного «списка» поступить аналогично.

Итак, оценка:

– Лет восемь назад я однозначно назвал бы первым номером Рейнхольда Месснера. Сегодня картина сложнее: есть небольшая группа лидеров, которые в наши годы значительно опережают других по числу пройденных «восьмёрок» (восьмитысячных вершин. – *Авт.*). Это наш Анатолий Букреев – родом с Урала, это швейцарец Эрхард Лоретан, это Карлос Карсолио из Мексики, поляк Кшиштоф Велицки, Роб Хоул из Новой Зеландии...

Мы вроде начали разговор со звезды и смерти, верно? Значит, давайте посчитаем, сколько звёзд у каждого из героев этого рейтинга – а они реальные герои, – взяв за звезду один восьмитысячник из четырнадцати существующих на планете. С одной стороны, ответ не эксклюзивен: Месснер первым в мире покорил все 14, Лоретан – третьим, Карсолио – четвёртым, Велицки – пятым.

Не совсем понятно, почему Володя не назвал «второго четырнадцатизвёздного» – польского альпиниста Ежи Кукучку.

Совсем понятно, что место в этом рейтинге не определяется – и чем дальше во времени, тем больше – «простым» количеством звёздных пиков. Пока заметим, что Букреев покорил «всего одиннадцать» восьмитысячных вершин, однако Месснер – альпинист номер один в прошлом, именно Анатолия называл первым номером нового времени. Впрочем, для обычного читателя этот факт вряд ли что прояснит. Но скоро мы попробуем добавить ясности.

Холл тоже не поборол все гиганты, но стал первым человеком с Запада, побывавшим на вершине Эвереста четыре раза.

Вот столько каждый из альпинистов поймал звёзд, а для покорителей всего 14-звёздного перечня вершин существовал ещё и такой титул, как «обладатель короны Гималаев».

Но рядом со звездой обязательно существует смерть, и рекордов она не предполагает, поскольку приходит к человеку всего один раз. Все перечисленные мужчины – а это были настоящие мужчины – допускали смерть на восхождении, и кого-то она настигала на горе, а других обходила стороной.

Первый, Рейнхольд Месснер, к моменту написания нашей книги жив и здоров.

Второй, Ежи Кукучка, погиб в результате обрыва страховочной верёвки во время штурма гималайского восьмитысячника Лхоцзе. Сорвался и летел вниз почти два километра. Упал в ледниковую трещину у подножия стены, тело не найдено.

Третий, Эрхард Лоретан, работал в свой собственный день рождения в родных Альпах, на невысокой по гималайским меркам, но технически сложной вершине Грос-Грюнхорн. Клиентка Эрхарда потеряла равновесие на гребневом участке маршрута, упала и сдёрнула Лоретана за собой. Сама получила тяжёлые травмы, но осталась жива. Эрхард пролетел 200 метров и погиб.

Четвёртый, Карлос Карсолио, жив.

Пятый, Кшиштоф Велицки, тоже.

Виталию Михайловичу Абалакову, несмотря на все пройденные к звёздам тернии, Бог дал долгую жизнь: альпинист умер своей смертью в возрасте 80 лет.

Анатолий Букреев и Роб Холл... О них поговорим в следующей главе, а пока вернёмся к Володе. Ряд его восхождений я уже описал. В них присутствовали приключения, драматизм, трудности и

даже трагедии. Однако, с точки зрения «упёртых» альпинистов, они считались, как бы странно это ни выглядело, не запредельными, а нормальными. Ну, разве что эпизод с шаровой молнией выбивался из общего ряда. Теперь поговорим о восхождениях ненормальных – и это мягко говоря.

Земля большая. Теоретически в любой её точке, в любой стране и в любое время у кого-то могла появиться идея восхождения на Эверест – высшую точку земного пространства. Но почему в 1996-м она родилась в Индонезии – вряд ли кто ответит. Тем не менее идея возникла, а её реализацию курировал лично президент Сухарто. «Сначала было слово». Именно так. Его президентское и генеральское слово. Но когда очередь дошла до дела, встал вопрос о тех, кто поможет индонезийцам достать желанную звезду. Выбор пал на нескольких опытных клаймеров-россиян, среди которых лидировал Володя.

У президента-генерала, находившегося у власти почти тридцать лет, всё происходило по-генеральски. Отобрали сорок военных суперменов из элитного спецназовского подразделения. Бойцы были молоды, прекрасно подготовлены физически, мастерски владели приёмами рукопашного боя и многими видами оружия. Но... ни разу в жизни не видели снега; не знали, что такое ледоруб, кошки, крючья, зажимы. Однако президент поставил задачу, и следовало её выполнять.

– Мы отобрали сорок лучших ребят, они способны на всё, – говорил Субианто, командир отряда, тоже, как и президент страны, в генеральском звании.

– Да, отлично, но нужна тщательная подготовка, – добавляли наши ребята.

– Не надо никакой подготовки, это спецназ! Они всегда готовы с честью выполнить любой приказ, что неоднократно доказывали! – уверенно парировал генерал.

Задача убеждения оказалась даже более трудной, чем финансирование экспедиции, – здесь как раз никаких сложностей не возникло, но в итоге индонезийское руководство последовало советам профессионалов, и подготовка началась. Володя с товарищами повезли команду на родной Эльбрус, и на российском Кавказе, как и предполагалось, выявились первые проблемы. Важнейшей из них стало пребывание на высоте и в холоде людей, вся предыдущая жизнь которых прошла во влажном экваториальном климате. Затем последовал выезд в Гималаи, на несколько месяцев, и проблемы адаптации обострились сильнее. На заключительном этапе из сорока человек отобрали... десять. И этот, и последующий отбор сопровождались дискуссией с индонезийским руководством – начальники отказывались понимать столь жёсткие требования наших гидов и рассуждали просто: солдатам приказано взять вершину, и они это сделают.

В промежутках между тренировками Володя прилетал в Москву, мы встречались, он чесал затылок и кулуарно признавался, что очень сомневается в успехе индонезийской экспедиции. Но что делать: и доверие, и солидный гонорар надо оправдывать...

Пытаясь достичь обеих целей и уменьшить риск для неопытных индонезийских участников, Володя «порезал» и десятку избранных, допустив к штурму лишь троих, самых приспособившихся к высоте членов команды. Смотрите: сорок – потом десять – в итоге только трое. И сколько шансов на успех? Мало шансов, мало.

Но Володя был не только технар, но и отличный стратег. Принявший на пути к заветному пику экстраординарное решение: поставить резервную палатку прямо в «зоне смерти», на высоте 8500, в 350 метрах от вершины. Никто ранее не решался тратить силы экспедиций на установку столь высокого и реально смертельного лагеря на Эвересте. Однако последующие события показали, что именно эта задумка спасла жизнь «великолепной шестёрке»: трём индонезийцам и тройке наших гидов...

В дальнейшем официально озвучивалась информация о том, что три индонезийских офицера мужественно и победно покорили «Мать – Богиню Мира», как называют Эверест жители Тибета. В реальности же, чаще «по секрету», наши ребята рассказывали следующее.

– Под вершиной, буквально в ста метрах от неё по высоте, индонезийцы «сдохли»...

Прерву повествование для резонёрствующих «смельчаков»: сто метров – чего там... Я видел людей, которые не доходили ста, пятидесяти, тридцати метров до вершины пятидесяти тысячника и шестидесяти тысячника и отказывались подниматься дальше. Я был рядом с этими людьми. Почему они «сдохли» – объяснять бессмысленно: поймёт тот, кто попробует! Я не был рядом с людьми в тот момент, когда они говорили «всё» или падали без сил и без слов за сто метров до вершины Эвереста. Но эти альпинисты вызывают у меня понимание и безграничное уважение – они боролись до предела своих возможностей, а дальше, значит, не могли...

– Мы не могли их поднять. Но и не могли потом просто соврать, что, мол, все взошли. Мы решили поднять одного. Как? Как придётся. Сравнить обессиленного восходителя с безжизненным стокилограммовым мешком некорректно: человек всё-таки шевелит немного руками и ногами. Но рассказать о внятной системе подъёма тоже вряд ли получится. Как-то подняли. Потихоньку. Шаг за шагом. «За маму, за папу». Будем считать, что он взошёл.

– Так сколько индонезийцев поднялось на вершину?

– Так я же говорю, трое!

– А может, отдохнули бы немножко и... стало бы трое?

– О чём ты говоришь? Часы показывали невозможное, смертельное, убийственное время – три часа дня. При жёстких рекомендациях покинуть вершину до двенадцати, дальше вариант гибели увеличивается с каждой минутой.

– И?

– Нас спасла эта самая «стратегическая», крошечная, но с кислородом и горелкой аварийная палатка, в неё мы и набились на высоте 8500. Но тут возникла новая проблема: индонезийцев-то было действительно трое. И нас трое. А резервного кислорода только два баллона, а свой у всех закончился. Про сон и кислород для себя мы вообще не думали – лишь бы помочь бойцам. Речь шла не о комфорте, а буквально о жизни и смерти. Индонезийцы – то один, то другой – впадали в невменяемое состояние: с криками, молениями, плачем, ударами карате по воображаемому противнику, попытками выбраться из палатки. А мы поочерёдно давали им кислород, загребали возле палатки и топили на горелке снег, поили их горячей водой. Они пытались сунуть руки прямо в пламя горелки, приходилось оттаскивать...

Когда все спустились в базовый лагерь, к индонезийцам подлетели корреспонденты. Но восходители физически не могли говорить, они изъяснялись малопонятным шёпотом. Наши были тоже утомлены, но вполне дееспособны и даже с выраженными желаниями. Камера зафиксировала Володю, к которому журналисты обращаются за комментариями, а он отвечает: «Да брось ты камеру, пива! Пива давай!»

В Катманду участников экспедиции ждали уже семнадцать прилетевших из Джакарты генералов. Они искренне удивлялись, что взошли только три человека. Почему? Ведь был же приказ! Наши подробно объясняли ситуацию. Генералы слушали и понимающе кивали головами. А потом спрашивали: «Так почему только трое?»

Володю объявили национальным героем Индонезии. Вручили орден. Передали приглашение стать, вместе с семьёй и товарищами, почётным гостем президента Сухарто. И закатали банкет в Катманду, который продолжался... больше недели. Наверное, с учётом будущих грандиозных планов, следовало уклониться, воздержаться, ограничить... Следовало. Как и его кумира Абалакова, Владимира отличала упёртость. Но, в отличие от Виталия Михайловича, он не слыл аскетом – скорее, он был жизнелюбом. И это сыграло свою последующую роль...

В Индонезию, в гости к президенту, альпинист не полетел. Ждала новая звезда, никем пока не достигнутая звезда-мечта – она подогревала амбициозное стремление прекратить борьбу за место в «звёздном списке» и вырваться за его пределы. Стать первым. Самым первым среди всех первых...

А теперь ненадолго отвлечёмся от вполне правдоподобной, но всё-таки художественности, и прикоснёмся к реальной географической действительности. Впрочем, и она содержит как очевидности, так и загадки. Применительно к нашему повествованию одна из загадок берёт начало с многократно произнесённой цифры «четырнадцать».

Давно признано, что на планете Земля находится ровно столько гор высотой более восьми тысяч метров. Но так-то оно так, если не принимать во внимание тот факт, что горные массивы – не кремлёвские башни, и часто гора венчается не одним звёздным пиком, а несколькими. И если посчитать все восьмитысячники, то их окажется больше четырнадцати. Например, рядом с Канченджангой Главной (8586 м) находятся Канченджанга Южная (8491 м), Канченджанга Средняя (8478 м) и Канченджанга Западная (8505 м). Но в списке из четырнадцати вершин присутствует лишь одна, самая высокая Канченджанга.

В таком случае, сколько же в мире восьмитысячников? В задачу автора не входит такого рода подсчёт, нас интересует только один массив, а именно Лхоцзе. Здесь тоже не одна, а три ярко выраженных вершины: Лхоцзе Главная (8501 м), Лхоцзе Средняя (8414 м) и Лхоцзе Шар (8386 м). Сужа-

ем фокус поиска дальше и останавливаемся на Лхоцзе Средней. Почему всё-таки она? Потому, что к 1997 году, на котором остановилась наша история, именно эта вершина значилась в Книге рекордов Гиннеса как наивысшая точка планеты, куда не ступала нога человека. Нашим восходителям нравилось называть её пятнадцатой «восьмёркой», да и мировое альпинистское сообщество сошлось во мнении, что да, это – последний непройденный восьмитысячник. На фотографии, сделанной с вершины Эвереста, он виден явно: выраженная остроконечная вершина-конус, большая заточенная игла с пучком меньших конусов-игл, блистающих острыми, покрытыми льдом гранями карнизов.

Вот на эту звезду и замахнулся Володя. Не он один, конечно: к 97-му несколько экспедиций пытались взять запредельно трудную, но от этого и чрезвычайно привлекательную, престижную вершину, однако безрезультатно. Более того: участники этих экспедиций не могли сказать точно, по какому маршруту гору в принципе стоит штурмовать. Лхоцзе Средняя находится рядом с Эверестом в Главном Гималайском хребте и надёжно закрыта от восходителей вершинами Лхоцзе Главная и Лхоцзе Шар. Пик в обе стороны обрывается крутыми отвесами, пройти которые практически невозможно. Поэтому идея Владимира заключалась в том, чтобы попасть на Лхоцзе Среднюю через одну из соседних вершин.

Представим себе гигантскую трёхзубую пилу. Чтобы забраться на зубец в середине, надо сначала одолеть зубец справа, потом спуститься на гребень и снова подняться, уже к новой цели. Но и этого мало: надо ещё и вернуться обратно – тем же путём. В целом предстояло пять суток работы на запредельных высотах, в той самой «зоне смерти». Добавим: столько потребуется спортсмену идеальной формы в условиях отличной погоды. А при отсутствии одного из слагаемых?.. Володя пошёл на это восхождение. Давайте вспомним, что было к тому времени в его восьмитысячном альпинистском активе.

Про Аннапурну-91 и Эверест-93 мы уже рассказывали. То, что Владимир сделал дальше, не имеет аналогов в мировой практике альпинизма. Май 95-го – Дхаулагири. Май 96-го – Макалу. Сентябрь того же года – Чо Ойю. Октябрь – Шиша Пангма. Арель 97-го – Эверест с индонезийцами. И вот теперь, в мае – Лхоцзе. Итого с мая 96-го по май 97-го пройдено пять восьмитысячников, все без кислорода. Надеюсь, что вопрос о сумме звёзд на «мундире» альпиниста стал читателю пояснее. Равно как и то, что дело в общем-то не совсем в количестве. А в том, что никто кроме него!

– Мы думали, что отдых после штурма с индонезийцами принесёт положительный момент, – вспоминал Анатолий, товарищ Владимира. – Получилось наоборот. Спустившись вниз, в Катманду, после тяжёлой, громадной работы, мы резко сбросили высоту и пребывали в бездействии двенадцать дней. Это всё равно, что на полном скаку остановить лошадь. Или машина у тебя мчится со скоростью 130 километров в час, а ты резко затормозил – что с машиной станет? То же самое случилось и с нашими организмами...

Всё было очень похоже, и у меня, и у Володи. Я шёл на Лхоцзе с группой иностранцев, но мы поддерживали связь с русской экспедицией. В лагере на высоте около 7500 метров мы с Володей пересеклись. Я спросил у него, как дела. Он ответил, что плоховато себя чувствует. Я, говорю, тоже не в порядке, не в том состоянии, в котором хотелось бы находиться. Буду работать по самочувствию. То же самое прозвучало и от него.

В следующий раз я увидел Володю уже возле вершины. Смотрю, снимает фильм...

Вставлю в это повествование собственные и нетрагические «пять копеек». В свою первую гималайскую экспедицию, куда меня позвал Володя, я, естественно, взял видеокамеру. С полностью заряженным аккумулятором и ещё одним запасным. Первого хватило где-то на час съёмки. А второй, который я подсоединил на высоте за пять тысяч метров, сник через десять минут. Как же так, выходит, знаменитая фирма Sony нас обманывает своей рекламой?

– А ты где аккумулятор держишь? – спросил Владимир.

– В рюкзаке, где же ещё!

– Э-э-э, дорогой, ты не прав. Надо на груди, под свитером, а лучше – в трусах!

Он не шутил. И с самых сложных восхождений привозил с собой отснятые видеокассеты – тогда понятия «цифры» не существовало.

Есть и другой момент. На сложном участке маршрута снимать крайне трудно. Как вы будете это делать, когда в руке ледоруб, молоток, верёвка? Или всё вместе взятое? Володя «убегал» вперёд, находил устойчивую площадку и снимал...

– Казалось бы, если снимает – значит всё нормально, – продолжал рассказ Анатолий. – Но с Володей не так: он всегда в себе, никогда не афиширует слабость; никогда не скажешь, в какой он кондиции на самом деле. Перекинулись с ним словами.

Я ему честно признался: «Что-то упываю из реального мира, плохо мне, то ли акклиматизацию потерял, то ли болезнь. Если на спуске увидите, что лежу где-то в снегу, не удивляйтесь». О помощи не просил. Чего просить – у них своих проблем хватает.

Володя мне говорит: «Слушай, у меня ночью была температура, я плохо себя чувствовал».

«А как сейчас?»

«Вроде нормально, только очень большая слабость. Вы проходите, я всё равно буду ждать, пока все спустятся с вершины...»

Видно было, что ему нехорошо. Но слабый человек, когда ему плохо, он не сможет работать, не будет подниматься. А сильный будет. Поэтому у сильного человека риск погибнуть на высоте гораздо выше, чем у слабого. У слабого барьер срывается, и он не идёт дальше, а сильный перебарывает себя.

Поднявшись на вершину, потом чуть приспустившись и ожидая других, Володя вынужденно задержался на высоте, и это усугубило его состояние. Когда стоишь, становится вроде бы полегче, но это обманчиво: реально упываешь и перестаёшь адекватно оценивать ситуацию...

Другой товарищ, Сергей, участник Володиной группы, нашёл альпиниста сидящим на камне всего в нескольких десятках метров от вершины.

– Я остановился и стал уговаривать Вовку встать и идти. Он меня слышал, но вместо движения, которое в той ситуации в буквальном смысле есть жизнь, только повторял: «Дайте тёплое питьё – чай и кислород». Но откуда у меня чай? Я понял, что Володя сам не дойдёт, связался по рации со штурмовым лагерем и попросил помощи. Вскоре получил ответ, что двое вышли. А один парень, который быстрее всех забежал на гору, отказался. Да, считается, что в «зоне смерти» каждый отвечает только за себя, что говорить о взаимовыручке в условиях, несовместимых с жизнью человека, нельзя. Но я его осуждаю. Нечего бегать на скорость, если у тебя нет сил, а главное, мужества, чтобы выйти на помощь из тёплой палатки. К тому же есть кодекс чести альпиниста, в СССР его знали все люди, которые ходят в горы. Главная заповедь: вершиной стоит пренебречь, если на кону жизнь человека. Сам погибай, а товарища выручай – ничего нового. Я этого и придерживаюсь...

Сергей почти волоком потащил Володю вниз. Почувствовав, что замерзает, оставил товарища на склоне, пристёгнутым к верёвке на высоте около 8000 метров, и полуживой добрался до палатки. По словам Сергея, он чувствовал, что через час может умереть сам.

Обессилевшие альпинисты, преодолевая себя, добрались до Володи и принесли кислородные баллоны. Пять часов он дышал живительным газом. Но кислород не помог. Видно, отказало сердце. У этого человека воля всегда бежала впереди сердца, а сейчас унеслась так далеко, что оно остановилось. Поняв это, друзья оставили его, а сами вернулись к палатке, чтобы бороться теперь за свою жизнь...

Утром, отдохнув, если ночёвку на такой высоте можно назвать отдыхом, вернулись к телу. Завернули в спальник, отнесли в сторону, оставили на скальной полке. Сил на что-то другое не оставалось...

Незадолго до последней экспедиции Володя рассказывал:

– Как играющий тренер, я иду с командой наверх, несу тот же груз, что и другие, плюс видеокамеру. Часто захожу вперёд, оттуда виднее, легче управлять процессом восхождения. Вижу глаза ребят, слышу их дыхание. Вообще считаю, что руководить сложным восхождением по радио неэффективно. Грамотно руководить. Это как будто из космоса координировать езду на велосипеде. Когда вижу, что человек перегрузился, близко подошёл к опасной грани, поворачиваю его вниз, даже силой! Ничего, там, внизу, поймёт и будет благодарен, что ему жизнь спасли. Но возражения редки: у меня за плечами семь «восьмёрок», люди уважают этот опыт, прислушиваются...

А его остановить было некому.

Через год к Володе поднялась русская экспедиция. Не для того, чтобы спустить вниз и отвезти на родину. Он не хотел этого. Он просил – не когда умирал, а гораздо раньше, – чтобы не спускали, чтобы оставили здесь, в горах. Так и поступили: пришли, простились и завешание выполнили. Чтобы звезда и смерть навсегда были рядом.

ГЛАВА II

Другие придут

У Высоцкого есть об этом:

... Другие придут, сменив уют
 На риск и непомерный труд,
 Пройдут тобой не пройденный маршрут...

Придут, конечно, куда ж они денутся! Туда, где «как вечным огнём сверкает днём вершина изумрудным льдом, которую ты так и не покорил». А если покорил, тоже придут? Естественно.

Кто придёт? Интеллектуалы и люмпены, о ком я говорил чуть раньше? Конечно, придут.

Религиозные фанатики? И они. Помните Мориса Уилсона, не обладавшего никакими альпинистскими навыками, – всё равно замахнулся на целый Эверест.

Или просто «чудики»? Я не раз встречал «нормальных» людей, которые и по поводу меня самого крутили пальцем у виска: мол, парень он ничего, но с некоторым загибом. Да, и просто «чудики» придут. А «нормальные» будут ходить по ровной местности, плавать по ровной воде и летать по ровному небу. «Нормальные» аккуратно залезают на унитаз и столь же осторожно слезают с него: а что, можно навернуться будь здоров и получить травмы, не совместимые с продолжением пьянки. Правильно делают!

Но почему ж мы то и дело встречаем довольно странные фразы типа: «Его (её, их) *восхождение* началось (продолжилось, завершилось)...» Причём фраза «восхождение» может относиться к чему угодно – творчеству живописца, изысканиям учёного, мастерству врача, победам военного. Соответственно, и слово «вершина» приобретает в таких случаях иное значение, отличное от «сверкания изумрудным льдом»: талантливая картина, судьбоносное открытие, успешная операция, выигранный на поле боя.

В поисках адекватной метафоры обратимся к очередному художественному произведению. В 1969 году белорусский писатель Василь Быков написал повесть «Сотников» («Ликвидация»). Любопытно, что спустя сорок четыре года Министерство образования и науки включило признанное и в СССР, и в новой России произведение в список ста книг, рекомендованных для самостоятельного чтения российских школьников.

Если в повести и есть «изумрудный лёд», то исключительно в виде белорусской зимы. Два участника партизанского отряда идут на задание в деревню, чтобы достать продовольствие, одежду, медикаменты. Они не решают ни одной из задач, натываются на полицаев, попадают в плен и подвергаются пыткам. Итог: один из героев преодолевает страх, что даёт ему «почти абсолютную независимость от силы своих врагов», с этим и погибает. Другой осторожничает, идёт на компромиссы и как-то незаметно становится предателем и палачом.

В 70-е режиссёром Ларисой Шепитько по книге снимается фильм, почему-то названный... «Восхождение».

Уже в 2000-е критик написал: «Это история про человека, который мог быть рождён на тридцать лет раньше, который попал в известную всем нам трагическую ситуацию, прошёл через все испытания, сам погибал, сам предавал, сам выживал, сам вычислял для себя формулу бессмертия и сам приходил к тем открытиям, к которым пришёл Сотников».

Получается, что когда мы говорим о восхождении, то речь идёт о пути к вершинам собственного сознания, к своему идеальному кредо. Успех, а скорее высший смысл, на этом пути заключается не в достижении некоторого материализованного пика, не в сохранении жизни, а также и не в смерти, а в последовательности движения, в его реальном соответствии идеально заявленным целям.

Вот почему «другие придут». Другие идут. Другие будут идти.

Вот почему и автор получивших народное признание строк про «других» и про «изумрудным льдом», сыгравший роль радиста в фильме про альпинистов «Вертикаль»; и актриса, получившая там же роль врача, всю жизнь, в разных ситуациях, вспоминали *это* – восхождение, которое они в качестве альпинистов... не совершали.

Как поёт, рассуждая о собственных, далёких от гор восхождениях, *другой* пришедший к нашей теме бард, Виктор Третьяков:

Вот такая, браток, философия,
Да не смотри на меня, как на шизика,
Нет, скажешь, по жизни пособия?
Да это ж просто начальная физика...

Жил-был Фёдор. Нет-нет, не мальчик «дядя Фёдор» – персонаж мультфильма «Трое из Простоквашино», а *другой* Фёдор. Хотя, почему не мальчик? Сначала и мальчик из приморского села. Коль водная стихия рядом, то и тяга к ней, и привычки формируются морские. Закончил мальчик мореходное училище и стал судоводителем. А через некоторое время записал в актив следующее учебное заведение по морскому профилю – арктическое. И получил уже не мальчик, а молодой человек специальность судового механика. Любил Фёдор рисовать: сперва море, а потом и всё остальное. А посему и художественное училище осилил. Так постепенно, пока на учебно-тренировочном уровне стал формироваться характер восходителя.

Морского. Начинать с прохождения на яхте «Чукотка» маршрута Витуса Беринга. Совершенствовал форму восхождения в процессе первого в истории России одиночного кругосветного плавания нон-стоп на яхте «Караана». Потом было ещё три «кругосветки» с внушительным набором мировых рекордов.

Но есть и небо – бескрайнее, загадочное, привлекательное. Как же без неба?! И «завёлся» Фёдор небом. Совершил одиночный кругосветный полёт на воздушном шаре «Мортон». Установил абсолютный мировой рекорд продолжительности полёта на тепловом аэростате «Бинбанк». Показал самое быстрое время кругосветного полёта для аэростатов любого типа.

А что с землёй? Как же без земли! Можно «восходить» по ней на двухколёсном транспорте – например, в ходе трансконтинентального велопробега из дальневосточной Находки в Москву. Или на четырёхколёсном, преодолевая то же расстояние на внедорожниках.

Прекрасный вид транспорта – собачьи упряжки. И Фёдор пересекает на собаках Чукотку, Аляску, Гренландию, Северный Ледовитый океан.

Не обошёл вниманием Фёдор и «кораблей пустыни». Восходитель – а как по-другому можно его назвать одним именем – организует первую в истории современной России караванную экспедицию «По следам Великого Шёлкового Пути».

Можно ли восходить без помощи транспорта? Разумеется! И Фёдор встаёт на лыжи. Трансарктическая лыжная экспедиция СССР – Северный полюс – Канада. Одиночный поход на лыжах к Северному полюсу.

Всё неполное *это* – в двадцати книгах и трёх тысячах картин.

И как незавершённый итог восхождений: Фёдор – первый россиянин и третий человек в мире, выполнивший программу Adventures Grand Slam – Большой Шлем Приключений, а это Северный полюс, Южный полюс и семь высочайших вершин – по числу континентов мира.

Вот о них-то мы и поговорим: сначала возвышенно и даже божественно; а потом приземленно, несмотря на высоту, и по-человечески.

Я не знакомился с Фёдором, но наблюдал его на тусовках, рядом с моими товарищами-альпинистами. Они воспринимали его... ну, не знаю, в общем, не как альпиниста. Без уважения? Не-ет, Фёдора, конечно, уважали. При этом сквозь уважение глубоко в контексте проглядывало: «Ты занимаешься своим делом, своими мореплаваниями? Ну и занимайся, плавай дальше! Зачем тебе чужое поле?» После удачных акций Фёдора в горах тихо, между строк, звучало: «Да затащили...» Короче говоря, альпинисты относились к Фёдору ревностно. Конечно, впервые он зашёл на Эверест в 1992-м, раньше существенно более сильного и опытного Володи, да и многих других. Как такое удалось? Сразу не ответишь. Помогали ему? Помогали. Так что же.

У крутейших гидов мира – организаторов восхождения на эти самые семь вершин – есть хитрейшая фишка. Вот ты спрашиваешь у него: я готов заплатить требуемые пятьдесят тысяч баксов за восхождение на Эверест, но гарантируешь ли ты мне успех? Гид, разумеется, поинтересуется твоим здоровьем, и, если ты обнаружишь заболевания, он за дело не возьмётся. Далее он спросит про опыт. Ты скажешь, что нет опыта. Он порассуждает на тему о том, что это, мол, твоё решение и так далее. А ты опять со своим вопросом: «Так ты гарантируешь?» И он ответит утвердительно. Что же касается опыта, скажет, что его можно приобрести в период подготовки к восхождению.

Получается, плати, собирайся и ступай на Эверест? Получается так. Где же подвох? А подвоха нет. Даже когда ты выбьешься из сил и скажешь, что не способен идти дальше, гид обязательно станет тебе помогать. Но когда ты произнесёшь слова *«не пойду дальше»*, он повторит уже слышанную тобой фразу: *«Это твоё решение»*. Так что диагноз «затащили» к любому восходителю на Эверест не очень подходит – нужна воля. А ещё лучше – вновь обращусь к Высоцкому – «воля волей, если сил невпроворот».

Я читаю дневник Фёдора образца 92-го года.

17 апреля.

«Лежим в палатке с Женей Виноградским и обсуждаем план штурма Эвереста. Завтра выйдем ставить последний лагерь, номер четыре, на высоте 8000 метров. После благополучного возвращения мы всей командой уйдём вниз, в зелёную зону, к монастырю Тянгбоче, на отдых дней на пять. А потом штурм вершины.

Что меня ждёт там, выше восьми тысяч? Сможет ли мой организм выдержать нагрузку на такой высоте? Хватит ли кислородных баллонов? Передвигая жумары по обледенелой верёвке, провожаю глазами летящие рядом камни. Они сыпятся из-под ног Жени. Пробую представить, что будет, если камень попадёт мне в голову. Но на моё беспокойство здесь нет времени.

Под нами более тысячи метров отвесной стены. Стараюсь вовремя увернуться от очередного камня, который так и норовит попасть в меня. По стене справа одна за другой сходят лавины. Холодный ветер со стороны Лхоцзе пронизывает насквозь. Руки заоченели, ног не чувствую вообще, поэтому некрепко держусь на кошках...»

А дальше, смотрите, что Фёдор пишет дальше:

«Я надеюсь на Господа Бога, что он защитит меня. “Ибо Господь, Бог твой, ведёт тебя в землю добрую; в землю, где истоки вод, источники и озёра выходят из долин и гор”».

14 мая.

«Я на вершине Эвереста. Я плачу. Слёзы такие горячие, что не успевают замёрзнуть на ресницах и скатываются под кислородную маску. В этих слезах – печаль, радость и благодарность одновременно. В моих глазах всплыла прошлая картина, как мы шли по гребню от Южной вершины к главной. После того, как прошли скалу Хиллари и до вершины оставалось минут пятнадцать хода, меня обошёл Володя Захаров. Он перестегнул карабин на верёвке, связывающей нас, и пошёл первым. На его кислородном баллоне я увидел, что стрелка манометра стоит на нуле. Значит, баллон пуст и его надо сменить! Я хлопнул Володю по плечу и показал на манометр. Он догадался без слов. Тем более, что разговаривать не было никакой возможности – мы дышали через маски кислородом.

Володя остановился и сел, чтобы сменить баллон. И тут же полетел вниз, на китайскую сторону Тибета. Под Володей оборвался снежный карниз. У меня промелькнула только одна мысль – броситься в противоположную сторону, чтобы он не потащил меня за собой, и тем самым удержать его. Володя повис на верёвке, которую я держал, над пропастью в три километра. Я сорвал маску и крикнул Серёже Пензову, чтобы он быстрее шёл на помощь. Но на такой высоте не разбежишься. Серёжа подошёл ко мне, снял маску и сказал: «А куда спешить? Если он сорвался, то мы уже ничем не сможем помочь». Я со злостью ответил, что у меня натянута верёвка, значит, Володя висит на ней.

Пока мы рассуждали, как помочь нашему товарищу, и дышали воздухом Эвереста, показалась одна, а затем другая рука. А потом на гребень вылез и сам Захар, как мы его прозвали между собой. Мужественный парень и сильный. Без кислорода и чьей-либо помощи выбрался из пропасти. Не каждый смог бы это сделать».

И снова:

«Я уверен – мне помог Господь Бог и те, кто пытался совершить восхождение и погиб в этой борьбе. Они невидимой армией поднялись с ледовых стен Эвереста, чтобы преградить путь смерти: нет, этого парня не трогать! Пусть идёт к вершине! Он ещё не готов прийти к тебе, смерть! Он очень любит жизнь!»

“От Господа направляются шаги человека. Человеку же как узнать путь свой?”

Чтобы узнать свой путь и как идти по нему, надо всё время спрашивать у Бога. Каждый свой шаг, каждое движение сверять с ним.

Я поймал себя на том, что я пуст, что больше нет не только физических, но и душевных сил. Весь мир стал бессмысленным. Появилось ощущение огромной бездны между жизнью и смертью. “Неужели я не спущусь с Эвереста, когда уже вершина позади?” – подстёгивал я себя. И вдруг где-то в далёком уголке моего мозга, кроме пустоты, появилось животное ощущение жизни, напомнило, что я живой и меня ждут впереди земные радости и новые путешествия.

Гималаи – священное место. А Эверест – святыня из святынь. Каждый альпинист стремится попасть сюда хоть раз в жизни. Как христианин мечтает о Иерусалиме, мусульманин о Мекке, буддист мечтает о Лхасе. Если ты не видел Эвереста, твоя жизнь на земле ничего не стоит.

Мой череп трещит по швам, но я не удивляюсь. Всё же высота выше восьми тысяч метров. Кислородные баллоны почти пустые. Передвигать ноги исключительно трудно. Мне хочется сесть и не двигаться. Я стал равнодушен к тому, что в любой момент моя душа покинет уставшее и ооченевшее тело. Такие мысли сверлили мой мозг. И только подошедший Женя Виноградский их прервал.

Он указал мне на далёкую вершину Чо-Ойю – Милость богов. Эта гора меньше Эвереста, но достигает 8201 метра. На неё Женя взойшёл прошлой осенью, оставив лежать мёртвым Юру Гребенюка, погибшего от сорвавшегося камня. Моё шестое чувство – опыт, седьмое – Вера. Великая Вера в жизнь. Восьмое – предугадать, что принесёт следующий день.

Человеку дана жизнь, чтобы она ему служила, а не он ей служил».

31 мая.

«Самолёт ТУ-104. Рейс Катманду – Москва. Приближаемся к Москве. Я ещё не ступил на родную землю, а меня уже охватила тоска по Гималаям, по дням, проведённым на склонах Эвереста. Мне не хочется возвращаться в мир повседневной суеты и рутины. Я оставил товарищей там, в далёком Непале. Я не буду больше делить свою палатку с Женей. Мой сон в городской квартире не будет нарушен грохотом лавин, идущих со склонов Эвереста и Лхоцзе. Я почувствовал, что это конец моих приключений в Гималаях, и настало время сделать выводы: что же я познал для себя при восхождении на Эверест? Достиг ли я своей жизненной цели?

Нет, сейчас рано задавать такие вопросы – слишком всё живо в моей памяти. Я переживаю гибель индийской команды, трудный путь через ледник Кхумбу, где наша работа была словно хождением в церковь – туда и обратно. Переживаю долгую ночь на Южном седле. Там мне казалось, что из-за палатки пустыми глазницами уставилась на меня “костлявая” и не сводит тяжёлого безжалостного взгляда. И ураганный ветер в третьем лагере.

В горах мы не ставили рекордов и не прокладывали первопроходческих маршрутов. Говорить об этом глупо. Это значит – оскорблять горы и сам Эверест. Людям, далёким от путешествий, невозможно понять, зачем человек подвергает себя такому риску, испытаниям – ради чего? Чтобы вернуться из экспедиции с новыми долгами, как у меня сейчас – 15 тысяч долларов. Кое-кто скажет – рехнулся, а иностранцы пробормочут “crazy”. Да, я по-своему сошёл с ума. Три месяца я видел только горы, небо, звёзды, сверкающий на солнце снег. Мой слух не терзали неестественные звуки машин. Рядом с природой рождается чистота чувств. И сейчас, сидя в удобном кресле самолёта, я думаю про себя: какого чёрта ты собираешься в Россию, что ты будешь делать дома, в бухте Врангель? Вот где настоящее сумасшествие...»

Спустя восемнадцать лет Фёдор направил патриарху Кириллу прошение о принятии священного сана. Первосвятитель Русской Православной церкви дал положительный ответ на прошение с правом выбора епархии, в которой состоится хиротония. 23 мая 2010 года, в день Святой Троицы, на малой родине путешественника, в Свято-Покровском кафедральном соборе Запорожья, Фёдор рукоположен в сан дьякона – первую, низшую ступень церковного служения. В декабре того же года, в день Святителя Николая Чудотворца, в Свято-Никольском храме Запорожья – в сан иерея.

Не знаю, насколько нужны церкви такие, странствующие по морям, небесам и горам священники: не мой, как говорится, вопрос. Но самому Фёдору, видимо, было нужно.

А ещё через два года ему, шестидесятилетнему мужчине, стало нужно... зайти на Эверест во второй раз. Зачем, ведь личный рекорд восхождений уже зафиксирован? У меня опять нет ответа. Но в мае 2012-го Фёдор вновь покорил вершину. И как раз тогда, после восхождения, состоялся совершенно земной, лишь с небольшими божественными вкраплениями, разговор.

Впрочем, начался он всё-таки с Бога, а точнее – с духовности:

– Все горы коварные. Эверест нужно уважать. Как в Святом Писании: «Если ты находишься здесь телом, но не находишься духом – сие бесполезно». Когда забивал крючья в эту гору, до меня дошло: надо созреть духовно, чтоб молотком по нему стучать. Чтоб у тебя было право вбивать крюк в Эверест.

Эверест, он живой. Весь мир живой. Раньше мне, молодому, было сложно путешествовать. Слишком много тщеславия. С трудом переносил одиночество. Попробуйте провести сто дней без общения. Или двести, как в первых моих кругосветках. Не было ничего тяжелее одиночества! А сегодня я понял: нету на земном шаре одиночества. На Земле всё живое. Тот же океан – в нём киты. Горы живые. Пустыня. В пустыне с тобой Господь Бог. И святые, которым молишься...

Так всё-таки о земном. Вот смотрю, входит возрастной Фёдор в зал своей неповторимой походкой. А точнее? Усталой? Нет. Мужественной? Нет! Величественной? Да боже упаси, говоря словами самого путешественника! Он, лохматый-бородатый «старец», входит чуть ли не вприпрыжку! И что, такая походка в шестьдесят с лишним лет святым духом даётся? Хм, вряд ли... Как-то Фёдор обмолвился (а может, мне почудилось?), что каждый день – когда путешественник дома, в России – пробегает собственным маршрутом... 54 километра.

– Это правда? Про 54 километра?

– Времени нет столько бегать. Ежедневная у меня только молитва. Но когда бегу – укладываюсь в семь часов десять минут. Это не сильно быстро. Так, рысцой...

Ах, вот как! Ну, тогда уж надо спросить про наше русское, исконное, природно-приобретённое:

– Водочку вы пьёте?

– Не-е, она горькая. Мне бы что-нибудь сладенькое – шампанское, вино. В экспедиции обычно беру коньяк, разведённый со спиртом, и добавляю мёд – чтоб послаще было. Когда в Непал лечу, обязательно в дьюти-фри покупаю по бутылке коньяка и виски. В Катманду опасенько – грязь кругом, антисанитария. Перед завтраком непременно стопочку употребить надо.

– А если высоко в горах накапать?

– Там уже никто не пьёт. Даже воду еле-еле в себя вливаешь. Про еду на такой высоте и говорить нечего. Кислорода не хватает – и организм отказывается принимать пищу. Она не усваивается – камнем лежит. Поэтому, когда идёшь на последний штурм, возьмёшь с собой конфетку про запас, и всё. Я вообще-то человек закалённый, неприхотливый. Когда в 1989-м шли к Северному полюсу и закончились продукты, снег кушал! Убеждал себя, что есть в нём какие-то питательные вещества. Опять же всё от настроения зависит. По молодости я морскую воду пил.

– Как правильно вести себя на высоте?

– На Эвересте гибнут из-за сердца. Дыхалка, отёк лёгких. Срывы редки. На высоте восемь – восемь с половиной тысяч метров больше двух суток находиться не стоит. Единицы выдерживают около четырёх. Я встречался с нашей альпинисткой, вернувшейся с Эвереста. Спросил: «Почему бы тебе не стать первой женщиной в России, поднявшейся на четырнадцать восьмитысячников?» Она усмехнулась: «Фёдор, я раз поднялась – и некоторых друзей в записной книжке уже смутно помню. А через четырнадцать восхождений перестану узнавать мужа и детей...»

При недостатке кислорода клетки головного мозга отмирают. А там с кислородом беда. Голова «плывёт», и проблемы с памятью после Эвереста – обычная история.

– Вы на себе это почувствовали?

– Разумеется. Постепенно всё восстанавливается, но не до конца. Имена помнишь, а вот стишки какие-то забываются напрочь. Вообще на Эвересте очень тяжёлый воздух. Невкусный. Идёшь на яхте в океане или на лыжах к полюсу – хоть Северному, хоть Южному – и дышишь полной грудью! Воздух свежий, чистый! А в горах пахнет смертью. Не буквально, конечно – при подобной температуре трупный запах исключён. Просто обстановка такая мёртвая, мёртвых вокруг много...

Часовенку рядом с мастерской построил в память о моих погибших друзьях – моряках, альпинистах, путешественниках. Там перечислены тридцать две фамилии. Я всегда молюсь за них, за тех, кто отправляется в новые экспедиции. Всё в руках Бога. К примеру, стоим вдвоём, между нами меньше метра. Вдруг с обрыва летит камень, который оба не видим. Он попадает в товарища – и тот умирает. А у меня ни царапины. Думаешь: почему он, а не ты?..

Вот такой *другой* Фёдор. Он пришёл. И ещё придёт.

Однако, углубившись в философию восхождения, а затем в историю Фёдора, я как-то отвлёкся от незаконченного сюжета про последний восьмитысячник – Лхоцзе Среднюю. Что же там происходило?

Прошло четыре года, и состоялось четыре экспедиции с попытками взять непокорный пик. Добавились погибшие, а успех не приходил. Так наступил май 2001 года...

Вы не помните, что случилось в начале июня 2001-го? Нет? Тогда я начну с конца и процитирую прямо самого себя:

«...Я делился впечатлениями от Лангтанга, а Петрус слушал без особого интереса и кивал изредка головой. То есть между нами не происходило никакой серьёзной беседы – обычная ни к чему не обязывающая болтовня. В ресторане работал старый телевизор, шипящий, скрипящий, с трудом воспроизводящий малопонятные комментарии ведущих. Мы телевизор не смотрели, да и плохое звучание нас не слишком трогало, поскольку передачи шли на непальском языке. Но совсем не замечать экранные картинки не получалось. В какой-то момент показали королевский дворец, потом портреты членов семейства, а изображение Дипа – крупным планом.

Почему портреты? Это несколько удивило, поскольку мы привыкли лицезреть небожителей “живьём”. Потом мы увидели внутренний двор королевской резиденции – пространство, которое мне никогда не приходилось наблюдать даже по телевизору. Что-то во дворце было не так, беспорядок, что ли. Далее продемонстрировали лежащее на траве оружие, затем камера переместилась на улицы города, где на площадях собирались кучки людей... По картинкам, по тону диктора стало ясно, что произошло нечто особенное и, скорее всего, трагическое.

Мы обратились к бармену – он, как и все торгаши здесь, говорил по-английски. Английский у него был сносный, однако мы всё равно не очень понимали смысл сказанного. Бармен взволнованно сообщал о том, что вроде бы у принца Дипа в руках стал непроизвольно стрелять автомат. Что есть жертвы среди королевской семьи. Что сам Дип тяжело ранен и находится в госпитале...»

Именно в такой атмосфере в первых числах июня наши альпинисты возвращались из экспедиции на Лхоцзе. В конце мая по телевизору сообщались довольно короткие сведения о том, что происходило на горе. Потом просочилась информация, что, мол, имели место победы и рекорды и что состоится торжественная церемония чествования победителей во дворце короля Непала, пройдут встречи с королём и премьер-министром. Не будучи постоянным зрителем местных телеканалов, я, честно говоря, не очень уразумел, взошли россияне на Лхоцзе или нет. По какому поводу планируются торжества, я тоже не разобрался: в это же время сибиряки штурмовали Эверест. Может, король будет общаться с ними?

После первого июня королевству альпинизма стало и вовсе не до нас. Про восхождения как будто вообще забыли, что и понятно: с погибшим королём Биром встречи точно не будет.

Забинтованный, с большой головой, температурой я зевал на привычные толпы митингующих-протестующих на улицах непальской столицы, то и дело принимая успокоительную дозу кукри-рома. И внезапно увидел Николая – ну, того, которого на Южной Аннапурне представлял под прозвищем «Заслуженный». Он не удивился моему появлению и вообще был спокоен – я, в принципе, никогда не видел Николая взволнованным. Заслуженный дежурно спросил: «Что у тебя с головой?», я дежурно ответил: «Да так, пустяки», и, в свою очередь, поинтересовался, как дела. Тут восходитель произнёс фразу, которую я не только запомнил навсегда, но и вынес в заглавие этой части моего повествования: «Дела такие. Ты знаешь, старичок, *вопрос закрыт*...»

Теперь расскажу по порядку. Весной 2001-го в базовый лагерь Эвереста, для восхождения на Лхоцзе, пришли *другие* – российская команда из двенадцати человек под руководством Заслуженного. Уровень серьёзности намерений был максимально возможным: одиннадцать альпинистов имели предыдущий опыт восхождения на восьмитысячники.

Некрещёные – а это половина команды – перед экспедицией покрестились в церкви. Да и вправду «наступает момент, когда каждый из нас у последней черты вспоминает о Боге...». В Москве восходителей благословил русский батюшка, в Непале – тибетский лама: кто ж знал, какие боги станут покровительствовать отважной дюжине...

Сначала боги дали отличную погоду, что совсем немало. Но даже к моменту нахождения в ЕВС экспедиция не получила разрешение правительства Непала на восхождение. Наконец – о, радость! – прямо в базовый лагерь прилетел «волшебник в голубом вертолёте». На глазах полутысячи изумлён-

ных альпинистов со всего мира из Ми-8 выскочил замминистра туризма Непала и вручил россиянам разрешение номер один на штурм великой горы. Не жалко: в восхождение русских мало кто верил, так хоть деньги получить...

Первая часть маршрута к цели – общая, что на Эверест, что на Лхоцзе. Наши «толкались» с другими экспедициями, потом оторвались от них и пошли самостоятельно. Намеченный ранее штурмовой отрезок, когда приблизились к нему вплотную, оказался страшен даже для «гималайских тигров». Взвесив шансы, отказались от первоначального плана и решили подниматься на гребень уже изученной вершины Лхоцзе Главная, где погиб Володя, и оттуда искать подход.

А Владимир остался не только в виртуальной памяти: восходители вспомнили и повторили его «индонезийский опыт», разбив палатку пятого лагеря на высоте 8250 метров. Из-за внезапно испортившейся погоды ребята провели в этой палатке, менее чем в двухстах метрах от вершины, тяжелейшие четверо суток, что спасло им жизнь и стало одним из абсолютных мировых рекордов, поставленных экспедицией. Только лучше б этого рекорда не было.

– Раньше наши все переболели трахеитом, когда кашель и голос пропадает, – вспоминает руководитель восхождения Виктор. – Один участник группы шёл на антибиотиках, другому стало так худо, что решил вернуться. На последнем отрезке у нас кончилась верёвка, а рядом с соседней вершины возвращались японцы. Ожидая своих шерпов, которые несли дополнительные верёвки, мы могли потерять время и погоду, поэтому купили у японской группы триста метров верёвки за четыреста долларов, хотя им красная цена – сорок «зелёных». Сложилась интересная ситуация: мы, покупатели верёвок, думали о небесном; а продавцы – исключительно о земном. Вот какой любопытный бизнес встречается в горах!

Мы вышли на штурм в 5.30 утра. Подъём по «склону» в пятьдесят-шестьдесят градусов иногда переходил просто в отвесную скалу. Там невозможно было работать в перчатках, вбивая крючья в твёрдый как камень лёд. И тогда Алексей, шедший первым, снял перчатки и работал на диком ветру «голышом». Чудо: он не обморозил рук, только «сбил» кончики пальцев.

К восьми часам утра на вершине Лхоцзе Средняя собралась первая русская четвёрка, и взметнулся наш триколор. Над нами был огромный сугроб в несколько метров, подниматься по нему было крайне опасно, – мог «съехать» в любой момент! Но наши сделали и это, чтобы ни одна сволочь не могла потом сказать, что русские на самую-самую маковку всё-таки не поднялись!..

Говорят, что когда меценат, финансово поддержавший экспедицию, увидел фото ребят сразу после спуска в штурмовой лагерь на Южном седле, а позже – видеосъёмку работы на маршруте, он сказал: «Знал бы раньше – не дал бы денег...»

В общем, в Катманду, вместо назначенных ранее торжеств, восходителей встретил комендантский час. На улицы высыпало невиданное ранее количество полицейских, которые бились с демонстрантами и, как потом выяснилось, арестовали более шестисот участников непонятных нам протестов.

В российском посольстве ребят, конечно, приняли, посол тепло поздравил, все вместе выпили за победу.

8 июня, *закрыв вопрос* с неудобной «иглой» на высоте 8414 метров, *другие* вылетели в Москву.

ГЛАВА III

Биг фут

Воинская часть непальской армии стояла на границе лесного массива и морены, под ледниками, и располагалась в двух казармах. Гражданская война стихла, её отголоски всё реже докатывались до этой местности – да и то в виде слухов. Солдаты и офицеры вели обычную жизнь: строевая подготовка, стрельба, учебные занятия в классах, спорт, приём пищи, сон...

Спокойным выдался и этот вечер. Небольшой промежуток между окончанием формальных армейских процедур и отбоем во всех армиях называется «свободным временем». Используется оно в большинстве случаев столь же одинаково: кто-то готовится к завтрашнему строевому смотру и приводит в порядок одежду и обувь, другие играют в разрешённые настольные игры, третьи пишут письма домой, четвертые смотрят телевизор.

Рядовой Майла, нескладный и медлительный, за целый год службы не научился быстро делать всё положенное распорядком: медленнее товарищей просыпался, позже заправлял постель, а побриться зачастую и вовсе не успевал, за что получал регулярные замечания от начальства. Но со временем приспособился и бриться стал не утром, а вечером. Умывальное сооружение находилось на улице, освещалось фонарём, так что туалет мог производиться в любое время суток. В том числе и в этот вечер.

Майла развёл в чашке обычное мыло, поскольку покупать пенки для бритья было дороговато, да и негде. Нанёс помазком взбитый раствор на лицо и не спеша водил станком по щекам. И тут почувствовал чью-то руку на плече, потом на втором. Видимо, кто-то из товарищей подкрался и решил напугать. «Сделаю вид, что забоялся, сожмусь, а потом резко повернусь и сам напугаю!» – подумал Майла, а затем так и сделал. Но увидел солдат не товарища, а огромное, примерно двухметровое, страшное, сплошь покрытое волосами существо с пронзительными красными глазами, которые, казалось, прожигали насквозь. Оцепенев, Майла заорал, и крик его был, вероятно, настолько необычен, что бойцы в казарме, даже не интересуясь причинами паники, сразу начали хватать оружие и, передёргивая затворы, выбегать на улицу.

Подошедший позже офицер хотел было выдвинуть версию, что Майле пригрезился непонятный враг, но очевидцы её отвергли: многие видели убегающую фигуру, пусть и не слишком различимую в темноте, но явно не похожую на человека. У Майлы начались заикания, его показывали врачу. Бриться в темноте солдат больше не выходил. Но мало-помалу всё улеглось, история постепенно перестала обрастать, как это обычно происходит, ужасающими подробностями и сошла на нет.

Спустя два месяца, когда в казарме все спали, наиболее чуткие бойцы стали слышать сквозь сон, что кто-то громко сопит и возится между кроватями. Что за бардак? Кто вошёл в казарму? Куда смотрел дневальный? Наверное, уснул на посту! Самый недовольный вскочил с постели, намереваясь включить свет и разобраться с нарушителем спокойствия, однако на пути к выключателю ткнулся головой в большой, поросший шерстью живот. Когда лампочка зажглась, солдаты увидели это, похожее на существо, описанное Майлой, да ещё с детёнышем, которого пришелец укладывал на свободную кровать. Тут уж закричали все и, забыв про оружие, начали бросать в пришельцев тем, что попадалось под руку – берцами, подушками, тубиками с зубной пастой, сапожными щётками. Существо засуетилось, подхватило детёныша и покинуло казарму...

Обе истории, соединённые вместе, получили немалую огласку в Непале, а потом и за его пределами. В район на границе с Индией, внезапно ставший знаменитым, потянулись сперва случайные путешественники, вслед за ними любители приключений и, наконец, профессиональные искатели. Вы неизбежно спросите: искатели чего? Так понятно чего: «снежного человека» в русском варианте; или «Биг фута», как его называли американцы, или, по исконно непальскому и основному имени – «йети»...

Так что, снова спросите вы, *он* существует? Эх, дорогие мои, на протяжении своих рассказов я не раз подчёркивал, что не собираюсь залезать в научные обоснования, а просто делюсь впечатлениями. А они были и здесь, поскольку я, как всегда случайно, оказался «в нужном месте и в нужное время».

Десятки людей из обозначенных мной категорий – давайте обобщённо называть их «искателями» – слонялись по округе, и однажды среди них я увидел своего хорошего знакомого по имени Игорь. В Москве я знал его как депутата районного уровня, активиста, правдоискателя и далее в этом роде. Но уж никак не предполагал, что встречу Игоря в Непале, и как специалиста по йети. Мы стали общаться и...

Все искатели хорошо понимали, что йети сразу не найдёшь, поэтому занимались сопутствующей деятельностью, а именно прогулками по горам, наблюдением за природой, сбором чудесных гималайских растений. И тут опять «бабахнуло»! Русский искатель Борис из Архангельска, преуспевший в поисках следов йети в родном российском регионе, как раз что-то такое собирал в горном разнотравье. Вдруг случилось... нет, не чудо, а скорее экстремальная ситуация: на искателя выскочил небольшой медведь. Борис не мог точно объяснить намерений медведя, но что он агрессивно приближался – точно. Искатель испугался, готовился убежать или дать бой зверю, хотя про себя предполагал скорее не успешный поединок, а больничную койку или вообще кладбище.

Но в этот момент из кустов выскочило *это* и схватилось с медведицей – как потом выяснилось, зверь был женского пола. Предполагаемый йети сделал с ней в буквальном смысле то, чем мы ино-

гда шутливо угрожаем оппонентам: он её порвал. Сказки? Какие сказки! Мы ходили смотреть на поверженную, мёртвую медведицу и явно видели кровавые разрывы на её теле. О своих ощущениях Борис рассказал, в отличие от солдата Майлы, не заикаясь, но в остальном признаки совпадали: большое, под два метра, мохнатое существо, передвигавшееся на двух ногах...

Неделю мы переживали случившееся, интенсивность поисков умножилась. То один, то другой искатель приносил веточку, якобы сломанную йети; волосок, ноготок и, как венец успешного поиска, кусок экскремента, «явно подтверждавшего» его принадлежность к Биг футу. Но поиски, простите, г... всё-таки отличаются по своей сложности от восхождений на гору. То есть времени и здоровья вполне хватало на «учёные» беседы, которые мы и вели с Игорем. Как ни странно, начались они не с моих вопросов к нему, а с вопросов Игоря ко мне. Он спросил:

– Вот ты столько раз был в Гималаях. Неужели никогда ничего *такого* не замечал?

– Нет, не замечал, – искренне и уверенно отреагировал я. И тут же меня «торкнуло»: ой! А как же?.. И я ушёл мыслью на много лет назад. Давайте вспомним вместе:

– ...Попив чайку, мы стали прикидывать поконкретнее, сколько и каких продуктов унесли предполагаемые волки. И тут вспомнилось, что две жестяные банки со сгущённой в наших запасах всё-таки были. Наташа также положила – чтобы съесть, пока подъём несложный – стеклянную банку джема. Их что, тоже волки унесли? Давайте-ка посмотрим на следы повнимательнее: может, это люди? Мы действительно увидели дополнительные отпечатки то ли ног, то ли лап: длинные, овальные, раза в полтора-два больше человеческих. Кто это? Хм... За недосугом вопрос остался открытым...

Или вот, там же и позже:

– ...А мешочки с продуктами? Тоже ветром унесло? Вряд ли. Но сколько ни копали, обнаружить их не удалось. А следы... Пусть и заметённые, но явно больше наших и похожи на те, что мы видели две недели назад...

– Может быть, ты фотографии делал? – спрашивает у меня Игорь.

– Да, делал. Тогда фотоаппаратом, а после сканировал: фотки и сейчас со мной, в телефоне.

Внимательно изучив снимки, Игорь констатировал:

– Ну вот, видишь, это наверняка был *он*!

– Слушай, поясни мне, кем же является *он*? Тут все изъясняются какими-то загадками, делая при этом умное лицо посвящённого. Ты можешь рассказать по-простому? *Он* – это снежный человек?

– Начнём с того, что это не снежный и не человек. Американцы говорят «Биг фут», жители Кавказа – «Алмасты»; в Таджикистане, на Памире – это ближе к Гималаям – его зовут «Адами-Явои», на Кольском полуострове и вовсе приклеили кличку «Афоня». Да, прижилось и непальское название «Йети». Если же давать научное определение, то я с разделяющими мой подход коллегами из разных стран склонен к термину «реликтовый гоминоид».

Почему нельзя причислить его к людям? Потому что гоминоид не говорит, не пользуется орудиями труда, не знает огня и ведёт чисто животный образ жизни. Отталкиваясь от эволюционной теории Дарвина, можно предположить следующее: гоминоид – некоторая промежуточная стадия развития между питекантропом и человеком, где-то на уровне неандертальца. Чаще всего пишут, что это человекообразное существо обитает в Центральной Азии. Но подобные сведения неточны: живёт гоминоид не только в Азии, не в одних Гималаях и вообще не только в горах, но и на Дальнем Востоке, в Якутии, на Камчатке, в Карелии, Мурманской области.

– Насчёт реального существования «Афони с большими ногами» у тебя нет сомнений?

– Нисколько. Зафиксировано около трёх тысяч различных наблюдений, включая прямые контакты с гоминоидом.

– Прямые контакты? Это каким же образом?

– Самым непосредственным. Например, во время боёв на Халхин-Голе в 1939 году убили двух гоминоидов. Сохранились записи особиста Калашникова; он исследовал трупы, делал надрезы на коже.

В 1941-м в Дагестане поймали животную особь, и, согласно документам, её осматривал военврач Карапетян. Потом гоминоид пропал, а на вопрос о его судьбе ответили так: это был дезертир, и с ним поступили по законам военного времени.

Все факты перечислить невозможно, но сенсационный случай 1989 года стоит упомянуть. В июне около сорока жителей Саратовской области видели гоминоидов, причём не только одиночных, но и группами до пяти особей. А в сентябре четверо мужчин даже поймали гоминоида, связали

ему руки и запихнули в багажник автомобиля. Пленник был, видимо, больной: «ловцы» рассказывали о сыпи на теле, порезах на подошвах ног, неприятном запахе. Короче говоря, выпустили его на волю, да ещё багажник вымыли. Волосы собрать и то не удосужились.

– Говорят, где-то есть череп снежного человека. Правда ли это?

На этом месте беседы в моей голове будто бы произошёл взрыв – «взрывы» повторялись и в дальнейшем...

– Правда, – сказал Игорь. – А череп находится у меня дома...

Я замешкался и замолчал, хотя очень хотелось задать совсем дурацкий вопрос. Но Игорь словно прочитал мои мысли:

– Хочешь спросить, можно ли его увидеть и потрогать? Конечно! Вернёмся в Москву – посмотришь и пощупаешь. Ты, я вижу, многого не знаешь. Наверное, ты не сможешь назвать и страну, в которой проблема поиска йети рассматривалась на самом высоком государственном уровне?

– Ну, здесь либо Штаты, либо Индия с Непалом!

– А вот и нет. Это СССР...

Да, далекий 1957 год был знаменит не только запуском нашей страной первого искусственного спутника Земли. После идеологического «зажима» и «железного занавеса» сталинских времён страна, как губка, впитывала и старалась переварить любую сколько-нибудь интересную и поступившую из внешнего мира информацию. Одним из таких неожиданных и даже сенсационных «вбросов» стала книга немецкого и швейцарского альпиниста, организатора нескольких экспедиций в Гималаи Гюнтера Дирренфурта «К третьему полюсу». Не знаю, как и почему, но уже в этом самом «спутниковом» 57-м книгу перевели на русский язык и издали в Москве.

О книге мне поведал тот же Игорь. Забегая вперёд, скажу, что, вернувшись через неделю вскоре после наших «йети-встреч» в Катманду, я сразу же нашёл эту книгу, припал к ней и вот что вычитал.

«...Думаю, что если кто-нибудь представит перечень тех людей, которые заявляли о том, что обнаружили следы гималайского “снежного человека”, клочок его шерсти или кучу экскрементов, а также сообщали, будто охотились на это существо или подверглись нападению с его стороны, это вызовет шок. Число таких людей уже исчисляется десятками тысяч, а история “снежного человека” насчитывает тысячелетия», – писал Дирренфурт в начале 50-х годов прошлого века.

А затем приводил ещё более ранние выкладки компетентных коллег, например профессора Хаймендорфа:

«...Придумав столь колоритный термин как “снежный человек”, западные учёные окружили “йети” атмосферой таинственности. Но для шерпов эти существа не представляют никакой тайны. И они говорят о них примерно в таком же ключе, как, например, индусы говорят о тиграх. Очень многие шерпы воочию видели этих существ, а изображения на стенах монастырей и замков представляют нам два типа: существа первого типа похожи на медведей, существа второго типа – на крупных обезьян. И это установленный факт. В холодные зимы существа обоих типов спускаются с гор в деревни и опустошают картофельные поля шерпов, а иногда нападают даже на скот. Примета относительно того, что встреча с “йети” грозит большими несчастьями, связана скорее всего с тем, что появление этих существ вблизи жилища человека совпадает с тяготами, вызванными необычно обильными снегопадами...»

Описанию внешнего вида «йети» посвящено сообщение другого профессора – Небески-Войковица, сделанное им после трёхгодичной поездки по Тибету и Сиккиму:

«...Замечательно, что все рассказы тибетцев, шерпов, имеющие отношение к внешнему облику “снежного человека”, в большей своей части совпадают. Согласно их описаниям, в орде на арест этого самого энергично разыскиваемого обитателя Гималаев могло быть написано следующее: когда встаёт на задние конечности и выпрямляется, рост его составляет от 7 футов до 7 футов и 6 дюймов (примерно от 213 до 229 см); имеет мощное тело, покрытое тёмно-коричневой шерстью, и длинные руки; голова овальной формы, заострена в верхней точке; имеет обезьяноподобное лицо; голова и лицо покрыты волосами только частично; боится света и огня; несмотря на огромную физическую силу, воспринимается частью коренного населения Гималаев, не подверженной суеверию, как вполне безобидное существо, которое может напасть на человека только в том случае, если будет ранено.

Согласно рассказам охотников, термин «снежный человек» совершенно не верен, потому что, во-первых, это существо не является человеком, и, во-вторых, оно не живёт в зоне вечных снегов. Это существо обитает в самой непроходимой части наиболее высокогорных лесов в Гималаях. В течение дня оно отсыпается в своём логове, которое не покидает до тех пор, пока не стемнеет. Его приближение можно определить по хрусту веток и характерному тихому свисту. В лесу передвигается на всех четырёх конечностях, перепрыгивая с дерева на дерево. Но на открытых участках местности ходит только на задних лапах-ногах, вразвалку, с трудом сохраняя равновесие...»

Такими открытиями советская общественность образца 1957 года была, мягко говоря, взбуждена. Настолько, что сбором и изучением сведений о загадке – да не века, а веков – вплотную занялась Академия наук СССР. В «снежного человека» поверил даже президент АН Александр Несмеянов.

В начале 57-го в Москве состоялось заседание президиума Академии с единственным и прямо сформулированным пунктом в повестке дня: «О «снежном человеке»». Интересно, что в обсуждении принял участие известный физик-теоретик, лауреат Нобелевской премии, один из создателей советского термоядерного оружия Игорь Тамм, сын которого – мастер спорта и заслуженный тренер СССР по альпинизму Евгений Тамм – руководил в 1982-м первой советской Гималайской экспедицией.

Закопёрщик поиска советского йети профессор Борис Поршнева в докладе предположил, что «снежный человек» мог мигрировать из главной области своего обитания в Гималаях на северо-запад и достигнуть советского Памира. Странники Поршнева настояли на организации комплексной экспедиции для всестороннего научного изучения наиболее недоступных и плохо изученных участков Памира. Специальная комиссия, созданная под председательством члена-корреспондента АН Сергея Обручева, выдвинула рабочую гипотезу о том, что «снежный человек» – это доживший до наших дней примат из деградировавшей ветви неандертальцев.

ЦК КПСС дал добро на организацию памирской экспедиции. Логика партийного руководства выглядела железной: если йети будет «взят и обезврежен», в руках советских учёных окажется недостающее и доселе не обнаруженное звено между обезьяной и человеком. Вполне достойное приложение к выведенному на орбиту первому космическому спутнику Земли!

На помощь экспедиции пригласили четвероногих помощников из элитного питомника – Центральной школы военного собаководства Советской армии. Они должны были взять след, окружить йети и отрезать ему путь к отступлению. Псы и в самом деле чутко ловили любое дуновение ветра, гнали жертву, но... не ту, что надо. После нескольких месяцев изнурительной погони ни живой, ни мёртвой добычи найти не удалось. Экспедиция провалилась...

В январе 1959 года президиум АН СССР принял постановление, где единодушно решил считать тему исчерпанной. Так и записали: «Нет оснований предполагать в настоящее время существование на Памире «снежного человека»...»

Из далёких 50-х прошлого века опять перенесёмся к нашей гималайской встрече с искателем Игорем в 2000-х.

– Ну ладно, давай про череп, – тербляю я Игоря.

– Про череп, так про череп. Историю Заны ты, надеюсь, слышал? Её вроде все знают...

Ох уж это «все знают». Любой специалист в своей области, выучивший собственный предмет как таблицу умножения, искренне предполагает, что «столь простые вещи» известны и понятны каждому: «Вы эту книгу читали? Ну как же не читали, её *все* читали!» И так далее. В подобной ситуации оказался и я в случае со «всем известной» историей Заны. И однозначно заявил: Нет! Не знаю я этой истории! Выдавай!! Игорь вздыхает и рассказывает...

– Хорошо. Зана – её называют Заной из Тхина – обитала в XIX веке в горных лесах Абхазии. Но это потом выяснилось, что она принадлежит к женскому полу, так же как имя Зана было присвоено впоследствии. А пока имелось в виду неизвестное существо, которое периодически замечали и, наконец, решили поймать. Князь Ачба с подручными пошёл на охоту, на видном месте они оставили приманку – грязную, пропахшую одежду. Дикарка подошла, стала рассматривать и трогать вещи. Охотники незаметно подкрались, напали и связали её.

Вот тогда и выяснилось, что дикое существо – волосатая двухметровая женщина. Волосистой покров тёмно-бурого цвета располагался по всему телу, особенно в нижней части. Само тело было

массивным и мускулистым, а стопы – широкими, с длинными пальцами. На лице также наблюдался волосяной покров, но покороче, чем на корпусе. Волосы на голове начинались почти от самых бровей и достигали спины. Челюсть выступала вперёд, а глаза оказались красного цвета.

«Снежную женщину» называли Заной. Князь Ачба подарил её другому князю, тот – третьему. Имена их известны и зафиксированы в нескольких источниках, но я не буду тебя этим загружать. В общем, последний владелец привёз находку в свои владения в селении Тхин, расположенном в восьмидесяти километрах от нынешнего Сухуми. Поначалу Зану, по причине буйного нрава, заточили в бревенчатый загон. Понемногу она утихомирилась и свободно прогуливалась по селению рядом с другими местными жителями. Правда, ходила голой. В качестве жилья Зана выбрала яму, которую сама и вырыла, ночуя там зимой и летом, однако иногда любила отдыхать на пепле от костра. Одежду она не принимала и лишь к концу жизни научилась носить набедренную повязку. По свидетельству очевидцев, Зана бегала со скоростью лошади и одной рукой могла поднимать мешок весом в пять пудов. Любимыми занятиями дикарки стали плавание в реке и выпивка.

Умерла Зана предположительно в 1880-х годах. До конца жизни не замечалось признаков её старения: ни поседевших волос, ни выпавших зубов. Зана так и не научилась человеческой речи, выражаясь отрывистым вскрикиванием, мычанием и рычанием. Когда радовалась, издавала какой-то металлический смех, но никогда не улыбалась.

Не знаю, конечно, подробностей и готов удивляться вместе с тобой, но во время проживания в селении Зана вступала в интимную связь с несколькими мужчинами, в том числе с хозяином-князем. В результате родилось пятеро детей. Говорят, что первого ребёнка она утопила, поэтому остальных сразу же после рождения отдавали на сторону. Лишь один мальчик, Хвит, остался в селении и даже женился, причём дважды, имел дочь. От этой дочери по имени Раиса, а также других пожилых очевидцев я сам слышал историю Заны и Хвита, который дожил до шестидесяти семи лет и умер в 1954 году.

– И к тебе попал череп Заны? Каким образом?

– Нет, не Заны. Место захоронения «снежной женщины», к сожалению, осталось неизвестным. Ко мне попал череп Хвита. Как? Уговорил абхазцев, угостил. Хотя и отговаривали меня... Это было через двадцать лет после смерти Хвита...

Я всё больше проникался темой «снежного человека», однако сейчас, в XXI веке, поверить в его существование мне мешали вполне понятные любому «земному» человеку факторы. Именно с ними был связан мой следующий вопрос Игорю.

– Слушай, но ведь современные технические средства позволяют отловить, отстрелять, наконец, хотя бы одного Биг фута для последующего изучения?

– Ну, я так и знал. Конечно, позволяют! Более того: его уже отлавливали и отстреливали. В качестве одного из многочисленных примеров придётся рассказать тебе очередную историю.

В 70-х годах XX века проводил исследования «снежного человека», и довольно успешные, молодой советский учёный Владимир Пушкарёв. В чём успех? В том, что ему где-то что-то привиделось? Нет. Не «привиделось», а *узнал*. Что для народностей Зауралья гоминоид – хорошо знакомое явление. Они даже называют его по-своему: якуты – «чучунаа», ханты – «куль», ненцы – «тунгу».

Пушкарёв также много чего *нашёл*. Следы, волосы и прочее – понятно. Но Владимир хорошо покопался не только в природе, но и в библиотеках. И обнаружил, например, так называемое «Берёзовское чудо», которое в дальнейшем стало пересказываться в качестве устной легенды. Но это не легенда, вот, смотри...

Игорь показывает мне сканы «Ежегодника Тобольского губернского музея» 1907 года, где на основе найденного полицейского донесения и последующего уголовного дела рассказывается об истории 1845 года – том самом «Берёзовском чуде». Это одно из самых странных, неразгаданных дел, которые когда-либо велись в уголовной практике царской России. Документы о нём хранились в городе Салехарде, в архиве краеведческого музея. Дело довели до сведения Тобольского губернатора и губернского правления. А вот фрагмент объяснений участников происшествия:

– Охотник Обыль рассказал, что «вместе со своим товарищем Фалалеем нашёл в лесу какое-то чудовище, облаянное собаками, от коих оно оборонялось своими руками. По приближении 15 сажень сбоку из заряженного ружья Фалалей стрелял в оного чудовища, которое и пало на землю. Осмотрели его со всех сторон, орудия при нём никакого не было, ростом три аршина, мохнатого, не

имелось шерсти только на носу и на щеках, шерсть густая, длиной в полвершка, цвету черноватого, у ног перстов нет, пяты востроватые, у рук персты с когтями, для испытания разрезывали тело, которое имеет вид черноватой, и кровь черноватая, тело чудовища сего оставили без предохранения на том месте».

Далее в деле отмечено, что земскому исправнику дано приказание найти тело существа, но местные жители долго отказываются показать место, где оно убито, а потом приводят на поляну, на которой нет никаких следов...

– Итак, «снежного человека» уже находили. Но сейчас, когда технических возможностей стало гораздо больше, находки как-то прекратились...

– Ты не дослушал. В процессе поисков Владимир Пушкарёв стал буквально чувствовать связь с гоминоидом. Надеясь на контакт с ним, проводил свои экспедиции в одиночку. И в 1978-м... бесследно исчез на Приполярном Урале...

– Понимаю, места там суровые и безлюдные.

– Не он один такой. Американец Ричард Патерсон в 1967 году снял в Северной Калифорнии фильм о «снежном человеке». Я считаю этот фильм, возможно, единственным настоящим – его подлинность до сих пор никто не опроверг. После уникальной съёмки Патерсон заболел раком мозга и через несколько лет умер.

– Ты хочешь сказать?..

– Да, я хочу сказать, что, кроме морального, есть и другой аспект: гоминоиды обладают очень сильными экстрасенсорными способностями и могут воздействовать на подсознание человека. Отмечались случаи, когда люди, не видя гоминоида и уж точно не вступая с ним в контакт, испытывали чувство сильнейшего страха; волосы вставали дыбом, пропадала речь, наблюдался даже паралич.

Да чего там – я сам являюсь примером! Когда раскапывал могилу Хвита, абхазы предупреждали, что это плохо кончится. Их предсказания сбылись: меня стало знобить, температура поднялась до сорока, временами я даже терял сознание. Попал в больницу, где доктора долго разводили руками, а потом поставили диагноз – «москитная лихорадка». Болезни, конечно, бывают всякие, но такое заболевание фиксировалось последний раз в Крыму в 1918 году...

– Ясно, что ничего не ясно. Получается, что нужно остановить ловцов? Так чего ж тут, в Непале, вокруг «снежного человека» суетится куча людей? Им что, не объяснили?

– Останавливать не нужно, поскольку вопрос не в поимке – эти люди, кстати, ей и не занимаются. Предстоит проникнуть сквозь две пелены, сквозь два защитных пояса: сферу людского противодействия нашему поиску и сферу биологической самообороны гоминоидов. Мы не ставим задачу «накрыть» таинственного незнакомца. Успехом будет установление прочного дружественного контакта на любом уровне. Среди частных целей – сделать хороший фильм или хотя бы качественные фотографии, из глобальных – создать заповедник гоминоидов. Желаемое получится, если идти к нашим собратьям без жестоких умыслов, с открытым сердцем...

На этом мы расстались с Игорем. Я вернулся в Катманду, откуда, загоревшись желанием приобщиться к тематике Биг фута, намеревался вылететь в Луклу и проследовать в Кумджунг и Тянгбоче. Посёлок и монастырь я уже представлял читателю; в них, как мне говорили, есть и «вещдоки», и устные свидетельства о «снежном человеке».

В монастыре Тянгбоче монахи угощали меня тибетским чаем с маслом и охотно рассказывали, что многие останавливающиеся здесь альпинисты видели следы йети, а некоторые – даже его самого. И конечно, «снежного человека» неоднократно наблюдал их соплеменник Тен, первым взошедший на Эверест.

– А вы сами? – поинтересовался я.

– Его видели старые монахи. Они говорили, что йети среднего роста и покрыт рыжеватыми волосами. Однажды он вторгся на территорию монастыря, и монахи принялись громко трубить в священные роги и раковины. Пришелец испугался и убежал. С тех пор мы молимся о том, чтобы он не принёс вреда восходителям на их маршрутах...

Кумджунг обещал информацию поинтереснее: мне сказали, что в тамошнем монастыре находится скальп йети. Добравшись до монастыря, я спросил, где же он? Дежурный служитель культа довольно улыбнулся:

– Он здесь!

- Не понял...
- Вот в этом железном ящике.
- А открыть можно?
- Да. Для этого надо пожертвовать...

Монах назвал сумму в рупиях – совсем небольшую. Я заплатил, монах вставил ключ в замок и... я затаил дыхание. В железном ящике помещался прозрачный стеклянный ящик, а в нём и вправду виднелась вроде бы опоясывающая голову кожа с жёсткими рыжими волосами. Рядом с артефактом висела табличка, гласившая, что скальп появился во время одного из буддистских праздников. Откуда появился? Как я ни пытался переводить английский текст, получалась какая-то белиберда. Но вдруг я смекнул: а-а-а, это вроде как по-нашему «был обретен». Что сие значит? Ну, тогда «скальп явился». Откуда? Монах смиренно, но с лёгким высокомерием развёл руками, мол, это *каждому* понятно...

Вернувшись в Москву, я, разумеется, вспомнил про череп потомка женщины-йети, который обещал показать Игорь. Точнее, и не забывал. Я набрал искателя, а он и не думал отнекиваться. Мы встретились в его квартире, Игорь показал и даже дал подержать череп; показал также слепок ноги «снежного человека» и скульптуру «Биг фута», собственноручно вылепленную после просмотра фильма Ричардсона.

Мы не выпивали, не простужались, не ели проблемных продуктов; вообще не делали ничего, что могло бы привести... Но вечером этого дня у меня внезапно закружилась голова, скакнули давление и температура, перед глазами пошли круги; во время прерывистого сна с кошмарами я покрывался потом и к утру оказался абсолютно без сил. Когда чуть-чуть пришёл в себя, позвонил Игорю и пожаловался на проблемы со здоровьем. Он не удивился, а спокойно и буднично резюмировал:

- Что и требовалось доказать. Поздравляю: вы познакомились...

ГЛАВА IV

Война

С помощью Нарендры и Рави мы продвигались к аэропорту Ролпы. После случившегося в горах инцидента с маоистами эти непальские ребята не бросили нас и не собирались убежать и «раствориться». Со стороны сирдара и портера такой поступок не был благотворительным жестом: они не являлись ни солдатами власти, ни повстанцами, а просто зарабатывали себе на хлеб, в равной степени не желая терпеть притеснения от полиции или оппозиции. А мы как раз выступали неформальными гарантами их безопасности. Выданная командиром маоистов Кешем грамота работала: жители деревень симпатизировали повстанцам или боялись их, поэтому, увидев нашу бумагу, давали ночлег и еду.

В ущелье неподалёку от аэропорта перед нами показались похожие на казармы одноэтажные здания с государственными флагами Непала. Постройки были ограждены рядами колючей проволоки, по периметру стояли три вышки с часовыми, рядом, на расчищенных от камней площадках, шла тренировка бойцов. Судя по всему, здесь располагалась база правительственных войск. Никто не мешал нам смотреть, как офицер дрессирует солдат: те падали, перекатывались по земле, приседали, бегали с камнями и брёвнами в руках, преодолевали деревянную стенку. Мы бы и прошли мимо: чего обращаться к военным без надобности, если никто не нападает? Однако наше внимание привлекла отчётливая английская речь офицера, а затем, когда солдаты замешкались при выполнении команды, и звонкое русское: «Вперёд, б...дь!»

Понимая, что автором таких оборотов может быть только соотечественник, мы приблизились. Одетый в непальскую форму офицер действительно не походил на непальца, и мы крикнули ему: «Привет из России!» Лицо военного изобразило одновременно недовольство и удивление, а руки сделали прогоняющий жест: «Go on, get out!» Но мы не последовали команде и откликнулись добродушным: «Don't worry! Be happy! Может, пообщаемся, чаю попьём?» Офицер помолчал, задумался и, поняв, вероятно, что опасности от нас никакой, расслабился и ответил: «Ну, если не лень и чаем угостите, приходите через два часа на КПП». Почему же лень? Не лень. И чай есть, и газ с горелкой. И покрепче налить можем. А главное, база-то вряд ли претендует на секретную: вся как на ладони.

Офицер пришёл через два часа. И даже пригласил нас в сарайчик входного строения, перед которым воздвигли уже привычный для нас штабель мешков с песком и пулемётом. Походный газ не понадобился – в помещении стоял целый баллон вместе с небольшой плиткой. То есть чай мы пили «хозяйский», но от нашего «покрепче» офицер не отказался.

– Откуда будете?

– Я Алекс из Москвы, он – Богдан из Иркутска.

– А ты?

– Я местный, – офицер засмеялся. – Зовут Василием, для непальцев Vazil. – И продолжал: – А вы какого... тут делаете? Про гражданскую войну, что, не слышали?

– Да с нами-то понятно – путешествуем. Про войну знаем. Но белых вроде не трогают. Лучше про себя скажи.

– И мне скрывать нечего: работаю.

– На кого?

– На короля...

На вопросы «откуда», «почему», «каким образом» Василий категорически не отвечал, поэтому мы перешли к конкретной ситуации.

– То есть дружишь с правительством против маоистов?

– Так точно.

– А почему повстанцы тебе не нравятся? Вроде бы выступают за равенство – братство – счастье. За справедливость. Как недавно в Советском Союзе. Тебе не нравился Советский Союз?

– Мне очень нравился СССР. Там уважали армию, и там я стал военным. Но воры вместе с партбоссами его уничтожили, развалив при этом и армию. Непал, конечно, никак нельзя сравнивать с СССР. Это просто бедная страна, которую надо вытаскивать из дерьма. У короля это не получается, хотя он, на мой взгляд, старается. Но *эти* точно не вытащат. Потому что они не коммунисты, а обманщики; не повстанцы, а бандиты.

– О-па! В чём же это заключается?

– В том, что они пудрят людям мозги – ровно так, как у нас в семнадцатом году пудрили: отберём у богатых – отдадим бедным. Но не будет ничего такого: в этой стране богатых по пальцам можно перечесть. Да и сами посудите. Вот деревня. Что для неё могут сделать маоисты, когда придут к власти? Построят автобан через горы? Абсурд! Проведут паровое отопление? Смешно! В общем, только болтают и гадают.

– Что значит «гадают»? Не нравится – не разделяй коммунистическую идеологию, живи как жил.

– В том-то и дело, что они не дают спокойно жить нормальным людям. Объявляют, например, забастовку, и жизнь в регионе, районе, а то и в стране парализуется: закрываются магазины, кафе, останавливается транспорт. «Живи как жил» не получается: кто не слушается, тому разобьют машину или магазин, а бывает, изобьют или совсем порешат. Сами трясут путников по дорогам, формируют «правительственную казну». Полный ... !

– Но тебе-то что?

– Ну, ребята. Не буду рассказывать вам сказки. Я профессионал и получаю за это деньги. Конечно, я не пойду воевать с кем попадя, если мне не нравятся заказчики. Но тут заказчики хотят поддержать порядок и разогнать хулиганьё. Я, как говаривали в СССР, такие намерения поддерживаю и одобряю. И сочетаю профессиональное с полезным.

На прощание Василий-Vazil посоветовал:

– Вы бы, ребята, уходили отсюда.

– Куда ж мы уйдём, нам в аэропорт надо, по-другому не выберемся.

– Ну да... Помочь, к сожалению, ничем не могу. Но хотя бы пересидите подальше от этого ущелья. В ближайшие дни будет жарковато...

Мы с Богданом последовали советам Василия и Кеша и пробирались в сторону Ролпы. Охранная грамота продолжала оставаться «золотым ключиком», который открывал крестьянские двери, и мы благополучно переночевали в двух деревнях. Удавалось выдерживать правильное направление, поскольку в нижней части этой горной страны заблудиться вообще сложно: дороги и тропы прокладывались веками и в какое-нибудь людное место обязательно выводили. Вывели и к миниатюрному аэропорту «сельского типа».

Понять, летают ли в текущий день самолёты, можно было только по числу находящихся здесь людей, поскольку всякие объявления отсутствовали, а на любой вопрос немногочисленные служащие отвечали по-старорусски: «Ждём-с». Мы протолкались в тесном помещении целый день, пока не начало темнеть и не стало ясно, что сегодня полётов точно не будет. Тогда вышли наружу, расстелили свои «пенки»-коврики и спальники, вскипятили на горелке чай и перекусили. Запасы собственной еды у нас давно кончились, но чай и сахар имелся. К нашему приятному удивлению, в аэропорту работал киоск с продукцией, которая в Непале продаётся в любой деревне: шоколадки «Mars» и «Snickers», печенье «Oreo», чипсы «Pringles» и «Lays» и всякая подобная дребедень. Но это лишь по теплично-городским меркам считается «вредным быстропитом», а здесь – в самый раз: «дребедень» калорийна и голод утоляется неплохо, а о наборе лишнего веса в горах говорить не приходится.

Рано утром – местные самолёты в Непале летают в первой половине дня, когда чаще стоит хорошая погода – услышали жужжание пропеллеров. Самолётик приземлился и забрал первую партию претендующих на вылет, а вмещал-то он всего человек пятнадцать – максимум двадцать. Потом сел следующий, и у нас появилась надежда, что, если случится ещё пара рейсов, мы, пожалуй, и улетим. В этот момент в здание вошло несколько человек, которые невежливо, напролом, не обращая внимания на недовольные взгляды жаждущих и страждущих, пробирались в начало очереди. В одном из агрессивных путников мы узнали учителя Кеша...

Палаточный лагерь маоистов прятался под маскировочной сеткой. Его, а также расположенные рядом постройки всё равно можно было заметить с вертолётки или в бинокль с отдалённых горных вершин. И даже рассмотреть контуры отдельных брезентовых домиков, дымки от костров и полевой кухни, но что с того? Кто и какие действия производил внутри? Что происходило в прилегающих пещерах, в древесных зарослях, на невидимых за скалами полянах? Ясно, что здесь не собралась вся маоистская армия. Ну а сколько? Пятьдесят человек? Сто? Триста?

Терраса с базой внутри ущелья огораживалась с одной стороны отвесной, примерно сорокаметровой скалой; с другой – крутым косогором, омываемым быстрой и каменистой горной речкой. И лесистые пространства, и открытые места на косогоре минировались.

Существовал и удобный вход-выход на террасу, но пулемётного гнезда на краю площадки и двух цементированных дотов на прилегающих скалах вполне хватало, чтобы не пропустить сюда любого противника – его численность как таковая, без привязки к местности, не имеет в горах определяющего значения. Это один из неписаных законов горной войны: выигрывает тот, кто занимает удобный перевал или стратегическую высоту с хорошим обзором и сложным подходом. Даже небольшой отряд с запасом продуктов и боеприпасов способен длительное время перемалывать здесь значительно превосходящие силы врага.

Теоретически можно говорить о боевых вертолётах, в том числе российского производства, которые успешно показали себя, например, в горах Чечни, а ещё раньше в Афганистане. Однако в королевской армии Непала их в то время едва ли набирался с десятков, а повстанческих баз насчитывались сотни. К тому же для точного попадания вертолёту предстояло залететь внутрь ущелья и зависнуть над базой, но в этом случае он рисковал быть сбитым даже из обычного стрелкового оружия. Вертолётов повстанцы не боялись – они не прилетали сюда ни разу.

Лагерь сидел неприятной занозой в теле района. Бойцы маоистского отряда регулярно и с разных направлений, заблокировать которые не представлялось возможным, спускались вниз и совершали набеги на полицейские участки, воинские части и гражданские объекты, убивая людей и пополняя запасы продовольствия. Лагерь штурмовался несколько раз, всегда со стороны «парадного» входа и безрезультатно. Возможность его реального разгрома появилась только тогда, когда в кампанию против повстанцев включились армейские части. Случай с налётом на деревню стал тем вызовом, терпеть который королевские силы уже не могли. Теперь на совещании в военной базе обсуждался вариант нестандартной операции, призванной достичь успеха за счёт суворовского принципа не числом, а умением. К обсуждению штурма наряду с военными и полицейскими привлекли надёжных местных активистов.

– Маршруты штурма сложные, – обрисовывал ситуацию Доржи, командир воинской части. – По косогору не пройти, он заминирован. К скальному массиву с нашей стороны подобраться можно. Но потом предстоит подъём с помощью альпинистской техники по отвесной стене. Выросшие в горах солдаты хорошо передвигаются по рельефу средней сложности, однако взять стену у них не

получится. Надо быть хорошим скалолазом, вбивать и закреплять крючья, надёжно страховать друг друга в всячем положении – в блиц-режиме этими навыками не овладеешь. Очевидно, что преодолевать стену бойцы будут медленно – одного автоматчика наверху достаточно, чтобы пострелять их поочерёдно. А если и вылезут наверх, то сюда направлен пулемёт из дота.

Командир косвенно, но всеми доводами уклонялся от операции. Он бы не возражал и против её полной отмены: солдаты и офицеры останутся живы, на своей хорошо охраняемой территории им ничто не угрожает, а приказ из центра о штурме базы маоистов не поступал, инициатива исходила от полицейских.

Местный пастух Камал – у него маоисты реквизируют скот – оценивал обстановку иначе.

– Мы не можем больше терпеть, годами живём в страхе. Бандитов надо выкурить и, если и не уничтожить полностью, то хорошенько напугать. Доржи говорит о невозможности штурма, но варианты есть, – говорил Камал. – Скальная стена не сплошная. Я наблюдаю за ней много лет. Раньше стена была монолитной, а потом, видимо, при землетрясении, треснула, и трещина постоянно расширяется. Образовалась глубокая расщелина – от самого низа до террасы. Я залезал в расщелину и могу сказать, что она проходима, пробираться и страховаться в ней гораздо легче и быстрее.

– Я тоже считаю, что штурм необходим, – включился начальник полиции Ашир. – Измором повстанцев взять не удастся. Вы только посмотрите: три года назад они начинали с самодельных бомб и старых ружей, а теперь у них современные винтовки и автоматы. Люди симпатизируют маоистам, в отряд влилась молодёжь и даже женщины. Что касается расщелины, то этот вариант хорош. Через расщелину вместе с Камалом пойдут мои люди: они заранее изучат проход и попытаются подняться этим путём. Альпинистская подготовка, конечно, пригодилась бы, но она слабовата.

Наиболее оптимистично выглядела информация русского Василия. Почему он оказался на военной базе непальцев, знал, возможно, только командир части. Василий вместе с двумя американцами прислали по указанию командования из Катманду. Американцы сопровождали груз винтовок М-16 и вели учебный цикл по обращению с ними. Василий же выполнял функцию универсального инструктора: по физической подготовке в целом, обучению стрельбе, рукопашному бою. По инициативе русского была сформирована разведывательная группа под личным командованием офицера.

– Сегодня ночью мы взяли в плен трёх маоистов из лагеря, когда они пытались пробраться в деревню, – докладывал Василий. – Один говорить категорически отказывался, кричал и плевался, пришлось пустить его в расход сразу. Оставшуюся двойку я допрашивал, но они тоже молчали. Я провёл «психическую атаку» и застрелил следующего на глазах его товарища. Другой бандит испугался и обещал показать расположение мин на косогоре в обмен на жизнь.

Предлагаю вот что: я с «наводчиком» и тремя бойцами проберусь в лагерь через заминированный косогор, попробую захватить пулемётное гнездо и подойти к дотам. Вряд ли получится тихо, поэтому, когда пройду минное поле, мигну фонариком. А дальше вы услышите выстрелы и взрывы. Невдалеке от нас должен следовать второй эшелон солдат. Группа полицейских пройдёт через расщелину и сконцентрируется на выходе из неё. Здесь есть неплохой обнадеживающий нюанс. Я контактирую с русскими альпинистами, которые находятся сейчас в этом районе. Я связался с ними и договорился, что они заранее обработают маршрут по трещине и рядом с ней. То есть «пробьют» дорогу крючьями и навесят верёвки, поскольку трещина хоть и есть, но всё равно сложна для обычного прохождения. Они дадут нам «напрокат» свои жумары – это приспособления, фиксирующие верёвку в любой момент скольжения вверх или вниз...

С наступлением темноты военные и полицейские начали стягиваться к подходам на террасу. Василий с пленным, который действительно показывал расположение мин, продвигались по косогору, выжидая, когда луна заходила за тучи, и затаились невдалеке от пулемётного гнезда. Когда мигнул фонарик, передовые части групп из расщелины и с косогора бросились к лагерю, уже не скрываясь; за ними следовали остальные. Прятаться дальше не было смысла: через секунды у пулемётного гнезда и ближнего дота раздались автоматные очереди и взрывы гранат разведчиков Василия. Дальний дот, пристрелянный на выход из ущелья, начал строчить, но стрелять было не в кого: по главному проходу никто не шёл. К доту подобрался с тыла и дважды выстрелили во входной блок из гранатомёта. Кумулятивные струи расплавленного металла прошли металлическую дверь и не оставили шансов на выживание находящимся внутри стрелкам.

Дальнейшее напоминало набег стаи грифов на тело мертвеца: тени королевских солдат при свете луны метались, как крылья гигантских птиц, а «мертвец» представлял собой лагерь с двумя сотнями живых людей. «Грифов» насчитывалось раза в три меньше, но в наступившей ситуации нападавшие и оборонявшиеся поменялись стратегическими местами: потенциал выигрышной «перевальной» позиции маоисты потеряли. Штурмующие поливали лагерь очередями и забрасывали гранатами.

Силы маоистов оказались рассеяны несколькими линиями огня, однако действия опытных боевиков вряд ли напоминали собой спящих и выскакивающих из палаток в нижнем белье красноармейцев из фильма «Чапаев». Автоматы, ручные пулемёты, винтовки начали интенсивно отвечать солдатам и полиции, тем более что гранаты у нападавших вскоре закончились. Однако наладить системную оборону не получалось, и Кеш – он командовал лагерем – приказал прорываться по основному маршруту. Его подчинённые догадались, что через «центральный вход» на террасу пробираться лучше всего, поскольку там не было засады сил непальского гарнизона и полиции.

Сам Кеш не пошёл этим путём, а с группой повстанцев поднялся к взорванному доту, теперь оставленному нападавшими, в надежде завладеть им и использовать по назначению. Однако амбразура была завалена, а пулемёт повреждён. Кеш сверху оглядел лагерь. Многие палатки смело взрываются, некоторые горели. Интенсивность схватки ослабла: лишь небольшая часть маоистов оставалась в лагере и продолжала обороняться. Их обстреливали поднявшиеся к лагерю люди Доржи и Ашира, но основные силы армии и полиции устремились в погоню за просочившимися в ущелье беглецами. Солдаты стремились отрезать и основной проход, сделав невозможным отступление через него. И военные, и полицейские несли потери, но и повстанцев планомерно истребляли: обе стороны не имели задачи брать пленных.

Бывший учитель приказал достать дымовые гранаты и бросать их в лагерь и по новому пути отхода, выбрав в качестве такового косогор, поскольку к данному моменту он почти опустел. «Кому повезёт, тот прорвётся», – крикнул Кеш и первым, цепляясь за деревья, прыгая и съезжая, устремился вниз по крутому склону. Ему и вправду сопутствовала удача, однако сколько ещё людей преодолели минное поле, командир не знал – бегство сопровождалось разрывами мин; Кеш с небольшой группой оторвался от потока отступающих солдат и скрылся в горных зарослях...

Василий понимал, что задача по разгрому лагеря выполнена. Далеко не всех маоистов удалось перебить, да это и не представлялось возможным в ночных условиях и с учётом превосходящей численности противника. Да, теперь они разбегутся по округе, снимут форму и временно станут «мирными гражданами». Но что он, русский офицер, не знающий местности и невидимого простым глазом расклада сил, мог сделать?

Командир военных Доржи рассуждал аналогичным образом. Армия втянулась в схватку с маоистами поневоле, когда стало понятно, что полицейские не справляются. Доржи выполнял приказ короля, но про себя был убеждён, что борьба с партизанами – дело полиции. Он всячески отгонял от себя мысль о том, что вчерашние партизаны давно превратились в регулярную армию и несли реальную угрозу конституционному строю. А против армии должна сражаться другая армия, а никак не силы охраны порядка. Так или иначе, но заниматься поисками разбежавшихся бандитов Доржи не собирался.

Начальник полиции Ашир думал по-другому. Ему давно осточертел этот Кеш по прозвищу «Учитель». Он давно не преподавал, а превратился в убийцу и мародёра. Но основная исходящая от него опасность заключалась даже не в этом: Кеш обладал большим доверием среди местных и колоссальными организаторскими способностями. В кратчайшее время он мог снова собрать рассеянных повстанцев в боеспособные отряды. Один Кеш, как красноармеец Сухов из «Белого солнца пустыни», «стоил взвода, а может, и роты» рядовых солдат, и его требовалось уничтожить. Но сейчас, когда с десятков полицейских погибли во время штурма, Ашир не видел у оставшихся в живых желания пускаться в погоню. Но вот у этого русского «ястреба» глаза горели. Конечно, Vasil не станет преследовать беглецов в одиночку, не зная даже, где их искать. Но если совместно...

Повторюсь: мы не имели никакой информации о происходящих схватках, хотя отдалённые выстрелы и взрывы, конечно, слышали. Тем более не предполагали, что Кеш выбрался из пекла, отдышался и оперативно сплотил вокруг себя пару десятков дееспособных бойцов. Все они догадывались, что, раз в противоборство вступили армейские части, операция в ущелье и прилегающих

селениях продолжится. Значит, надо временно уйти в другой район. Быстро это можно было сделать с помощью воздушного судна. Местный аэропорт никогда не представлял сложностей для захвата, просто этого не требовалось. А теперь время пришло.

План маоистов выглядел так. В одном из селений находился конечный пункт рейсового автобуса, ходившего раз в день именно до посёлка с аэропортом. Если захватить автобус вместе с пассажирами, не возникнет необходимости огневого контакта с охраной взлётной полосы. Солдат там немного, но всё же в прямое столкновение с ними вступать нежелательно: лётчики заподозрят неладное, и план может сорваться. А под прикрытием заложников есть шанс подъехать к самолёту без выстрелов, взять под контроль экипаж и спокойно загрузиться и улететь, причём всем и одним рейсом. Лётчики – их два в каждом самолёте – никуда не денутся, стоит лишь приставить пистолет к виску.

Куда лететь? Не в Катманду, конечно, – там сильная охрана. Но проблем с конечным пунктом перелёта нет: непальская авиакомпания с экзотическим названием «Yeti Airlines» располагала маленькими самолётами Dornier-228 немецкого производства и канадскими DHC-6 Twin Otter, которые могли сесть в принципе на любой, даже земляной ровной поверхности длиной хотя бы в двести метров. Прекрасно: место приземления станет известно только в тот момент, когда шасси коснутся земли. В случае непредвиденных обстоятельств в операцию по захвату вмешивалась группа Кеша; предполагалось, что она предварительно проникнет в аэропорт под видом обычных пассажиров. С таким замыслом согласились все повстанцы.

План и вправду казался стопроцентно выполнимым, если принимать во внимание любые материальные факторы, имевшиеся у противоборствующих сторон, будь то численность, оружие или транспорт. Однако всегда существует и фактор другого рода, а именно мозги. Именно они выручали одних и приводили к проигрышу других на протяжении всей человеческой истории. Синтез мозговой активности Ашира и Василия работал неплохо. Для них варианты использования повстанцами автобуса и самолёта просматривались такими же безусловными, как и для маоистов. Просто одними это было виртуозно придумано, а вторыми – столь же великолепно вычислено. Подумали начальник полиции с боевым инструктором и о «втором эшелоне» нападавших, который вполне мог появиться из толпы вылетающих. И стали готовиться к атаке.

Одного полицейского снайпера расположили прямо на крыше автобуса, среди мешков, сумок и чемоданов; ещё двух – на постройках в зоне предполагаемого захвата автобуса. Что же касается повстанцев, то они послали навстречу автобусу джип с тремя вооружёнными бойцами; остальная группа затаилась в зарослях поблизости, готовая загрузиться в автобус после его захвата.

Автобус остановился возле строений сам, так, как будто случилась поломка или другая непредвиденная ситуация. Джип двинулся к нему навстречу, из него вышел одетый в повстанческую форму человек и, перед началом разговора, пустил для устрашения очередь в воздух. Она слилась с выстрелом снайпера. Двое других, находившихся в кузове джипа, рядом со станковым пулемётом, не разглядели точку, откуда стрелял снайпер и стали лихорадочно водить дулом по сторонам. После нескольких снайперских выстрелов с этими двумя тоже покончили. Находившаяся в кустах группа «пассажиров» бросилась наутёк, но местность уже заблокировали: полтора десятка маоистов попали в огневой котёл и были перебиты.

Ашир, Василий и двое полицейских, переодевшись в форму повстанцев, сели в джип и вместе с автобусом, где уже находились свои бойцы, двинулись в аэропорт. Для натуральности снесли бампером ворота, въехали на взлётную полосу и направились к самолёту. Предупреждённые охранники аэропорта открыли по автобусу демонстративную стрельбу. Сидящие в нём, естественно, не пострадали и благополучно достигли судна. Чего они не знали, так это призывной команды, о которой договаривались повстанцы и которая означала, что находящиеся в аэропорту могут загружаться. Поэтому Ашир просто закричал: «Путь свободен», и выстрелил вверх.

Кеш с товарищами, расшвыривая стоявших на пути, выбежали на поле. Полицейские в джипе держали наготове пулемёт, Ашир спрятался за кабиной автомобиля, а Василий – за фюзеляжем самолёта. Но команда для выдвижения оказалась не той, о которой договаривались повстанцы. К тому же Кеш не увидел повстанцев, выходящих из автобуса, поскольку их там и не было. Поэтому учитель только делал вид, что поверил в «своих». Подбежав к джипу, Кеш вытащил из-под одежды оружие и начал стрелять сразу из двух пистолетов, товарищи последовали его примеру. Пулемётчики не успели ответить огнём, так как были убиты сразу. Ашир и выскочившие из автобуса полицейские

выпустили автоматные очереди по троиm сопровождавшим Кеша повстанцам: один упал, свалился и Кеш. Третий проник в самолёт и сразу взял под прицел лётчиков.

«Ну, с этим разберёмся», – сказал Ашир и перевернул мёртвого или тяжело раненного, как казалось начальнику полиции, учителя. Но тот лишь притворялся: оказавшись на спине, он выстрелил Аширу в лицо, а сам бросился на трап. Уже у входа в кабину Кеша настиг Василий: бросив мешающий автомат, он прихватил учителя рукой за шею, и они вместе втиснулись в салон. Повстанец – конвоир лётчиков – направил пистолет на Василия, а тот, делая вид, что не станет сопротивляться, прикрылся учителем и стал кричать по-английски, что отпустит Кеша и даст самолёту взлететь.

Василий, разумеется, не собирался выполнять свои обещания: мгновенно оценив обстановку, он увидел на поясе учителя кукри-нож. «На тебе, с...а», – прошептал офицер, не меняя позы и не переставая кричать; вытащил тесак и погрузил его в живот учителя. Повстанец рядом с лётчиками не успел ничего понять, он смотрел на оседающего Кеша и всё ещё надеялся, что они вместе с ним справятся и улетят. Но Василий, бросив нож, нащупал правой рукой в кобуре «Стечкин», снятый с предохранителя и стоявший на режиме «очередями», поднял его и надавил на спуск. Пули пошли в «десятку», лишив повстанца глаз, а заодно и жизни...

То, чему мы стали свидетелями в здании аэропорта и на взлётной полосе, воспринималось как шок, абсурд, фильм-боевик. Полёты в этот день отменили, и мы подумали, что их теперь не будет долго. Смирились, что придётся ковлять пешком – а до ближайшей дороги, откуда ходил транспорт до Покхары или Катманду, шлёпать предстояло дня три-четыре. Ладно, утро вечера мудренее. К нашему счастью, продуктовый киоск в здании аэропорта продолжал работать, и мы сформировали наш дорожный паёк.

Ночь провели на ставшем почти родным клочке травы под стеной аэропорта, а утром с удивлением услышали звук пропеллера. Военные? Подкрепление? Но нет: к нашему удивлению, возобновились обычные гражданские перелёты. Чудо? Вовсе нет. В режиме чрезвычайной ситуации страна жила много лет, а люди, как известно, привыкают не только к хорошему, но и к плохому. Мы увидели совершенно чистую взлётную полосу, откуда утащили повреждённые выстрелами джип и автобус; пассажиры, как ни в чём ни бывало, деловито стремились встать первыми в очереди на вылет. С удовольствием включившись в известный диалог «я с вечера занимал, а вас здесь не стояло», мы тоже с воодушевлением принялись работать локтями и сумели улететь в Катманду вторым рейсом. Запаса шоколадок хватило до самой Москвы...

А в столице Непала тоже было неспокойно. Не берусь судить о том, насколько демократично правил король Бир и насколько тоталитарно – король Гьян. Но, измученный годами гражданской войны, он объявил, что берёт на себя всю полноту исполнительной власти в стране на ближайшие три года. Король ввёл новые нормы цензуры, в частности, недопустимость любой публичной критики в печати своих действий; запретил митинги и шествия, объявил в Катманду комендантский час. Большинство членов руководящих органов оппозиционных политических партий были отправлены за решётку. В то же время Гьян высказался за демократические перемены и предложил сформировать переходное правительство с включением туда оппозиции, в том числе маоистов.

Давно известно, что история повторяется. Столь же хорошо известно, что каждый правитель надеется: успешное повторение случится именно в его стране, а неудачное – в какой-то другой. Десять с лишним лет назад, в 1991-м, в Москве создали ГКЧП – государственный комитет по чрезвычайному положению. Его цели были так же понятны, как в случае с Гьяном: быстро навести порядок твёрдой рукой, а потом медленно двигаться к мягкой демократии. ГКЧП продержался три дня, но Гьяну повезло больше: ослабевающее правление короля длилось после непопулярных мер три года...

Пока столица Непала бурлила. Нам, да и всем путешественникам в Катманду, по-прежнему не угрожала опасность. Будучи зрителями, а не участниками политического спектакля, мы поневоле воспринимали происходящее как перформанс, театрализованное действие. С любопытством отмечали, что поведение местных «актёров», то бишь демонстрантов, сильно отличалось от «актёров» российских. В России это, как правило, рассудительные, рациональные, организованные люди. Здесь же бушевала орущая, машущая руками, бессистемно передвигающаяся толпа. Позже стало ясно, что таково лишь первое внешнее впечатление: существовала и чёткая организация, и лидеры, некоторые – с уже известными нам повязками на руках: серп и молот либо скрещенные автоматы.

Поведение полиции тоже отличалось. И в Москве применялись дубинки против незаконных де-

монстрантов, но мне не приходилось наблюдать слезоточивый газ и резиновые пули, а в Катманду это было регулярным явлением, так же как и кашляющие от удушья люди рядом с другими – с огромными синяками. Мировая пресса давала информацию об уличных столкновениях... ну, очень по-разному: от заметки о «стычках с полицией с несколькими ранеными» до репортажей о «массовом побоище» и «расстреле мирной демонстрации с многочисленными жертвами». «Масла в огонь» подлило то, что на демонстрацию вышли и непальские журналисты – их тоже невежливо разогнали. Так что другого подхода к информированию в эти эмоциональные дни ожидать и не стоило.

В те дни, что мы находились в столице, «королевское пространство» сузилось до территории дворца и нескольких правительственных зданий, оцепленных войсками. По телевидению теперь ежедневно звучали всё более демократичные заявления Гьяна: теперь он готов был не просто сформировать временное правительство, но и передать ему власть, предложив маоистской оппозиции выдвинуть своего кандидата на пост премьер-министра; обещал провести всеобщие выборы. «Исполнительная власть королевства Непал, которую мы брали на сохранение, с этого дня будет возвращена народу», – говорил король.

Заявления оппозиции, наоборот, становились резче: «король хочет обмануть нас и спасти режим», «народу не нужен такой король», «стране не нужен король вообще». А что нужно? Лозунг с ответом на этот вопрос заставил нас с грустной улыбкой вспомнить российскую историю 1917–1918 годов: «Даёшь учредительное собрание!» В стране началась всеобщая стачка...

В 2006-м парламент Непала лишил Гьяна права накладывать вето на законы и законопроекты. Депутаты единодушно отобрали у короля должность верховного главнокомандующего армией, лишили иммунитета и обязали платить налоги. Страна с многовековой монархией, облачённой многочисленными формальными и неформальными атрибутами, объявила себя «светским государством». Но самое удивительное заключалось в том, что король теперь перестал считаться реинкарнацией бога Вишну.

«То есть он раньше был воплощением бога, живым богом, а теперь перестал?» – такой несуразный вопрос завис в голове малообразованного в области индуистской религии русского интеллигента.

«Ага!» – ответило ему индуистское эхо.

«А такие вопросы тоже решаются на законодательном уровне?» – неистовствовал пытливый ум.

«Так точно, это ж демократия. Мы отобрали у короля это право и титул», – резюмировали члены непальского парламента.

Правительство Непала, в конце концов сформированное из представителей семи партий, заключило мир с маоистами. Длившаяся в стране десять лет гражданская война закончилась. За эти годы двенадцать тысяч человек были застрелены, зарезаны, замучены. Или нет? Реинкарнировались, переродилось или, как у них там, на Востоке?

Кто кого победил? Да никто никого, как и в любой гражданской войне.

О! А что с живой богиней Кумари? Её тоже «разжаловали»? Давайте перенесёмся на год вперёд. В 2007-м в Непале праздновали очередной фестиваль Индра-Джатра. Девочку-богиню, как и прежде, принесли на площадь в носилках, покрасили ноги красной краской и совершили иные положенные атрибуты. Дальше должен был появиться король – он, как помнит читатель, приходил к Кумари за тикой – символической красной точкой на лоб, означающей продление власти. Король формально ещё «сидел на троне». Но фактической властью уже не обладал. Вместо него за тикой пришёл... премьер-министр. И Кумари поставила ему красную точку на лоб.

Всё? Отнюдь! Через некоторое время появился и монарх. И тоже получил тикку! Как это понимать? Как в известной загадке, где нужно посмотреть на две вроде бы одинаковые картинки и найти различия. Однако несведущий человек их не заметит. А «подкованный» отметит разницу и скажет: смотрите внимательно, вот подходит премьер. Кумари ставит тикку правой рукой. А королю – левой! И с рисовыми зёрнами: именно так предусмотрено исполнявшимся сотни лет ритуалом.

Кто же подсказывает Кумари замысловатые политические ходы? Никто: Кумари вне политики; в силу своей божественности она сама знает, как нужно поступать...

Через полгода короля свергли и формально, он переехал из дворца в обычную квартиру. Изображение монарха перестали печатать на банкнотах. Слово «королевский» исчезло из полного титула Королевской Кумари. Её стали называть просто Кумари Катманду. Видимо, девочка-богиня взвесила всё, хорошенько подумала и решила: так будет правильно.

Проза

Геннадий Гусаченко

Геннадий Григорьевич Гусаченко – окончил факультет журналистики и восточное отделение японского языка ДВГУ. Работал корреспондентом в редакциях газет Приморского края и Новосибирской области. Член Союза журналистов СССР и России. Публиковался в журналах: «Слово/Word» (Нью-Йорк, США), «Охотник», «Парус», «Причал», «Невечерний свет», «Золотое руно», «Человек и закон», «Горница», «Охота и охотничье хозяйство», «Муравейник», «Костёр», «Юный натуралист»; в альманахах: «Охотничьи просторы», «Сибирский Парнас», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка»; в сборниках сказок «Книжным детям» и в других изданиях. Книги: трилогия «Под крылом ангела-хранителя» (романы: «Жизнь – река», «Рыцари морских глубин», «Покаяние»); романы: «Долгая дорога в Рай», «Слуги сатаны», «Золото империи»; сборники повестей и рассказов: «Тигровый перевал», «Венок Соломона», «Вещий сон», «Судьбы людские», «О море, о морях»; книга тайжных сказок «Почему медведь в тайге хозяин».

Китобойная одиссея

Роман

Завершение. Начало в предыдущем номере

ЧАСТЬ 2

Ночью ураганный ветер разогнал тучи, и в разрывах между ними над ледяными просторами поплыла матово-бледная луна. Непривычно светит с северной стороны. В её слабом белесоватом свете качались чёрные мачты «Вдохновенного», вычерчивая над головой замысловатые зигзаги. Лунная радуга встала над южным горизонтом, расцветила полярное небо мягкими, прозрачными красками, разбавленными синевой ночи. Казалось, они пахли морем и низко висящими над ним мохнатыми звёздами. К утру ветер стих, погасли гребни, но море не улеглось, и в разных направлениях шла зыбь. Китобоец то раскачивался с борта на борт, то подвергался стремительной килевой качке. Оголённый винт, бешено вращаясь, сотрясал судно. Я выбежал на корму, изгибаясь в приступах тошноты, цепко хватался за леер и выл волком, в который раз проклиная себя за необдуманное решение отправиться в десятидневное плавание. Ведь знал же, знал, что буду блевать, бездыханным трупом висеть на леере, тупо глядя на пенный бурун, и молить Бога поскорее унять ненавистную бурю и эту проклятую зыбь. Так нет же! Попёрся опять, да не куда-нибудь в Чёрное море с его персиково-абрикосовыми, виноградно-сливовыми, пальмово-кипарисовыми берегами! А в Антарктику, в самое пекло бесовской свистопляски сатанинских ветров! Что заставило меня забыть о прежних мучениях морской болезни? Романтика китобойного промысла, жажда денег или неуёмная страсть, вроде той, что в мерзопакостную погоду гонит охотника на звенящее гнусом болото? Наверно, нельзя сказать, что здесь главное. И первое, и второе, и третье, как меню на обеденном столе, всё вместе взятое, составят то единое чувство, всегда тянущее в море, скрывающееся за далёким манящим горизонтом. Надо признаться самому себе, что стремление заработать денег тоже подтолкнуло на отчаянный шаг. «Вот схожу в путину, куплю машину... Нет, лучше квартиру... Или положу все деньги на сберкнижку... Схожу потом ещё раз и куплю домик в Крыму...» – мечтал я, вышагивая к проходной Дальзавода, где в ремонте стоял «Вдохновенный». И вот я даю «смычку» рвоты с кормы «Вдохновенного», мгновенно подхваченную ветром и унесённую в штормовую ночь. И признаюсь самому себе: «Зря, парень, мучаешься... Ничего не будет и на этот раз... Ни машины, ни квартиры, ни сберкнижки... Всё останется в мечтах, а денежки быстро и незаметно, как горсть снега в тёплой ладони, растают в ресторанах и гостиницах Владивостока, осядут в сумочках улыбочиво-жуликоватых официанток, в портмоне неприступно-строгих взяточников-администраторов, в карманах хамо-

вато-наглых таксистов. Обессиленный, я возвратился в электрогребное отделение, упал на поёлы. В лежачем положении легче переносится качка. На трапе послышались шаги. Это спускается первый электромеханик Абашкин. Увидел меня, недовольно сказал:

– Ты чего раскис, как медуза? Качку работой вылечивают... Держись, парень! Ты же мужик! Бабы и те в море ходят...

– Ага... Ходят... На плавбазах, которые не шкивает так, как нас... На китобоец бы хоть одну из них... Посмотрел бы я на тех морячек.

– Была одна такая... В послевоенные годы... Плавала капитаном на китобойце... Фамилия её не то Соколова, не то Орлова... Эта бой-баба понимала толк в китобойном деле! По рассказам старых китобоев, она и сама становилась к пушке. А команду держала во как! – Абашкин показал сжатый кулак.

– Чуть что не по ней – ка-ак звезданёт промеж глаз! Мужики на судне боялись её. Слабаки на борту не держались... Она была стройна... Ходила в сапогах, в кожаных штанах в обтяжку, в свитере водолазном и всегда в фуражке-мичманке. Красивая была!

– Кто-нибудь из команды ходил у неё в любовниках?

– Об этом история умалчивает... Говорят, неприступная была, как крепость...

– Неприступных крепостей не бывает... Их штурмом берут или длительной осадой. А в путине за девять-десять месяцев неужто ей любви не хотелось?

– Хотелось, наверно, как и всякой женщине... Но, говорят, не находилось смельчаков забраться в постель к бабе-капитану.

– И где сейчас эта Соколова-Орлова?

Абашкин неопределённо пожал плечами.

– Кто её знает? Считай, четверть века минуло с тех пор... А может, выдумка всё... Легенда... Никто толком ничего не скажет... А ты, давай... Хватит валяться. Не можешь? Тогда я Шматко на замену пришлю... Пусть он за тебя повахтит...

Рассказ Абашкина глубоко запал мне в душу на всю жизнь, хотя героическими женщинами никого не удивишь: мифическая Афина Паллада, богиня охоты с копьём в руке. Жанна д'Арк – предводительница рыцарского войска. Танцовщица-разведчица Мата Хари. Полковник авиации Марина Попович – лётчик-испытатель реактивных самолётов. Валентина Терешкова и Светлана Савицкая – космонавты. Капитан дальнего плавания Анна Щетинина. Были и есть много других героических женщин, управлявших самолётами, паровозами, автомобилями, тракторами... Но чтобы почти на год уходить в штормовое море на маленьком китобойце, держать в повиновении три десятка отчаянно-бесстрашных моряков... Даже Волк Ларсен в романе Джека Лондона «Морской волк» не мог справиться с разъярённой толпой матросов. А тут хрупкая на вид женщина... Какой волей, смелостью и мореходными знаниями нужно обладать, чтобы завоевать уважение и признательность экипажа? Многие годы загадочный образ женщины-капитана, наделённой железным характером, вставал у меня перед глазами. Я представлял её у гарпунной пушки, в каюте над штурманской картой, за столом кают-компания, на мостике китобойца. А если такая и вправду была?.. «Вот разыщу её, расспрошу обо всём и напишу роман... И померкнет в сравнении с «бой-бабой» Волк Ларсен... Никого не разыскал... Ничего не написал... Так и осталась бы она для меня красавицей-амазонкой из легенды о китобоях, если бы однажды – это случилось незадолго перед моим отплытием в поход по Оби – случайно не наткнулся в Интернете на фамилию Орликова. Я чуть из компьютерного кресла не выпал! Она! Я столько лет обожал эту женщину, существующую лишь в моём воображении, и вдруг она выплыла из глубины прошлых лет в виде сухой информационной заметки. Из материала Letopisi.Ru. «Время вернуться домой» узнал следующее:

«Орликова Валентина Яковлевна... Родилась в 1915 году в г. Сретенске, в Забайкалье. Окончила Владивостокский водный техникум и Ленинградский институт водного транспорта. Во время Великой Отечественной войны работала штурманом на судах морского флота, участвовала в эвакуации раненых из Таллина. После войны стала первой в мире женщиной-капитаном китобойного судна «Шторм», а позже – единственной в мире женщиной-капитаном БМРТ – большого морозильного рыболовного траулера. Стояла на капитанских мостиках промысловых судов «Николай Островский», «Новиков-Прибой», танкера «Пирятин». Герой Социалистического Труда Валентина Яковлевна Орликова ушла из жизни в Москве 31 января 1986 года. Похоронена на Ваганьковском кладбище. Рыбаки Мурманского тралового флота установили на могиле В. Я. Орликовой бронзовый бюст.

Её именем назван российский траулер, построенный в Германии. В Мурманске на улице Капитана Орликовой, на доме номер 40, установлена мемориальная плита. На мраморе высечены слова: «Орликова Валентина Яковлевна (1915–1986). Капитан дальнего плавания, единственная в мире женщина – капитан китобойного судна. Герой Социалистического Труда»».

Вот так, через сорок лет, полуправдивая, полумифическая история, рассказанная мне Абашкиным, обернулась реальностью, получила достоверное подтверждение.

Оказывается, она жила в Москве. С ней можно было воочию увидеться, поговорить, написать о ней интереснейшую книгу. Почему, откладывая на «потом», мы думаем, что у нас уйма времени. Что всё останется на своих местах, никуда не денется, будет ждать нас, и мы успеем найти, рассказать, сделать, создать?! Время – прялка, и годы – клубок. То их жалко, то наоборот... И оно не может быть ни плохим, ни хорошим, ни добрым, ни злым: какие люди – такое и время. Не дождалась Валентина Яковлевна моего звонка в дверь её московской квартиры. Слишком долго я откладывал на «потом» наведение справок о ней. Такое вот грустное продолжение романтической истории, услышанной мною в штормовую ночь от первого электромеханика «Вдохновенного» Ивана Андреевича Абашкина. Мог ли я тогда, мучимый морской болезнью, придать серьёзное значение судьбе женщины – капитана китобойца, наклонившись над жестяной банкой-обрезом, исходя в неё струйкой прозрачно-зеленоватого желудочного сока?

Абашкин посмотрел на меня, как на издыхающую никчемную собаку.

– Ну и видок у тебя! Размазня! Преодолей себя! Пойди на бак, помоги мужикам гарпуны потаскать... Смотреть противно, как ты корчишься... Тьфу!

Ну и пусть плюётся... Мне всё равно. Какие, к чертям собачьим, гарпуны? До ведра только и хватает сил доползти... Никто сейчас не оторвёт меня от поёла, по которым, распластавшись, елозится моё чуть живое тело. В гробное отделение заглянул электрик Шматко.

– Я за тебя вахту стоять не буду, – сердито сказал он. – Тут не гавайские тропики, где вы загорали на «Славе»... Тут, братец, Антарктика!

Одессит без всяких усилий приподнял меня, усадил за конторку перед телефоном, словно нарочно тотчас зазвонившим. Я снял трубку.

– Электроплита не включается, – прогундосила трубка голосом кока.

И я, пытаюсь поймать ногами уходящую из-под них палубу, потащился на камбуз, где запах отварной колбасы заставил меня выскочить за дверь, навалиться на планширь, сокращаясь в позывах дикой тошноты. Но кок ждать не намерен.

– Слышь, приятель... Война войной, а обед по расписанию, – крикнул он. – Я не намерен по твоей милости оставлять команду без обеда.

Я вернулся на камбуз, поменял плавкую вставку в предохранителе и больше не падал на поёлы.

Да-а... Это не «Робкий»... Здесь никто не сочувствует с дружеской иронией... Здесь нет улыбающегося Чугунова, неунывающего Далишнева, весёлого Балдина и других добрых, отзывчивых, бесшабашно-удалых, азартно-хватких в работе сорви-голов, где и сам капитан Обжиров под стать команде – красавец-мужчина, в числе первых на промысле, в пьянке, в гулянке... Здесь я сам по себе...

Ещё несколько долгих месяцев, с упоением зачёркивая в календаре прошедший день, бесконечно пересчитывал, сколько осталось терпеть до окончания путины. Следуя за китами, флотилия приблизилась к Южным Шетландским островам, вблизи которых и наступил долгожданный конец промысла. Ударил сильные морозы, повалил снег: в южном полушарии началась антарктическая зима, в то время как в северном в это время лето. Проливом Дрейка мы вышли в Атлантику, миновали Африку, прошли Индийский океан, обогнули индонезийский остров Суматра и Малайзийским проливом пришли в Сингапур, куда «Советская Россия» традиционно заходила пополнить запасы питьевой воды и топлива. Китобойи толпами устремлялись на берег, сметая товары в бесчисленных лавочках торгующих здесь китайцев, малайцев, японцев, филиппинцев, тайцев.

Мне ужасно не повезло: с разболевшимся животом угодил в медсанчасть плавбазы. В бананово-лимонном Сингапуре побывать не удалось. Во Владивосток «Вдохновенный» возвратился в одиночестве. В Южно-Китайском море к нам на судно высадился учёный-ихтиолог, и ещё неделю мы болтались, выполняя указания очкастого лысого умника в белых шортах и панамке. К пирсу на Мальцевской переправе мы тихо подошли поздним июльским вечером, без оркестров и встречающих, словно с рыбалки выходного дня. Едва перебросили трап, как все свободные от вахты моряки ломанулись на берег. Домой, к семьям, к любимым женщинам. Я не мог сдерживать эмоции от обуревавшей меня радости ступить на твёрдую землю и всё бежал, бежал. Ноги, прирученные сопротивляться качке, высоко зади-

рались в коленях, а я всё бежал, бежал... Наконец, утомлённый бегом, поплёлся неторопливым шагом. Куда? Ни семьи у меня... Ни дома... Ни любимой женщины... На Луговой сел в трамвай и поехал по Ленинской, ныне Светланской. Просто так. Без цели и понятия зачем. Мне хотелось кричать, говорить всем, что вот он я, вернулся из Антарктики! Почти год не видел ничего, кроме воды и неба. Рядом сидели незнакомые горожане, шутили, смеялись, говорили о своём. Не было им дела до какого-то молодого моряка в форменной тужурке и в фуражке с «крабом», шитым золотистыми нитками. Мало ли моряков во Владивостоке! Я вышел на остановке «Океанский проспект». Ноги сами понесли в «Золотой Рог». У дверей стоял швейцар в ливрее, перекрыл вход.

– Мест нет! – разглаживая бакенбарды, рявкнул ресторанный цербер. Я сунул ему трёшку и беспрепятственно вошёл в зал. За двадцать пять рублей официантка быстро «изыскала» место за столиком рядом с дамой уныло-томного вида. Вечернее платье из тёмно-вишнёвого бархата, укладка пышных волос, над которой долго старался парикмахер, не оправдывали пылких надежд дамы. Видимо, никто не приглашал её танцевать. Судя по скучающим лицам посетителей, оркестранты в который раз и без устали «на заказ» исполняли марш китобоев. В гудящем улеем, сизом от табачного дыма зале «Золотого рога» сегодня «правили бал» китобои «Советской России». Я подошёл к солисту оркестра, вручил сторублёвку и кивнул на даму в бархате.

– Сделаем! В лучшем виде! – мотая гривой длинных волос, ответил солист. Я ещё не добрался до столика, как микрофон запищал, загудел и забасил приподнято-торжественным голосом подвыпившего певца:

– А сейчас для нашей гостьи, очаровательной незнакомки в бархатном платье исполняется песня «Эти глаза напротив...».

Загремели стулья, задвигались столы, и кавалеры, заметно принявшие «на грудь», стараясь опередить соперников, ринулись расхватывать самых красивых.

– Позвольте пригласить вас, – с галантным поклоном подошёл я к даме, по спекулятивной прихоти официантки ставшей в этот вечер моей избранницей. Она благодарно улыбнулась. Маленькая мягкая ладонь элегантно легла на мою грубоватую руку. Волнисто-русые волосы, пружинящие лаком и приятно пахнущие жасмином, коснулись щеки. Обхватив обтянутую бархатом гибкую талию, я прижал женщину к себе, ощутив упругость груди. Вот она – минута блаженства, ради которой блевал с кормы «Вдохновенного»! И пропади они пропадом эти деньги! Ещё заработаю! А сегодня имею право устроить себе шикарный отдых! Я щёлкнул пальцами, подзывая официантку, почти не отходившую от моего столика.

– Шампанского! Коробку самых дорогих конфет и фрукты! Для дамы в бархате! И бутылку коньяка «пять звёздочек»!

...Ветер свистит на пустом берегу... Шумят, бегут торопливо волны. Подобно им, быстро проходят годы.

Затуманенным взором обречённо и с завистью смотрит старый морской волк на сверкающее солнце, которое с высоты небес видит море: белое от полярных снегов и льдов... Гладкое, изумрудно-зелёное... Вспененное штормами... Иссиня-фиолетовое, с мелкой рябью, подёрнутое предутренней туманной дымкой... Медно-золотистое в бликах вечерней зарницы... Бьющее прибоем в прибрежные скалы... Тёплое и спокойное, ласково омывающее песчаные дюны... Завершая каждодневную прогулку по небосводу, уставшее солнце погрузится вечером в глубины океана, а утром, освежённое его волнами, вспыхнет ослепляющим диском среди розовых облаков и продолжит свой извечный путь в новой красе. Вспомнит бывалый моряк, как купалось солнце в тропическом море, обагрив горизонт кроваво-красными зорями рассветов и закатов, роняя брызги пурпурного света. Не забыть ему сырые, холодные ветры Атлантики, освежающие тихоокеанские бризы и морозное дыхание Антарктики. Отринув годы, увидит седобородый старец себя молодым на фок-мачте охотника за китами, с марса которой, раскинув руки, кричал в лазурно-бесконечную даль: «Хочу объять океан!» Словно наяву, всплывут в памяти морского бродяги картины давно минувших дней: резвящиеся у форштевня дельфины, трепещущие в воздухе летучие рыбы, фонтанящие киты, касатки, взрезающие остекленевшую гладь воды острыми плавниками, лунная дорожка и на ней силуэт скитальца морей – китобойца. Глядя на солнце из-под ладони, давно утратившей запах смолистых канатов, старый моряк беззвучно, одними губами, шепнёт солнцу: «Поклонись морю... Скажи, что не предал его... В мыслях живу в нём...» И то ли от ярких лучей, то ли от нахлынувших воспоминаний блеснут слезинки под прищуренными глазами, скатятся по небритым щекам и потухнут в морщинах лица, в проседи бороды...

Проза

Валерий Копнинов

Валерий Копнинов – писатель, драматург, эссеист. Родился и живёт в Сибири, в столице Алтайского края городе Барнауле. Срочную службу проходил в ГСВГ (Группе советских войск в Германии). Окончил АГИК и РАТИ (ГИТИС). По профессии – театральный режиссёр.

Литературной деятельностью занимается с 2015 года. Автор книг: «Сукины дети», «Двенадцать затмений луны» (приз Серебряный Витязь в номинации «Проза» на X Международном Славянском литературном форуме «Золотой Витязь»), «День чистой воды».

Рассказы и статьи публиковались в журналах: «Сибирские огни» (г. Новосибирск), «Север» (г. Петрозаводск), «Огни Кузбасса» (г. Кемерово), «Бийский вестник» (г. Бийск), в альманахе «Полдень» (г. Санкт-Петербург), в газете «Литературная Россия», на сайте «День литературы», в коллективных сборниках «Право на “ссылку”:

современная сибирская критика» (г. Новосибирск). Член Союза театральных деятелей России. Член Союза писателей России.

В тёмном лесе

Современная сказка

В тёмном лесе, в тёмном лесе,
В тёмном лесе, в тёмном лесе,
За лесью, за лесью...

Русская народная песня

Крепкий здоровяк-медведь по имени Мишка, находясь по всему обличью ещё в полной звериной силе и молодецкой стати, порешил с места своего насиженного – из тёмного леса – уходить. Насо всем. Даром что лес тот был сказочный да от веку заповедный. Даром что для Мишки родимый...

Собственно, одна поночёвка-то ему и оставалась. А утром, на зорьке – и поминай как звали! Так-то вот...

«Всё! Кончено дело!» – завершив недолгие сборы и неприкаянно шарахаясь из угла в угол, уже в который раз подводил Мишка скорбные итоги своего житья-бытья в чине Старшего по сказочному лесу.

«Мне, что, одному теперь всё это нужно?.. Я, что ли, единолично должен эту лямку тянуть? Пусть как хотят, а я отказываюсь... Силов на то нету боле никаких...»

И как ни крути, выходило, что самое наиважнейшее в житье-бытье том – его радение о всех и вся на правах жожака, над зверьём в лесу поставленного, – окончательно Мишке опротивело!

А с того это пошло, что странные в лесу времена наступили, баламутные...

Каждый стал с норомом да с гонором – попробуй сладь с ними! Ой как непросто! Ранее-то у Мишки в помощь ещё и волшебная присказка про силу духа была. Действовала безотказно... Да, видимо, иссякла сила та...

Нет, подмять под себя Мишка мог всякого – и встречного, и поперечного, а вот чтобы духом пере-силить – на то ослабел...

А тут ещё отошёл он малость от жизни в лесу сказочном. Сорок восемь дён в дремучих местах обретался, там, где не каждый леший дорожку сыщет.

А сложилась энта отлучка таким образом. Шёл Мишка сам собою по лесу и на мужичков с ружьями наткнулся.

«Стрельцы царские, берендеевские? – подумал Мишка. – Не-е! Чё-то одёжи совсем незнако-мые...»

А мужики охотниками городскими оказались. Взаправдашними. Да ещё и с бумагой на отстрел медведя.

Давай они по Мишке палить. Тот хоть и петлял, уворачивался, а всё едино – выдернули ему охотники картечью добрый кусок мяса из бока и ухо пулей порвали. Вот Мишка опосля, ранетый-то, в тайге глухой и отлёживался, в тишине да покое. Почитай, что между жизнью и смертью бродил. Водичку родниковую хлебал, травки полезные мусолил, медком диких пчёлков угощался, тем и жив остался.

И ноне туда, обратно в глушь, наострился, порешив кинуть главенство своё над зверьём, потому как перестал он понимать разницу между сказкой и былью. И не видел в лесу от себя никакой пользы, ввиду того непонимания...

Мишка ещё разок оглядел свою некогда добротню и толково устроенную землянку, нынче запущенную чуть только не до крайности – разным хламом негодным приваленную, паучьим кружевом по углам затканную... Одним словом – на берлогу (хоть и сам Мишка слова этого не уважал). Повёл носом влево, вправо...

Ни с того ни с сего у Мишки тягуче засосало под ложечкой – так всегда случалось от дурного предчувствия. И на этот раз медвежье нутро не дало промашки.

С восточной стороны, ну или там чуть полее, небо, словно разорванное на многие части, громынуло сухим, будто бы грозвым раскатом. От этого дальнего удара земля-матушка глухо ухнула, и с потолка, выложенного в три наката из столетних сосновых кражей, обильно сыпанула труха, да прямиком Мишке на загривок.

Ага, понятно. Раз громынуло в небе, значит можно и на простор выходить – в другой раз загремит не скоро.

«Вот же паскудство! – обругал себя Мишка. – Уже и к этим непоняткам привыкнуть успел?»

Мишка встряхнулся, рыкнул куда-то вверх от бессильной злости, поправил на стене покосившиеся портреты предков, вынул из-под стола закатившегося туда от давешней земляной дрожи колобка (что лежал зачерствевший и без движения осьмнадцать лет), а после полез из землянки вон, на поляну, поближе к солнышку.

И то верно, чего эти хоромы разглядывать? В надёже, что померещится где-нито под лежаком аль над закромом такое, от которого защежит у Мишки в глуби его медвежьей сердцевины и заставит не бросать за многие годы обжитого угла на произвол судьбы? Так всё уж думано-передумано! Нету здесь жизни желанной, жизни правильной, а та, что есть, – и задаром не нужна!

Вот ведь как – Мишка, первый на лесу жизнелюб, а почитай до ручки дошёл!

Нет, конечно же, не сразу Мишка тугим медвежьим разумением решил из леса подаваться и жи-стянку свою перекраивать! Но уж как определился – то с концами. Не свернёшь.

Хотя... Сложностей всё едино – до краёв и поболее. Медведь, он тоже животина ранимая! Дом-то подземельный, ещё дедом Михаилом Потапычем слаженный да отцом Потапом Михалычем приумноженный, было Мишке малёхо жаль. Всё там, в дому, даже пахло своим, наследственным, пряным медвежьим духом, а уж как благодатно обжито – под себя! Летом – прохладно, зимой – умеренно... Лапником кедровым устелено для мягкости, чтобы бока на лёжке не затекли...

Одначе – всё! В отступ Мишка не вдавался. Рассуждал так: «Пуцай кто другой мою фатеру использует али так просто жильё энто пропадает пропадом. Что, я в других местах себе лапнику кедрового не раздобуду? Да там, поди, за труды и периной можно разжиться!»

Чего такое перина, Мишка доподлинно не знал, но слышал словцо это от разной пернатой живности, к человеческому жилью мотавшейся и кое-какие вести на хвостах приносившей. Один ворон, с дальних стран залётный, ему намёкивал, что, мол, принцессы знатного рода и племени на тех перинах почивать изволят. И с того воронового карканья перина значилась для Мишки где-то в диковинных приспособах для особого «комфортного» спанья.

Мишка выбрался на полянку, присел на любимый пенёк, раздул тлевший с обеда костерок и пошарил в загашнике в поисках махры. Шишь к носу! Нету, ни крошки...

«Ладноть, так посижу, – успокоил себя Мишка, разомлев на солнышке и на время отойдя от мыслей тяжёлых. – Да и бросать пора это озорство... Лучше я на следующую зиму малинки засушу туесок-другой да лакомиться ею стану на случай пробудки неурочной...»

Мишка представил, как просыпается от холодящей нос метели, пробравшейся в землянку, под-

тыкает лапником отдушину, подтаявшую от его дыхания, так, чтобы и снег вовнутрь не сыпал, и воздух проходил без задержки, набивает рот сушёной малиной и тут же впадает в сладкий сон, устроившись на другой, ещё не отлёжанный за зиму бок...

«Мать честна! – спохватился Мишка. – Какая малина? Ухожу ведь я отсель...»

И совсем уж тоскливо Мишке стало от мысли этой, что хоть на рогатину лезь. А чтобы не навлечь на свою душу сомнений, ринулся он к ближайшему кедру и принялся с неподдельным остервенением спину чесать о ствол, да так, что кора кедровая во все стороны полетела, а сверху шишки посыпались, отскакивая с глухим стуком от лобастой Мишкиной башки. И чем сильнее драл спину Мишка, и чем крупнее и весомее шишки кедровые метили в темя – тем глуше становилась туга-печаль, мучившая Мишку, будто муравей, рыжий и шустрый, забравшийся по случаю в носопырку.

– Бог в помощь, кум! – раздался хриловатый голос из зеленой елового молодняка. – Гостей принимаешь, иль не вовремя я?

Мишку кольнула досада с того, что не сразу учуял старинного знакомого своего, землячка по сказочному лесу волка Ефимку и дал подойти тому незамеченным. Хотел было ответить резко, но сумел, прямо «на горле», гнев свой угомонить, буквально поперхнувшись бранным словом.

– Кхе-кхе!.. Гм-м!.. Кх-а-а... – громыхнул Мишка и, прочистив глотку, ответил: – Чего там мнёшься – подходи без церемоний!

Мишка вернулся на пенёк, сел, закинув одну лапу на другую, а Ефимка пристроился напротив и почтительно замолчал, ожидая инициативы в продолжении беседы от Мишки – зверя, старшего в лесной иерархии. Хотя зубы свои жёлтые скалил, окаянное отродье, совершенно по-наглому.

– По делу али как? – спросил Мишка, понимая, что неприятного разговора с волком не избежать, и, встряхнувшись для остротки сажёнными плечьями так, что хруст прокатился по лесу, добавил: – А то некогда мне тут с тобой...

– Посоветоваться хотел! – порядком струхнув, а может, и прикидываясь таковым, вкрадчиво заскулил Ефимка, сгоняя с морды наглючий оскал. – На вкус твой художественный уповаю...

Весь лес от Лукоморья и почитай что до Берендеева царства ведал о том, как Ефимка последнее время обязанностями своими пренебрегал. И семерых козлят, и трёх поросят бессовестно игнорировал, а всё больше отирался на свалке поодаль города, где можно было на крайний случай подкормиться и прибарахлиться.

Случался иногда у Ефимки и временный настрой к старой доброй сказочной традиции, особенно по зиме, и тогда отправлялся он, скажем, рыбку в проруби хвостом половить, но это скорее была заслуга давней его неприятельницы лисы Пелагеи, чем самого Ефимки.

А вот свалка, что по великости своего месторасположения, почитай, не менее города вширь раскинулась, стала для Ефимки, в его серой волчьей житухе, поворотным моментом. Чего он только ни повидал в энтот бедламе отхожем, чего только ни изведаль!.. И бит бывал, и обласкан... С людьми обчаться – это дело такое, что не приведи Господь! Однако живучим Ефимка оказался да ловким. Даже грамоту людскую одолел, а одолев, книжки прям грыз от истового желания вникнуть в суть вещей и значений. Словесов важных нахватался вдоволь, оттого слыл промеж своих персонажей сказочных образованным и – шутка в деле – чуть ли не культурным животным.

– Ты же знаешь, – уклончиво ответил Мишка, не совсем понимая, куда клонит серый пройдоха, – на вкус и цвет товарища нет!

– Никому так не доверяю, как тебе, Миша... – затараторил Ефимка, извлекая невесть откуда мятую бумаженцию, исчерченную собственными закорючками. – ...Михал Потапыч! Я тут накропал песенку о некоторых приключениях своих... Хочу вот в детский театр отнесть, что в городе у людей фунци... функции... функционирует. Да ведь мудрёно оказалось стишки-то кропать! Рифмы, размеры, то-сё...

– Ну, в энтот деле я-то совсем тёмный! – недовольно рявкнул Мишка. – Мне, чего там у людей деется, знать без надобности!

– Было, было без надобности, а ноне... – ляпнул Ефимка и осёкся. – То есть... Хочу сказать – мало ли... Ты послухай, может, по наитию чего и посоветуешь! Это, так сказать, набросок «Арии голодного волка» на музыку, предположительно, Эдварда Грига, из которой «Арии...» следывает быть, что волки, собственно говоря, дети природы и невольники обстоятельств... Начну так:

Знаю я, что счастье есть,
Если есть что поесть.
Стоит нам за стол присесть,
Еде даём мы честь!
Все мы любим колбасу,
Беляши и самсу,
Только нету их в лесу,
Сюда их не несут...

Ага, а потом, значит, будут какие-то метания, варианты разные – я не придумал пока... И немного погоды – искания и томления:

Восемь дней еду искал,
Но улов очень мал,
Сытной пищи я не знал
И сильно отощал!..

Вот, значит, таким манером я объясняю, что жизнь волчья хуже, чем собачья, поскольку сплошная борьба за выживание... И ещё, что голод не тётка, и, в конце концов – кто ищет, тот всегда найдёт...

Но сегодня мне везёт,
Торжествуй, мой живот:
В пищу бабушка пойдёт,
Ведь старикам почёт..

А дальше, Миша, волк действует будто бы в состоянии эф... айф... аффекта:

Жестковата, не беда!
Это – всё же еда,
Хуже дед – там борода,
На вкус, как лебеда.
Всё, привет, потороплюсь,
Бабкой я подкреплюсь,
Есть в старушке тоже плюс!
Мотаю я на ус...
Следующий за бабкой – дед
Мне пойдёт на обед...

И тут, Миша, у меня два варианта! Первый:

...Чтоб унять голодный бред,
Приносят волки вред!

А второй:

...То, что волки – это вред,
Необъективный бред!

Ну, как тебе?

– Хреново! – скривился, как от зубной боли, Мишка. – Ажно в башке треш-шыт от твоего трепливого языка! И спервоначалу врать научись, сукин ты сын, а потом устраивай тут театры и арии... Давай говори, с чем в самом деле пришёл, или уматывай!

Ефимка досадливо клацнул зубами, изловив жука, пролетающего мимо по своим жучиным делам, подержал его в пасти, словно хотел из монотонного жужжания извлечь какую-нибудь здравую мыслишку, и, видимо, мыслишку эту отыскав, приоткрыл пасть для дальнейшего разговора. Воспользовавшись возвращённой свободой, жук тут же проследовал далее, собственно говоря, не успев понять, что же с ним приключилось.

– Я тут краем уха слышал... – начал издалека Ефимка. – Вроде бы ты покидаешь лес?

– Дело решённое!

– Надо же, а я думал – брешут! – засуетился Ефимка, в сильном волнении поводя от учащённого дыхания линиями боками. – И кого заместо себя главным думаешь поставить?

Мишка ухмыльнулся, встал во весь рост, но слова вымолвить не успел.

– Какие звери и без охраны! – вклинился в беседу волка и медведя бархатный голосок лисы Пелагеи. – Пустите даму к огоньку погреться да в вашем сугубо мужском разговоре слово молвить. Может, и я на что сгожусь?

От лисьего присутствия Ефимка подскочил как ошпаренный и, вздыбив на загривке шерсть, недобро прорычал:

– Чего ты трёсса здесь, тир... трис... трикстер чёртов? Небось, сизнова свои штучки затеяла?

– Затеяла! – огрызнулась Пелагея, сразу переходя в наступление. – Думаешь, ты один права-то имеешь?

– Чего права? – попятился Ефимка. – Какие права? Я ничего о правах не говорил!

– Эка невидаль! – пуще прежнего насела Пелагея. – Не говорил он! Да у тебя на лбу твоём сером написано – дайте мне права на единоличное владение сказочным лесом. Заместо вон его – Михаила Потапыча!

– Ну и что с того? Кому, как не мне, власть держать вослед за медведем! Кому, как не волку...

– Да какой ты ноне волк? Ты не волк, ты шакал – шакалишь по свалкам да помойкам!

– Думай, что гав-гав-гаворишь!

– Я-то думаю, что гав-гав-гаворю!

– Гав! Гав!!

– Гав! Гав!! Гав!!!

– Туды в гробину хать! – заревел Мишка, перекрывая спорщиков...

Но через мгновение все трое валялись на земле, беззвучно открывая рты, оглохшие и слегка контуженные. В пылу ссоры не услышали они, как с аэродрома, припрятанного людьми в глубине леса, поднялись военные самолёты и, набирая высоту, неподалёку от Мишкиной землянки перешли звуковой барьер...

– Надо же, как шарахнуло! – будто бы сквозь пучок моха донёсся до Мишки собственный голос. – Чуть было башка не лопнула... А ведь недавно громыхали-то...

Ефимка, глядя на Мишку из горизонтального положения, только поскрёб лапами по ушам, показывая, что слух напрочь утратил. А может, до кучи и соображение последнее... Потому как Мишка, застигнутый звуковой волной врасплох, метнулся и сшибил грудью небольшую сосёнку. Сам на сук напоролся лапой до кровянки, а Ефимку – так того той сосёнкой и вовсе придавил!

А Пелагея, сама собой о землю плашмя вдарившись, и вовсе без сознания обреталась.

О-хо-хошеньки-хо-хо! Самолёты, так их впросек!

Само слово «самолёты» в лесу ведали. Ефимка его от людей принёс, но что за живность такая – самолёт, звери и поныне смекнуть не могли. Вроде это птицы и вроде как не птицы. А уж какие пахучие да горластые – никому не угнаться! В лесу подобное не водилось отродясь. С того и сумнение насчёт их брало... Трёх Горынычей на сшибку с этими самолётами посылали, да не вернулся ни один. И как было с такой печалью сладить? Терпеть приходилось, хоть и знатно портили те самолёты привычный ход событий в сказочном лесу. Зазевался ежели кто, не успел при виде крыльев самолётных, перьями серебряными облепленных, под корягу примоститься и ишшо мохом или ворохом листьев присыпаться – почитай что оглох на полный день.

А как после такого урона сказку свою исполнять?

И управы на них возыметь негде было!..

Мишка вынул крепко помятого Ефимку из-под сосёнки и к пеньку прислонил. Ефимка с минутой глаза потаращил по-дикому, а после в себя пришёл, хотя охал да побряхтывал от передвижения. А вот Пелагея и далее продолжала лежмя лежать, токмо дышала еле слышно.

– Надо её в избушку отнесть, – через силу проскулил Ефимка. – Да чистой водицей малость сбрызнуть!

– В избушку? – отозвался Мишка. – Ко мне, что ли?

– Не-е! – протянул Ефимка. – Тут же поодаль избушка Бабы-яги имеется.

– А примет ли? – усомнился Мишка. – Баба-яга-то?

– Пофиг! – хмыкнул Ефимка. – Избушка брошенная.

– Брошенная? – подивился Мишка.

– Брошенная как есть... – пояснил Ефимка. – Тут, Миша, пока тебя некоторое времечко на горизонте не наблюдалось, поменялось кой-чего... И на волне, так сказать, новых событий Баба-яга умыкнулась в поисках лучшей доли...

Делать нечего, пришлось без лишних выяснений волочить Пелагею в дом Бабы-яги. Закинули рыжую Мишке на загривок и двинулись по тропинке. Основную тяжесть, конечно, Мишка тащил. Ефимка, тот пристроился сбоку припёку, так что и понять нельзя – то ли нести помогает, то ли сам за Мишку держится, чтоб не навернуться.

Избушка на курьих ножках и вправду брошенной оказалась. Крыша, из бересты слепленная, покривилась сильно, хотя, может, и ранее такой выглядела. А вот дорожка бурьяном прикрылась, и метла в землю вросла. И к тому же окна досками были накрест заколочены. Дверь, и та – на манер засова, батошкой привалена.

Дверку отворили и уложили Пелагею на широкую лавку, видимо, используемую Бабой-ягой вместо постели.

Так и сяк крутились Мишка с Ефимкой вокруг Пелагеи. И дули на неё, и теребили, и лапы по совету Ефимки сгибали, чтобы «искусственное дыхание» сотворить, – ничего не помогало. Не возвращалось к Пелагее никаких чувств...

– Померла, однако! – уныло констатировал Мишка и поплёлся вон из избушки.

Следом потащился и Ефимка.

– Жалко Пелагею! – протянул он, устраиваясь на крылечке рядом с Мишкой. – Хоть и стерва, скажу, была первостатейная! Ишь ты, поглянь, Миша, конкуренцию мне хотела составить на твоей должности! А ты, Миша... Михаил Потапыч, понимать должен, что только я с моим образованием могу тебя заместить!

– Эх, покурить бы! – вздохнул Мишка, уходя от прямого ответа. – Да нетути!

– Вот не пойму я, Миша, – деликатно меняя тему, продолжил разговор Ефимка. – Какого рожна, перевалив в третье тысячелетие, мы речь засоряем, будто в Древней Руси обретаемся? Может, по-нормальному будем уже говорить, без всяких «нетути», «чаво» да «надысь»?

– Нет! – усмехнулся Мишка. – Нам нельзя так...

– Почему?

– По кочану! – отрезал Мишка. – Слышь, серый, а Баба-яга куда делась?

– Так в город подалась! – оживился Ефимка. – В театре детском работать. Ох, Миша, Миша... Театер – это... Это... Это – театер! Завидки меня берут к Бабе-яге! Слух идёт, что хотела, мол, она на роль себя, то бишь Бабы-яги, пристроиться. Так ей рыжи... ресжи... режиссёр указал, что не натурально играет... Слышь?! И в социальные героини направил!

– Я чёт не пойму, а как они город находят? – думая о чём-то своём, перебил Мишка. – Ну те, кто из лесу намылился...

– Да какие проблемы? – охотно отвечал Ефимка. – Подымаешься на Змеиную горку и смотришь в даль, ищешь, где высоковольтные провода над деревьями виднеются! Опосля дуй туда, и прямо по просеке будет город!

Мишке, знамо дело, такие истории вставали поперёк горла, что кость рыба. Не проглотить и не выплюнуть. Все эти веяния новые... И не сказать, чтобы от жизни он оторвался и не ведал многого... Ведал! Да вот не ждал, что всё так далече зашло. К тому же за короткое время. Годков всего за пять, ну, может, семь. Или около того...

Конечно, и отлучка его на те самые сорок восемь дён сказала. Та, от которой Мишка, охотника-ми подстреленный, в глуши отлёживался с дырою в боку да ухом порванным.

К слову сказать, вот вроде бы пустяшная рана случилась на ухе у Мишки. Царапина – и весь разговор! А только не с неё ли присказка волшебная силу свою потеряла? Там ведь ясно значилось:

Потяну себя за ухо,
Кликну в помощь силу духа:
«Сила, дух во мне упрочь,
Дай себя мне превозмочь!»

А как за ухо тянуть, ежели оно пополам драное? То-то же! Тут бы крепко подумать надо! Да некогда... И некому...

Однако у Мишки с горького часа конфузии своей, от тех лжестрельцов сомнение большущее зародилось... И мысли разные... С того и пытал он Ефимку расспросами, сияясь найти пути-дороги, как ему казалось, промеж тех «трёх сосен», где он, вестимое дело, заблудился.

А Ефимка вдруг, словно учуяв потаённое что-то, расплылся в давешнем наглючем оскале и вопросик кинул каверзный:

– А может, Миша, и ты в город наострился? Одобряю! Город – это... Это – город!.. А там, глядишь, может, и человеком станешь! Я вот, случись ежели в городе оказаться, паспорт бы себе оформил и фамилию бы родовую взял – Волков! А ты, Миша, мог бы фамилию Медведев иметь!

– Слишком просто – Медведев! – пробурчал Мишка. – Я бы что-нибудь более путное придумал!

– Подишь ты – «путное»?! Вот это дело! Широко мыслишь...

– Заткни пасть!

Ефимка собрался было отбрехаться, но тут из приоткрытой двери избушки Бабы-яги раздалось трескучее шипение, переросшее в знакомую песню, выводимую хором старушек-кикимор.

В тёмном лесе, в тёмном лесе,
В тёмном лесе, в тёмном лесе,
За лесью, за лесью...

А вослед за песней и лиса Пелагея на крыльчке нарисовалась.

– Что, дружочки сердешные, испужались? – весело залопотала Пелагея. – Думали, очокурилась рыжая?! А я ещё и не такие штучки-дрючки могу выкидывать! Мне-то не впервой! Помнишь, Ефимка, присказку: «Битый небитого везёт»? Помнишь!.. Обчеством руководить – ума да учёности мало! И без хитрости никуда! Вот и думай, Миша, кому власть в руки передавать: энтому серому интелехенту или мне – прирождённому дипломату рыжей масти!

Оторопев от Пелагеиною появления, Мишка и Ефимка слов для ответа не находили, что доставляло Пелагее немалое удовольствие. Единственное, что подпортило торжественность момента, – это пластинка на заведённом Пелагеей Бабки-ёжкином граммофоне. Оказалась она треснутой, и иголка, дойдя до щербинки, зачала прыгать и елозить по одному и тому же месту:

Я посею ль... вж-жик...

Иголка скакнула назад на пару бороздок, и строчка песенная пошла ещё разок:

...Я посею ль... вж-жик...

И сызнава:

...Я посею ль... вж-жик...

Потом опять:

...Я посею ль...

Не выдержал Мишка, метнулся в избушку да ту пластинку с граммофона сдёрнул и об пол ша-рахнул. А после и другие пластинки, что на полке в ряд красовались, в горячке разметал по углам да некоторые под ноги себе бросил. И по пути ступу Бабы-яги опрокинул, полную какого-то зелья вонючего.

На крыльцо Мишка вышел мокрый и духом дурным разящий. И Пелагея, и Ефимка живо попятись от Мишки, чтоб не запачкаться. Так уж бойко летела брызгами серо-буро-малиновая жижа от Мишкиной шкуры во все стороны. А Мишка, нос воротя от самого себя, насилу вымолвить смог:

– Во что это я вляпался?

– Так это, Миша... – поспешил пояснить осведомлённый Ефимка. – Это ж агло... алго... алкоголь!

– И откель он взялся? – глядя осовелыми глазами на растекающуюся под лапами лужу, рывкнул Мишка. – Этот агло...

– ...алкоголь! – пришёл на выручку Ефимка. – Так из ручья же...

– ...что под Змеиную горку бежит! – добавила Пелагея. – Дело известное... А Баба-яга тут им приторговывала! Да только покупать дураков не нашлось...

– Чего покупать-то?! – подтвердил Ефимка. – Бери его так в ручье, задарма! Энтю в городе всякую дрянь от винного завода в ручей бросали, бросали, да так воду в нём и перевели! Ну а ручей-то к нам течёт...

– И чего деется, – спросил Мишка, – с того алго...?

– ...алкоголя! – вновь подхватил Ефимка. – Трудно сказать! Поначалу-то все довольны были... А вот потом...

– А вот потом, – вклинилась Пелагея, – звереть все начали с него! Даром что и без того звери... Некоторые, вроде Бабы-яги, и подались отсель, от греха подальше. Вредоносно тут стало проживать, Миша!

– И я, – заметил Ефимка, – Бабу-ягу понимаю! Пожилая женщина, ей покой нужен... Самолёты – те ешшо вытерпеть можно, а ог... огр... оргии алкогольные – это уж извините!

– А я-то пошто не ведаю той беды? Пошто узнаю последним? – заревел Мишка, брезгливо стряхивая с себя алкогольную жижу могучими лапами.

– Да где тебе ведать, – отозвалась Пелагея, – когда ты бродишь из сказки в сказку... То с мужиком вершки-корешки делишь, то Машенькины пирожки таскаешь... Жениться бы тебе, осесть, детишек завести... А то бродишь, как шатун, и зимой, и летом! И давеча совсем запропал...

– Да ранетый я отлёживался! – вздохнул Мишка. – Оклемался едва...

– Вот! Без пригляду и строгости распустились все! – вторил лисе Ефимка. – Должно быть так: «Закон – тайга, прокурор – медведь!» И не иначе! По нонешним временам-то! Надоть как? Поучёному! Чтобы сказочный лес оставался «заповедной зоной», а сказки – «экологически чистым продуктом»! А у нас... У нас, Миша, аск... акс... ассимиляция случилась! Ежели знание употребить, то прозывается это вроде как: «Стирание граней между городом и деревней»... Условно, конечно!.. Слышь, Миша, даже зайцы и те...

– Распустились, стало быть?! Озверели?! Ну, я их вразумлю! – Мишка в сердцах махнул лапой так, что несколько сосёнок средней величины как скошенные упали на землю. – На путь истинный братию лесную наставлю, а после берите мою власть и правьте тут как сможете. Пошли!

– Да ты что, Миша? – ответил Ефимка, невольно поджав хвост. – Они же там пьяные все! Они драться полезут...

– На меня?! – Мишка дёрнул за ствол берёзку и оторвал её от земли с корнем. – Вот и хорошо! Вот и ладненько! Ведите меня, добром прошу...

И поза Мишкина, и речь его тёмная, точно настоящая на грозовой туче, явственно говорили, что отказу Мишка не потерпит...

– Пошли! – недовольно скрипнув зубами, отозвалась Пелагея и первая ринулась по едва видимой тропинке, опустив свой чуткий нос почти до самой земли.

Следом поспешил Мишка, в нетерпении пытаясь вырваться вперёд Пелагеи, а Ефимка по своему обыкновению держался последним.

Бежали долго, аж запыхаться успели, аж лапы истёрли, аж семь потов пролили...

Владычица Ночь тем временем к лесу подступила, звёзды высыпала по небу. Да не так-сяк – куда какая ляжет, а каждую на своё место. Оттого что – Владычица. На Севере Ночь, как водится, Большую Медведицу ковшиком разложила. Супротив, над Южным полюсом, созвездие Южный Крест, словно вышитый иглой рукодельницы на платке нарядном, соответственно фигуре раскинула. А посередке Млечным Путём мазнула, как сметаной по блину. И будь бы Мишка в том пути не занят думками тяжёлыми, порадовался бы он, как всё ладно и складно у Владычицы неземной там, наверху, получается.

«Вот бы и у нас в лесу так, – подумал бы, – каждому – своё место, своя сказка... И никаких «не могу» или «не хочу»! Вот это и есть тишь да гладь да божья благодать...»

Но Мишке было не до красот.

– Долго ещё? – спросил Мишка у Пелагеи, бегущей по-прежнему впереди всех.

– Кажись, рядом уже! – тяжело дыша, отозвалась лиса.

И в подтверждение её слов из высокой травы наперерез им выскочил заяц со странными, совсем не заячьими манерами. Заяц на полном ходу сбил Пелагею на землю, прошмыгнув молоньей

под Мишкой, одним скачком перепрыгнул через припавшего от неожиданности на все четыре лапы Ефимку и со всей дури врезался в стоящую на его пути берёзу.

Другой заяц на его месте убится бы насмерть в тот же момент, а этот откинулся на спинку и, медленно водя лапами в воздухе, уставился в небо мутными, осовелыми глазами.

Ефимка опасливо подошёл к лежащему зайцу и, глянув на него, определил:

– Да он же косой! В смысле – пьяный!

– Всё! – Пелагея приподнялась после сшибки с зайцем и заново рухнула в траву, задыхаясь и высоко вздымая мокрыми от быстрого бега боками. – Дальше, Миша, давай сам! Я не хочу, чтобы меня покалечили по пьяной лавочке... Да и не спугнуть их от ручья! Вот ежели ручей от них отвести... Но это почитай что чудо!

– Я бы... – пятясь задом в кусты смородины, заскулил Ефимка. – Кабы...

– Ладно, – проревел Мишка, – один пойду! Долг свой исполню как положено!

И, сминая по дороге кустарник и еловую мелочь, Мишка ринулся к ручью.

Ручей тот, заросший по берегам ивой и шиповником, бежал под уклон по небольшой лесной просеке и, падая в пещеру у подножия Змеиной горки, питал не виданное никем подземное озеро. Все обитатели сказочного леса ещё с незапамятных времён утоляли в ручье жажду. Ранее водичка в нём была чистой да студёной и не только на вкус приятна, но и для здоровья весьма полезна. Как и когда произошла подмена воды на винные стоки – никто и не приметил. И постепенно большинство зверей к бражному пойлу, текущему заместо водички, привыкло, и только некоторые, те, кому и сам дух винный принять оказалось невмочь, бегали пить к прозрачным родникам.

Мишка вывалился на бережок и обомлел. Вдоль ручья, с двух сторон, расположился разномастный и разнопородный лесной народ, от самого мелкого бурундука до здоровенной дикой свиньи, и жадно лакал серо-буро-малиновую жижу, издающую резкий винный дух.

Прямо посередине ручья стоял, уже год как отбившийся от стада, лось-единоличник по имени Влас и, наклонив к бражному ручью голову с ветвистыми рогами, шумно втягивал в себя пахучую жижу. Пьяные белки, кабаны и ежи валялись возле берега или в кустах поодаль. Набравшиеся вина птицы горланили разухабистые песни на ближних деревьях, поминутно падая с веток.

Мишка с досады поддел пинком попавшегося под ноги зайца, тот покатился кубарем в ручей, скрылся в нём с головой, затем вынырнул и, стоя в ручье по самую шейку, принялся лакать, как и все остальные звери.

Что-то наподобие рвотного спазма прокатилось у Мишки в горле, но он сдержал его и переложил всё своё отвращение в рёв.

– Эй, вы! А ну вон пошли отсюда! Забыли, кто вы есть? Забыли, для чего вы есть?

Но никто совсем не обращал на Мишку никакого внимания и, скорее всего, даже его не слышал, а может, и не видел, с пьяных-то глаз.

Мишка метнулся туда-сюда, распихал кучку зайцев, шуганул бурундуков, опрокинул козла в шиповник, где тот моментально уснул... Побегал по бережку порядочно, оттесняя зверей от пьянящего пойла. Так что притомился даже.

Но проку с того бега вышло ни на грош.

Чуть только Мишка отдалялся с места обильно раздаваемых им тумачков и затрещин, как тут же зверушки возвращались назад.

– Етит-едрит...! – матерно заревел Мишка, впадая в форменное отчаяние.

Ноль внимания на Мишку! Хотя во времена не столь уж и давние простого рычания хватало, чтобы иных-прочих к порядку призвать, а уж до мата, почитай, и вовсе не доходило.

И даже эхо не подхватило его громогласного рыка, словно и само эхо, налакавшись пойла из ручья, уснуло где-то, распластавшись на камнях Змеиной горки.

«Что там лиса говорила? – вдруг вспомнил рассуждения Пелагеи Мишка. – Ручей от них увести? А и то верно!»

Ещё не понимая, как совершить задуманное, Мишка что было силы рванул руслом ручья вверх по небольшому склону, туда, где на изгибе маячили вековые кедры.

Постепенно скопище зверей, выстроившихся на берегу, редело, и, пробежав версты две или три, Мишка оказался один в густом кедряке, сквозь который бежал говорливый ручей, даже здесь, в роще, перебивающий винным духом аромат кедровой хвои.

Усталый, запыхавшийся Мишка прислонился к могучему кедру, решив перевести дух и поразмыслить, чего бы он в силах сотворить такого, что Пелагея называла чудом.

Кедр под массивным Мишкиным телом напряжился и подался в сторону. В другой раз Мишка и внимания бы на сей факт не обратил, а тут, словно подсказка от кедрового духа вышла, как ему дальше быть.

«Ага! – сообразил Мишка. – Нужно кедр поперёк ручья свалить!»

И тут же поднатужился, упёрся в землю мощными лапами, а в кедровый ствол крепким загревком и повалил лесного великана. Кедр, колыхнув раскидистой кроной, в падении гроздьями роняя созревшие шишки, мягко лёг поперёк бегущего ручья, перегородив ему дорогу. Ручей быстро начал мельчать и вскорости истончился до полного своего отсутствия.

Мишка, бывало, и раньше баловался тем, что валил наземь сосны, а то и кедровые, случалось. Валил так, без причины – из дури молодецкой. Сказочные деревья, они хоть и крепкие, но полегче из земли выщёлкиваются... Однако нынче и со сказочного кедрового духа Мишку пот прошиб. Исполин всё ж таки!

– О-хо-хо! – выдохнул Мишка полной грудью распиравшую его нутро радость. – А-ха-ха-ха!

Но только радоваться довелось не долго. Прошло некоторое время, и ручей, скопившись в запруде, преодолел препятствие и вновь устремился в долину.

Мишка оторопело уставился на жижу, быстро растекающуюся поверх поваленного кедрового духа, ровно бы глазами своим не верил. Или принять не хотел то, что уловка его не удалась.

«Ещё кедровые духи! – смекнул Мишка. – Плотину выше строить, как у бобров!»

И пошла тут работа. Мишка, позабыв про усталость, упирался что есть силы, сваливая в ручей могучие кедровые духи.

Три кедровых духа... Пять... Семь... И ручей вновь измельчал.

От такого дела, от такой удачи весёлость разыгралась в Мишкиной душе, а где весёлость, там и песня.

В тёмном лесе,
В тёмном лесе,
За лесью,
За лесью...

Выводил Мишка ту самую песню, что слышал давеча в избушке Бабы-яги, наваливаясь всем своим весом на упрямо держащийся корнями за землю очередной кедр.

...Распашу ль я,
Распашу ль я
Пашеньку,
Пашеньку...

Хрипел Мишка, рассовывая для плотности крупные сучья с хвоей промеж натаборённых друг на друга стволов.

...Я посею ль,
Я посею ль
Лён-конопель,
Лён-конопель...

Почти беззвучно шептал Мишка, волоча за липнущие смолистые сучья тяжёлый, подломившийся у комля ствол.

И когда песня спелась до последнего слова, Мишка насмелился прерваться и взглянуть, что же у него в оконцовке-то вышло.

Русло от края и до края, да к тому же на несколько саженей вверх, было перекрыто кедровыми стволами, плотно подогнанными меж собой. А прорехи заткнуты более мелкими деревьями, сучьями и хвоей. Ручей полностью встал, хотя серо-буро-малиновая жижа и продолжала копиться в загороженном плотиной закутке.

От тяжёлой работы у Мишки пересохла пасть, и, облизывая дёсны шершавым языком, он с тревогой наблюдал, как поднимается уровень ручья, готовый перелиться через сотворённую им плотину.

И вот, когда до верхнего в плотине кедрового духа оставалось не более вершка, ручей, словно оттолкнувшись от кедровой запруды, шумно покотился вспять, встречной волной увлекая винный поток обратно к истоку.

– Ы-ы-х! – только и смог выдохнуть Мишка, в изнеможении опускаясь на землю, и добавил ещё нечто непонятное, сам не зная отчего: – Вау!

К тому времени ночь начала уже рассеиваться. Яркие, совсем недавно величественные звёзды потускнели, да и само ночное небо полиняло, словно заношенный от времени парадный мундир некогда блиставшего при дворе вельможи, да по слабости своей промотавшегося вдрызг. Солнечные лучи касались растопыренными пальцами горизонта, но ещё не отдали свой свет и тепло земле. Воспользовавшись нерасторопностью солнца, с влажных лугов в лес крадучись, заползал туман, надеясь укрыться от шагающего за ним по пятам теплового марева.

А Мишке сызнава оказалось не до красот. Хотя он и не способен был узреть подобную картину. А уж если и узрел бы, то слова такие, для понимания момента, вряд ли соорудить смог – образование Мишкино того не позволяло! А ещё боле – отсутствие всяческих сил.

Мишка распластался на прохладной ещё земле, пытаясь унять великую усталость, тисками сковавшую его тело, боль от пробудившейся вдруг ружейной раны в боку и горячее колотенье в висках от прихлынувшей в башку крови.

Постепенно Мишкины мышцы расслаблялись, усталость переходила в истому, а жар стихал, остужаясь от земляной прохлады.

И вдруг чутким ухом, плотно прижатым к земле, Мишка услышал нечто, заставившее его насторожиться.

Земля гудела, содрогалась от топота множества лап и копыт.

Превозмогая усталость, Мишка приподнялся и сел, вглядываясь туда, вниз, вдоль пересохшего русла, где так сильно шумело, рычало и цокало. Где ещё толком ничего не было видно, но уже угадывалось нечто сильное и дикое.

Потом Мишка увидал то, что показалось ему поначалу водой, текущей вспять привычному для ручья движению. А совсем уже подкатившееся в зенит солнышко осветило ему полную картину и раскрыло загадку будто бы текущей обратно воды.

Всякое зверьё, что промышляло по берегам употреблением отравленного вином ручья, лишённое одного, двигалось в поисках затора.

Зайцы и белки, бурундуки и куницы, кабаны и козлы в неуёмном желании своём пёрли напропалую, порою давясь в этом строе и калечась, но не замечая нанесённого себе или соседям ущерба.

Сверху звериного потока порхали птицы, выписывая немислимые лётные фортели, а последними, сильно приотстав, пятились раки, те самые, что когда-то гордо цапали за руку зазевавшегося греку, а теперь выглядевшие, как последние забулдыжники. В глубине звериного потока вышагивал Влас, наступая лосиными копытищами своими зазевавшемуся зверью на хвосты да лапы.

«Мать честна! – озадачился Мишка новой бедою. Совершенно спокойно озадачился, потому как понял – ждёт его нонче последняя битва. – Они же плотину мою враз сметут!.. Я же... Ну вот, и погибель моя настала!..»

– А вот-ка, по-молодецки! – заревел Мишка во всю пасть. – Держите меня семеро, не то ушибу кого ненароком!

Громко зареветь хотел-то, однако сил уже оставалось мало и в лапах, и в глотке тоже.

«Эх, жаль – присказка волшебная иссякла... – промелькнуло в Мишкиной башке. – Щас бы как пригодилась...»

И, повинувшись скорее инстинкту, чем собственному желанию, Мишка сцапал себя за калеченое ухо и, кривясь от боли, рыкнул так громко, как только смог:

Потяну себя за ухо,
Кликну в помощь силу духа:
«Сила, дух во мне упорч,
Дай себя мне превозмочь!»

А поди ж ты! То ли присказка сработала, то ли ещё чего – однако Мишке враз полегчало. Подхватил он сук тяжёлый, что перед ним валялся, прихватил его покрепче да и пошёл навстречу неприятелям.

Махнёт Мишка суком налево – улица, направо – переулочек... Летит неприятель мелкий, в кашу скрошенный, во все стороны.

Бьётся Мишка изо всех сил, да только вот сук в лапах всё тяжелеет, да только пот глаза застит, да только дух перевести некогда.

Ежи в пятки колются, бурундуки за лытки кусают, зайцы под коленки лягают, козлы в живот бодают, а птицы в темя клюют... И вроде всех разметал Мишка, всех приструнил, однако на том деле мочи последней лишился, и уж раскачивать принялось его с устатку, словно бы дубок молодой под ветром.

А тут ажно сам Влас на бой с Мишкой снарядился. Встали супротив друг друга медведь с лосем да ринулись сшибиться. Мишка-то изловчился, сук метнул и снёс Власа на землю. Шмякнулся Влас, бока себе отшиб и мелкие отростки на рогах поизломал. Однако встал быстро. А Мишка с того броска орудия в виде сука лишился и силёнок последних, так вот, метнув сук, и сполз кулём на землю. А Влас, завидев Мишкину слабину, решил тут же добить его и в землю копытами втоптать. Отошёл подальше, сажень на семь, чтобы вдарить посильнее. Разбег взял и на ходу наклонил башку пониже, желая рогами Мишку загубить.

«Ну, теперь всё! – не имея сил, чтобы побережься, подумал Мишка. – Встану хоть поровней... Приму смерть как должно...»

И вот уже близко увидел Мишка рога Власа, так близко, что повеяли они на него холодной смертью...

Да только вдруг с левой стороны, из частых зарослей шиповника, метнулся к морде Власа рыжий зверь, а вцепившись ему клыками за ухом и повиснув, начал хлестать хвостом прямо по глазам Власа, кровью налитым. А с правой стороны, из смородиновых кустов, серый зверь, прыгнув Власу на холку, сомкнул челюсти на его загривке, подбираясь к важным жилам, по хребтине сокрытым.

«Пелагея!.. Ефимка!.. – совсем уже без сил опускаясь на землю, подумал Мишка. – Как же это они?..»

Влас резко остановился, пытаясь стряхнуть неожиданного противника. Лёгкая лиса Пелагея слетела вниз, но тут же вскочила на лапы и закружилась вокруг Власа, ища новую возможность для атаки. Волк Ефимка удержался на холке, понимая, что попасть под копыта Власа – это неминуемая смерть, и Власу пришлось самому завалиться набок, чтобы постараться подмять под себя держащегося зубами за его холку Ефимку.

А падая, Влас, изловчившись, успел звездануть Мишку копытом прямёхонько промеж глаз. Последнее, что запомнил Мишка после того удара, как бухнуло что-то в небесах, будто те птицы серебристые, что Ефимка самолётами кликал, сызнова поверху прошлись и шума своего, что землю сотрясает, понаделали...

Видит Мишка, что вышли ему навстречу волк Ефимка и лиса Пелагея. Ефимка держит в руках патефон, на котором вместо пластинки вращается каравай с воткнутой в макушку солонкой. Всякий раз, когда «хлеб да соль» поворачивались к Ефимке наиболее поджаренным боком, он выкусывал из каравая кусочек мякиша и, не пережёвывая, глотал. А Пелагея, фривольно вихляясь, будто бы тетерев в брачный период, шипящим и потрескивающим «граммофонным» голосом тянула песню:

Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
Полная задора и огня...

Когда Ефимка порядочно выел каравай с одного бока, песня в Пелагеином исполнении начала спотыкаться, как на пластинке с выбитой щербинкой:

...Миш-ш-ш-ка...
Миш-ш-ш-ка...
Миш-ш-ш-ка...

Зашипела, словно поперхнувшись первой строчкой куплета, и сама Пелагея.

Мишка погрозил Ефимке лапой, и тот, непонятно каким образом всунув себе в глотку оставшийся довольно большой кусок каравая, песню прекратил.

– Где моя улыбка, спрашиваете? – строго заговорил Мишка. – А откуда ей взяться, улыбке-то? Когда вона как всё оборачивается! Мир-то, одначе, перевернулся и встал на голову... Не заметили? А? Что ты там говорил, Ефимка? Ассимиляция? «Стирание граней между городом и деревней», говорил?.. А я так считаю, что хуже дело зашло! Права ты, Пелагея... И ты, Ефимка, прав: «Сказочный лес должен оставаться заповедной зоной, а сказки – экологически чистым продуктом...»

А мы – живём шиворот-навыворот! Оттого, что людей вровень себе поставили... Верим в них... Не мы должны в них верить... в людей этих, а они в нас! И тогда всё будет правильным...

– Ну вот, кажись, очнулся!

Перед Мишкой вновь замаячил белый свет, и он увидел две пары встревоженных глаз. Одни Пелагеи, другие Ефимкины...

– Долго я... того... – с трудом разлепляя пересохшую пасть, спросил Мишка. – Отсутствовал?

– Да смотря как мерить... – протянул Ефимка. – Для нас: три дня и три ночи минуло... А у тебя там сколь – тебе видней!

– Чего с плотиной моей? – охнул Мишка, пытаясь присесть. – Цела?

– Цела, Мишенька, цела, – отозвалась Пелагея. – А вот ты как? Сам идти сможешь?

– Отстояли, Михал Потапыч! – видя, что Мишку больше собственного здоровья интересует сохранность плотины, добавил Ефимка. – Как мы сохатого завалили, так они и подалися кто куда... Сорока-белобока давеча пролетала, настрекотала, что, дескать, кто живой остался, по норкам да кустам отлёживается, в себя приходит...

– Что ж... В таком разе... И ладно... – тяжело вздохнул Мишка.

– Чего ладно-то, Миша? – поинтересовалась Пелагея.

– Что вышло всё так! – нежданно, вроде даже с некоторой радостью ответил Мишка. – И прояснилось многое... В целом... И в моей башке – особливо!

– После того как Влас к ней копытом приложился? – деликатно спросил Ефимка. – Ну да, случается... Так ты... как? Мнение-то своё... поменял? Или... что? Просто сотрясение?..

– Остаёшься? – перебив Ефимку, напрямую спросила Пелагея, которой надоели Ефимкины подходы.

– А то?! – Мишка с усилием поднялся и, потянув из-под лап, опёрся на тот самый сук, которым метнул во Власа, сшибив его на землю. – Я что – дурак конченный? В лесу дел невпроворот! А я тут хождения затею!.. Хотя, признать надо – в чём-то, видимо, дурак... Вам отдельное спасибо, что не бросили... дождались... Ну ладно, пошли, что ли?!

И медведь, лиса и волк совместно поковыляли к своим жилищам, расположенным в центре сказочного леса. Мишка, опираясь на тяжёлый сук, как на костыль, и придерживая лапой ноющий от боли бок с открывшейся кровоточащей раной. Пелагея, роняя кровавую слюну из разбитой пасти и волоча за собой измочаленный хвост. И Ефимка, припадая разом на обе задние лапы и поскуливая из-за боли в боках от нескольких сломанных рёбер.

Многokrратно в пути том останавливались на отдых. Воду из родников лакали да травки целебные, что попадались, мусолили...

Дойдя до Мишкиного дома, остановились подосвиданькаться.

– Вы того... – дрогнувшим басом пророкотал Мишка. – Отдохните как следует, а после меня навестите... Думки у меня народились для пользы леса нашего. Хочу, чтобы вместе мы помараковали. Вы да я... Дружочки вы мои ненаглядные... Вы же теперь самые мои дружочки...

– Навестим, Мишенька, непременно! – ответила Пелагея, несколько неуклюже (то ли с привычки, то ли от побоев) поклонясь Мишке до самой земли. – И ты нам не чужой теперь...

– Не сомневайся, Миша... – отворачивая морду, с повлажневшими вдруг глазами добавил Ефимка. – Совершим всё, что положено! Только ты лес-то не кидай на произвол... Добро?

Мишка молча кивнул лохматой своей башкой.

С тем и расстались...

Прихрамывая, Мишка спустился в родимую землянку. Ну надо же – словно целая жизнь прошла, пока он тут не был.

Дом... Как же тут всё разумно и полюбовно налажено. И им самим, а более того, предками Мишкиными – дедом Михаилом Потапычем да отцом Потапом Михалычем. Всё там, в дому, даже пахло своим, наследственным, пряным медвежьим духом, а уж как благодатно обжито, под себя. Летом – прохладно, зимой – умеренно...

Прибраться только бы надо и – можно жить не тужить!

«Эх, запустил я, однако, фатеру, – оглядывая свою холостяцкую землянку, размышлял Мишка. – Надо бы мусор весь извести. А то и в гости пригласить кого – стыдоба выйдет!»

Мишка с мысли такой и даже про болячки свои малость подзабыл. Первым делом схватил стоящего посреди стола зачерствевшего колобка и потащился с ним наружу.

«Раскрошу его птицам – и все дела! – рассуждал Мишка. – Пущай склюют, чем впустую валяется... А я к деду с бабкой зашлю кого али сам схожу, попрошу, чтоб нового испекли!»

Выбравшись из землянки, Мишка растёр твёрдого, точно камень, колобка между лапами и посыпал крошки на большой пенё, обычно служащий ему для задумчивого отдыха.

Первой спустилась пара синиц и, опасливо косясь на Мишку, начала с лёту хватать мелкие крошки и лакомиться ими в сторонке. Затем присел дрозд и принялся долбать крошки покрупнее.

– Цы-ыпа, цы-ыпа, цы-ыпа... – Мишка растёр остатки колобка и досыпал их в придуманную им кормушку.

И совсем скоро птицы облепили пенёк, толкаясь меж собой и стараясь не опоздать на Мишкино угощение.

Сам же Мишка, довольный, стоял в сторонке, на солнышке, и наблюдал за птичками, пока его не отвлекли странные звуки из глубины леса.

Мишка пошёл на шум и, забредя в чащу, обнаружил у избушки Бабы-яги саму хозяйку, пытающуюся отодрать доски от заколоченных окон.

– Помочь, бабуся? – как можно вежливее проревел Мишка.

– Ась? – переспросила Баба-яга.

– Спрашиваю – помочь?

– Помоги, милоч, помоги! А то старушке одинокой и помочь-то некому! Все пальцы занозила об эти доски треклятые...

Мишка подошёл к избушке, аккуратно оттеснил Бабу-ягу и принялся отрывать доски от стареньких рам.

Одна доска... Другая... Мишка поддевал очередную доску лапой, тянул, и гвозди, коротко взвизгивая, покидали свои насиженные норки.

– А что, бабуся... – спросил между делом Мишка, – говорят, ты в театре устроилась? На старости лет...

– Ась? – чтобы получше слышать, Баба-яга придвинулась ближе и даже ладошку к уху приложила.

– Говорю – в городе, что ль, была?... В театре? – повторил Мишка.

– В каком городе, милоч! У сеструхи сродной гостила в Берендеевом лесу! Так-то... Да чуть было замуж там не пристроилась, за лешего... Вот ведь чего учудила!

– Бы-ва-ает! – отозвался Мишка.

И, перейдя к другому окну, запел:

В тёмном лесе,
В тёмном лесе,
За лесью,
За лесью...

– Чего ты там бормочешь, милоч? – сызнава прикладывая ладошку к уху, пристала к нему Баба-яга. – Я на ухо тугая стала...

– Так, ничего... – ухмыльнулся Мишка. – Пою я, бабуся!

И продолжил:

...Распашу ль я,
Распашу ль я
Пашеньку,
Пашеньку...

– Ась? – не унималась Баба-яга.

– Пою я! Песню... У тебя пластинка такая есть... Была, вернее...

Блики от стекла вдарили Мишке по глазам и, уклоняясь от отражённого солнца, он задрал башку вверх. Высоко-высоко, на бескрайнем поле синего неба, бесшумно чертил длинную белую борозду сереброкрылый самолёт...

Александр Цыганов

Александр Александрович Цыганов – родился в 1955 году в Вологодской области в д. Блиново, недалеко от ФерAPONTOVA, в местах, о которых Н. М. Рубцов сказал: «...что-то Божье в земной красоте». После окончания ФерAPONTOVской средней школы учился в автомотоклубе, трудился в совхозе «Родина» слесарем, рабочим. Служил в ракетных войсках стратегического назначения. Окончил филологический факультет Вологодского педагогического института. Автор ряда прозаических книг, вышедших в региональных и центральных издательствах страны, в т. ч. в Северо-Западном книжном издательстве, «Молодой гвардии». Лауреат литературных премий МВД СССР и МВД РФ, Государственной премии Вологодской области по литературе, Международной премии «Филантроп». Член Союза писателей СССР и России с 1989 года. Живёт в Вологде.

«Не приведи бог видеть русский бунт...»

*О повести Александра Цыганова «Курдюг»
(Современная исповедь)*

Вологодский писатель Александр Александрович Цыганов прошёл суровую школу жизни, поэтому не случайно его учителем в трудном деле писательского мастерства является Фёдор Михайлович Достоевский. Об этом свидетельствует его книга повестей и рассказов «Помяни моё слово» (Вологда, 2018), наиболее полно представляющая его творчество. Но вот появилась его новая повесть с несколько зловещим названием «Курдюг», как отметил сам автор. Это произведение написано настолько густо, настолько многопланово, что вызывает у внимательного читателя множество мыслей и чувств. Смысловая глубина и сердечное осмысление событий в этой повести требуют достаточного времени для её правильного восприятия. Сюжет подобен беспощадному огню, который жжёт ужасом жестокого преступления и насилия. Эта огненность подчёркивается и невероятной для северных краёв жарой, которая пытается уничтожить всё живое в тот день, когда происходят описанные события. И вместе с тем в повести светит благодать честного человеческого сердца, способного и в бедственной ситуации оказать милосердие даже врагу, даже преступнику, рискуя при этом потерять собственную свободу и благополучие.

На первый взгляд покажется странным, но эта повесть о событиях в колонии усиленного режима в вологодском посёлке Курдюг напомнила мне повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Дело в том, что А. А. Цыганов продолжил русские православные традиции, которые так ярко проявились в этой повести А. С. Пушкина. Во-первых, это отношение к насилию и бунту. Всем известны слова Пушкина: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Правда, в повести А. А. Цыганова взбунтовался только один человек: не вытерпев постоянного унижения и отстаивая своё человеческое достоинство, он убил обидчика – закоренелого преступника – Серёгу Кожевникова. Но что особенно страшно: он, этот убийца, – осуждённый Витька Трошин – был самым смирным и работающим. Русский человек долго терпит, но бунт его – беспощаден.

Во-вторых, повесть А. А. Цыганова, так же как и повесть А. С. Пушкина, проникнута мыслью о единстве русского народа перед лицом истины, несмотря на гражданские междоусобицы. Так же как честный молодой человек Гринёв в «Капитанской дочке», главный герой повести Цыганова, оказавшись среди «разбойников», должен сделать нравственный выбор и при этом «не разминуться с совестью». И этот герой повести – лейтенант, начальник отряда осуждённых, поступает по совести даже по отношению к преступникам и духовно побеждает их. Следует отметить, что эта нравственная основа человеческих отношений – очень значима для нашего времени, когда наш народ

пытаются разделить на кланы, секты и партии. Тема объединяющей силы совести и правды, которые не умирают в человеке даже в самых страшных обстоятельствах, звучит во многих произведениях писателя А. А. Цыганова.

Вместе с тем отметим, что стиль и язык повести «Курдюг» не является эпическим, как в повести «Капитанская дочка» Пушкина. Автор использует художественные приёмы сказа и психологического повествования – исповеди, как он сам отмечает в подзаголовке к названию своего произведения. Художественное содержание повести построено на принципах обратной перспективы, по терминологии Павла Флоренского. В силу этого роль читателя в воспроизведении сюжета и его осмыслении значительно повышается – требует от него более тесного сопереживания, сердечного сочувствия и даже соучастия в событиях. А это, в свою очередь, толкает читателя к значительному эмоциональному напряжению, на которое не каждый из нас способен, в силу развившихся в последнее время у русского человека теплохладности и малодушия. К сожалению, в последние времена люди привыкают поступать так, как велит им военный или чиновничий мундир и предписание начальства, а не Совесть и Истина.

Таким образом, повесть А. А. Цыганова «Курдюг» своим огненным сюжетом и горячей исповедью главного героя призывает нас услышать грозное пророчество апостола Иоанна Богослова в «Откровении» (ст. 15-16): «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну из уст Моих».

*Людмила Яцкевич,
доктор филологических наук, член Союза писателей России*

Курдюг

Повесть

(Современная исповедь)

...ведь он носил мундир и был солдат.
*Г. Х. Андерсен,
Стойкий оловянный солдатик*

I

– Дуй к себе живо: «мокруха» в зоне, – передо мною предстал разъярённый прапор Псарёв из дежурного наряда по колонии. – У тебя прямо в отряде Кожаного «загасили»! А я пока за медиком слетаю!

И служивый взял курс к жилым баракам возле стрельбища, что рядом с питомником для сторожевых собак, – в сторону места проживания поселкового эскулапа, почём зря деревянные мостки под каблуками забрякали. Только что своими хромачами едва дверь моего жилища на раз-два не вынес, ходуном ходила. Но если человеку после ночного дежурства удалось всего часа четыре от силы подушку «придавить» – разом было и не сообразить, что с обратной стороны блажил, – надрывался от собственного крика лагерный дежурный.

Дальше я в два счёта прыгнул в форменное обмундирование и по таким же тесово-хлябающим мосткам без оглядки надал ходу к самой зоне, отделённой от посёлка сотрудников высоченным забором с калёной колючкой по всему периметру территории и часовыми на вышках, с утра любого подсвеченными летне наступающим днём.

За громадными железными воротами – на десятки вёрст окружённая со всех сторон непроходимыми лесами, сокрыта ото всего мира колония, чётко разграфлённая, ограниченная и, вернее верно-го, неподступно охраняемая.

Сразу от зелёных караульных ворот – обшарпанно-синяя дежурка для наряда сотрудников. Этот линиялый утлый домик – вахта дежурного по колонии – с неизменным постоянством производит удручающее впечатление на любого, всяк сюда входящего. Внутри всё подряд покрашено такой тёмно-зелёной краской, что она кажется даже чёрной, придавая ещё большую муторность помещению. День и ночь – сутки прочь – вверху под железной сеткой меркнет, – тускло светит разбухшая шахтёрского вида лампочка.

В дежурке первая комната с переборкой занята контролёром из конвойной роты, во второй – через порог – сам дежурный с расколотым телефоном на кособоком неказистом столе, а последняя – с громоздким топчаном и ржаво-облезшим сейфом, настезь распахнута, глаза бы не глядели.

Дежурный, исполински большого вида мрачный хохол Коля Рева, пожинаящий лавры в отгадывании кроссвордов не по смыслу, а лишь по неприхотливому опыту заполнения пустых клеток, даже не чичкался, – от порога и кивнул мне на жилзону: мол, шуруй к себе в отряд, на месте разберёшься. Сами с контролёрами и носа из дежурки не высунут: знамо дело, своя рубашка ближе к телу.

Без лишних разговоров я вышагнул на плац, высланный, как и вся зона, сплошь досками, и наладился, что по полу, в направлении «запретки», – к дальнему, будто бы нерушимая стена, забору с караульной вышкой на углу.

Кругом всё как обычно: по сторонам плаца – большие стенды с неизменными изречениями воспитательного характера, на каждом шагу по паре на брата. Но больше всего их расположено возле бревенчатых барачков-отрядов – места временной прописки тех, кому поперёк горла стала своя волюшка, белый свет. В центре зоны – медчасть: сразу с улицы от плаца – вход для сотрудников и ещё один с задней стороны – для осуждённых.

Сюда я и вернулся вскоре из полуторасотенного отряда подопечных, над которыми после случившегося в могильной тишине ещё с утра из одного барачного края в другой тихий ангел пролетел. Через процедуру прошёл с завхозом медчасти, через комнату для приёма больных и в малюсеньком стационаре, выкрашенном извёсткой, на подстеленной клеёнке увидел своего бывшего осуждённого Серёгу Кожевникова – Кожаного. Лежит, здоровенный, прямо на полу – ноги, что кегли, блестят босые, по сторонам раскиданы. С левой стороны горла – дырчато-кровавый разрыв от заточки с секиристо-зубчатым крючком, – одним махом всё наизнанку выдрало.

Не жилось человеку, как всем, в своей отрядной секции, – панцирной «шконке» с фиолетово-байковым одеялом и тумбочкой у окна, лучшего места не придумать. В этом последнем земном приюте Серёги Кожевникова вся стенка от второго яруса до потолка была в идеально-точечном красном круге: после удара заточкой артериальной кровью приговорённого даже голову спящего соседа с ближней койки откинуло. А алая тряпка, что рядом валялась, была обычным вафельным полотенцем, которым сидельцы пытались заткнуть рану, пока Кожаный хрипел: «Меня Витька Трошин убил!»

Но его последние слова уже не были услышаны прибывшим медиком, позаглазно величаемым Борей-Тошнотиком за вечную присказку, применяемую ни к селу ни к городу: «Будем лечить или пускай живёт?»

В скором времени в поселковом штабе сотрудников, возле которого их малолетнее потомство обычно играет в бесконвойников, грозным хозяином колонии Любопытновым было дано распоряжение, от которого и захочешь, да не отвертись. Как начальнику отряда, где совершилось преступление, мне надлежало за старшего со специальной командой немедленно отбыть водным путём в райцентр для погребения безвременно усопшего Сергея Кожевникова.

С некоторых пор умершие насильственным образом должны были предаваться земле в ближайших местах захоронения, причём без оповещения об этой печальной процедуре близких родственников. Не буди, право, тот и упомянут, у кого в чести эти вести про инструкцию о почивших в бозе «пассажирах», кому ещё сие из зоновских неведомо?

О таковых, отошедших от мира сего, надобно телеграфировать сродственникам в течение суток, но об этом даже и пикнуть не заикайся. Начальство не свой брат: много говорить не станет, за ушко да на солнышко. Недолго и самому одним росчерком пера загреметь под фанфары, не успеешь оглянуться. Поэтому во избежание неутешительной перспективы оказаться на законном месте своих наголо стриженных подопечных, приказы власть предержащих, понятное дело, подчинёнными не обсуждаются, а исполняются.

В походном порядке ко мне прикрепили того же медика Борю-Тошнотика, а ещё режимники выделили «двоих из ларца»: пару схожих друг с другом осуждённых в одинаковых робах, вооружённых новыми лопатами на долгих ручках. В сопровождении немногословного прапора Пушистого из конвойной роты, о котором местные ценительницы мужского внимания шептались, что у него выше пояса – очевидное, а ниже – невероятное, вся компания через узкоколейную дорогу ходко подтянулась к дебаркадеру, соседствующему с местом моего обитания.

Здесь к каждому дому проложена узкоколейка. Посёлок с несколько зловещим названием Курдюг стоял на таёжно-болотистом топком месте, поэтому кругом подсыпали опилками с пилорамы, и везде были построены мостки. По узкоколейным путям, проложенным через всю территорию, мотовозами подвозили дрова жителям и материалы к строящимся домам. Тутошный грунт не выдерживал ни трактора, ни грузовика.

Повсюду – дощатые настилы для хозяйственных нужд, такие же тротуары вдоль и поперёк, некоторые даже на сваях, – дощатое царство. У домов сарайки с дровами прямо в лес глядят, а вокруг, что на картинке, ягожник, – коль охота, трескай себе на здоровье. Или собирай белые грибы, каких хоть косою коси.

С другой стороны – речка, где уже пришвартовалось, так сказать, неповторимое для всех времён и народов плавсредство – наш вечно незаменимый «Курдюг». Наименовка судна в житье-бытье также была произносима с ударением на первом слоге, как и у самого посёлка, находящегося на слиянии Курдюжки с её притоком Копсаркой.

Бывало, идёшь за водой зимним вечером к проруби, в памяти встаёт гоголевская «Диканька», большое сходство: такое же безмолвие, капустный хруст морозного снега под валенками, серебристо-зальделая прорубь и луна золотой царской чеканки, – светло как днём. А в летне-нынешнюю пору источником утоления жажды служила общая колонка, содержащая омертвело-недвижимую, ржавую жидкость, именуемую водой.

У иных здесь живущих, что послабже, случалось, даже от этого изнутри разрывало, а других, покрепче, так порой наружно перекраивало, что приезжающие сюда навестить, не сразу после разлуки и признавали своих родных и близких. Вдобавок – повышенная влажность, что способна была запросто помутить любой рассудок, а ещё комары, каких свет не знавал: молодцы-удальцы, лютые дельцы, у нас шутили: «Второй мотовоз на нижнем складе доедают».

У моего дома была ещё одна особенность: летом он незаметно оседал на болоте, а зимой так же неприметно и неравномерно поднимался. Тогда замочная скважина уже не соответствовала прорези в косяке, и замок на законных основаниях бездействовал. Так и приходилось ходить на службу, не запирая жильё, но посёлок относился к категории закрытых режимных учреждений, поэтому посторонних людей и воровства не наблюдалось.

Между тем «двое из ларца» по качкому трапу старательно затащили домовину с Кожаным на борт «Курдюга» и укрепили на носу у мачты с приспущенным триколором. Сюда же конвойный Пушистый в форменном обмундировании и с оружием на поясе деловито пристегнул наручниками безмолвного Витьку Трошина, бледного, щупленько-ушастого обидчика усопшего, пожалуй, не понимающего ныне ничего из происходящего.

За кормой катера взревел двигатель, гулко вбросив наружу водный колпак кофейного цвета, и мы отчалили от малолюдного по ранешнему времени дебаркадера. «Курдюг» на малых оборотах шёл меж низких торфяных берегов речки, полностью огибающей посёлок, строения которого, что на красочном лубке, панорамно проплыли за спиной, и судно вошло в горловину другой невзрачной речушки, на берегу которой размещался нижний склад. Волны от катера следом нехотя растворялись в береговой ржавой жиже...

II

Вся рабочая зона нижнего склада, в обиходе попросту именуемая лесопилкой, окружена пятирядной стеной из колючей проволоки с караульными вышками по периметру. Мнится, что гигантски-невзъёмные штабеля брёвен с первозданными очертаниями подъёмных кранов взаправду вздыбились не только над худосочными деревцами, но и заполнили саму округу сверху донизу. Внутри же выделялось двухстойловое локомотивное депо, самое высокое здание лесопилки. С обеих сторон от тепловозных стойл – цеха для ремонта подвижного состава. Вокруг самого депо – множество наспех изготовленных складских каморок и прочих сооружений, между которыми все узкоколейные, а также иные пути вплотную проторены крепкими деревянными мостовыми.

Вселенско-неумолчный визг лесопилорамы сливается с гусеничным лязгом да рёвом трелёвочных тракторов, с непривычки уши закладывает. И куда ни кинь взглядом, всюду деловито кипит жизнь: копошится работающий люд, безостановочно снуёт туда-сюда, а за охраняемыми снаружи прочными, на запорах, воротами то и дело басовитыми гудками перекликаются тепловозы.

Но только «Курдюг», миновав водно-пропускную преграду, направился к нижнему складу, как работа за один приём и прекратилась. Весь берег, заливаемый слепящим, солнечно-лимонным светом и накрепко пропахший смолой и свежеспеленным лесом, скоро был в сгрудившихся людях, одетых в чёрную униформу с нашивками на нагрудном кармане.

Молчаливо и пристально они глядели на идущий мимо катер с прерывисто, взхлёб клекотавшим двигателем, пока он следом не отвернул в сторону Белого озера, оставив на буях знаки с перечёркнутым якорем, означающие, что в этих краях запрещено кому бы ни было пребывать без особого на то разрешения.

Понятно, что ничего подобного не могло здесь стать, скажем, в те давностные времена, когда в оной приболотной пустыни находился Курдюжский Николаевский монастырь, который через некое время был закрыт, а вослед уже тоже в далёкие шестидесятые девятнадцатого века как раз в данных местах и обосновался лесопильный завод, расположенный на ковжинском берегу. Кто ведает, примерил бы сегодняшней криминальный электорат свою вину со злодеянием человека, появившегося на свет на той самой лесопилке в день отмены крепостного права? Потому как спустя девятнадцать лет, в самое Прощёное воскресенье, уроженец лесопильного завода посёлка Курдюг народоволец Николай Рысаков первым из террористов метнул в Петербурге бомбу в Императора Всероссийского Александра, прозванного в народе Освободителем, надолго изменив этим и без того донельзя запутанную историю развития страны.

Тем временем прозрачным, зеркально-озёрным стеклом перед нами открылся просторный фарватер канала, оставив за собой призрачную зону камышей и плавучих торфов, заодно миновав целиком и полностью гиблые места – чахлые болотца и, по самую макушку, вглухую затопленный лес...

А у меня из памяти никак не выходило увиденное: лица людей в чёрной амуниции, прощавшихся с Серёгой Кожевниковым на складском берегу под небесно-лимонным живым солнцепёком, – ведь они никоим образом не осуждали ушастого убийцу своего сотоварища!..

Может, потому, как беречь честь смолоду в местах не столь отдалённых по определению читается всегда особенно: это как дважды два – четыре, вернее смерти. И без вины виноватый Витька Трошин, обидчик усопшего, всего лишь защищал свою честь, – кому надо и не надо знали об этом с самого начала заварушки, но помалкивали, не накликав неприятностей на свою шею.

Теперь куда ни кинь, везде клин, то же самое повсюду творится: где сила, там и закон, мудрено кем-то сотворено. И ото всего этого уже никуда не деться: что на воле, что по-за волей, всё равно одна песня, хоть тресни. В местах же заточения кому как не режимной службе и следует держать нос по ветру, потому как о лицах, состоящих на особом учёте, они обычно имеют информацию, вплоть до разговорно-расхожей в обиходе, как то: статья, срок и размер сапог. Но тут и на старуху вышла проруха, прозевали служивые: до последнего тянули кота за хвост, надеясь, что эти «тёрки» – подобные дела разрешаются, как обычно, сами собой – без особых последствий.

Кто на зоне слухом не слыхал, как «беспредельщик» Серёга Кожаный, кого старались на всякий случай без дела обходить, через день да каждый день «кошмарил» Витьку Трошина? В голову бы не пришло кому-либо запросто «предъявить» лишь за то, что кто-то своим умом, особняком живёт, из-за этого уже и на свет не глядеть? Если у человека ещё натура такая, в чужие дела не терпит соваться. А в узилище принято семейничать, где несколько человек одним кулаком держатся, в случае чего друг за друга встанут. От века до века таким макаром в застенках и решаются поставленные ребром вопросы, чтобы просто выжить. Да вовсе не последнее дело, скажем, в том же ларьке сообща «от пуза» отовариться, иначе и жизнь будет ни в жизнь. Следом ещё «кайф» словить, – обязательно чифирнуть, куда без этого: в настоящем чифире, трижды поднимаемом до пены, даже само лезвие растворяется. Не говоря уже о чём-то серьёзном, если доведётся, – в тех же самых разборках-наездах «косяки» легче разруливать. Да мало ли всякого может случиться, всё до поры до времени, раз на раз не приходится.

А Витька Трошин оказался не таковского пошиба: хоть и в одинаковом месте, да из другого теста. Как принято у подчинённых говорить, один на льдине. Без помощников на своих двоих укрепился. Даже мастером в жилзоне стал, где открылся цех по изготовлению различных сувениров из дерева, последний писк моды. Рыночная экономика, каждый выживает, как может. Да и колония тоже сложа руки не сидела и, в связи с поголовной «оптимизацией» общества, на доброго дядю уже не надеялась. Как и прежде, осуждённых возили в лес на заготовку древесины, а также на нижнем складе делались плоты, изо дня в день грузились баржи лесом, и даже наладилось производство заказных дачных домиков.

Не сравнить уж было нашу «восьмёрку» с соседним «пятакон», что на острове Огненном, месте съёмки прославленной «Калины красной», не тот коленкор. Не вчера ли всем миром эту шукшинскую силу сильную не могли глазами наглядеться? Хотя расстояние между колониями всего лишь с несколько десятков вёрст, да и те не объездом, а в том же направлении, только всё одно наши рылом не вышли, и давным-давно государева мощна вся без нас изошла. Легендарному же «Вологодскому пятаку» или подобного рода «Чёрному дельфину», о каких спокон веку песни напевают да сказки сказывают и не выпускаемых из виду на самих федеральных верхах, всё было не стыдно со своим многомиллионным ежемесячным бюджетом и приходы по расходу держать, да в завтрашнем дне на себя не оглядываться.

А жизнь в здешних, канувших в небытие местах, где – то пусто, а то негусто, как таковая, круглый год была ключом на особицу, но жаль, что иногда, выражаясь фигурально, – разводным, да всё по голове. Какая вожжа тогда попала под хвост Серёге Кожаному, что он, за здорово живёшь, единолично потребовал от Трошина с каждой полочки «отстёгивать» его кровно заработанные «тити-мити»? За одно лишь то, что у Витьки не было своих кентов-корешей? Да за такое «подмолаживание» получите законный от ворот поворот, а в получении – распишитесь! Вот бы и успокоиться кому следует: ведь каков был привет, таков получили и ответ.

А Кожаному того больше неймётся: как баран в новые ворота упёрся, даже «счётчик» человеку включил. Если не будет вовремя заплачено требуемое, жить обречённому вскоре доведётся у бачка с водой на входе в отрядную жилсекцию, передвигаться лишь замыкающим в самом «хвосте» строя, а есть ложкой с просверленной дыркой.

В отличие от прошлых времён теперь в этом подлунном мире подобное именуется кратким определением – «зафаршмачить», а сам приговорённый, соответственно, становится «фаршмаком». Процесс превращения несчастной жертвы в безропотно-животное состояние, короче говоря, в «обиженника», ныне видоизменился, но всё равно уже не бывать калине малиной, и плетью обуха не перешибёшь. Просто-напросто на одном из обычных построений, как чёрт из табакерки, выскакивал голымый «фаршмак» и прямиком выплёскивал из кружки с дыркой «чапаевку» собственной переработки в лицо будущему «коллеге». Конечно, с них, пожизненно заклеимённых, а за это действие поимевших банку кофе да блок сигарет, и взятки гладки: отхватят свои законные суток пяток изолятора от лица администрации, – не нами буде она судима, обо всём ведающая, но порой не брезгующая подобными мерами поддерживать нужный порядок.

Только уже и человека нет! – отныне и навсегда вместо него этот самый обиженный, податливо-бессловесное существо, обречённое на презренное животное соприсутствие, исполняет самую грязную работу, начиная с трудотерапии по очистке отхожих мест, – рви на себе волосы!

А бонусом ещё заполучает проживание на газетах под нарами во время этапов да позорно-поздравительный батон в международный женский день, – поневоле захохочешь по-волчьи. Какова тогда была вина вечного детдомовца Витьки Трошина, что он решился найти силы – сам на себя плеть не свил, зная, какая неминуемая беда нависла над головой?..

Теперь оную начисто бритую головушку склонил бедолага на правую сторонушку под всеохватно-открытым небесным простором, вовсю парня палило. И, прикованный к мачте с приспущенным стягом, прикорнул он рядом с домовиной Кожаного, неподвижно застыв на носу «Курдюга», охотно рассекающего водную дорожку с золотистым, празднично играющим светом.

– Не положено! – вскричал заполошно от борта прапор Пушистый, увидев, как я пытаюсь напоить водой из пластиковой бутылки Витьку Трошина, слабо приоткрывшего глаза и непонимающе озирающегося вокруг. – Уставом запрещено, не положено!

– А если на это «не положено» у нас своё наложено, – вполне миролюбиво, на правах старшего, покладисто остепенил я конвойного охранника, и тот, недовольно покачав головой, вернулся на корму, где они с Борей-Тошнотиком резались в карты. С другой стороны бодрствовали «двое из ларца» и, покуривая, безразлично смотрели куда-то в сторону убегающей за нами воды.

В капитанской рубке за штурвалом, как всегда невозмутимо, внимал окружающей действительности бочкообразных размеров Гриша-Полпотыч в своей неизменной фуражке с крабом, надвинутой на самые глаза. К кровавому диктатору Пол Поту, разумеется, Гриша не имел касательства, но как-то, обидевшись на весь мир, он настолько изобретательно обработал свою вторую половину ножичком поострее острого, что «самый гуманный суд» и облагодетельствовал злодея сроком, после которого тот так и остался в знакомых местах на положении вольнонаёмного капитана маломерных судов.

Безветренно-зелёную тишину нарушил пронзительный крик одинокой чайки, примостившейся на торчащем из воды бревне с куском игольчато отсвечивающей колючей проволоки, словно опять предстояло обозревать безрадостно очередное место заключения. Затем показались силуэты барж, – по правому борту катера уныло потянулся посёлок Новокемский, скрывающийся в буйной гряде распустившихся дерев с торчащими блёклыми крышами лишённых разнообразия строений.

III

Было видно, как возле берега несколько мужиков на лодках, упираясь в дно баграми, задумчиво смотрят вниз, нет заботы важнее. Яснее ясного, что по звуку проходят науку, – хорошенько, по первое число вышаривают железяки для сдачи их вместо цветного металла. Известно, что в этих краях было несколько лесопильных заводов, которые при строительстве Волго-Балта вчистую, полностью затопили. Оставался лишь Кемский, возможно, единственный, что избежал гибели, потому как его ожидала другая участь: предприятие в наши дни сгорело из-за головоутиательства кочегара.

Как и в колонии, в сих местах также в дни оны, образно говоря, всё больше занимались «резьбой по дереву двуручной пилой», до пяти тысяч человек было в посёлке, жили себе люди, не тужили да никому не служили. Нынче, чтобы хоть как-то выстоять, остатняя мужеская половина перебивается с хлеба на квас, пытаясь прокормить семьи, и, зная, вовсе дошла до ручки, донельзя обозлённая на весь белый свет...

С каких иначе щей, взыграв моторами, за нами устремилась пара лодок, откуда с весьма наглядной убедительностью потрясали баграми, а из одной моторки, как гром среди ясного неба, даже хватило в вышину ружейным выстрелом, попались мы впросак.

Разглядели обо всём догадавшиеся трудоголики приспущенную катерную хоругвь – вестник несчастья, недолго было и по заслуге почёт получить. Если не взбрело на ум сколько-нибудь припугнуть, коли с утра пораньше «за воротник заложили». Но наряду с аборигенами знали ещё в посёлке таких бывших сидельцев, которым хоть бы хны было и свою голову на плаху, а этим проще пареной репы не одного лишь страха нагнать.

Только наши тоже оказались не лыком шиты, куда твоё дело. Взбодрился краснолице-готовный Пушистый, привычным движением расстегнув поясную кобуру с оружием, глазами туда-сюда заводил, как бы выбирая удобную позицию для предстоящей баталии. Над его жаркой думалкой на разок вспрыгнули лёгким одуванчиком, как говорится, три волосинки на одну драку, остатки пушисто-волосяного оснащения.

Тем временем «двое из ларца» тоже встали наизготове, – моментом, не раздумывая, вскинули свои лопаты на долгих ручках. Не отставая от компании, что-то заполошно блажил, размахивая руками, и Боря-Тошнотик, – теперь так, да после-то как?.. Чтоб не переваливать позже с больной головы на здоровую, дал, было, я отмашку на ход судна Грише-Полпотычу, но тот и без советчиков оказался не промах, не в таких ещё переделках побывал.

«Курдюг», бурно взревев, скоренько оставил за собой неудачников, посылающих кулачные проклятия вслед судну. И немудрено: такие плавсредства, ни много ни мало, слыли в своё время самым настоящим судном-катером класса река-море. Во время войны держали оборону на Балтике и Каспии, тогда на рубке находился зенитный пулемёт, а впереди, где ныне под беспощадными лучами терял остатки сил у домовины Кожаного упёршийся перед собой стылмым взглядом подневольный, имелась и семидесятимиллиметровая пушечка, не слабо?..

В кои веки раз, да и то не про нас: о происшедшем затем никто и словом не заикнулся, было, да сплыло. Стояли по бортам, опершись на поручни, и, не проронив ни звука, на воду смотрели, что живую, с переливами, подобно самой жизни до бесконечности струилась перед глазами...

Волго-Балтийский водный путь мне раньше представлялся другим, схожим с известным каналом имени Москвы под Дубной, что был знаком по книжным картинкам. На самом деле он больше походил на широкую извилистую реку с полноводными заливами, где спокойно разойдутся не два, а все три или четыре судна. В одной его части, к примеру, береговая полоса была чёткой и сухой, зато следом – мокрый бурелом либо болото. Дальше уже встречалось несколько мест, коих для отдыха лучше не придумать – сосны, могучие ели да высокий песчаный берег, – дыши себе в две дырочки и в ус не дуй...

Только из каюты, что под капитанской рубкой, куда я перебрался ото всех с глаз долой, вдруг с чего-то привиделось: не туда прикачнуло. Будто водная стихия, вбулькнув прямо-таки через ил-

люминатор, возьмёт и насильственно заполонит само каютное пространство: каково, не спавши, с устатку не сладко?

А за один скрип ещё на ум пристало, что за незаметной сперворазку дверцей носового отсека было бы не грех часик-другой и ухо придавить, лежанка в отсеке как по заказу делана. Проще говоря, в себя прийти – опнуться бы походя, раздышаться в одиночку. Только там, в темени, неразвортно было даже без мундира, едва вползётся на всех четырёх, зато макушкой своей о переборку удалось на славу приложиться.

Порядком загудело в голове у человека, между прочим, с двумя макушками, а ещё говорят, что таким для защиты от самого рождения посылают сразу двух ангелов-хранителей. Раньше эти самые макушки даже за «божьи метки» принимали, и считалось, что подобным индивидуумам легче других вывернуться из любых передрыг. Наподобие счастливчика, баловень судьбы получался, издавна эта примета и старому и малому известна.

Правда, мне, тоже двухмакушечнику, до сих пор от этого было ни холодно ни жарко. Скажем, сколь велико кому-то веселье, когда его, не говоря худого слова, наобум святых белой вороной окрестят, в зачёт не пойдёт. В своей же колонии и заполучил такое благословение, вор в законе, «законник» Воронцов постарался: кстати говоря, закадычный дружок скончавшегося Серёги Кожаного, одного поля ягода.

К слову, не будь тогда мы ночью с дежурным обходом в отряде, когда у этого бессменного узника давление подпрыгнуло выше некуда, едва уже дышал: не оказалось бы это последним часом самого «законника», кто знает? Не раз и не два, то и дело у него подобное бывало, а вот прижало – дальше некуда, глаза на расплющенном, что у азиата, лице, на лоб лезут. Пока дежурный наряд, не ведая, как помочь, без толку возле него шаршился, мы скоренько, не будь дурак, руки в ноги и нашли – выцепили из посёлка своего «лепилу», что успел-таки вернуть коронованному «законнику» старой зачатки Ворону доброе здравие. А тот надулся, да не отдулся: мрачнее тучи, ещё сычом завзглядывал, никак ему за прошлогоднее сено задолжали, поневоле раздумаешься.

Заодно вдогонку, как на грех, довелось в своей одинокой комнатке глянуть – на сон грядущий перелистнуть страницы последних земных откровений великого писателя и, между делом, попасться промеж двух огней. Допустим, буди, встать на сей день вместе с нами тому же автору «Диканьки», который не видел «выше подвига, как подать руку всякому изнемогшему духом», с какого бы тогда голоса он запел, явись на таковском месте хотя на минуту?..

В это время необъяснимым образом, развёрзнув каютные переборки, надо мной вспыхнуло небесным светом, и оттуда в манящей воздушной лазури призрачным чудом возник многомачтовый парусник. Оказавшись на чуток рядом, он невесомой пушинкой подхватил всё моё суще думающее и, воспарив с крылато раздутыми парусами, затем совершенно безответственно унёс меня вместе с собой куда-то ввысь...

IV

К полудню, когда наш «Курдюг», наконец, пришвартовался у набережной городского причала, тут уже от края до края ломануло, – разошлась, по-настоящему грохнула жара. С самой верхотуры пылко синело атласное, вовсю раскалённое небо, лоснилось жёлтым снопом огненного светила, торчащего прямо над головой. Облупившиеся дома ярко двоились по обводной канала, напропалую отражаясь в воде, а горечь и зной струились в вышину, искажая мерцающий от марева горизонт медовыми, извилисто-тающими струями.

И помимо воли казалось, что всякий мимо проходящий по набережной, как по волшебству, находится в некоем уютно защищённом, небесно-золотом слитке, откуда окружающее созерцалось ровно у вот-вот родившегося, в райски-счастливым неведении божьего мира. А жгуче вспыхивающие янтарно-оранжевыми бликами водные просторы вполне впечатляюще завершали эту отчасти неправдоподобную, ослепительно-живую картину древнего края.

Не надо и семи пядей во лбу, чтоб даже со стороны было не отметить, на глазок зацепить, что именно на набережной обводного канала, растянувшейся по всему береговому размаху, и кипела всамделишная жизнь уединённого патриархального городка. А над ним – грандиозным сооружением пятнадцатого века – возвышался вековечно-основательный земляной вал с первоначальной высотой до тридцати метров, да ещё с башнями и деревянными стенами поверху, каково с такой силой потягаться?..

Только внутри этого городища с незапамятно-нынешних времён уже обстоятельно закрепились современные жилые строения с небольшим заводиком, административные типовые постройки и, соответственно, краеведческий музей, где беспрестанно толчётся неизвестно откуда возникающая туристическая братия.

Рядом неудержимо-пчелиным роем гудел на все лады разношёрстный рынок, похоже, торговавший днём и ночью без перерывов, круглосуточно. И уступающий своему областному собрату разве тем, что тот едва не постоянно обновлялся очередной уймой смуглоликих торговцев. Возможно, они всего лишь порой мигрировали оттуда сюда и обратно, готовые за деньги, не моргнув глазом, выполнить любую работу. С одним из таких, владельцем грузовика, обожжённым вовсе не северной стороной солнца, я наскоро и договорился о доставке скорбного груза к месту назначения, находящемуся за старинным военкоматским зданием.

Для этой печальной миссии у нас имелась казённая сумма, для пушей надёжности время от времени проверяемая во внутреннем кармане форменного обмундирования. Пилигрим из бывшей братской республики и не артачился, лишь гортанно озвучил мои представительские расходы, жестикуюлируя при этом обеими руками. Да ещё на полностью застёгнутый у меня в этой парилке мундир глянул с неувлимым недоумением, впрочем, мигом сменившимся привычно-цепким взглядом.

А у нас всегда так, чтоб всё чин чинарём было, как надо, без сучка и задоринки. Чтоб совсем как у деда, всё по-честному, коль я один в один их вылитая родовая. И мне, его последышу, тоже, как и самому деду, вечно до всего на свете дело было, с детства все уши пропели. Осталась теперь дома от него, фронтовика-добровольца, сгоревшего в сталинградском адовом огне, одна лишь фотокарточка, похожая на старый горчичник, – кто из нас горя не знал?

Работодатель из некогда братской республики оказался на редкость проворным, как тот самый, что един в трёх лицах: и швец, и жнец, и на дуде игрец. Копалям же «из ларца» только и позволил, что перенести с «Курдюга» почившего в кузов грузовика. И само сострадание, даже выгрузку, где надо, на себя принял. Не обращая внимания на жару и огорчённо цокая, работодатель бегал вокруг машины и, закатывая глаза к небу, сам с собой разговаривал. Но по всему было видно, что он главным образом доволен удачно подвернувшейся работой.

Стало быть, моё вверенное сопровождение будет и далее на катерном приколе дружно довольствоваться солнечными ваннами, тем более ещё в посёлке все были своевременно снабжены положенным сухпайком, порядок есть порядок. У меня сразу как гора с плеч, с такими деятелями и без этого глаз да глаз нужен. А в нужный час и завершив своей командой всю похоронно-скорбную миссию, чтоб после, от греха подальше, ходом и обратно в места хоть не «столь отдалённые», но зато уже привычные.

К этому моменту для отправки в областной изолятор конвойный передал обидчика Серёги Кожаного местным правоохранителям. По-прежнему ко всему безучастного, того стремительно водворили в машину, в каковой охнешь и ты, как не будет пути, и та, рывкнув сиреной, сразу исчезла с глаз долой. Почистице, чем в дешёвом боевике, мало того, ещё тормозами на всю улицу взвизгнуло.

Смуглолицый машинный владелец вправду был хозяином слова: он не только споро доставил груз по назначению, но слетал в нужное помещение, соседствующее с основным больничным комплексом, откуда появился с таким же собратом, и они по крутым ступенькам стащили домовину с усопшим в подвальную низину. Но и на этом он не остановился, самостоятельно расширив свои полномочия: вызнал у патологоанатома время выдачи тела и вызвался доставить Серёгу Кожевникова к месту последнего упокоения.

Нам оставалось лишь сообщить на борт «Курдюга», чтоб медик Боря-Тошнотик вместе с обоими «из ларца» прибыл в означенное время для погребальной церемонии, а мобильно-городская связь по сравнению с колониетской была безотказной. Дело получалось как на ладони, тогда с какой стати у человека в погонах опять не по своей воле на душе кошки скребли? Не оттого ли, может, что эта самая судьба взяла да сегодня для профилактики и погладила его против шерсти?..

А сверху так же, как и с утра, – всё бельма белело перевёрнуто-раскалённым пространством, в известково-пылевидный порошок сушило само сущее своим чуждым всего житейского, беспощадным дыханием. У набережной в асфальтовой выбоине, ранее наполненной живительной влагой, лежала крупная ворона, растопырив крылья и безвольно раскрыв клюв, видимо, потерявшая чувство реальности. Точно на миг знаково явленный с изобразительного полотна доселе неведомого мастера, мир во вселенной замер маленьким одиноким ребёнком, ошибочно очутившимся у края неведомо-гибельной

пропасти. А каковы ещё на свет божий объявились цветковые сполохи, что веерными зарницами с бесприветной безнадежностью заскользили с оглохшей вышины и, касаясь земной тверди, мимолётным видением исчезали за горизонтом, как до сей поры никому не известная природная аномалия.

Может, тогда и нам самим уже всё это видится и кажется да против неба на земле в непокрытой улице куражится?.. Только на повороте у набережной – не обойти и не пройти – стоит ещё у тебя поперёк пути женщина в чёрном платке, на виду поджидает: горе её лыком подпоясало. Всё живое по дороге, что напротив кинотеатра «Балтика», как поедом выело, прочь жарой смело.

Вроде бы давно ли по этой белозерской набережной в пробеге бежал шукшинский Егор-Горе из «Калины красной». «Ноги, мои ноги, – приговаривал он, стараясь избавиться от бдительно неотстающих правоохранителей, пока в отчаянии не воскликнул: – Да сколько же вас!»

Оказалось, даже больше, чем можно представить: всё было битком забито людьми на премьерном показе шедевра в этом кинотеатре, когда самим создателем картины были сказаны слова, а фактически гениально просто озвучено наше самовыживание: «Нам бы про душу не позабыть».

Взгляни-ка на меня: чтоб с места не встать, коли это неправда. Узнал я её ещё издали: мать это Серёги Кожевникова была, и к гадалке не ходи. На набережной поджидала женщина, с которой мы в первый и последний раз месяцем раньше в глаза друг другу смотрели. На «свиданку» из областного центра к сыну приезжала. Комната для такого дела родственникам была в двух шагах от моего жилища в бревенчатом бараке, что находился через дорогу от дома самого начальника колонии с опознавательной белой восьмёркой на крыше. Только при помощи этой отметки и обнаруживалась при необходимости зона: кругом дикая тайга, ни подъехать, ни подойти.

«Добрые люди сказали, – шагнула мне навстречу по деревянному тротуару мать безвременно усопшего Сергея Кожевникова, и я поразился тому, как можно так глядеть, вовсе не моргая. – Добрые люди всё рассказали, – всё так же, не мигая, протяжно тянула женщина. – И я приехала сюда сразу с дежурства на “скорой”». – Голос её был глухой и невнятный, пустой, как из бочки. Даже показалось, что не она сама, а кто-то другой, безнадежно больной, отдельно выговаривал слова вместо матери Кожевникова.

Не удержавшись, она прислонилась к штакетнику у причальной столовки с изображением на входной вывеске освежающе-минеральных напитков, непонимающе огляделась. Затем снова перевела на меня свой не моргающий взгляд, – и без всяких-яких видно, что у неё не просто маковой росинки во рту не было, а сколь давно человека мучила нетерпимая жажда.

Переделанное в шукшинской кинокартине под ресторан, сие общепитовское заведение с тех пор особо не изменилось, когда заглянувший сюда по освобождению рецидивист Егор Прокудин для первичного знакомства громкогласно озвучил своё присутствие словами: «Что мы тут имеем?»

Как и тогда, квадратные столики со стульями на алюминиевых ножках, так же вразброс, были расставлены по всему помещению, разделённому стеклянной перегородкой. Даже пейзаж в тяжёло-золотистом багете находился между теми же широкими белыми окнами, за которыми, лихо задрав нос, по синему каналу с рёвом промчалась моторная лодка. А нам с матерью Сергея Кожевникова само и место досталось напротив этих окошек, да ещё за тем столиком, где освобождённый по концу срока Егор Прокудин с «погонялом» Горе доходчиво втолковывал пронырливому официанту: «Нужен праздник!»

Наверное, киношная традиция, касаемо сходного обслуживания посетителей, и прижилась с того времени в столовой, где было на удивление прохладно, к тому же под потолком, хлопая лопастями, добросовестно трудился ещё стародавний вентилятор. А между столиками худенькая пожилая женщина в махоньком фартуке привычно разносила на подносе блюда. И дед ещё не на сто лет при виде своего заказа живо потёр ладошками перед пластмассовой столешницей:

– Закуска-то больно добра, – хвалебно провозгласил он про свой пир на весь мир. – Гли-ко, и жевать не надо, только брови подымай! – И, мотнув кудлатой головой с крестиком на жилисто-загорелой шее, приглашающе огляделся для одобрения его жизнерадостного расположения духа.

Только наше нынче житьё – ни еда, ни питьё. Одной лишь водички дотронулась – потянула из стакана – обо всём непонятным образом узнавшая родительница и, не обращая ни на кого внимания, уклонила перед собой голову, смежив воспалённо-опухшие, с тёмными ободьями глаза: видать, забылась на время. Другой мне она, не последнего порядка человек областной «неотложки», запомнилась в нашей единственной беседе накануне её колониистского свидания с сыном, небо и земля. Тогда и намёком мать не возжелала знать, что давно её отпрыск, родной дитяток, не в ту сторону глядит,

лишнее было заикаться поперёк родительской души. Их дети всё одно лучшие на свете: и пусть у того лопнет глаз, кто не любит нас!..

Зато это трагическое происшествие стало праздником тому, кто сидел в другом доме. Иначе в честь чего Серёгина мать прилетела сюда, как на крыльях: не сама же беда нежданно-негаданно взвыла не своим голосом, да и повисла над её головой? Хотя невелик секрет Полишинеля и ларчик отмыкается проще простого, потому что ещё солнышко не взшло, когда уже кому надо наловчились вскрывать подобные шкатулочки без особых затруднений. Достаточно было и всего-то тому, в чьих умелых руках оказались материалы личного дела, связаться с кем необходимо по спецсвязи из отдельного кабинета и заинтересовать предложением, от которого, по понятным причинам, вряд ли отказываются. Здешние же мобильные телефоны до морковкина заговенья пребывают «вне зоны досягаемости».

А умников звонить из коммутаторской комнаты, что в поселковом штабе сотрудников, если и было, так уж на низ сплыло. На этом дежурстве одни лишь вольнонаёмные женщины, посему через часик-другой уже все бы приветствовали новоявленного миллионера курдюгского разлива. И это, почитай, как сто баб нашептали. Так что уподобляться той самой знаменитой гоголевской вдове, якобы саму себя выпоровшей, охотников не найдётся, не на тех напали. Такого рода действия уже изначально чреватые нежелательной экскурсией в казённый дом, лишённый архитектурных излишеств, но обладателю данных о Серёге Кожевникове опасаться было лишне. Никто не увидит и не услышит: давно у подобных государственников с большими погонами, выражаясь по-современному, всё под контролем. По итогам же нехитро-предсказуемых переговоров одним духом, кому следует, открывался счёт на предъявителя и, равновесно, сокрушённое сердце – заинтересованное лицо – становилось обладателем необходимой информации.

Впрочем, ужели в чужом горе и всего-навсего лишь кому надо в масть подсказать, как в нужное время и в нужном месте оказаться, не святое ли дело? А коль хочу, так чего не смогу, ведь за добро, как известно, даже сам бог плательщик. Кстати, за сию малую толику отзывчивой души оттого и по правде некое воздаяние равных на себе волосы, а за такие дела уж ни с кого не полетит голова, куда понятней. В общем, кто кого сможет, тот того и гложет, не впервой. Только не для нашего ума была эта сума, и без этаких затей своими грехами сыты, хоть отбавляй. Тогда с какой радости такой приговор да сразу же мне во двор, всё в толк не могу взять?..

«Верните сына, – маленько забывшегося, вернул меня на место голос матери Сергея Кожевникова. Она поднялась, шатнув столик, и, отдельно выталькивая слова, шёпотом, от которого хоть кому станет не по себе, горячо упростила: – Верните моего сына!»

Со стороны такое вполне походило на родительскую беседу с зарвавшимся, было, не в меру наследником, что, прилюдно осознав содеянное, бережно сопроводил мать под ручку на волю, подальше от посторонних глаз и ушей. Мимо лениво пробрело несколько подростков, один из них, худосочный – три щепочки сложены, да сопельки вложены – поливал себя из большой бутылки. По прямой дорожке обводного канала прострекотал игрушечной наружности буксирчик, трудолюбиво таща за собой обвязку рыжих от солнца брёвен. Белыми послушными листьями падали в блестящую воду чайки и, криливо взмывая в вышину, с белокрылой упругостью таяли в глубине прожарено-небесного простора.

«Отдайте кровиночку, – горячечно молила женщина, спасительно уцепившись за мой мундир рукой с самоцветно сверкнувшим перстнем на указательном пальце. В другой руке её была сумочка на длинном блескучем ремешке, что влеклась следом неподъёмным лишним грузом. Запнувшись, Серёгина мать еле не упала, но мы с поддержкой вместе устояли на своих двоих: – Верните, – раскачивала она с взбитым платком на растрёпанной голове, втихомолку начиная подвывать, а потом вдруг как-то и вовсе неотступно-смертно вскрикнула: – Христом Богом молю, гражданин начальник!..»

V

«Что они делают, что они вытворяют!» – как в той кинокартине, скорее всего, не сдержался бы на это шукшинский Прокудин, окажись ещё в стороне бывшего «Дома колхозника», куда мы с кожевниковской матерью отошли к скамейке в парке. Неисповедимыми путями господними на этом месте съёмки «Калины красной» была недавно посажена аллея из саженцев дубов с малой родины друга Шукшина Василия Белова. А разве не памятна ещё вдогон прокудинская попытка безобидной беседы с заведующей почтой, – коробчатым зданием свежо-зелёной окраски, что по соседству, в трёх шагах от этого парка?

И где данный человек заодно заполучил от суровой представительницы прекрасного пола незамедлительное предписание: «Гражданин, вы тут не хамите!» На что едва лишь освободившийся Егор Прокудин гневно возразил: «Какой я вам гражданин?» И таково «отбрлил», что не грех о той несправедливости его же словами на сегодня господне и напомнить, как заповедное: «Я вам товарищ, и даже друг, и брат».

Оное заведение на этом месте и поныне, как сноп в овине, мимо не пройти. Сразу навстречь дороги и приветствует своей внушительно-наддверной надписью «Почта России», легка на помине. Пониже – что люди, то и мы – современное новшество: в замысловато-серой окантовке над резным окошком вклеено слово «киберпочта», и в то оконце лезет белая кошка, – так настырно заливаает, палит оттуда белым светом от невесть какого невидимого глазу источника. В придачу ещё в такой палючей жарыни и саму площадь с торговыми рядами сразу не разглядеть, отныне выставленными городом для всеобщей продажи. Похожее даже во сне бы не привиделось этому же Егору Прокудину, после освобождения приодевшемся в сих торговых местах и пожелавшему отсюда в поисках долгожданного покоя «шаркнуть по душе».

Тем часом мы уже остановились дыхание перевести у самого почтового крылечка возле очередной скамейки, изготовленной умельцами так, что будьте-нате было взглянуть, а не то что отдохнуть. Оставалось ещё добраться до центральной площади, что с торговыми рядами, а дальше быть и больнице, куда мы правили черепашиным ходом: моя спутница и с поддержкой еле-еле ноги передвигала. Тамошним врачевателям хоть день-деньской звони-завонись, во все колокола трезвонь, – ни ответа, ни привета, как поголовно вымерли: пришлось, худо-бедно, пешим порядком и тащиться до места.

А из-за открытой почтовой двери, откуда веяло распахнуто-жёлтым зноем – как сами жданки и ждали, возьми да как мигни тот, достопамятный эпизод из кинокартины, что снимался в переговорном пункте почты. Только что хлебнувший воли вольной человек в красной рубаше и кожаной куртке по настенному, заметных размеров аппарату и говорит своим слегка задиристым, но уже домашним, не зоновским голосом: «Алё, здрасте». След ещё толком не остыл от тех прокудинских казённых кирзачей, в коих уже свободным он вышагал, верно, по неоглядным, ни конца ни края не видно, тюремным мосткам вологодского «пятака», чтоб затем из этого переговорного столь доверительно кому-то своему и напомнить в телефонную трубку: «Это я – Горе».

Так с годами всё тут по-старому и оставили, как до нас расставили. Несдвигаемо занимал обычное место у входа тот же эллипсоидно-объёмный стол, обретшийся напротив высокого, лакировано отсвечивающего ящика с почтовыми номерами «до востребования». Дополняли вид ещё пара переговорных кабинок с расхлябанными дверками и, особенно запоминаемо, – именно соседний, шукшинско-прокудинский настенный телефон с эбонитовой трубкой на стальном пружинном проводе.

Как на ладошке и видится тот, кто сейчас же вместо нас – знать не знаю, а дело моё, – одним духом, не теряя времени даром, и заказал разговор по коммутатору, одуматься не успеешь. Не снова ли здорово кто-то и подшепнул нам опять без спроса сунуться не в своё дело, горе ты луковое? А по-другому и не узнать было бы решение самого хозяина, без чьего изволения даже волос не упадёт с головы, состоящего на службе, младшего по положению лица.

Но когда воспринявшему слухом и коснулось уха приглашение к тому самому настенному телефону, даже у почтового крыльца селекторным голосом разнеслось: кто бы диву ни подивился? Телефонная трубка не только сохранила свой цвет с прошлых лет, хотя эбонит на ярком свету и приобретает некий зеленоватый оттенок, но, вызвавший огонь на себя, даже ощутил толчок какой-то силы, схожий с внезапным приливом крови, когда рука крепко-накрепко сжала увесисто-громоздкую трубку.

«Глянь, сколько хороших людей кругом, – с закадрово-шукшинской интонацией враз и толкнуло изнутри, – моментальным живительно-волшебным кровотоком и принеслось из концовки легендарной картины. – Надо жить, – неведомо из какой дали далёкой, а может, просто из самой души напоминаемо передавал оттуда родной голос. – Надо бы только умно жить...»

«Эк, куда хватил, – тотчас в действительности уже внушительно и отозвалось в трубке с ответной стороны, не внявшим просьбы начальником, что в одноразку, не дослушав, с места в карьер и вправил мозги подчинённому, только держись. – Каким ещё родственникам надо кого-то отдавать, – нагнал сорок бочек арестантов! Или приказы министра уже не указ: даже власть, как дед репку, садыт, а у нас в одну минуту сам сизым голубем за решётку загремишь! – даром давали мне пару с лагерного боку на всю припёку. – Как раз из изолятора дружок убиенного Ворон по кон-

цу срока освобождается, – туда и отправим до этапа, чтоб на всю жизнь полные штаны радости были!» – С того места, где было лихо да стало тихо, что-то ещё последом буркнуло по-тарабарски, и связь после щелчка, как приснилась, вовсе пропала без вести.

А если так сказано, всё равно, как по нам смазано: что правда, то правда, с сумой да тюрьмой никогда не бранись, сам попадешь. У кого своя рука владыка ещё с дорогой душой зашлёт и на кудыкину гору, куда Макар телят не гонял. Запоёшь тогда, пропащая душа, не своим голосом. Этого только мы и ждали? Свято место пусто не бывает, и если дальше лезть поперёк батьки в пекло, то недолго час и уже тогда всем, нерадостным на чужое горе, тоже доведётся самолично лицезреть родное небо в клеточку.

После этого, пусть себе руганному, да пока недопуганному и осталось лишь от самого крыльца не взглядывать с лица, чтоб не встретиться поглядкой с понимавшей всё на свете матерью отошедшего в мир иной бедолаги. Но что бы там ни было, какие ещё силы и дохнул в жилы один лишь услышанный селекторный вызов в остывающую душу: так и подошла бы она к давшему надежду поближе да поклонилась пониже! Там ещё было время, но в сей же час наступила и пора. Не сговариваясь, мы опять вместе с ней молчком и двинулись далее к площади с торговыми рядами.

Со стороны глянуть – не увянуть: ступить люди ступили на ровно облитую небесным молоком тропку, да как в воду и канули, настолько от почтового угла всё палило, – настырно заливало белым пламенем от какого-то невидимого источника. А появились вскоре на лобном месте – на самой площади, где, собственно, под замершим в мареве жидким, солнечно-расплавленным кругом завершался и наш, пройденный от катерной стоянки, незримо-избавительный круг, безвозвратно исчезал там, где ещё не уготовано нам. Потому как за ним чьи-то кости уже навсегда лягут на погосте, а при этом нашенские, что своего ходу, дальше без лишних слов из ворот да в воду, только след простынет.

VI

Но кто знает, где найдёшь, а где потеряешь. Вдруг ни с того ни с сего как дёрни таким сквозным ветерочком, что сразу знобко стало, когда всё похолодало. И тотчас, ахнуть не успеешь, темным-темно, как черно кругом сделалось, – куда день, туда и ночь. Даже вспомогавшему нам, как ни крути, вездесущему шукшинскому герою, так и не обретшему желанного умиротворения, а оттого посулившему из своего киношного мира опрокинуть «этот город во мрак и ужас, в тартарары», возможно, и довелось бы у нас в яви временно лишиться дара речи при виде случившегося.

Поскольку в нашем взаправдашнем бытии, как перед самим светопреставлением, разом и стало глазу ни зги не видно, – такой мрак навалился, что ничего нельзя было различить, тьма кромешная. Этого только и не доставало, а нас уже из огня да в полымя ни за что ни про что кинуло, что ни дальше, то хуже некуда. Так как в тот миг действительно и привиделось, будто я на какое-то время очутился в ином измерении, где чьи-то необъяснимые усилия на несколько летучих секунд и заставили поверить в происходящее, точно в правду, кажись, навсегда накрывши безвозвратным мороком – от горизонта до горизонта – всю нашу тишь да гладь да божью благодать, – по небу широко, по земле далеко. Не так ли, надо думать, и бывает, когда вдруг неизвестно зачем всей своей быльё да небыльё так запросто нас перетянет, что кто-то уже и сам не знает: был он – не был, жил – не жил, знать, как пропал?..

Тем временем, чтоб кому ни попадя не было охоты лишний раз время зря терять, – без толку рот разевать, незамедлительно и дунуло со спины обычным мирским ветерком, поверху пронеслось. Тогда перед нами вновь вполне ощутимо, хоть иголки собирай, и возникла эта же площадь, за которой на виду всего грешного мира, – кому неведомо неизменное место городского отдохновения? – как вышним напоминаем о наших вечных душах, судьбоносно пошумливало в кронах вековой сосны, исстари вознёсшейся на травяном откосе, всегда остро пахнущим рыбной свежестью озёрной воды.

А нас опять-таки в очередной раз за виски да в тиски, – отныне уже в самом деле, что и говорить, как миленький, на все сто попался в перекрёстную. Чтоб её нелёгкая, с самой верхушки да на всю катушку, как хлынула ещё небесная вода, что тебе беда, – что она позабыла тут?.. Но только со всего свету в нашу сторону таким водопадным столбом рухнуло, что и сам царь воды не уймёт, даже небо с овчинку стало. Хлестало с высокой вышины без прорыха так, что перед глазами видны лишь были кипящие литые струи, крутящиеся витыми водными верёвками, да ещё рыкнул и вол на семь сёл, – грозную тучу по пути от края до края перебросило. А где много воды, разве долго ли до беды?..

Вскинул я набыстро свой мундир над нами с матерью, – в этом хоть быть по-нашему, забор крашенный, а если затеяно, так надо кончить дело. И тогда мы под этим одеянием, – не столь велико закрылись, зато дороге открылись, – шаг за шагом, рядком да ладком, а где и спокользя, добрались-таки до военкоматского здания, за которым, в низине, что в одном ряду с горестным помещением анатомички, в конце всего явилась и сама больница на все лица.

Там своим обличем к нам и предстали взору под больничным навесом все, кому следует быть, поскольку уже время пришло и всех в нужном месте нашло. Видать, у нашего медика с двоими из «ларца» были пути иные, раз вышли напрямую, а у смуглокожего машинного работодателя, прогретого совсем не северными лучами, работа кипела до самого пота. Бегал, выжидаячи, взад-вперёд возле своего железного коня с откинутыми бортами, потому что в открытых подвальных покоях у анатомической не молоденькой начальницы уже была на виду готовой кожевниковская домовина.

А тут ещё на секундочку, вроде, как ух ты, вышли мы из бухты: с обратного края крыльца, потусторонне поблёскивая расплывчато-красными бортовыми полосами, притаилась «скорая помощь», разом не узренная под этим не прекращающимся, ни с чем несравнимым водоизвержением. Подобные специализированные автомобили никоим образом не могли относиться к городским больницам, лишь единично появившиеся в областном центре и предназначенные для станций скорой помощи. Возле неё, несмотря ни на что, бдительно дежурили двое молодых людей в белых халатах, похоже, проглядевшие все глаза, потому как при виде нас они одновременно оба преклонили свои головы. Вот в этакой-то напасти как было едва не пропасти моей спутнице, не поддержи её со мной, и так уж обеспамятевшую, подскочившими ещё к нам сопровождающими. Но во времена и лета нынешнего света может ли статья: есть ли хоть какой-то заступник и для нас, когда такое горе горькое у нас?..

«Возьмите сына, – вдруг сказал кто-то нам громким и странным, сроду не слыханным голосом. И ещё раз для нас раздалось рядом то же самое не от мира сего звучание: – Возьмите сына!» Я-то как очнулся, точно бы проснулся, а это, вишь ты, кто-то утробисто так внутри меня сам по себе говорит, словом жарким горит, – и не по-нашему хотенью, а по-чьему-то изволению. Что называется, ни в сказке сказать, ни пером описать, как если бы так задумано было.

И как после дышать, если слово ещё не держать, потому что оно опять у нас прошло, как огнём прижгло: «Возьмите своего сына!» – Только это уже аз от самого себя добавил, в своё слово вплавил. Или уже мы сами не с усами и, что бы с ходу ни пришло, сразу лапки кверху? И без подсказки сахар сладкий: не угадаешь, где упадёшь, где встанешь, но разве сей день не без завтра? Так не так, а уж этак и будет, кого ждём? И что с того, что плеть обуха не перешибает, зато свой должок не положим обратно в мешок, а после можно будет хоть как-то и на всех исподлобья не взглядывать, худо, что ли?..

Родясь, такое и знать не знавал, умру – не узнаю. Да и белому свету опять же не завтра ещё будешь рад, как вспомнится внове кожевниковской матери взгляд, когда она выпрямилась, неверяще приходя в себя от услышанного, и потом лишь молча, с широко раскрытыми глазами сама дошагнула, как на распорках, до «скорой», ухватившись обеими руками за раскрытые дверцы.

А осмотрительно взятые её молчаливые помощники с какой-то привычной быстротой деловито и погрузили в открытую машину деревянную домовину. И родимая матушка, напоследок ещё оглядясь вокруг себя, снова лишь вздохнула, но слышал бы тот, по ком этот был вздох, тот бы в щепку иссох! Она даже своими силами, в одиночку, поднялась к последней усыпальнице сына и, такой же человек божий, обшитый кожей, уже без удержу ткнулась в родное лицо: «Давно не видались? – Да как расстались».

А «скорая помощь», подобно обманчивому туману, скоро и растворилась в неумолкающем водном благоденствии, как её вовсе не бывало, лишь остальные ещё некоторое время пребывали в молчании, схожем с утренним моих сырых подопечных, над которыми тогда после случившегося в могильной тишине тихий ангел пролетел, напомнив, что на сем свете мы только в гостях гостим.

VII

Может быть, после кто-то из наших катерных обратный путь и вспомнит как-нибудь, хотя, как водится, он и прошёл своим чередом, без какой-либо истории с географией. К тому же кто вымочил, тот уже и высушил: пришла в себя выбившаяся из сил погода для народа, день под грейкой теплыню был промыт, как новенькое стекло. Отныне на носу у мачты с высоко вздёрнутым трёхцветным стягом всю дорогу безмолвно пребывал прапор Пушистый, и его извечно жаркую думалку с лёгким одуванчиком остатков пушисто-волосяного оснащения бодро обдувал пропахший травой, сквозь пальцы пропускать

можно, шелковисто-упругий ветерок. Зато в капитанской рубке за компанию с Гришей-Полпотычем блаженствовал безмятежный солнцедуй Боря-Тошнотик, а весёлая летняя закуска с их бутылочкой по затылочку на газетной скатёрке-самобранке перед самым носом даже способствовала невозмутимому капитану править судно по не впервости знакомому, неукоснительно выверенному курсу.

Только другим такое дело близко не приспело: в своё время успешно прошедшие огонь, воду и медные трубы «института имени Воровского по разряду факультета карманной тяги», «двое из ларца» блаженствовали в уютном кормовом трюме, где они в тишине и покое дрыхли без задних ног, предавшись излюбленному занятию клиентов исправительной системы.

А по мне, лучше было и не придумать места снова под капитанской рубкой за той самой дверцей носового отсека, где лежанка была, что по заказу делана. Но каково в одиночку быть тому, у кого что ни день, как опять его тень в той давней послеармейской весне, где ещё и не знал, куда это нас хлестнёт?

Только от домашнего порога дале ждала лишь новая дорога, потому что впереди всё было на свете к лучшему. Но беда сама приспела, наперёд не сказалась. Даже не вздумать, как тот день и пришёл, в котором та самая единственная, с которой друг другу мы в глаза посмотрели впервые, и как будто время остановилось, – вдруг взяла да умчалась куда-то в иные края, – навсегда её след с инаким и простыл из того города, где было всё нам дорого. А коль уже истаяли те истые неотмирные сроки, когда душа сама по себе мёрзлой ломкой веткой слагала свои горячие слова на первом снеге, – вспоминать-то веки вечные на что?..

И не надо ещё при всём этом нашим молодцам быть бледными с лица, когда в вечерней тиши «Курдюг», как-никак возвернувшийся к родному причалу, и упёрся в дебаркадер, соседствующий с местом моего обитания. Хотя и встречал-то нас на вечернем причале собственной персоной сам грозный хозяин зоны Любопытнов, по-всегдашнему аккуратно застёгнутый на все мундирные пуговицы с тремя большими полковничьими звёздочками на погонах. Трудно было избавиться от впечатления, что начальник колонии всегда видел всё окружающее как-то не глядя. Входя куда-нибудь, он уже знал, что делалось по другую сторону, – порядок дела не портит! – а твёрдостью и определённою при решении служебных вопросов завоевал расположение и мало кому верящих подшефных за колючей проволокой.

Знать, наша молва опять поперёд нас дошла, потому как только всё было доложено, начальник не то чтоб на этом месте удивился, но даже, неизменно верный слову, отчего-то и не возжелал повинных «за Можай» гнать – «киркой махать», лишь только бросив: «Идите отдыхать». Да и желающих брать под белые руки да отправлять на муки мученические нарушившего министерский указ – выше высокого приказ, в этот вечер не нашлось, никому праздником не стало. Кому охота доносить, когда и самому-то, может, после головы не сносить?..

Другой день тоже не навёл тень на плетень: с утра пораньше на лагерной вахте дежурного в том самом зарешёченном домике, что неизменно производит на всяк сюда входящего удручающее впечатление, по-обычному, старое было по-старому, а вновь ничего, не считая доклада конвойного гарнизона хозяину зоны. Всем дежурным нарядом и готовились: одних заявлений да рапортов с протоколами у суточной смены конца-краю нет, только знай отписывайся.

В то самое время и наша дорога от порога была в эту сторону – мир вам, и я к вам! – но мне и шага шагнуть к своему отряду не дали, сразу от самых ворот поворот, из дежурки на пару слов всем миром приглашают. Вместе с бессменным дежурным Колей Ревой ещё двое прапороров-орлов наготове стоят: рот до ушей, хоть завязочки пришей, да один другого здоровей, под горячую руку не попадайся. Кому неизвестно: где начальству чуть что не по нраву, этих орлов сейчас же туда и совали на расправу, спасайся кто может. Чтоб тебе ни дна, ни покрышки: неужто и впрямь разбудили мы лихо, пока оно было тихо?..

А меж тем – от века до века само спокойствие – исполинского вида Рева, обстоятельно достав из своего ржаво-облезшего сейфа конверт с победной, празднично-весенней маркой – откуда только и взялся, – таких даже днём с огнём не сыскать, и встал передо мной, можно сказать, как лист перед травой.

– Самого «законника» Ворона по концу срока освободили, – веско изрёк дежурный и, внимательно оглядевшись вокруг, после, как эстафету, из рук в руки и передал мне, что припечатал, конверт явно ещё прошлых лет. – По утрянке на волю и отбыл, а это от него лично тому, кто в нашем дому! – И на замызганном, сомнительной чистоты столе оказался для меня тетрадный в клеточку листок, где в клетках строк было два лишь слова: «Работай, брат».

Проза

Николай Ольков

Николай Максимович Ольков – окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор около тридцати книг прозы, большинство вошли в пятитомное собрание сочинений, изданное «Российским писателем» (Москва, 2018). Издал тридцать книг очерков, публицистики и краеведения. Ведёт библиотечку «Диалоги о наших временах» (26 брошюр). Лауреат нескольких региональных и республиканских премий, Международных премий: «Имперская культура», имени П. П. Ершова (2019), премии имени В. И. Белова (2020).

Печатается в журналах: «Подъём», «Берега», «Молодая гвардия», «Бийский вестник» и др. Почётный аграрник Тюменской области. Живёт в селе Бердюжье Тюменской области.

Подарок судьбы

*Рассказ об уголовном любовном деле,
автор капитан милиции Шешунов*

Гражданин редактор!

При сём препровождаю к Вам текстовый материал на 103 страницах, прозаический рассказ с дополнениями в виде вставок из обнаруженных мною в компьютере воспоминаний, а точнее сказать, размышлений жертвы перед принятием трагического решения, в результате которого я был втянут в совершенно неожиданную историю, ставшую завершающей в моей следственной карьере, а также копий с диктофонных записей опросов по этому делу, учинённых мною в ходе следствия и распечатанных потом моею женою Клавдией Андреевной. А разговоры эти, слишком вольные для уголовного дела, чуть не довели супругу мою до полной моей отставки ещё до озлобления начальства и полученной отставки по месту службы.

Чтобы дать Вам представление, что имеете дело с человеком серьёзным и обстоятельным, спешу сообщить, что после службы в Советской армии направлен был в Высшую школу милиции, которую успешно окончил и получил назначение по месту рождения и жительства в свой районный отдел милиции, где и служил следователем. За это время такие случались преступления, про которые можно было писать целые тома не только следственных дел, но и детективных книг, каких огромное количество печатают сейчас и распродают, а я покупаю и читаю, потому что очень люблю свою работу, а со школьной скамьи собирался быть писателем, но не выходило всё, одно за другим. Сначала в армию угодил, отпахал в Афганистане целый год, потом учёба в Вышке, тоже сильно не попишешь, нас тогда гоняли и по учебникам, и по практикам. А когда самостоятельная работа началась, тут уж совсем не до писания, за день столько сочинишь протоколов и прочих разных документов, что вечером ни на бумагу, ни на что другое смотреть не хочется.

Я почему Вам так просторно рассказываю о своей персоне, вовсе недостойной такого с Вашей стороны внимания, если бы не особые обстоятельства. Два года назад дежурю я в опергруппе, это такая команда на всякий случай, чаще всего так и проспим в дежурке, потому что район сельский, спокойный, не сравнить с городом, где проблемы каждую минуту. А тут ночью, точнее уже на рассвете, будит меня дежурный:

– ЧП на трассе, легковушка заскочила под фуру, сейчас с мобильного позвонил водитель. Соберайтесь.

Так вот, об этой аварии. Стоит на своей стороне большая машина, «вольво», кузов крытый, гружёная. В стороне кверху колёсами лежит легковая, чёрным цветом, вся измятая, как будто кто её пожевал и выплюнул, марки «мерседес». Рядом человек лежит, мужчина, явно неживой. С фуры

двое подбегают, начинают что-то объяснять, но наше дело сначала с человеком разобраться. Эксперт наклонился над ним и кричит:

– Ребята, так это же наш, композитор, как его фамилия... чёрт, не вспомню, ну, в общем – был наш, теперь всё, готов.

Как и положено, осмотрел машину изнутри, документы изъясил, из карманов достал платок, бумажник, деньги тут же пересчитал, да ещё мобильный телефон, откинул крышку, а на экране женщина улыбается. Я эту улыбку всю жизнь помнить буду, потому что пришлось очень близко с этой дамой познакомиться и провести несколько часов в непростых разговорах. Подошла «скорая», труп загрузили, я не хотел, но не утерпел посмотреть. Мужчину этого знал, он приехал к нам в район как раз в тот год, когда я капитана получил, да так на этом и остановился. А приезжий не очень общался с обществом, был холостяком или разведённым, я справок не наводил в то время, хотя впоследствии пришлось и в его прошлом порыться. Фамилия его скромная, Попеляев, но он о себе громко заявлял, какие-то его симфонии играли в области и даже в Москве, по телевизору показывали, районная газетка об этом писала, а сам он нигде не появлялся, в пьянстве замечен не был, так что для меня никакого интереса при жизни не представлял.

Начальник райотдела пригрозил:

– Ты, Шешунов, антимонии не разводи, в деле этом всё ясно. Сейчас эксперты машину осмотрят, останется один из двух вариантов: либо неисправность в рулевом, либо он того, сознательно. Неисправность практически исключается, машина новая, второй год в эксплуатации, так что остаётся самоубийство. Так и оформишь. Понял?

Понять-то я понял, что самоубийство, тогда возникают вторые вопросы: а почему он решил свести, так сказать, счёты? Финансовые затруднения? С музыкой не пошло? Любовь случилась неудачная? А может, кто-то довёл до такого решения? Ну, ума-то нет, я и выпалил начальнику все эти версии. Начальник у нас строгий. Он уже в пенсионном возрасте, но за кресло крепко вцепился, ему лишние проблемы не нужны, потому он мне внятно пояснил, что никто меня не спрашивает о причинах, пусть они уйдут вместе с композитором, а дело надо закрыть именно с такой формулировкой: самоубийство. Начальник ещё раз переспросил:

– Понял? И ничего не перепутай, мне дополнительные проблемы не нужны.

После обеда поехали с прокурором на квартиру погибшего, взяли понятых, ключами, которые в машине были, открыли калитку, и тут пёс выскочил, кавказская овчарка, прокурор чуть меня не сбил в калитке, так метнулся спасаться. Стоим, в себя приходим, а кобель с той стороны ворчит, интересуется, будем ли ещё пробовать. Понятые из соседей говорят, что собака эта никому, кроме хозяина, не подчинится, потому прокурор приказывает:

– Вот что, Шешунов, убивать придётся пса.

– Жалко, – говорю, – собака породистая и умная, может, нашего кинолога привезти?

– Ваш кинолог, – говорит прокурор, – со своей женой пособиться не может, когда она пьёт, а тут самостоятельная собака умной породы. Приказываю: стреляй, у меня времени нет тут с тобой время терять.

Пришлось стрелять, да первой пулей только ранил, потом добивал, жалко. В дом вошли тоже с ключами, давай досмотр делать. Вот вроде состоятельный человек, такие деньжищи, а жил скромно. В доме только кухня отгорожена и ванная комната, в большой зале стол обеденный и для работы, как письменный, два кресла с диваном, закинуты пледом, кровать большая, не заправлена, цветастое бельё, наверно, модное, у нас с Клавдией Андреевной такого нет, а в углу стоит белый рояль. Я роялей сроду не видал, подошёл, стукнул по клавише, и такой она жалостливый звук издала, что понятая моя заплакала:

– Какого человека сгубила, сучка, а не бабочка, он всё на музыке играл, летом хорошо слышать, бывало, копаюсь в огороде, а он плачет, страдает, это прямо как наяву понятно.

– Так громко плакал? – спросил прокурор.

Женщина обиделась:

– Да в музыке это, такая боль, такая боль!

А я к ней про бабочку:

– Почему вы решили, что бабочка какая-то виновата?

– А кто же ещё? И возил он её, и сама приходила, она ведь тоже свободная, они и не скрывались.

– А кто, фамилия какая?

Женщина плечами пожала:

– На лицо знаю, но приезжие они, не наши, а зовут Нина, она в комхозе на кассе сидит.

Я достал из сумки композиторский мобильник и открыл фотографию. Женщина кивнула: «Она».

В шкафу, забитом книгами и большими тетрадями с нотной грамотой, в деревянной шкатулке нашёл я паспорт на имя Попеляева Ильи Данииловича, 1968 года рождения, женатого на Луизе Альфредовне Вандельберг, вписан сын Альфред, бывшая прописка в областном центре, и в нашей местности тоже зарегистрирован.

Прокурор включил компьютер, обозрел вспыхнувший экран и ничего интересного не нашёл, я же обратил внимание на папку с названием «Нина», тут же на столе нашёл флешку и скачал на неё папку. Как потом оказалось, правильно сделал, хотя к добру это не привело.

Оформил запрос на расшифровку телефонных разговоров с композиторского мобильного за последние пять суток, собрал к вечеру до кучи все материалы по делу: заключения технической экспертизы, службы ГИБДД, показания водителя и сопровождающего с «вольво». Никаких неисправностей в автомобиле не обнаружено, рулевое управление и тормоза в порядке, но вот медицинское заключение прямо удивило: ни следов алкоголя, никаких наркотических опьянений. Что же получается? А получается, что в полном осознании своих действий метнулся наш композитор под грузовик с целью покончить с жизнью.

Прихожу домой, жена ко мне с новостями:

– Ты слышал, Толя, что мужчина под машину встречную бросился? Вот до чего любовь доводит человека, если он любит. Все женщины об этом говорят. Чего ты молчишь? Вам теперь, олухам, и сказать нечего, про такую любовь только песни складывать.

О том, что дело это у меня, помалкиваю, только спросил:

– А с чего это вы взяли за любовь? Может, он от долгов прятался или от музыкальных своих проблем?

Клава с жалостью на меня посмотрела:

– Да все женщины в восхищении и жалеют его, воспитанный человек высоких чувств, таких уж и не бывает совсем. Какие долги? Он за свои симфонии большие деньги получал, банковские говорили.

(Тут надо отметить, что по этой подсказке жены я утром запрос оформил в банк и получил справку, что на счёте композитора Попеляева 365 тысяч 182 рубля и 48 копеек, так что версия о финансовых проблемах отпадает, я к ней больше и не возвращался).

Напрямую спрашивать Клаву об этой женщине небезопасно, она у меня страшно как ревнивая, хотя, признаюсь честно, никаких улик против меня у неё никогда нет. Может, и случались кой-какие грешки по нетрезвому делу в командировках, но я и сам через неделю про них забывал, а так, чтобы серьёзно, – не было у неё на меня никакого компромата. Но – ревновала, потому пришлось сказать:

– Я, Клава, про этот случай больше всех знаю, потому что с пяти утра им занимаюсь. А вот про бабочку эту ты мне скажи, что она за птица?

– Во! – обрадовалась Клава. – У любовника ещё ноги остыть не успели, а у тебя уже и уши наострились! Заинтересовался!

Я испугался:

– Клава, это у меня профессиональный интерес, не просто так!

– Конечно, не любительский! – охотно согласилась Клава.

Всё, опрос надо прекращать, иначе опять придётся спать на диване. Отложил до утра, в рабочем порядке буду этой женщиной заниматься. Судя по всему, тут ключ к трагедии.

И надо Вам заметить, что я не ошибся.

К обеду пришёл ко мне Альфред Попеляев-Вандельберг, сын погибшего, пришёл, потому что ключи от дома к делу приобщены и находятся у меня в сейфе, а дом опечатан. Предъявил он паспорт, спросил подробности несчастного случая, я сказал, что произошло столкновение со смертельным исходом, больше никаких подробностей.

– Этого следовало ожидать. – Сын сказал фразу как-то безразлично, как о постороннем. – Я могу забрать... отца, мы хотим похоронить его в городе?

Надлежащую бумагу для больничной анатомки я ему выправил и сказал:

– Ключи я вам дам, только из дома ничего пока не выносите, в наследство вступите в установленном порядке, я вообще-то должен проследить, но доверяю, возьмите какую нужно одежду. Гроб вы привезли?

– Да, от союза композиторов идёт машина.

– Значит, сегодня и увезёте?

– Конечно.

– Прощание устраивать не будете?

– С кем ему тут простаться? Не думаю, что кто-то придёт. Хотя, если ваш обычай того требует, постоим у дома, всё-таки жил здесь пять лет, знакомые, очевидно, есть.

К двум часам народу собралось много, подошла «газель», открыли задние двери, кто-то принёс табуретки, гроб вынули и водрузили на постамент, открыли крышку. Должен Вам сказать, что я был поражён, как красив человек по смерти, если он перед тем испил всю чашу горя и страданий и сознательно перешёл границу дозволенного. Лицо гладко выбрито, волосы причёсаны чуть вправо, кожа чистая и сухая, и как будто усмешка в губах. Ну, это мне могло и показаться, хотя действительно покойный был очень красив. Среди народа больше соседи по улице, есть и от властей, но oprичь всех я отметил крепкую молодую женщину в чёрной косынке, закрывшей половину лица, она стояла поодаль, одна, стояла и смотрела на покойного. Я только глаза её видел, она не плакала, но в глазах была разлита вина, я даже опасался, что она может кинуться и просить прощения. Но она ушла первой, не останавливаясь и не оглядываясь. Я отметил, что многие соседи осуждающе на неё смотрели и переглянулись, когда ушла. Гроб скоро закрыли, и машина тронулась, я пошёл в отдел.

Вот тут уместно привести свидетельство самого пострадавшего композитора, что я и сделаю, и ещё заранее хочу Вас предупредить, что буду и дальше, где уместно, вставлять выдержки из дневника Попеляева. А к письмам, написанным для дамы сердца во дни сильных душевных волнений и даже терзаний, мы вернёмся в тех местах нашей с нею беседы под диктофон, где потребуются подтвердить или же, напротив, опровергнуть её показания.

Это самая первая запись, от 2000 года, января месяца.

«Постоянно корю себя за неумение фиксировать факты жизни, размышления и прочее, эти самоупрёки возникали в связи с дневником, а точнее сказать – с его отсутствием, потому что изначальное желание делать систематические записи до сего дня не реализовано. Ещё в консерватории читал по настоянию профессора Вандельберга письма и дневники великих – композиторов, писателей, художников. Поразительно хорошо они писали, в девятнадцатом веке сама жизнь учила излагать свои мысли на бумаге, потому что нельзя было позвонить и ограничиться рублеными фразами при постоянном напоминании телефонистки, что до конца разговора осталось столько-то минут, сложно было приехать, например, из Свердловска в Омск. Потому писали письма, подробно и очень живописно рисуя свою жизнь, встречи, прочитанные книги, даже погоду. И вели дневники, наверное, это было хорошим тоном, дневникам доверяли самые сокровенные мысли и дела, нимало не заботясь о том, что кто-то из домашних отыщет сердечное и будет доводить секретами до отчаяния. Для дневника я прикупил в канцтоварах толстую общую тетрадь в клеточку, потому что кроме нотного стана признаю только такую бумагу, и начал записывать впечатления каждого дня.

Жидковатые были записи, на глубину и осмысление не хватало ума и времени, после учёбы попал в драматический театр и несколько лет писал музыку для спектаклей, спектакли были плохие, музыка тоже, а о дневнике забыл напрочь. Далее женитьба на дочери профессора Вандельберга Луизе, переход в консерваторию, успешная работа на кафедре и череда премьер моих музыкальных опусов, которые общественность дружно называла талантливыми, а пресса регулярно сообщала о новых концертах. Цветы, аплодисменты, деньги – всё свалилось на меня вдруг, я был безмерно счастлив. Родился сын, назвали в честь деда Альфредом, хотя я тихо протестовал. Жизненный триумф продолжался, тесть несколько раз вывозил меня за рубеж, где тоже организовал неплохие отзывы. Как-то после третьего, кажется, исполнения в Голубом зале консерватории моей новой симфонии ко мне подошёл очень пожилой человек, я бы сейчас даже назвал его стариком. Он был сед, хотя борода и усы не старили его, чуть сгорблен, но довольно свеж лицом и с хорошим голосом.

– Молодой человек! – сказал он. – Понимаю, сейчас у вас нет времени, но я оставлю свой гостиничный телефон, вы постарайтесь связаться со мной не позднее завтрашнего вечера, мы должны

встретиться, и я вам расскажу кое-что о вашей музыке. Вам интересно? Поверьте, это нужная встреча, жду звонка.

Странный разговор, но почему-то мне он таким не показался, сразу после обеда я был свободен, позвонил, хозяин встретил меня в коридоре, проводил в номер, указал на кресло.

– Спасибо, что не сочли меня чудаком, моё имя Прохор Парфёнович, я из староверов, профессиональный музыкант, долгое время служил в Московской консерватории, работал с молодыми, пока мои представления о сущности русской музыки, будучи продекларированными на одном из собраний, не разошлись с мнением подавляющего большинства. Теперь свободный художник, пригласил меня при своём дворце культуры один крупный руководитель, из русских, платит какие-то деньги, а я в глубинке ищу остатки нашей музыкальности. Вашу симфонию прослушал дважды, не протестуйте, а примите, как есть. Вы, безусловно, талантливы, но... куда вы идёте, самому вам понятно? Техника неплохая, сколочено добротнo, и звучит вроде складно (помните, было такое слово в русском языке, лад, складно?), а за душу, простите, не берёт. Вы здоровый красивый русский человек, умный, надо думать, почему же не видите, что происходит в мире, что творится с нашей страной, с народом?

– Простите и вы, – я остановил его не очень тактично. – Мы говорим о музыке или о политике?

– А вы умеете находить разницу? То, что я вчера слышал, не несёт никакой человеческой информации, там нет страстей и страданий, чувств нет, хотя есть музыка, мелодия, и вам этого достаточно?

– Вам не понравилась симфония? В этом нет ничего неожиданного, да и трагедии никакой нет, как говорят, кто любит попа, а кто и попадью.

Прохор Парфёнович поморщился:

– Зачем вы так о священстве? Не богохульствуйте, допускаю, что атеист, но церковь и вера – часть нашей культуры, надо бы поаккуратней. Хотя – это мелочи. Вернёмся к симфонии. Я уже говорил о достоинствах, а теперь скажу суть. Ваша симфония – это “Чёрный квадрат” Малевича, можно пройти мимо и не заметить, а можно с умным видом стоять часами и глубокомысленно напрягать остатки мозга. Музыка не просто сумма звуков, это и нервы, и боль, если человек не вздрогнул, не уронил слезу, кулаки не сжал – разве это музыка? Я не буду обращаться к нашей классике, вы её должны знать не менее моего, прислушайтесь, присмотритесь, в ней жизнь во всех её проявлениях, и в прекрасных тоже. – Он помолчал. – Вы можете рассказать о себе?

Вспоминаю теперь, что не очень приятным был этот разговор, но биографию свою рассказал, и про деревенское детство, и про учителя пения, который впервые показал мне ноты, и про учёбу в музыкальном училище, потом в консерватории. Упомянул и профессора Вандельберга.

– Это ваш тесть?

Меня это задело:

– Разве тесть имеет отношение к моему творчеству?

– Не имеет, если вы так считаете. Не сердитесь на меня, я вас не перевоспитываю и не перевербовываю, просто хочу, чтобы талантливый человек раскрылся во всю силу отведённого Богом таланта, а не растратился по глянцевым афишам. Попробуйте уехать в родные края, в детство своё, не может такого быть, чтобы душа не отозвалась, ёкнет сердце. Поживите, не спешите писать, просто подышите тем воздухом. Я оставлю вам свои координаты, это вас ни к чему не обязывает, но если вдруг... Можете меня найти, всегда к вашим услугам. Если нет – эта наша встреча последняя, и за неё благодарю.

Мы расстались совсем не дружелюбно, но этот старик внёс сумятицу в мою жизнь. Я стал думать, а занятие это, должен признаться, довольно затратное, оно приводит к выводам. Вот и получилось, в конце концов, что музыка, ещё вчера казавшаяся мне совершенством, вдруг слышалась какофонией, несурезицей, бредом. Я с ужасом поймал себя на том, что ни разу не работал с вариациями на русские темы, хотя были венгерские, персидские и цыганские мотивы. В одной ученической ещё пьесе упражнялся с еврейской народной песней. Но с русскими никогда. Как так получилось – не могу понять. Упущение? Конечно, и сигнал мне показался значительным».

А это уже февраль месяц.

«Через год я высказал на семейном совете желание пожить в деревне, что сразу вызвало энергичный протест Луизы и её отца: что тебе там делать? Деревня уже давно не та, что вдохновляла

композиторов прошлого, народ выродился, песен старых там не услышишь, а только пьянство и грязное слово в этой глухомани. Я проявил неожиданную твёрдость и объявил о скором отъезде. Жена, конечно, сопровождать меня отказалась, у неё выступления каждый день, она концертмейстер в филармонии, да и сына надо воспитывать не вблизи скотных дворов, как она выразилась.

А я поехал к «скотным дворам», выбрал райцентр, в котором никогда не бывал, а он всего в полусотне километров от родной деревни, снял комнату у хозяйки, ходил на рыбалку и в лес просто так, без всяких целей. Иногда выезжал на родину. Странные чувства возникали во мне. Я заходил на кладбище, которое называли у нас могилками, стоял у заросших травой и кустарниками бугорков, помня, что здесь покоятся отец и мать. Сколько лет не бывал тут, а ведь никого нет, кто бы мог успокоить эти холмики, приласкать, окропить слезой. В местной мастерской заказал памятники, установил с помощью мужиков, которые так и не могли меня вспомнить. В деревне нашёл место, где мы жили, там теперь пустырь, прореха. Было очень грустно. Возникали незнакомые ранее звуки, они пытались выстроиться в порядок, зазвучать стройно, но я гасил их, говоря себе, что не время, ещё рано, пусть всё бродит и ищет места.

Через месяц вернулся домой, жена встретила без радости, сын не вышел для объятий, а прислуга Василиса со слезами выговорила мне, что уехал и оставил жену, а тут не всё ладно. Ничего более добиться от неё не мог, за слезами сохранила потревоженную тайну. Вечером после застолья Луиза с горькой усмешкой призналась, что встретила мужчину и имеет к нему серьёзный интерес. Я не стал домогаться гнусных подробностей, уехал к товарищу, утром попросил бывшую жену собрать мои вещи и прислать их по адресу. В тот же день уехал в деревню, которую только что покинул, нашёл приличный домик, купил, оборудовал всеми доступными благами сельской цивилизации, привёз рояль. Инструмент пришлось разбирать, потому что в двери он не входил, народ сбегался смотреть на диковинку. С первых дней положил за правило ни с кем не общаться, чтобы не растрчивать время, только прежняя моя хозяйка Ефросинья Михайловна приходила три раза в неделю что-то приготовить и прибраться.

Здесь самое время обозначить, почему я вдруг вспомнил о дневниках. Признаться, жизнь моя при втором деревенском пришествии складывалась не очень хорошо. Грех говорить, но не было у меня к Луизе того, что называется любовью, ко времени расставания уже нет, хотя женили нас не насильно. Наверное, были чувства, но то не любовь, а увлечение, страсть молодая, и даже перспектива породниться с влиятельным профессором в том числе. И всё равно места себе не находил, глодала обида, сознание обманутости, измены.

Мне показалось, что будет лучше, если сниму с себя напряжение сбросом информации на другие носители, читал где-то у психологов. Потому вернулся к дневнику, правда, в компьютерном варианте».

Март, 2000 год.

«Получил по почте извещение на оплату коммунальных услуг, узнал у Ефросиньи Михайловны, где нужно платить, пошёл в коммунальную контору, нашёл окошко кассы. Молодая женщина шваброй, обтянутой влажной тряпкой, протирала в комнате пол. Увидев меня, она улыбнулась и сказала:

– Обождите минуточку, я прошоркаю пол, а то пыль и жарко, котельная рядом и топят сильно.

Она медленно и тщательно двигала швабру, раскачиваясь и немножко клонясь, поневоле демонстрируя своё крепкое и сильное тело. Я был скрыт амбразурой окошка и мог безнаказанно её наблюдать. Лицо очень приятное, чистое и открытое, волосы гладкие и собраны на затылке, улыбка светлая, лучистая, прямо с картины, и голос мне показался грудным и немножко детским. Мне очень хотелось, чтобы она заговорила, и я спросил:

– Может, мне попозже подойти?

Она подняла на меня глаза и улыбнулась:

– Какой вы нетерпеливый, – сказала она одобрительно. – Обождите, я только руки обтерю.

Неправильная, но милая и непосредственная речь её показалась мне музыкой, даже поправить её не следовало. Она приняла деньги, квитанции вместе со сдачей положила прямо в ладонь, коснувшись моей руки. Я смотрел в её глаза, она смутилась, чуть покраснела и принялась перебирать бумаги. Оставаться более неприлично, я вышел на крыльцо.

Это теперь я понимаю, что влюбился, как мальчишка, с первого взгляда, а тогда стоял и чувствовал, что вливается в моё сердце незнакомая раньше сила, душа поёт. Я тысячу раз слышал это вы-

ражение и сотню раз сам говорил, но всё это было неправдой, хотелось, но душа не пела тогда, а вот теперь в ней разрозненные звуки соединяются в тонкую светлую мелодию. Я медленно пошёл к своему дому, медленно, стараясь не отвлекаться, чтобы не расплескать мелодию, дома сел к роялю и стал играть. Никогда до этого музыка не рождалась так легко и просто, я оставил клавиши и стал бросать ноты на бумагу. Я не помню времени, сколько прошло часов, но листы уже покрыли пол, а музыка всё звучала... Мне потребовались сутки, чтобы привести в относительный порядок эти наброски, отдельные куски проигрывал и находил их очень неожиданными, такого я никогда не писал.

С этого дня жизнь моя переменялась, в ней образовался смысл, каждое утро я приходил к её кассовому окошку и оставлял записку с просьбой о встрече. Несколько вечеров кряду не мог её перехватить, она исчезала из конторы и пропадала. Конечно, неловко вылавливать женщину на улице, разговоров я не опасался, но боялся резкого её отказа. В окошке она меня воспринимала стеснительно и вроде радушно, а среди людей? И вот, кажется, это была пятница, я со стороны увидел, что она выходит из конторы, чуть помедлил, тихонько подъехал, открыл дверь:

– Садитесь, до дома вас довезу.

Она села. До чего загадочна человеческая натура, совсем не знаком с женщиной, несколько раз видел только лицо, а вот сидит она рядом, и словно родное и до крайности близкое мне существо. Когда дверца захлопнулась, понял, что не упущу возможности, всё скажу, другой такой случай может не представиться. Перед собой скрывать не станешь, не красавец я, да и других отличительных особенностей не имею, как-то классической фигуры и играющих мускулов, потому с девушками отношения чаще всего возникали по их инициативе или с явного намёка. Луиза не в счёт, тут особую роль сыграл папа, теперь я это отчётливо вижу. Так что имею дело по существу с первой настоящей влюблённостью, потому страх быть отвергнутым глушит волю и вяжет язык.

Честно сказать, плохо помню тот вечер, мы выехали на трассу, где есть карманы для стоянки, я рассказывал какие-то смешные истории, она чуть оттаяла от смущения, поделилась, как в эти дни пряталась от меня, потому что стеснялась. Мне достаточно было только убедиться, что у неё нет сколько-нибудь серьёзных оснований отказать мне во встречах, и я в этом убедился, потому что она косвенно, не думаю, что специально, не столь искушённая натура, призналась, что в последнее время вечерами сидит дома.

– Наверно, от женихов отбоя нет? – спросил я.

– Не буду жаловаться, подкатывают, но это всё несерьёзно, а так, чтобы для жизни – теперича таких мужчин нет.

Я закрыл тему, потому что было бы крайне опрометчиво заявить, что я серьёзный мужчина и с большими намерениями. Подвез её к домику на окраине села, она согласилась завтра вечером выйти по моему звонку, и с улыбкой хлопнула дверью. По силе удара я понял, что прежде ей не доводилось иметь дело с приличными автомобилями...

На днях заходил в библиотеку полистать областные газеты, да их совсем нет, только официальная правительственная с множеством портретов губернатора, но на столике увидел скромную книжечку “Гриша Атаманов”. Полистал, оказалась повесть о крестьянском восстании 1921 года “против жинов и коммунистов”, а Гриша – личность историческая, командовал повстанческой армией в этих краях, молодой человек двадцати трёх лет, после трёх месяцев сопротивления своими же был обвинён в измене и расстрелян. Попросил книжечку, читал всю ночь, картины яркие, краски густые, звуков много: и крестьянского труда, и метелей с ливнями, и боёв неравных. Несколько образов так и просятся: посмотри, как мы хороши, сколь колоритны, и у каждого свой голос. Узнал про автора, житель здешних мест, даже телефон нашли.

Высказал писателю свои соображения насчёт Атаманова, а он о либретто представления не имеет, хотя к идее написания оперы отнёсся спокойно, сказал, что на всё согласен, только главную мысль повести исказить не позволит. Пришлось созвониться со старым приятелем из Екатеринбурга, он там во все дырки ходок, выслал ему книгу, через месяц получил либретто. Поехал к автору, тот прочитал и заплакал: ни в коем случае нельзя такими показывать русских мужиков. Пообещал через пару недель привезти свой вариант.

Удивительное дело, либретто никогда не писал, оперу живьём слушал пару раз в студенческие годы, а материал выдал очень подходящий, много природы, героические картины сопротивления, душевная любовная линия, причём в трёх вариантах – полный простор для композитора. Я начал

работать. Чтобы не ходить проторёнными тропами, попросил Ефросинью Михайловну собрать старушек и попеть старые проголосьные песни. Долго ничего не получалось, пока гости не осмелели и не приняли по стаканчику настоящего итальянского вина.

Несколько недель безоглядно сочинял новую музыку. Ни один из наработанных, отточенных и довольно верных приёмов тут не действовал, да и не мог быть допущен, не его это стихия, зато призваны были новые звуки, впервые попробовал хор мятежников на фоне колокольного звона – получилось, даже мурашки по коже, когда представляю его в исполнении академического хора. Складывается любовная линия Григория и Глаши, интересен будет дед Ероха со своей пронзительной арией о так и несостоявшейся любви к девушке, имени которой теперь уже и не помнит. А ещё раньше надо широко показать становление нового сибиряка, беглого из Расеи преступника, и воспылавшую в нём страсть к Вере Тагильцевой, будущей матери Григория.

Мне страшно интересно работать, вечерами Нина приходит, что-то готовит, я в это время переписываю ноты или другую работу делаю, которая не боится остановок. Сегодня бросил всё и на кухне рассказывал Нине о будущей опере, даже спел несколько арий. На неё это не произвело впечатления, но она улыбнулась и чмокнула меня в щёку».

Чтобы не возбуждать повышенного интереса общества к происшествию и к даме, виновнице, как я понимал, трагедии, я не стал вызывать повесткой, а на второй день подошёл к окошку кассы и тихонько сказал, что жду её после пяти часов в четырнадцатом кабинете. Мне важно было заметить реакцию, но ничего нового не увидел, она согласно кивнула и забыла про меня, уткнувшись в бумаги. Она пришла вовремя, остановилась напротив стола и потупила глаза.

Тут я должен её описать, потому что раньше сделанные заметки больше возникали под влиянием из ряда вон ситуаций, например, при гробе. Конечно, это влияло и на её состояние и на моё восприятие, а когда она вошла в кабинет и остановилась у дверей, вот тут я мог её разглядеть и составить представление. Итак, роста она высокого, конечно, не сказать, что в небо дыра, но росленькая и на ногах стройная, только в нижней части широковата как раз настолько, чтобы дразнить и неловкость у мужчин вызывать. И талию сохранила, а в тридцать пять это не каждой дано, хоть и говорят, что баба ягодка опять. Я по своей погонюсь, какая там ягода... А вот грудь слабовата, конечно, в руки есть чего взять, но не то, что у моей Клавдии Андреевны. Бровки подчищены и в ниточку сведены, только не вульгарно, а с любовью и никак не злобно, больше с вызовом и надменностью, может быть, и не осознанной. И ротик примечательный, небольшой, даже маленький, губы чуть вздёрнуты, самую малость, опять же чтобы дразнить и звать. Такие целовать очень даже приятно.

Вот такая она передо мной нарисовалась, и должен был я вести дознание. Заполнил все анкетные данные и спросил:

– Вы догадываетесь, по какому вопросу я вас пригласил?

– Догадываюсь. У меня позавчера по кассе не хватило полторы тысячи.

Я оторопел:

– И что?

Она пожала плечами:

– Просчиталась, наверно, но сейчас вернуть – у меня нет, только через неделю отец пенсию получает. Я же сказала, а главбух, видно, ждать не захотела.

Да, неловкое положение, но надо всё разводить по своим местам, напомнить ей о более сложной проблеме, чем кассовая недостача.

– Я пригласил вас совсем по другой причине. Меня интересует всё, что вы можете сказать о погибшем Попеляеве в автомобильной катастрофе и про ваши с ним отношения.

Она вздрогнула, лицо помрачнело, и глаза стали такими, какие я видел при прощании у гроба – глубокими и тёмными.

– Спрашивайте, я скажу, а так – не знаю, что вам надо.

– При каких обстоятельствах вы познакомились?

– Никаких таких обстоятельств, ровно пять лет назад, когда он здесь жить стал, подъехал на машине вечером к работе, довёз до дому, а на другой день выходной, суббота, пригласил в гости.

– И вы согласились?

Она улыбнулась, видно, эти неожиданные воспоминания напомнили то далёкое время, тогда ещё приятное для неё.

– Не согласилась я, хоть и пообещала, а вечером не вышла, потом ещё целую неделю скрывалась от него.

– И всё-таки как вы встретились?

– Это тоже надо?

– Без интимных подробностей, но надо.

– Вот так же в пятницу он меня у работы посадил в машину, отъехали в сторону, он и говорит, что глупо я от него прячусь, что нравлюсь ему и всё такое. Я тогда ни с кем не встречалась, приняла одного, всё надеялась наладить жизнь, да и тот пьяница оказался, хотя знакомые уверяли, что порядочный. Выгнала, с месяц назад, и вот Илья Данилович появился. Я в тот вечер вышла, как обещала, он меня не упрекал, что избегала, только рад был до крайности... Вам это тоже говорить?

– Да, если можно.

– Отчего нельзя, теперь всё можно. Он такой радый был, что я пришла, весёлый, всё какие-то забавные истории рассказывал, смеялся, прямо ребёнок радостный. У меня стеснение пропало, и хорошо мне. Потом Илья предложил к нему поехать, так и сказал: посидим, поговорим, я тебя ничем не обижу, без твоего разрешения даже за руку не возьму. Да мне чего терять? Приехали, у него стол накрыт, вино дорогое, свечи, фрукты и еда всякая, я такой и не видела. Когда он свечи зажжёт, я спросила: а если бы я не вышла, куда это всё? Он улыбнулся, говорит, что каждый вечер вот так готовился, когда меня ждал. Мне даже неловко стало.

Она помолчала.

– А вам не показалось странным, что он вас в первый же вечер стал к себе зазывать?

Она помолчала, будто вспоминая:

– Он же по-человечески всё объяснил, не лапал, как наши. Он сказал, что мы оба люди взрослые, самостоятельные, понимаем, зачем нам эти встречи, поэтому и время не надо терять. Сказал, что нет у него времени на ухаживания, а цветы полагающиеся он мне за оставшуюся жизнь подарит, так и сказал: все цветы к твоим ногам!

Интересное дело, вот разбежались, и его уже нет, а цветами она гордится. Для женщины, выходит, цветы на особенном месте. Я как-то Клавдии Андреевне букет на Восьмое марта принёс, она оговорила, что лучше бы вазу купил или сахарницу. В приведённом кусочке из дневника, писанном, видно, сразу после встречи, Попеляев подтверждает слова подозреваемой.

12 апреля 2000 года.

«Мне несколько странно в этом признаваться, но самому себе можно, ведь я не думаю, что когда-нибудь мои записки будет читать посторонний, возможно, только Нине потом покажу. Итак, сегодняшний вечер можно считать самым счастливым в моей уже довольно продолжительной жизни. Нина была у меня, и мы чудно провели время. Но обо всём по порядку.

Мой дом ей очень понравился, она босиком прошла по комнате, потрогала рояль, книги, с интересом смотрела на исписанные нотные листы. В кресло села смущённо, я подкатил столик с закусками и сладким, открыл вино. Рассказывал какие-то смешные истории, очень волновался, чувствовал, что покраснелся, лицо потрогал – горю! Да и вино сыграло, я чуть осмелел, отпихнул столик и встал перед нею на колени, целовал руки, шею, наконец, губы, она жадно впитывала мои чувства и горела тоже, даже мелкую дрожь в руках её помню.

Повторю ещё раз: так счастлив я никогда не был, она потрясающая женщина, чуткая, внимательная, заботливая. Все эти качества её природы успели проявиться за первые шесть часов нашей совместной жизни. И как женщина она выше всех похвал, Луиза была скучна, девчонки из консерватории, которые ловят всякое дыхание преподавателя, угодливы и неинтересны. А тут такая полифония чувств и страстей! Господи, за что мне такое счастье?! Я начинаю новую жизнь.

Да, сегодня получил письмо от Прохора Парфёновича, которому два месяца назад отправил окончательный вариант оперы “Гриша Атаманов”. Сначала хотел поставить название “Буча”, есть такое слово в тексте повести, означает свару, драку, но отказался, Гриша – это как-то по-человечески, любовно и в то же время жалостливо (не жалость, а жаль) – это точнее и глубже.

Прохор Парфёнович сразу мне позвонил, сказал, что очень обрадовался случившимся во мне

переменам, музыку назвал настоящей, а оперу – способной сделаться событием не только в музыке, но и в культурной жизни вообще. Это он так сказал. Пообещал, что более полную информацию сообщит письмом, надо решить несколько вопросов.

И вот письмо. Прохор Парфёнович подключил к прочтению нескольких крупных специалистов, в перечне я нашёл знакомые фамилии, и оперу взялся поставить только что образованный частный оперный театр “Русская опера”. Прохор Парфёнович подчеркнул, что работа уже началась и мне надо бы присутствовать на репетициях. Из названных исполнителей никого не знаю, это и неудивительно, потому что собрали молодёжь со всей страны. Ещё новость: театр готовит Чайковского и Бородина, и моя опера будет в афишах, моя скромная фамилия среди великих».

Продолжаю опрос:

– Он простой в обращении был?

– Хороший. Никогда своей образованностью не козырял, меня наставлял правильно говорить, я же мало училась и не читала совсем, а он поправлял. И читать давал книжки хорошие, серьёзные. А ещё музыку играл.

– Свою?

– Разную. И свою тоже. Говорит, прислушайся, что тебе покажется при этой музыке. И начнёт. Я глаза закрою, и вроде лес мне привидится, солнечный, прострельный, где мы с ним грибы собирали, увижу гриб и кричу ему: «Илюша, глянь, какой красавец!» А потом раскинет одеяло из багажника посреди поляны, так и волехнёмся. Скажу ему потом, что думалось под музыку, а он улыбается: правильно всё понимаешь!

– Любопытно бы такую деталь уточнить: он грамотный, учёный человек, ваши восемь классов никак не к месту, дальше: возраст его солидней на много лет, да и другие различия. А почему, собственно, у вас отношения складывались?

(Должен заметить, что Клавдия Андреевна при расшифровке на глупость вопроса мне указала, но я тогда не осознавал).

Женщина посмотрела на меня и улыбнулась:

– Значит, не только образование для мужчины имеет значение. Я вам так скажу, товарищ следователь: не было у меня до него такого мужчины, чтобы так любил, я сознания лишалась от обаявших чувств, он меня одними поцелуями доводил до крика, извините за прямоту, но вы сами хотели.

– Он не скрывал, что женат?

– Не скрывал, только сказал один раз, что с женой не общается, даже когда ездит в город. Да я и не ревновала к ней, хотя к другим страшно ревновала.

– И были основания?

– Ревновать-то? Да сколько угодно! Он влюбчивый, как юнец, и что интересно – никогда от меня не скрывал. Вот, говорит, красивая женщина, правда, Нина? А я уже горю вся, ревную. Или напечатали его симфонию, а на страничке приписка: «Посвящаю Анастасии». Я так и не могла добиться, кто эта Анастасия, долго из-за этого сердилась, а он всё в шутку превращал, говорит, так надо, это муза какая-то, а мне откуда знать?

– Он не предлагал вам пожениться?

Она вспыхнула вся, я даже испугался, что плохо ей станет, но ничего, успокоилась.

– Не предлагал. Года полтора назад уборку делали в доме, побелка и всё такое, до поздней ночи. В бане помылись, я кушать приготовила, он любил вкусно поесть, и моя готовка нравилась, потом лежим в постели, так мирно, тихо, я и скажи: вот никуда бы не уходила от тебя, так бы и ноги твои мыла, и колыбельные пела. Он смутился, а потом сказал резко: не могу себе позволить такого счастья, потому что разница в возрасте только сейчас не очень заметна, состарюсь на пятнадцать лет раньше тебя, и буду стыдиться твоей молодости. Я тогда припала к его ногам, заплакала: да мне быть рядом с тобой уже всё счастье бабье, Илюша! А он засмеялся как-то нехорошо и увёл в сторону: вот давай этим счастьем пользоваться, пока оно у нас есть. Тогда я поняла, что так всё и будет, что судьбы у нас нет.

– Но ведь он был прав, если такая разница в годах. Тоже мало хорошего глядеть, как молодая жена на чужих мужиков заглядывает.

– Не знаю. Только тем разговором он мне всю душу перевернул, я с оглядкой жить стала, прихожу

к нему не как в наше гнёздышко, а как на свиданку короткую, получу свою долю радости, и домой. А дома что? Диван обнимать? Я ему ничего не говорила, а он не замечал, но надломилось во мне, одумаюсь: люблю его до безумия, а гляну вперёд – пустота. С тем и жила.

Дневник, август.

«Время от времени я задумываюсь о наших отношениях, если всё привести к нормальному и холодному расчёту, то получается, что Нина именно такая женщина, которая нужна была мне всегда, ещё в студенчестве, ещё в первые годы жизни с Луизой, точнее сказать, в первые годы семейной самостоятельной жизни. Нина именно такая. Она умеет не мешать и умеет увести от депрессии, она внимательно следит за моим самочувствием, и даже было несколько случаев, когда очень деликатно отказалась лечь в постель только потому, что я был слишком усталым и не очень хорошо себя чувствовал. Она научила меня следить за давлением, научилась делать массаж спины и шеи, она незаметно подвела к тому, что я уже не очень молодой человек и с этим надо считаться».

Дневник, август.

«Сегодня же впервые наклонился у нас разговор о будущем, пока не могу определённо сказать, готовила она этот сюжет или он спонтанно возник, скорее, случайно, грех подозревать за простой женщиной такую тонкую изощрённость, это не Луиза. Мне как-то и в голову не приходило, что Нина рассчитывает на совместную жизнь, мужчина в таких случаях руководствуется своим пониманием: пришла, приласкала, приготовила ужин, помыла посуду. И – ушла, нет никого, кто попытался бы претендовать на внимание, требовал заботы, предъявлял права. Сегодня её желание было высказано с нескрываемой ясностью, я не лучшим образом отреагировал, скорее, пытался защищаться, и тем обидел милую женщину. Она как-то сникла, погасла, бывшая беззаботность пропала, я не мог ничего сказать и сделать, возвращаться к теме глупо, делать вид, что ничего не произошло, – ещё глупее. Впервые за три года мы расстались сухо, её традиционный прощальный поцелуй отдавал грустью.

Вот сижу и думаю: что же делать? Не свободу боюсь я потерять, в пределах необходимого для работы с Ниной я буду иметь всегда, даже и дочь её помехой не стала бы, только к дому пристроить пару комнат. Но мне полсотни, состарюсь на пятнадцать лет раньше жены. Как потом жить? Надо завтра сделать Нине сюрприз, например, купить большой арбуз, она так любит арбузы и ест их, как ребёнок, я никогда не забуду, как снимал с её носа арбузное семечко...»

Дневник, 12 апреля.

«Третий день после разлуки, Нина не звонит, а ведь сегодня годовщина, ровно пять лет назад она осталась в моём доме и мы провели первую ночь. Ждал звонка, но его не было, и утром решил встретить около дома. За пять лет можно до тонкостей изучить человека, тем более столь несложного, как Нина, я мог по первым шагам, ещё и не видя лица, определить её настроение, а тут она открыла дверь машины неохотно, села неловко, сухо поздоровалась. Я ещё мог бы отнести это к остаткам обиды на своё длительное молчание, но что-то шевельнулось внутри: не всё так просто. Сердце моё заколотилось. Она заговорила вдруг о переменах в моём к ней отношении, со слезами стала приводить примеры, и я с ужасом понял, что эта атака продумана заранее. Оставалось ждать, когда она нанесёт первый серьёзный удар. Наконец, Нина остановилась, улыбнулась и сказала, что мы договаривались не скрывать друг от друга, если появится кто-то третий. Я похолодел. Она опять улыбнулась: ты помнишь? Я согласился и разрядил обстановку вопросом: у тебя появился? Она не скрывала удовольствия, или мне так показалось: да, пока ещё не появился, но есть мужчина, которому я нравлюсь, и он имеет серьёзные намерения. “Серьёзные намерения” – это упрёк мне.

Я плохо владел собой, кровь прилила к голове и лишила рассудка, язык не слушался меня, и речь казалась бессвязной. Нина испугалась моего вида и попросила увезти её на работу. Когда подъехали к конторе, я спросил, сможем ли поговорить. Она пообещала, но после работы я её не нашёл, телефон был отключен.

Я схожу с ума».

Тут в диктофонной записи несколько минут нет слов, но и тишины нет. Нина впервые заплакала в моём присутствии, пошмыгала носом. Продолжаю задавать вопросы:

– При следующей встрече он не грозил, что может покончить самоубийством?

– Нет, я несколько дней скрывалась от него, с конторского двора на автобусе уезжала, у знакомых оставалась до темноты.

– А телефон? Он вам звонил, искал?

– Телефон я отключала, а если заставал звонок, сбрасывала. Не говорили мы. Но он писал письма и оставлял на кассе. Он как-то говорил, что с людьми неприятными переходит на Вы, он и мне писал на Вы, это очень обидно, лучше бы обругал.

– И вообще больше не встречались?

– Он меня опять утром около дома перехватил, видно, что ночь не спал, похудел, осунулся. Он у меня справным стал, кушал хорошо, продукты лучшие покупал, а я готовила. А тут даже небритый. Я села в машину, ведь не побежишь вдоль улицы. Он выехал за село, говорит, полчаса у нас есть времени. Молчим. Я не вытерпела, заплакала: Илюша,пусти ты меня, всё равно теперь у нас ничего уже не будет. А он своё: я только теперь понял, как тебя люблю, никому тебя не отдам. Поздно, говорю, Илюша, я сегодняшней ночью была с ним. А он как застонет: неправда, ты же любишь меня, ты сама говорила. Видит Бог, как я его любила, но он сам отвергнул мою любовь. Вы знаете, что он сказал потом? Я, говорит, был уверен, что ты моя навсегда, потому и жил с тем, что ты никуда не денешься. Вот где правда! А любовь – она живая, её поддерживать надо.

Она опять долго молчала, потом призналась:

– Мы ведь ещё один вечер провели вместе, ещё встrepенулось во мне всё, согласилась. Он такой горячий был, пылкий, не знаю какой. А когда прощались, вдруг поняла, что в последний раз. Замаyчила семейная жизнь с Федей, а Илюша опять ничего не пообещал.

Утром пошёл к начальнику, только заикнулся о вчерашней беседе, он как заорёт:

– Ты какого хрена развёл здесь антимионию с любовью? Тебе сказано, что самоубийство, так и оформи. И вообще, Шешунов, пиши рапорт на увольнение, достал ты меня своими глупостями.

Так закончилась моя следовательская карьера, и наступила новая жизнь, вот, писать начал.

Но надо Вам, господин редактор, дать полное представление об этом деле. Как Вы помните, в моём распоряжении имеются дневник и письма Попелыева к этой даме. Трагедия на трассе случилась в ночь на 6 мая. Размолвка нашего героя со своей любимой началась 12 апреля. Я выберу самые трогающие за сердце выписки, а Вы уж там поглядите, что убрать, а что оставить. Но без слёз читать это невозможно, я в последнее время такой трогательный стал, что просто беда, Клавдия Андреевна уже всерьёз беспокоится, говорит, что писательское дело опасней для здоровья, чем следовательское. Так вот по дням и выберу для Вас кусочки.

Дневник, 14 апреля.

«Нина, дорогая мне, если бы я мог вернуть время хотя бы на два дня, конечно, это невозможно, но хотя бы остановить его в наших силах, если и ты и я этого захотим. Надвигается нечто ужасное, чёрное, грохочущее, и я не знаю, что, – оттого мой страх и ужас перед неизвестным фанатичнее и суеверней. Ты так ловко избегаешь встреч и разговоров, что у меня нет сомнений: ты всё для себя уже решила и тебе нечего мне сказать».

Дневник, 15 апреля.

«Если бы ты знала, Нина, какое удивительное открытие сделал я после твоего исчезновения. Вот вроде понимаю, что ты сильно мне нужна, всё в тебе мне дорого и необходимо, но обнаружилась фраза, точнее, картинка со словами, в которых всё это самое дорогое и заключено. Сижу я у инструмента, что-то не получается, ты у плиты ворожишь, совсем не вижу и не слышу, но – споласкиваешь руки, тщательно фартучком их обшаркиваешь, как ты мило говорила когда-то, и тихонько подходишь сзади, обнимаешь легонько, так, что едва заметно. И прижимаешься грудью, я чувствую твои мягкие груди без лифчика, и говоришь тихонько мне на ушко, так, что и мысли не потревожишь, если она в это время появится: “Ну, что ты, мой родной, приутих совсем?” Так было много раз, много десятков раз, и всегда заканчивалось весёлым смехом и обильным застольем. Сегодня впервые я горько плакал над этими словами, значит, такое уже никогда не повторится».

Дневник, 20 апреля. Красиво, но я не понял.

«Я представил нашу любовь как огромную амфору древнего сладкого вина, которое льётся при любом нашем желании и льётся так мирно, что ни у тебя, ни у меня никогда не возникало опасения, что это благо не бесконечно. И вдруг струя истончилась, и последние капли упали на наши души. Когда всё кончилось, оказалось, что остальное уже не имеет никакого значения».

Дневник, 22 апреля.

«Сегодня меня сильно испугала нечаянно возникшая мысль, что страдания мои и мучения могли быть внятными и конечными, если бы Нина умерла. Я никогда не хоронил любимых женщин, но почему-то уверен, что это легче пережить, чем вот такой её уход. Её уже нет и никогда не будет, и в то же время я всякое мгновение осознаю, что она есть, что вот сейчас, в эту минуту, целует и ласкает другого, как совсем недавно ласкала и целовала меня. Эта мука горше всякой утраты».

Дневник, дата не указана.

«Господи, что происходит?! Я схожу с ума. Ненавижу! И не могу без неё. Во мне два человека, и они никогда не поймут друг друга. Как жить дальше?»

Эти записи последние, дата не указана:

«Ты разрушила мой мир, который был создан тобой и с тобой и без тебя невыносим, не способен жить, он мёртв. Мысль о смерти всё чаще возникает в моём горящем мозгу. Сегодня я записал траурный марш, впервые, никогда не думал, что притронусь к этой теме. Гордиться нечем, но музыка получилась, я писал её, стоя над своим гробом, оплакивая себя и благословляя нашу любовь, поднимая над своим горем твой образ, который теперь уже ненавижу».

«Сегодняшней ночью мне был сон, он весь состоял из видений и звуков. Я часто вижу сны, но они почти никогда не бывают интересными, напротив, часто приносят дурное состояние души и смутные ожидания, к тому же я всегда забываю содержание, от сна остаётся только настроение, чаще всего скверное. Нынешний сон необычен тем, что он вторгся в мою реальную жизнь и коснулся самого больного и даже запретного. Мне приснилось, что Нина вернулась, не могу сказать, как это произошло, помню уже с того момента, когда мы вместе, она лежит в моей постели, как это часто бывало, совершенно нагая и улыбающаяся, а я стою перед нею на коленях и люблю её красотой. Во сне мне вспомнилась поэтическая строчка "... как рыба линия бедра", и это было правдой, но что-то сильное, сильнее страстного желания, удерживало меня коснуться зовущего тела. Она улыбалась, и игривая зазывная мелодия безобразно вязла в ушах, а я всё искал в себе причину собственного сопротивления. Потом она приподнялась и взяла меня за руку. Мелодия оборвалась, я отбросил её холодную ладонь, и всё вокруг наполнилось тревожными и грустными звуками. В то мгновение я понял, что не смогу простить измену и никогда не прикоснусь к женщине, которую очень люблю. А жить как?»

Эта СМСка была отправлена на её номер 6 мая в 04.16 утра. Столкновение легкового «мерседеса» и грузовой «вольво», как записано в протоколе осмотра места происшествия, произошло через четыре минуты.

«Дорогая и любимая, решение я принял, ты сейчас спишь, спи до утра, утром тебе всё скажут. Потеряв любовь, я теряю жизнь. Прощай».

Господин редактор, поручаю Вам эту историю, опубликуйте и прославьте любовь хорошего человека, а женщинам пусть будет грустно от таких последствий.

*Остаюсь с надеждой –
Анатолий Шешунов,
капитан милиции в отставке*

Проза

Светлана Савицкая

Светлана Васильевна Савицкая – писатель, общественный деятель, Посол Мира от ООН – Федерация за всеобщий мир, доктор философии в области социологии и культурологии. Единственный писатель, чьи книги оформляла ясновидящая Джуна. Автор книг: «Энергия сердца» (оформление Джуны), «Энергия вселенной» (с оформлением Никаса Сафронова), «Энергия мудрости», «Таинства русской души» – на 20 языках мира. Более 80 художественных и научных книг, обладатель более 150 лауреатских и почётных дипломов российских и зарубежных конкурсов и проектов. Академик ордена Ломоносова Международной Академии интеграции науки и бизнеса, член Союза писателей России, Международного союза писателей «Новый современник», Всемирного союза писателей, Мюнхен при ЮНЕСКО, почётный член Международной академии наук экологической безопасности по секции Образование, почётный член Российского общества изучения проблем Атлантиды, почётный член Союза писателей г. Крагуевац, Сербия, член-корреспондент Православной русской академии, почётный член Творческого объединения «Либра» (г. Штутгарт, Германия).

Увидеть звезду и вспомнить песню

Повесть

Мальчик шёл по росе, не обращая внимания на застрявший меж пальчиков ступни цветок клевера. Бесшумно. Волшебно. Таинственно. Легко.

Заинтригованная, Варька оперлась ладошками о прохладное оконное стекло веранды и загляделась, как он, оказавшись под деревом, обратил лицо вверх, наслаждаясь крупными каплями росы, упавшими с яблок ему на веки, улыбаясь и жмурясь от удовольствия.

Вдруг откуда-то совсем рядом, вернув в действительность, звонко сыграл подъём горнист. «Вставай, дружок, с постели на горшок. / Вставай. Вставай. Штанишки надевай!» – Так в детских головах преобразовывалась эта мелодия.

Варька вздрогнула. Мальчик метнулся в спальный корпус и, пробегая мимо, заметил мельком две прилипшие к стеклу белые ладошки, обращённые в его сторону, и смешное личико Варьки...

Быстро достав из своего шкафчика новенький песенник, за которым выходила на веранду, девочка прошмыгнула обратно в палату.

– Глянь, – не обращая внимания на просыпающихся детей, аккуратно чертила карту в своём блокноте Ира Старцева, – мы проехали МКАД, потом Королёв, Пушкино...

– Там была ещё Ивантеевка, – позёывая, добавила Нина Рудова, высвободившись из-под одеяла.

– Не было там никакой Ивантеевки, там было Софрино... – мгновенно вступила в спор Егине.

– Надо раздобыть карту, – не стала возражать Ирина.

– Хи-хи-хи, – отозвалась весёлая Оля Яблочкина, – карты только у шпионов бывают! Их даже в библиотеках нет! Я здесь третий раз. Все остановки автобуса наизусть знаю. Сначала Королёв, потом Ивантеевка, потом Пушкино и потом Софрино. А мы на остановке «Мосфильм. Лагерь “Экран”».

– Кому нужна эта карта? Никому! – возмутилась Неля.

– Пора на зарядку! – опомнилась Варька.

– Ты постель как следует заправляй! – сделала ей замечание Оля. – Дежурные сразу после завтрака пойдут и, если хоть одну морщинку на кровати заметят, балл за порядок всей палате снизят! А подушку надо ставить пирамидкой. Уголок формируй и вот так ставь. Поняла?

Умывальники находились под соснами у тех самых диких яблонь, где до подъёма бродил незнакомый мальчик. Августовская вода, поступающая, судя по всему, прямо из речки в водонапорную башню, а потом по зелёным трубам – в краники, бодрила. После процедуры чистки зубов Варька, услышав очередной призыв горна: «На зарядку, на зарядку! На зарядку, на зарядку становись!» – поспешила к спортивному полю, куда уже стекались пионеры из всех отрядов.

Громогласный транслятор прокашлялся и запел хриплым голосом Владимира Высоцкого: «Вдох глубокий, руки шире, не спешите, три-четыре...»

– Это самый лучший лагерь, – повторяя за физкультурником упражнения и постоянно оборачиваясь на подруг, без умолку трещала Яблочкина. Зарядка давалась ей легче остальных.

– Лучше «Артека» и «Орлёнка»? – усомнилась примкнувшая из любопытства к компании подпевающая все слова за Высоцким Яна Скок.

– «Артек» тут при чём? К морю только самые достойные ездят. Туда не пробиться. Я из простых московских имею в виду!

– Ну и чем он лучше? – спросила Неля.

– Во-первых, тут полное раздолье для творчества, любой кружок выбирай! И от «Мосфильма» оборудование шикарное! Я уже в трёх лагерях была. Везде под баян зарядка, а тут самые современные песни крутят! И только в этом сверх нормы ещё ветчину дают. Такую... со слезой! Умгмгм!

– Подумаешь, ветчина. Я дома каждый день её ем! – хмыкнула Неля.

– А мне бабушка с собой крыжовник дала, – вставила Егине, – с дачи!

Дач ни у кого, судя по всему, больше не было, и пионерки при волшебном слове «крыжовник» заметно повеселели.

– Лучше его в тихий час схмячить, – бросила через плечо Оля, – даже секунды не будет, такой тут плотный график мероприятий!

И правда.

Не успели девочки привести себя в порядок после физкультуры, тут же прозвучала новая музыкальная команда: «Бери ложку, бери хлеб, и садимся за обед!»

– Ух ты! Масло кружочками! – воскликнула с восторгом Варька, уплетая любимую пшённую молочную кашу с бутербродом. – Вкусно!..

– Подумаешь, масло... – нехотя кушала Неля.

– А на обед будет варёная сгущёнка! Вот увидишь! – воскликнула Оля.

– Не может быть! – удивилась Варька.

Сгущёнка была редчайшим дефицитом.

– А вот и может! На что спорим?

– А на что тут спорить?

– На компот!

– Ну, спорим...

Разговор слышали вожатые, но не стали вмешиваться.

Засомневался лишь незнакомец, которого Варька видела утром.

– Я бы не стал, – медленно, но громко произнёс он.

– Я внучка народной артистки Яблочкиной. А ты кто такой? – демонстративно передёрнула плечами Оля и даже с места соскочила, чтобы её все получше видели. Она знала, что повара ещё до зарядки загружали в большой котёл характерные голубоватые банки. – Разбейте нас!

Варьке, мгновенно испытавшей благоговение к знаменитой артистке, не оставалось выбора.

Столовая, находившаяся на равном удалении от всех корпусов, была выкрашена жёлтой краской снаружи и внутри. Высокие белые окна, как и во всех строениях лагеря «Экран», пропускали много солнечного света. Процесс приёма пищи чем-то напоминал вкусно скворчащую яичницу-глазунью. Освещённые яркими лучами, дети гомонили, весело жужжали мухи, осы, пчёлки, шмели и, конечно, комарики, залетающие в открытые фрамуги. Совсем не так было в Варькиной московской квартире, где противомоскитные сетки почернели ещё до её рождения и никогда не было сквозняка, а из-за сырого полумрака старой густой черёмухи уличному свету было не пробиться вовсе!

Одни отряды в столовой меняли другие. И дежурные еле успевали сервировать столы.

День заезда для пионеров, приехавших вчера на веренице оранжевых новеньких автобусов, являлся ключевым. Они знакомились со сверстниками. Получали койко-место в палате, отдельный

высокий шкафчик для вещей на веранде корпуса. Выстроившись в суетливую общую очередь к автобусу, выявляли свой чемодан по приклеенной бумажке с фамилией, потом сдавали его в камеру хранения. Сверяли себя со списками по красочным путёвкам в лагерь с изображением палаток, костра, горна и надписями: «Пионер! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!», «ПИОНЕР, ПОМНИ! Лагерь – твой дом – ты хозяин в нём. От тебя самого зависит интересная жизнь в лагере».

Но второй день был не менее важен. По громкоговорителю объявили общее построение в парадной пионерской форме, включающей белый верх – синий низ, пионерский значок, красную пилотку, галстук, у девочек белые гольфы.

Номера отрядов совпадали с номерами автобусов. Самый младший отряд школьников с 1-го по 4-й класс носил самый высокий номер – 10. У мальков не было галстуков, и они нуждались в подшефной помощи. В первом же отряде числились старшеклассники с 8-го по 10-й класс. И их распределяли для этого шефства. Пятый и шестой отряды составляли танцевальный коллектив и спортивные дети. Остальные собирались по возрасту, вне зависимости от успехов и рода занятий. Лагерь официально числился за «Мосфильмом», престижную путёвку в «Экран» для своего ребёнка, родственника или внука мог достать любой преподаватель ВГИКа, артисты, сотрудники «Мосфильма» от режиссёра до уборщицы и даже работники «Союзмультфильма».

Поэтому, «попав в смену», дети, как и вожатые, быстро выясняли статус каждого из контингента. Кто попал в лагерь конкретно из съёмочных групп «Мосфильма», а кто по профсоюзной разнарядке или по договорённости.

Из всех детишек Ирина одна отыскала плакат со стоимостью путёвок. Открыла блокнот и занесла себе цифры со стенда: «СКОЛЬКО СТОИТ БЕСПЛАТНО? Вашим родителям путёвка досталась по цене 10 р. 40 коп. Государству твоя путёвка обходится в 147 р. Питание 42 р. Ремонт 40 р. Зарплата сотрудников 25 р. Приобретений 20 р. Расходы на газ, топливо и др. 15 р. ЦЕНИ ЭТИ БЛАГА! ДЕЛАЙ ДЛЯ РОДИНЫ ВСЁ, ЧТО В ТВОИХ СИЛАХ!»

Тем временем заиграли фанфары знаменитой «Я теперь вспоминаю, как песню, пионерии первый отряд...»

Всех достаточно быстро выстроили по росту для торжественной линейки, с целью торжественного открытия третьей смены. Дети выпрямились под традиционный вынос знамени пионерской дружины. Забили барабаны и заиграли трубы.

– Сейчас Барма речь толкнёт, – пояснила Оля Яблочкина.

– В каждом лагере одно и то же... – глубоко вздохнула Неля.

А Ира живо поинтересовалась:

– Барма – это кто? – и снова открыла блокнот.

– Директор лагеря. Ну это... чтоб короче. Мы его сначала Бармалеем звали... Он, когда злится, кра-а-а-сный такой делается, как помидор.

– Дорогие пионеры, – приветливым басом начал Барма, – из года в год мы делаем всё возможное, чтобы летний отдых добавил вам новых сил, знаний, здоровья, чтобы вы загорели и выросли. Приобрели настоящих друзей.

Старожилы лагерных смен и детки известных артистов не очень его слушали. Шевелились. Перешёптывались друг с другом. Мальчишки проявляли повышенный интерес к косичкам, выглядывающим из-под пилоток пионерок. Так они знакомились. Отдельные хихикали.

Это не понравилось директору, и он многозначительно посмотрел на соответствующих воспитателей, отчего те быстро начали реагировать. А Барма продолжил, повысив уровень артистического градуса в голосе:

– В августовской программе 1974 года вас ждут подарки от «Союзмультфильма» как в здании кружка «Умелые руки», так и в кинозале, где вы увидите прекрасные сказки! Будет несколько сюрпризов – встречи с известными артистами на премьерах новых художественных фильмов лучшей в СССР и во всех странах Варшавского Договора киностудии «Мосфильм»! Вот, кстати, – он указал на ребёнка из первого отряда, – Паша Лодкин недавно снялся в фильме «Эпоха просвещения», и Таня Лебедева среди нас, – он указал на девочку из второго отряда, – и так же добросовестно бьёт в барабан наш «Юный барабанщик» Юрочка Уткин. И Лёня Вольных просыпается раньше всех, чтобы трубить побудку. Андрей Скуратов тоже снимался в фильме. Посмотрите на них! Это буду-

щие звёзды нашего экрана, – слово «экран» прозвучало двусмысленно, – а стоят скромно среди вас в пионерской форме...

Взгляд директора лагеря вдруг остановился на восьмом отряде, где у ребёнка не оказалось красного галстука на груди.

– В чём дело? Выйди из строя!

Варька ахнула, ведь директор указывал именно на мальчика, который утром ходил босиком по росе.

– Как зовут?

– Саир, – спокойно сделал шаг вперёд мальчик без галстука.

Заместитель по воспитательной работе Зоя Никифоровна, полная женщина в строгом костюме, как в панцире, облегаяющем бюст, живот и остальное туловище, что-то шепнула на ухо директору. Отчество её детям выговаривать было долго и сложно. Поэтому меж собой её звали коротко – Камфора.

– Ага... – смутился тот. – Так тебя ещё не принимали в пионеры?.. Ясно.

Торжественная линейка затихла. Шепотки прекратились. Как? Почему? По какой причине всех приняли в пионеры, а его нет? Возможно ли такое недоразумение? И дети и взрослые – все глядели на Саира. Мальчик же оставался невозмутим, как будто ему привычно стоять перед строем.

– Ты хочешь стать пионером? – очень серьёзно произнесла Камфора.

Саир кивнул. Карие глаза его мягко улыгнулись самыми уголками.

– Очень хорошо, – вздохнул с облегчением директор, – встань в строй. Ты старайся. И мы рассмотрим твою кандидатуру. Итак, впереди у нас Смотр строя и песни, поход с ночёвкой на всеобщий пионерский костёр. Конкурс КВН. День Нептуна. Спортивная спартакиада. Для тех, кому надо подтянуть английский, другие предметы, подавайте заявку в штаб пионерской дружины. Библиотека, пожалуйста, слева. Медперсонал окажет первую помощь, если что, изолятор справа. Не минем военную игру «Зарница». Разборка и сборка автомата Калашникова. Лучшие получают грамоты и значки. Запланирован кросс на три и пять километров. Конкурс поделок. Танца. Чтеца. Конкурс художественной самодеятельности. Кстати, Матвеев Серёжа снова приехал с гитарой!

Матвеева, парнишку из второго отряда, ребята поприветствовали похлопыванием по плечу.

Оживились девочки из танцевального отряда, обернувшись на Этери, его ведущую солистку. Все знали её равнодушное отношение к Матвееву ещё с прошлой смены.

– И под занавес хотелось бы поблагодарить ребят первого отряда, помогавших при транспортировке. Слово предоставляется старшему пионервожатому Юрию Константиновичу Епишину.

– Дружина, равняйся! Смирно! Честь торжественного поднятия флага по случаю открытия третьей смены поручается пионеру первого отряда Косте Иванову.

Костя, чеканя шаг, вышел из строя. Заиграл горн, музыку подхватили оба барабанщика.

– Флаг поднять! Равнение на флаг!

Лагерь с нескрываемым восхищением и завистью пожирал глазами отличившегося в погрузке чемоданов Костю.

– Надо будет взять у него интервью для газеты «Знамя коммунизма», – буркнула под нос Ирина.

– Зачем тебе это «Знамя коммунизма»? – удивилась Неля.

* * *

Восьмому отряду с вожатыми повезло. Принципиальная стройная студентка педагогического института Таша Богатырёва с длинной русой косой и бывший десантник, «синий берет» Саша Столяров достались ему как благословение небес.

Девчонки заваливали Ташу организационными вопросами: будут ли танцы, какие кружки, что после обеда и т. д.? Её нежное сердце моментально приняло школьниц в «свою стаю», и с ответственностью старшей сестры вожатая откликнулась на любую просьбу. Синие ласковые глаза таили глубину и несгибаемую нравственную твёрдость. Очутившись под таким контролем, любая шалость казалась не только невозможной, но и возмутительной!

Её антиподом являлся второй вожатый, старающийся быть независимым, серьёзным и самостоятельным, но улыбчивый, приветливый характер не позволял ему этого делать. Только вернувшийся из армии и принявший уже третий отряд за лето, он постоянно что-то напевал и успел уже отрастить

кучерявые светлые волосы. Яркие голубые глаза, под цвет полосатой тельняшки, «убивали наповал» всех девчонок первого отряда. Благо ему достались «средняшки» из восьмого! На мальчишек безошибочно действовали рельефные мышцы под майкой. После торжественной линейки те облепили десантника со всех сторон и по очереди тыкали пальцами в каменные бицепсы:

– Дядь Саш, дай потрогать!

– Дяди и тётки на базаре торгуют малосоленными огурцами, – смеялся Александр, проводя заодно воспитательный урок, – а мы живём в эпоху построения коммунистического общества, где главным принципом взаимоотношений является что?

– Что?

– Главным является принцип «Человек человеку друг, товарищ и брат!», а у наших идеологических противников что?

– Что?

– А при капитализме основной принцип – «Человек человеку волк!» Поэтому называть меня просто Саша. Наташу – просто Таша. Ясно?

– Да, – загомонили ребята.

– Инструкция проживания в лагере проста. К имуществу относимся бережно. Активно принимаем участие в работе отряда и дружины. – Вожатый поставил первую галочку в списке: – Так. Урок политического воспитания провели.

– Подожди, – мягко прервала его Таша, – имущество – это вовсе не главное. В пионерском лагере вы все, и мальчики и девочки, должны понять суть вообще человеческого общежития. Для меня, например, все люди делятся на тюфяков и изыскателей. Тюфяки вечно увивают от работы, стараются выехать на чужом горбу и проехать за чужой счёт. А изыскатели двигают прогресс, едут осваивать Сибирь, бесстрашно испытывают новые самолёты, летают к звёздам! Отправляются на атомных ледоколах к Северному полюсу сквозь бури и пургу. Сверхаюют научные открытия. Борются ради мира во всём мире. Это изыскатели. Лучшие люди мира. И пионеры тоже должны постепенно становиться изыскателями. А пока идёт решение главной задачи – хорошо учиться и найти своё предназначение в жизни, лагерь «Экран» поможет вам. В чём найти? Вам решать. В науке, искусстве, в другой изыскательской работе. Так кто мы? Тюфяки или изыскатели?

– Изыскатели, – дружно прокричали дети всем отрядом.

– Молодцы! – Таша кивнула коллеге, и тот продолжил:

– Теперь нам надо придумать название нашего отряда изыскателей, выбрать к нему по теме речёвку и две отрядные песни. Я предлагаю назвать отряд «Бригантина», потому что две песни у меня уже есть.

И Сашка запел безо всякого аккомпанеента сначала:

Негаданно, нечаянно
пришла пора дороги дальней,
давай, дружок, отчаливай,
канат отвязывай причальный.
Свистит Норд-Ост, не видно звёзд,
угрюмы небеса.
И всё, друзья, не поминайте лихом, поднимаю паруса...

Потом спел:

Надоело говорить и спорить
и любить усталые глаза,
в флибустьерском дальнем синем море
Бригантина понимает паруса...

Детям песни очень понравились, тем более что раньше кто-то слышал их по радио. Таша раздала листки, чтобы пионеры записали слова. И уже через несколько минут все разучивали песню Юлия Кима: «Фантастика-романтика, наверно, в этом виновата. Антарктика, Атлантика зовут, зовут ребят куда-то...»

Не менее воодушевлённо пели и:

Пьют за яростных, за непокорных,
за презревших грошевой уют,
вьётся по ветру «Весёлый Роджер»,
люди Флинта песенку поют...

Лучше всех пение получалось у Яны Скок. Её и выбрали отрядной запевалой.
Отрядную речёвку подобрали простую:

Кто идёт? – Мы идём!
Кто поёт? – Мы поём!
Кто шагает дружно в ряд? – Пионерский наш отряд!
Будь готов – всегда готов!
Будь здоров – всегда здоров!
Мы ребята молодцы – пионеры-ленинцы!

Командиром отряда выбрали Славку Бочкарёва, его первым заместителем – Петьку Скуратова, вторым – Диму Иванова.

Поставив ещё несколько «галочек», Саша обратил внимание на мальчика без пионерского галстука и спросил прямо:

– Саир, как ты попал в лагерь?
– Мама путёвку достала.

– Ага... хорошо... – и тут же посмотрел почему-то на Яблочкину, – в отряде все равны. Кем бы ваши родители ни являлись. Тут все артисты! Всем ясно?

– Да, – дружно ответил новоиспечённый отряд «Бригантина».

– А раз ясно, то все за мной на военно-спортивную полосу. А через час – за Ташей, знакомиться с корпусом кружка «Умелые руки»!

Пионеры, судя по всему, до этого не особенно умели ходить в ногу при движении строем. Саша охарактеризовал это как «разброд и шатание». Перед вожатым встала непростая задача – сделать из незнакомых мальчиков и девочек монолит, который победит на Смотре строя и песни.

Спортивные тренажёры, отгороженные маскировочными сетками в листьях, детям понравились. Выявив особенности каждого члена отряда, Саша дал команду последовать с ним за территорию лагеря, на опушку сосновой рощи.

– Итак, ваша задача попасть в противника. Славка! Димка! Петька! Стрелять будете в меня!

– В тебя-я-я? Чем?

– Шишками! – командовал Саша. – Для сборки снарядов рассыпся!

Дети разбежались. Каждый запасался несколькими шишками.

– Отряд «Бригантина»! В одну шеренгу становись! – раздалась команда.

Дети, как могли, выстроились по росту локоть к локтю лицом в сторону командира.

– На первый-второй рассчитайсь!

– В две шеренги стройся!

Получилось вяло и плохо. Не беда! Все тренировки впереди. А сейчас:

– Разойдись! По стоячей цели пали!

Саша, смеясь, увёртывался от летящих шишек, и ни одна не попала в него.

– Снаряды собирай! Целься. По бегущей мишени пли!

И снова ни одного попадания.

– Снаряды собирай! – муштровал отряд вожатый. – По двигающейся мишени огонь! Отставить! Кто хочет стать мишенью? Новое правило. В голову не целимся!

Вызвался командир отряда Славка. Но он был пока не столь ловким, как десантник, и мягкие снаряды ударили его по ногам и плечам.

Весёлая эта игра завершилась преодолением полосы препятствий, хождением по бревну, прыганием через «козла» и возвращением к корпусу отряда под новые строевые песни. Выяснилось, что песня гораздо звонче и слаженней звучит, если исполнять её строем в колонну не по два, а по четыре.

– Товарищ пионервожатая Богатырёва! – докладывал Саша. – Отряд «Бригантина» военно-спортивные мероприятия завершил, к прохождению занятий в кружке «Умелые руки» готов!

Пионерам даже некогда было отвлекаться на плакаты, оформляющие центральную аллею лагеря «Экран»! Лишь Ира, иногда забегаая вперёд, иногда отставая от отряда, записывала что-то себе в блокнот. «Зина Портнова. Марат Казей. Павлик Морозов...»

– Зачем ты это делаешь? – спросила Варька.

– Да, понимаешь, мне Камфора заданий надавала. После смены заметку в «Учительскую газету» отправить и в «Пионерскую правду». А для этого фактура нужна. Но главное не это. Среди ребят нашей смены надо выявить одного. Он внук самого Жукова! Маршала Советского Союза!!! Чуешь ответственность? Только у него фамилия другая.

– Так это просто. Смотри, кто самый лучший. И всё.

– Ха-ха-ха! – засмеялась Ирина. – Если бы это было так просто! Ладно. Разберёмся. Только это наш секрет...

В отдельном корпусе шефы поместили различные материалы для поделок и ознакомления со взрослой работой. Глаза мальчишек загорались от новейшей техники, позволяющей делать съёмку кукольных мультфильмов. И часть детей увлеклась декорациями знаменитого мультика «Незнайка». Куклы, используемые для роли Незнайки, Знайки, Пилюлькина и других, имели функцию движения рук, головы, ног и туловища, были маленькие, всего-то с ладонь величиной, и очень качественные. Куклами забота шефов не ограничивалась. Крохотные столики, стульчики, диваны и даже домики могли использовать дети в своём творчестве по созданию собственных мини-мультфильмов.

Если кто-то хотел проявить себя в рисовании, то им предлагались примеры того, как создавать рисованные ленты. Использовались так называемые отрисованные «задники» в виде использованных уже картин к мультфильмам «Карлсон», «Маугли» и т. д. Детям показали прозрачные плёнки, на которые наносились рисунки действующих героев. Для этого использовалась опять же матрица, которую прекрасно было видно через прозрачную плёнку. Изменяя положение лапы или руки, на плёнке рисовался новый рисунок. Так раз за разом, фотографируя полученные рисунки и убыстряя их в движении, получалась видеокартинка рисованного мультфильма. И дети, способные к рисованию, могли попробовать свои силы.

Часть детей привлекли стеллажи с рукотворными мягкими игрушками – котами, слонами, белками, зайцами, рядом с которыми манили горы разноцветного меха. На столах лежали выкройки будущих меховых изделий. Всем желающим их раздали вместе с нитками, ножницами и иголками. Научили шить мех. Условие было одно. Первая игрушка остаётся на стенде лагеря, вторую ребёнок мог забрать домой. Третью – на стенде. Четвёртую – домой...

Некоторых привлекло графическое вырезание рисунка. Им выдали резцы. Научили шкурить наждачной бумагой дощечки, покрывать их чёрной тушью, а потом по нанесённому контуру вырезались линии и соответствующие места.

Иным захотелось получить навык декоративной соломки. Тут же дети выбирали рисунки, наносили их на кальку. Выбирали солому «пожирней», вымачивали в тазике с водой, потом отглаживали утюгом, приклеивали к рисунку и, ножницами вырезая по контуру, клеили к разноцветной бархатной бумаге. На тех же условиях – оно изделие для лагеря, второе – для себя.

Декоративные картины предлагалось мастерить не только из соломки, но также из шкурок чеснока, сосновых шишек, оригами, разноцветной шерсти.

Варьке хотелось попробовать всё. Но она, как её подружки по палате, начала с пошива мехового котика. Соединяя края белой заячьей шкурки, она с завистью поглядывала в сторону Саира, который выбрал рисование мультфильма. Но не стал использовать уже известные образы Бременских музыкантов или котёнка Гава, а стал составлять из букв красивую надпись названия лагеря «Экран». Ей показалось, что Саир тоже время от времени поглядывает на неё, только украдкой.

Через открытые окна доносилась гитарная красивая песня. Это Матвеев собрал ребят, привлёк двух барабанщиков, и они репетировали «Средь нас был юный барабанщик. / Он песню весёлую пел. / Но пулей вражеской сражённей, / допеть о конца не успел...»

– Эх, – вздохнула Яна, – если они будут репетировать с барабанами, нам со своей «Бригантиной» не угнаться...

– Кому нужна наша «Бригантина»? – поддержала Неля.

– Спорим, угнаться? – не согласилась Оля. – Наша песня новая. А у них старьё!

– Зато про барабанщика строевая! – приняла сторону запевалы Егине.

– А давайте, когда котов дошьём, всем отрядом наделаем разных кораблей! Кто из соломки, кто из чеснока, кто из шишек. А? – предложила Ира. – Один, получше, оставим на память о нас в лагере. А второй домой заберём!

– Давайте! Давайте! – согласились дети.

Когда горн возвестил о сборе на обед, никто не хотел отрываться от поделок.

В столовой на столах уже были разложены по тарелкам бутерброды с варёной сгущёнкой. А возле них светились распаренной курагой янтарные компоты. Глубоко вздохнув, Варька поставила свой проигранный напиток перед Яблочкиной. Девчонки косо посмотрели на счастливую спорщицу. Набегавшись в такую жаркую погоду, всем хотелось пить! А потом и спать.

И хотя многие из ребят давно не считали себя малыми детьми настолько, чтобы спать днём, но всё равно лениво послушно и устало добрели до кроватей, блаженно разлеглись, вдыхая всей грудью сосновый чистый воздух, сильно отличающийся от столичного.

Поделив крыжовник поровну, Егине ничего не оставила себе.

– У нас много, а для вас – лакомство.

– И тебе не жалко? – удивилась Неля.

– Кто жаден да глуп, тот свинье друг! – вступила в разговор Ирина.

– Атас! Вожатый! – шикнула Яна.

И все, как по команде, спрятались под одеяла.

В круговерти пионерской жизни пролетела вторая половина дня. Полдник, тренажи, ужин, вечерние мероприятия, подготовка ко сну, отбой.

Двери в корпуса и другие помещения лагеря никогда не запирались даже на крючки. Только у клуба сидела при входе женщина, что мыла после всех пол. Вожатые по очереди в тихий час проверяли детей – все ли на месте. Саша приоткрыл дверь, сосчитал головы девчонок по кроватям и тихо вышел.

А Варьке уже снился сон. Будто идёт она босиком по траве, а с яблок падают ей на волосы белые яркие звёзды.

Она снова проснулась до горниста. Проснулась оттого, что кто-то тихонько плакал.

– Неля, ты чего?

– Домой хочу!

– Вот те раз! – удивились проснувшиеся девчонки. – Смена такая прикольная. И вожатые хорошие.

– Домой хочу-у-у-у! – плакала Неля.

– Вот глупая! Мы ещё в поход пойдём и на Зарницу!

– Не хочу в поход! Не хочу на Зарницу! – уже рыдала Неля.

– Ну чего разоралась? Спать не даёшь! – поднялась Оля, запустив в Нелю подушку. – По мне, так надо из всего извлекать пользу. Раз тебя родители насильно в киношный лагерь упекли, ты по сторонам смотри и кумекай. Тут что ни ребёнок, то звезда! Вон у Этери из танцевального отряда папаша, знаешь, кто?

– Ну, кто?

– Режиссёр!

– Да ну?

– Да!

– Так за ней свита девчонок, и все мечтают в фильм попасть! – отозвалась Егине.

– Никто не мечтает! – возразила тут же Ирина.

– Ты не мечтаешь, это не показатель, – продолжала Оля, – а я вот так вот бы и не отказалась сыграть Джульетту!

Горн затрубил подъём.

Ребята высыпали на зарядку.

* * *

– Давай на спор, кто быстрее добежит до столовой, тому компот завтрашний! – подзадоривала Оля Варьку.

Девочка, понимая, что за этим спором снова наблюдает весь отряд, согласилась.

Она не взяла в расчёт того, что Яблочкина отдыхала в этом лагере не первый год и знала короткую дорогу.

– Просто ква, просто ша, простокваша хороша! – брали пионеры с подноса простоквашу с печеньем.

– Опять Ольге проиграла? – сокрушалась Ирина на Варьку.

– Ну и что? Подумаешь, на обед завтра без компота останусь...

– Смотри, смотри, – прервала их Нина Рудова, – Паша Лодкин! Ой, девочки, сейчас умру! Он в жизни ещё лучше, чем в кино!

– Подумаешь, Лодкин!.. – фыркнула Неля. – Вот Матвеев – да. На гитаре играет. Песни поёт.

– А мне барабанщик больше нравится, – подхватила разговор Ира, – и трубач. Нет, барабанщик больше...

А Варька снова взглянула на Саира и прыснула в кулачок – у того от простокваши остались на щеках смешные белые усы.

Саир в ответ тоже улыбнулся. Но подходить в Варьке всё равно не стал.

До ужина пионеров собрали в кинозале на премьере фильма, где играл Паша Лодкин. Выступил старший пионервожатый Юрий Константинович Епишин, он же известный оператор. Снимал «Берегись автомобиля» и рассказывал, что попал в кадр – отражение в зеркале заднего вида, когда во время погони «Победа» заехала на платформу.

А после наскоро проглоченных котлет с рисом начались спортивные занятия. Кто играл в пионербол, кому раздали теннисные ракетки, кому бадминтон, кому просто мячи.

Солнце заходило церемонно за оранжевый небосвод. Лес преобразился. Притих. Воспряли комары. Пошло брожение по отрядам. Так как категорически запрещено рассказывать страшные истории на ночь, то, естественно, все начали вспоминать самые ужасные из них. Обсуждали, как долго под мышками греть зубную пасту, чтобы ночью вымазать спящих девчонок. Наиболее продвинутые начали собирать гербарий из листьев и цветов. А хулиганистые искали перья птиц, втыкали их в еловые шишки, и запускали вверх. Девочки менялись словами из песен. Песенники переписывались. Загибались странички конвертиками со словами «Секрет» или «А мне нравится...»

«Спать, спать по палатам пионерам и вожатым!» – возвестил горн о финале очередного суматошного дня.

– Пионеры спать не хотят, над вожатыми хохочут! – тут же перепел Матвеев.

В ответ на его выходку Этери захихикала.

После активных игр на воздухе дети быстро утомнились и уснули.

Но через час после отбоя в кромешной темноте раздался душераздирающий крик, за ним визг всего танцевального пятого отряда.

Были подняты на ноги вожатые и даже директор лагеря. Некоторые дети находились здесь все смены, включая и зимние. За Бармой дефилировали начальник Любовь Михайловна Королёва, Марья Савельевна Нарницкая – бессменный руководитель кружка юннатов, известная под любовной кличкой Морковья Щавельевна. Оператор и старший пионервожатый Юрий Константинович. И конечно, Камфора.

Все «лично убедились», что девочки спят.

Но они не спали. Этери рассказывала леденящие душу страшилки о чёрных духах, которые воруют девственниц, и спастись можно только двумя способами – либо потерять честь, либо положить под подушку вилку!!!

История стремительно пошла «по рукам», и в течение дня в столовой исчезли почти все вилки.

На третий день вожатый 8-го отряда Саша Столяров очень ранним утром возвращался из туалета и увидел полусонную девочку с вилкой в руке, идущую навстречу с остриями вперёд.

– Вилка зачем? – просто спросил он.

– Злых духов отгонять...

– Какой я тебе дух? Я дембель!

По такому чрезвычайному случаю Барма собрал совет пионервожатых. Протрубили общий сбор дружины.

Хитрец, он не стал изображать, как космические корабли бороздят околотовоздушное пространство, а решил пойти на хитрость:

– Лагерь «Экран», – возвестил директор, – находится в аномальной зоне. Тут среди леса водится множество диких-диких духов. Так вот, товарищи пионеры! Эти злые духи притягиваются металлическими предметами. Ножам, вилками и прочим... Это я вам как ответственный коммунист заявляю! Вы мне верите?

Дети засмеялись. Но терапия подействовала. В столовую вернулись все вилки до единой.

Примерно так проходили последующие дни. Отряд «Бригантина» научился маршировать строем в колонну по два, по четыре. И петь. В кружке «Умелые руки» было произведено на свет множество поделок. Варька быстро освоила себя в нескольких разных техниках. Резьбе по дереву. Аппликациях из чесночной шелухи и соломки. Только рисование не давалось.

Саиру же, напротив, нравилось больше рисовать, причём у него получались текстовые граффити. Саир составлял слова. Да не простые. А раскрашенные причудливым орнаментом, он менял их положение на разных рисунках, чтобы они при перелистывании перемещались.

Руководитель кружка мультипликации Вячеслав Котёночкин показал, как делать простые движущиеся короткие просмотры. В тетради отрисовывалась картинка, на следующей странице положение той же картинки изменялось и уже находилось чуть рядом. Потом всё дальше и дальше. Если тетрадь листать, предмет как бы двигался.

Саир нарисовал, как вспыхивало и зажигалось название лагеря «Экран», потом точно так же нарисовал своё имя «Саир». И ещё одно имя по-английски «Тагер».

– Что означают эти буквы? – спросил Вячеслав Михайлович.

– Это моё имя. Только в русском первой буквы нет. И в английском нет. Первая буква звучит как ТФ. Тфайер.

– Das Feuer – это по-немецки огонь? – переспросил великий мультипликатор.

– Не знаю, – засмеялся мальчик.

Девочки переглянулись.

– Саир, а ты можешь нарисовать большое название отряда «Бригантина»? – вот прямо тако-о-о-е большое? Но в твоём стиле, – тут же предложила Ира.

– Хорошо, – согласился Саир.

И тут же принялся за работу.

Подходил ответственный день проведения Смотря строя и песни среди отрядов дружины. Слаживание коллективов вступало в завершающую стадию.

Первый отряд – «Москвичи» – уже маршировал лучше всех. Пел слаженным хором. Три сильных запевалы великолепно выводили: «Но Москвой я привык гордиться, / и всегда повторял я слова: / дорогая моя столица, / золотая моя Москва...»

Второй отряд – «Черти» – своё прохождение строил под песню Владимира Высоцкого «Сорвано, уложено, сколото чёрное надёжное золото». К тому же им очень эффектно подпевал Серёжа Матвеев с гитарой и двумя барабанщиками. Исполняли песню «О юном барабанщике».

Что-то задумывали тайное танцевальный пятый отряд – «Хиппи» – и спортивный шестой отряд – «Гвозди».

Профессионалы даже костюмы свои оригинальные из Москвы привезли для того, чтобы произвести «взрыв мозга». Одни репетировали в клубе, другие – на закрытой военной площадке.

Единственное, что слышали другие отряды, как спортсмены возвращались под речёвку Маяковского: «Гвозди бы делать из этих людей. Крепче бы не было в мире гвоздей!»

Натренированный Сашкой на шишках отряд «Бригантина», на удивление слаженно, выполнял команды «разойдись» и «становись», перестраивался из шеренги в колонну и обратно и маршировал со своим десантным почерком. И пел неплохо. Но надо было придумать что-то оригинальное, что бы отличило его от других. А как это сделать, если что-то тайное готовят профессионалы, к тому же «Москвичи» и «Черти» идут с таким отрывом?

Командир отряда Славка после утренней линейки поставил вопрос ребром:

– Если мы ничего не придумаем, то завалим всю смену! Зачем, спрашивается, тренировались?

– Может, я выйду и спою «Есть только миг, за него и держись...», там ноты высокие, вытяну... – подала голос певунья Яна Скок.

– Мало, – возразил вожатый Саша, – здесь командные качества учитывать будут. Солисты во всех отрядах есть.

– Думайте. Думайте, изыскатели! – спокойно рекомендовала Таша.

– У меня плакат готов, – сказал Саир, – и мультик сделал маленький со словом «Бригантина». Вот, смотрите!

Он продемонстрировал всем, быстро листая веером страницы, как в альбоме по волнам плывёт великолепный парусник.

– И у нас поделки с бригантинами готовы! – загалдели девчонки.

– Ну и что вы предлагаете? – нахмурился десантник. – Будем маршировать с поделками в руках? Пионеры задумались. Наступило молчание.

– А знаете, что? – подала голос Ира. – На ВДНХ стоит скульптурная группа Мухиной «Рабочий и Колхозница».

– Ха! – стукнул себя по коленке командир отряда Славка. – Я буду рабочим, а ты колхозницей! Дети дружно засмеялись.

– Да вы дослушайте! – не унималась Ира. – Дело-то не в этом! Когда на международной выставке наш павильон украсила статуя, он стал самым высоким. И мы победили! Я это к тому, что мы хоть и ниже ребят из первого отряда, и поем слабее, но наша сила в чём?

– Мы изыскатели! – воскликнул горячо Петька Скуратов.

– Вот именно! И нам нужен символ, – согласилась Ира.

– Полно уже этих бригантин понаделали. Что с них толку? – вмешался Дима Иванов.

– Тренировались, тренировались, и всё зря, – приуныла Неля, у нас никаких шансов.

– А давайте, – подскочила вдруг как ужаленная Варька, и эмоции так переполняли её, что она аж задохнулась от собственного открытия, – давайте сделаем во-о-о-т!

– Что во-о-от? – передразнила Неля.

– Во-о-о-т таку-у-ую Бригантину!! В виде торта съедобного! Из блинов – паруса. Из белого хлеба – лодку. А? И впереди идущие её понесут! Высо-о-о-ко!!

– Это как? – переспросил командир отряда Славка.

– Не знаю. Во-о-от так! – показала в воздухе Варька большой круг.

И дети повскакивали с мест, засыпая вожатых подробностями, как будет выглядеть будущий парусник, потому что отряд увидел в воображении его каким-то небывалым доселе коллективным разумом и стал прорабатывать до мельчайших подробностей детали.

– Молодец, Варька! – похвалила Таша. – Ну что ж, тогда сейчас отряд отправляется не в корпус кружка «Умелые руки», а в столовую. Смотрим, чем смогут выручить повара. А за остальными деталями придётся отправить группу самовольщиков за территорию лагеря в деревенский магазин.

– Это всё хорошо, – засомневалась Неля, – только нести Бригантину в пионерской форме как-то стрёмно. Когда были парусники, пионеров по-любому не было!

– Вон «Черти» себе уже чёрные какие-то костюмы понаделали... сама видела, – подтвердила Ира.

– Саш? А если мы попросим гофрированной белой и синей бумаги, нам на воротники морские дадут? – спросила Варька. – Как у матросов вырежем, полоски приклеим...

– Отличная идея! – воодушевился вожатый. – И символы парусника на пилотку!

– Точно! – обрадовалась Таша, от чувств у неё на глазах выступили слёзы. – Ребята, какие вы молодцы! Представляю! Мы поём первую песню о флибустьерах в простой пионерской форме. А потом все быстро надевают синие воротники. И под слова «Ты увидишь в дальнем синем море, Бригантина поднимает паруса...»

– И волны из простыней сделаем по бокам!!! – выкрикнула Оля.

– Нет! Из простыней не годится! – возразила Егине. – Я видела в клубе голубую тюль! Попросим на время! Она подойдёт!

– Точно! А кто Бригантину понесёт?

– Варька пусть несёт! Она ж её выдумала! – не терпящим возражения тоном воскликнул Славка. – Вот белое платье ей и шейте, девчонки!

– Нет, – возразила Варька. – Я маленькая. А артистка должна быть высокой. Чтоб корабль выше казался. Пусть Оля Яблочкина несёт. Мы ей волосы распустим. Как у Офелии из Гамлета...

Дети притихли. То, что Варька благородно отдавала роль более красивой подруге, было правильно с точки зрения отряда, но никто из них бы не смог так... просто... как она...

– Отлично! Погнали! Времени в обрез! – скомандовал Сашка. – Всем понятна задача?

– Да! – уже группировались дети по разным стратегическим функциям.

– Тогда в бой! Рассыпья!

Штабом по сбору «трофеев» для Смотра стала веранда корпуса мальчиков. Пионеры из отряда «Бригантина» стаскивали со всего лагеря «Экран», как муравьи, бумагу, ножницы, иголки, краски, авоськи белого хлеба. Кто-то преодолевал забор с целью закупиться длинной сладкой соломкой для мачт. Кто-то мастерил лодку. Кто-то договаривался с поварами насчёт квадратных огромных блинов для паруса. Кто-то рисовал выкройку для воротников.

На удивление, но их очень выручил дежурный Паша Лодкин, стоящий на посту у третьих ворот. В жизни он и вправду был лучше, чем в кино. Улыбался. Не строил из себя «звезду» и, когда мальчишки объяснили, с какой целью идут в самоход, просто открыл замок.

Егине собрала все гольфы и отваривала их на кухне в кастрюле с перекисью водорода для получения особенной белизны. Девочки в своей палате готовили одежду «мечты» для Оли Яблочкиной.

Она забралась на кровать. А остальные цепляли к белому платьицу избранницы газовые шарфики для воздушности, которые выпрашивали у всех подруг из других отрядов и к тому же у всего обслуживающего персонала.

Вожатый послал в палату девочек Саира с заданием выделить кого-нибудь для помощи по воротникам.

Раздался стук в дверь:

– Можно?

– Иди, выстави его! – скомандовала Оля Варьке.

И только лишь Саир попытался войти, Варька машинально оттолкнула его и захлопнула дверь.

«Ой! – подумала девочка. – Что я наделала?!»

– Как они? – подросла Таша.

– Наряд готовят, – ответил смущённо мальчик.

До ужина основные приготовления были завершены.

В вечерней программе вместо фильма объявили танцы.

Оля Яблочкина, самая красивая девочка из отряда, подвела глаза чёрным карандашом и уложила косу колоском. Егине нарядилась в чёрное платье с белым кружевным воротничком, связанным в виде большой снежинки. Неля пришла на танцы в брючном костюмчике по фигурке. Яна закрепила косы двумя гофрированными белыми бантами. Нина туго перетянула талию лаковым ремешком. Варька начистила медные пуговицы на зелёной блузке. Ира пришла с блокнотом и смотрела по сторонам в надежде найти вождя внука Жукова.

На быстрые танцы выходили все. Танцплощадка оживилась ребятами. Вожатые наблюдали за ними со стороны.

Но вот включили медленный танец. И если первый и второй отряды приглашали девчонок, то младшие стеснялись. «Бригантина» разделилась. Парнишки беседовали, обсуждая предстоящий Смотри строя и песни. А девочки делали вид, что это их не касается и временами бросали на ребят рассеянно-блуждающие взгляды.

Варька, осмелев, нашла среди парней Саира. Он почувствовал взгляд, но гордо отвернулся. Та виновато опустила глаза. Дети нравились друг другу. Но после того как Саира выставили при всех вон, теперь сам он ни за что бы не подошёл к Варьке. А девочкам первыми на танцах подходить было не положено.

Вожатый Саша шепнул на ухо командиру отряда Славке Бочкарёву:

– Девчонки нарядились. А вы, оболтусы, почему тут столпились, как бараны? Живо девчонок приглашать! Петька! Димка! Вперёд!

Пионеры преодолели танцующий зал и предстали почему-то перед одной девочкой... Варькой.

– Можно?

– Вас можно?

– Разрешите пригласить...

Одновременно сказали они.

Варька покраснела до пунцовости. Мельком бросила взгляд на Саира и неуверенно произнесла:

– Я не танцую!

Ребята не растерялись.

Славка тут же протянул руку Ирине. Димка ангажировал Яну, а Петьке досталась Оля.

Неля спросила:

– Ты что? Белены объелась?

– Да она просто в Саира влюбилась. Не видно, что ли? Глазами его уже всего съела! – сморозила наблюдательная Егине, которой этот мальчик тоже сильно нравился.

– Я? – удивилась Варька.

– Ты! – вызывающе ответила Егине.

– Девочки, не говорите глупости, – выручила Варьку вожатая отряда, – влюбляются, чтобы семью создавать, как функциональную ячейку общества для воспитания детей. А в лагере может быть только пионерская дружба!

– А ты разве не влюбилась в Сашку? – дерзила обычно тихая и покорная Егине, нервно поправляя кружевной воротник.

– Конечно, нет. У меня есть жених. У него – невеста, – отрезала Таша.

На ту беду Сашка подошёл и пригласил её на танец.

– Я не танцую, – пришлось отказать Таше.

Сашка демонстративно поклонился и неожиданно предложил руку оказавшейся рядом Камфоре. Та благодарно поклонилась в ответ.

Пионеров эта ситуация повеселила.

– А со мной пойдёшь танцевать? – беззлобно спросил Варьку Паша Лодкин.

– Пошли, – согласилась девочка.

Держа его на «пионерском расстоянии», она старалась не глядеть никуда, даже на партнёра по танцу.

– Я вижу, ты первый раз в этом лагере, – улыбался Пашка, – а я всё время здесь болтаюсь. Самое лучшее здесь – костёр. Картошку можно потом печь на углях. И тарзанка у реки есть. Хочешь, покажу?

Варька решительно не понимала, почему такой ажиотаж из-за неё, не из-за начищенных же пуговиц, в самом деле...

– Никогда не видела тарзанку, – честно ответила она.

Танец завершился. Дети поклонились друг другу. Пашка под завистливые взгляды проводил девочку на место. Но на следующий танец он пригласил уже другую девочку. А потом другую.

– Почему ты приглашаешь всё время разных? – без предисловия в конце мероприятия подошёл к нему Саир.

– Девчонкам скучно. Посмотри, как они стараются быть нарядными. Я их всех и развлекаю.

– Шефская помощь?

– Личное поручение Бармы.

– Ясно.

И вот наступило долгожданное утро смотра строевых навыков отрядов. Ради такого события даже приехала из Москвы комиссия, изучающая воспитательную работу. Солнце, как по заказу, разогнало на небе все до последнего облака! Пионеры предстали на общей торжественной линейке ярко и дружно.

«Раньше думай о Родине, а потом о себе!...» – пел репродуктор. Пионеры подпевали.

Барма представил членов жюри, московских гостей и дал «добро» на открытие смотра. Начиная первый отряд, который блестяще отчеканил шаг. «Москвичи» так исполнили песни, что все члены жюри и приехавшая из Москвы комиссия восторженно аплодировали.

Лагерь шумно старался поддерживать каждый своих. Ведь многие из первого отряда занимались с подшефными на разных дополнительных занятиях в кружках юннатов или иностранных языков, истории или резьбы.

Только за артистичность баллы были выставлены не самые высокие.

Вторыми выступали «Черти». Они измазали лица углём, прицепили к резинкам рожки из пенопласта и хвосты из ремней. Исполнили мастерски несколько великолепных песен. Однако баллы были снижены за «отсутствие общей концепции», даже несмотря на «барабанщика». Но за креатив «Черти» набрали много пятёрок.

Спортивный отряд показал несколько пирамид под команды «Делай раз! Делай два! Делай три!». Спортивные номера, вставленные в общий марш.

– У спортсменов каждую смену одно и то же, – вздохнул старший пионервожатый и по совместительству оператор, – никакой новизны...

Зато «новизна» отряда «Хиппи» педагогов просто возмутила. Танцевальная группа явилась на смотр в брюках клёш, с порезанными махрами майками, с «фенечками» американских индейцев на руках. Они пели песню из мультфильма «Бременские музыканты» «Весь мир у нас в руках, мы с разных континентов...» и показали великолепную пластику. Этери извивалась в немыслимых дёрганных конвульсиях современного танца.

– А вы знаете, что лозунг хиппи «Секс вместо войны!»? – тихо спросила Камфора.

– Возмутительно! – так же тихо ответила Морковья Щавельевна.

2-2-3-2 – выставляли по очереди оценки педагоги.

Настроение выступающих упало. Несколько отрядов с достаточно рядовыми речёвками и патристическими песнями уже никого не обрадовали, не удивили.

– Не отчаивайтесь! – бодро скомандовал Саша. Вместо обычной формы вожатых на нём и на Таше красовались тельняшки. Красные пилотки были украшены аккуратно вырезанным символом – белой Бригантиной на синих волнах.

– Ну! Собрались, – скомандовал Саша.

Лагерь замер.

– Отря-я-яд! – скомандовал Славка Бочкарёв. – К Смотру строя и песни становись!

Пионеры «Бригантины» появились на поле не как все, перестраиваясь из двухшереножного строя в колонну и маршируя от занимаемого места в центр плаца. Они высыпали на поле из-за спин собравшихся, из-за деревьев и кустов. Выстроились дружно в колонну по два.

– Разойдись! – вдруг раздалась команда командира, а сейчас – капитана бригантины.

И от отряда не осталось и следа.

– Кто идёт? – начал речёвку капитан.

– Мы идём! – ответили дружно невидимые членам жюри пионеры восьмого отряда.

– Кто поёт?

– Мы поём!

– В колонну по четыре стройся! Шаго-о-о-м марш!

Словно летучий голландец, бригантина то растворялась миражом, то появлялась на новом месте по одной команде капитана, стоявшего неподвижно, как гранит, перед комиссией посреди плаца.

Кто шагает дружно в ряд? – Пионерский наш отряд!

Будь готов – всегда готов!

Будь здоров – всегда здоров!

Мы ребята молодцы – изыскатели-творцы!

По морям и океанам наши деды и отцы

Пла-а-а-вали, пла-а-а-авали, пла-а-а-вали...

Дети вдруг снова рассыпались и, показывая, как плавают, руками, а потом изображая волны.

– Песню запе-вай!

Негаданно-нечаянно

пришла пора дороги дальней,

давай, дружок, отчаливай,

канат отвязывай причальный...

Дети маршировали синхронно в белоснежных идеальных гольфах. Эффект состоял ещё и в том, что мальчишки надели вместо брюк шорты. А девочки подогнали длину юбок под одну линию. А ещё вместо того, чтобы идти по дорожке вокруг прямоугольного поля, отряд неожиданно остановился в финале песни и, сделав красивый зигзаг два раза направо, оказался лицом к лицу с комиссией прямо по центру площади.

– Разойтись! – скомандовал Славка.

Оба вожатых, казалось, спокойно наблюдают за своим отрядом.

– Бригантина! – последовала следующая команда. – Слева по борту!

Пионеры, появляющиеся неожиданно слева, выставили перед столом почётных гостей берёзовые брёвнышки.

– Справа по борту! – и чурбачки послужили подставками для поделок в виде самых разных парусных кораблей, выполненных пионерами на кружке «Умелые руки».

– Прямо по борту! – раздалась команда.

Саир установил плакат с надписью «БРИГАНТИНА», а сам живо пролистал альбом с мультфильмами «Экран» и «Бригантина».

– Полный вперед! – скомандовал капитан.

Отряд с ловкостью фокусников быстро нарядился в синие с белыми полосками морские воротники, выполненные из гофрированной бумаги, и пошёл короткими шагами прямо на трибуну.

Надоело говорить и спорить
и любить усталые глаза,
в флебустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса,

– уверенно начала солистка Яна Скок.

Пионеры нежно подтянули за ней романтическую песню. А в это время, растянув по всей длине ткань, одетые в простые белые платья, девочки отряда изображали волны.

Песня звучала всё громче и уверенней.

Пьём за яростных, за непокорных,
за презревших грошевой уют,
вьётся по ветру «Весёлый Роджер»,
люди Флинта песенку поют...

Отряд приближался. И, почти дойдя до педагогов, его ряды стали расходиться. Посередине строя Петька Скуратов и Димка Иванов медленно поднимали на подставке Девочку-Мечту с гигантской хрупкой и филигранной бригантиной в высоко поднятых руках.

Оля сильно заволновалась. Даже руки задрожали. По её плечам спадали светлые длинные вьющиеся волосы. Глаза сияли от счастья. Утренний ветерок развеивал лёгкое, длинное до пят платье, составленное из множества белых, синих и голубых платков.

И в беде, и в радости, и в горе
только чуточку прищурь глаза,
ты увидишь, в дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...

– пел отряд.

Прекрасную деву аккуратно опустили перед поющим и в такт марширующим пионерским отрядом. Она грациозно сошла на траву и поставила на стол жюри съедобный результат коллективного творчества – Бригантину с парусами, выполненными из засушенных блинов, которой управлял хлебный капитан.

...ты увидишь, в дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...

– постепенно затихая, словно удаляющееся эхо, окончил выступление отряд.

– Разойдись! – последовала команда.

Жюри ахнуло.

– Строиться!

Через несколько секунд отряд дружно выстроился в две шеренги на положенном месте возле своих вожатых, в стандартной пионерской форме. Даже Оля Яблочкина, быстро освободившись от костюма, предстала в красном галстуке.

Педагоги невольно заплодировали.

Пионеры других отрядов тоже хлопали в ладоши, радуясь блестящему выступлению сверстников.

Этери, делая вид, что приветствует их, сама, однако, поправляла сломанный ноготь. Не ускользнул из её вида и факт, что Серёжа Матвеев глядит на солистку восьмого отряда Яну Скок с восхищением.

На торжественной линейке, посвящённой награждению победителей Смотра строя и песни, Барма больше, чем обычно, акцентировал внимание на то, что «проклятые капиталисты не дремлют», что «враги» пытаются подорвать нашу идеологию, поэтому мы все должны быть дружными, как восьмой отряд, сплочёнными, как восьмой отряд, смекалистыми и изобретательными, как восьмой отряд... Что, «несмотря на происки империализма и международной реакции», нам удаётся сохранять свои передовые позиции в сельском хозяйстве и в космосе...

– Интересно, где же этот внук Жукова?.. – разглядывала пионеров Ира.

Варька, которая находилась рядом с подругой, спросила:

– Может, это Матвеев?

– Стал бы он рядиться в чёрта... – отрицательно покачала головой Ира.

Тем временем Барма стал вызывать по очереди пионеров из восьмого отряда для получения почётных грамот.

Однако все ждали, кого же вызовут для торжественного спуска флага.

– Дружина! Равняйся! Смирно! В этот знаменательный день отличился восьмой отряд. И мы приняли решение поручить честь спуска знамени дружины не вожатому отряда, не тому, кто приготовил этот замечательный корабль, не капитану и даже не девочке, великолепно исполнившей роль романтической мечты! Хотя все вы, конечно, заслуживаете сегодня этой чести. Но вот тут от коллег поступило предложение, пополнить пионерские ряды. Итак. Для почётного спуска знамени дружины приглашается Саир Альбадин из восьмого отряда.

Мальчик вышел, так же, как многие делали это до него. С трепетом подошёл к директору лагеря.

– Будь готов! – громко возвестил пионерский клич директор лагеря.

– Всегда готов! – отсалютовал Саир.

На его грудь приколоты пионерский значок. Повязали красный шёлковый галстук.

– В ознаменование успешного окончания дня, посвящённого Смотру строя и песни, флаг спустить!

Саир, от переизбытка чувств, вдохнул поглубже и стал перемещать руками тросик с закреплённым красным стягом.

Палочки в ловких руках бойко выбивали барабанную дробь. Горнист, как всегда, чисто и звонко сопровождал спуск флага, усиливая торжественность действия.

Пионеры аплодировали.

Но Саира волновало лишь одно поздравление. Варьки. И он получил её восхищённый взгляд, радостно вспыхнувший среди множества восхищённо вспыхнувших взглядов остальных девочек лагеря.

На следующее утро объявили поход к реке с ночёвкой и долгожданный пионерский костёр. Вожатые в столовой получали паёк и картошку для запекания. Откуда-то появились военного цвета рюкзаки, свёрнутые надувные матрасы и брезентовые палатки.

Суэта коснулась всех. Мальчишки бегали в поисках пакетов для грибов и крючков для рыбалки. Девчонки прихватили с собой в поход песенники, на случай, если услышат хорошие песни и захочется записать слова.

Радовало, что всё сегодня по-взрослому, потому что тихий час отменили даже для младших отрядов. Наконец, выстроившись вереницею, в путь вышел первый отряд. За ним – второй, третий...

Варька несла небольшой рюкзачок, но уже через сто шагов он показался ей тяжёлым. «Как же мальчишки тащат на себе такие тяжести?» – думала она, но пока крепилась.

– Всё, я больше не могу идти! – заявила Неля. Скинула рюкзак.

Его тут же подхватил вожатый:

– А идти придётся, – строго сказал Саша.

– А я не хочу.

– Никто не спрашивает! – резко подтолкнула её идущая сзади Ира.

Растянувшаяся на тропинке шеренга воспринимала поход по-разному. Большинство ребяташек всё-таки радовались, попав в лес, наслаждаясь птичьим пением, августовским солнечным днём, запахами вызревшей пижмы, зверобоя и дикого клевера.

Лбы мальчишек вспотели. Им достались более тяжёлые рюкзаки.

У Сашки поклажа самая большая. Да ещё рюкзак Нельки в руках...

Неля, почувствовав на себе косые взгляды пионеров, засовестилась и забрала рюкзак обратно.

Когда дошли до реки, погода испортилась. Заморосил дождик.

– Все за хворостом! – скомандовал Сашка.

Пионеры быстро натаскали веточек и старой коры для розжига. Заиграл весело огонь.

А Саир раздобыл диких яблок.

– Где ты их всё время находишь? – дивился Славка.

Таша обучала школьников устанавливать палатки. Прибивать колышки. Организовывать внутреннее убранство будущего ночлега.

Площадка для пионерского костра была давно подготовлена. Здесь даже траву косить не пришлось.

В дополнение к каше пионерам раздали банки с тушёнкой. Выдали хлеб, огурцы и зелёный лук. А после обеда отряд «рассыпался» в поисках грибов.

Рыбаки пытались что-то поймать в реке или группировались у костров, своего для каждого отряда. Но был ещё один, самый большой, общий, куда из лагеря привезли доски от старого забора.

– У-у-у! – разочарованно произнесла Ира. – Доски... я думала, настоящий костёр будет...

Дождь то успокаивался, то пускался вновь, барабаня по зелёным брезентовым палаткам.

Но пионеры не унывали. Спортивный отряд порадовал богатым уловом. Рыбы попало достаточно для вечерней ухи. Грибов восьмого отряда хватило бы ещё и для грибного супа. Пищу готовили в эмалированных вёдрах на костре. Это очень романтично. Поэтому от походной кухни отказались заранее.

Облака рассеялись к закату. Тут же стали загораться отрядные костры. Девчонки намыли в реке картошки и просушили на траве у костров, готовясь к традиционному действу.

Зазвучали песни. И первым услышали, как всегда, старший отряд:

Я теперь вспоминаю, как песню,
пионерии первый отряд,
вижу снова рабочую Пресню
и знакомые лица ребят.
Красный галстук из скромного ситца,
первый сбор, первый клич: «Будь готов!»,
в синем небе я вижу зарницы
золотых пионерских костров...

Лагерь дружно подхватил:

Ты спой мне, как бывало, отрядный запевала,
а я её тихонько подхватчу.
И молоды мы снова, и к подвигу готовы,
и нам любое дело по плечу...

Языки пламени быстро хватили сухие веточки и кору деревьев. Вспыхивали, сгущая лесные тени и концентрируя внимание на излучаемом движущемся воздухе над костром.

Дети пели. Пели вожатые. Пел даже Барма, директор лагеря.

Ирина незаметно ходила от костра к костру, пристраивалась к группам, «беря на карандаш» что-то новое. Искала своего Жукова. Не находя, возвращалась обратно.

На небе ярко проявились звёзды.

– Ой! Млечный Путь, – мечтательно запрокинула голову к небу Варька, – какой яркий! В Москве не такой!

– А это что за звезда? – показала Оля на созвездие Лебедя.

– Денеб. Это хвост лебедя, – уверенно ответил бывший десантник, а вон крылья...

Сашка развёл руки в стороны, изображая летящую птицу.

Дети удивлённо обнаружили неожиданно глубокое и наполненное светом чёрное звёздное небо совсем рядом с собой. Галактикам не мешали уличные фонари, окна домов. И даже искры костра не могли засветить их величественной красоты.

Прямо на них по Млечному Пути летел и не мог долететь далёкий космический Лебедь. Его крылья раскинулись на полнеба!

– Надо же! – воскликнула Яна. – Ты созвездия такие знаешь, а я только ковш Большой Медведицы... вон он...

– Саш, а как ты звёзды различаешь? – спросила Варька.

– Ну вот, смотрите на свой ковш. Это Большая Медведица. Две крайние звезды ковша указывают направление на Полярную звезду. А вон ковш поменьше, и в обратную сторону. Это Малая Медведица.

Отряд «Бригантина» быстро собрался возле вожатого, чтобы запомнить, где и как расположены звёзды.

– А тот ряд звёзд меж Малой и Большой Медведицами – это созвездие Дракона.

– Такой длинный драко-о-о-н!

– Ага!

– А рядом с Кассиопеей – видите? – Цефей.

– Ой! Звезда летит! – воскликнула Неля.

– Это спутник! – засмеялись дети.

– А это уже звезда. Осенние персеиды и лириды.

– Надо желание загадать, – тихо и мечтательно сказала Таша.

– У меня всегда одно желание, чтоб всё было хорошо! – отозвался Саша.

– А я хочу Весы увидеть. Где они? Это моё созвездие.

– Весы сейчас не видны. Август. Почти осень. Это значит, скоро Солнце будет в Весах. Значит, они где-то там, – показал Саша в землю, – ведь планета круглая. И мы не увидим Южной Короны. А Северная Корона – вон она!

– Ой! Точно, корона! – воскликнула Варька.

– И рядом с ней Арктур! – продолжал Саша. – А навстречу Лебедю, смотрите сюда, летит созвездие Орла. Видите, вон голова. А там крылья.

– Какая яркая звезда! – замороженно глядели дети на голову созвездия Орла.

– Да. Многие звёзды или очень старые, или слишком молодые. Они бывают красные, жёлтые или голубые. А эта звезда белая.

– Белая? – переспросил Саир.

– Да. Это Альтаир. Белая звезда, она находится сравнительно рядом с нами и всего-то раза в полтора больше Солнца!

– А что значит Альтаир? – спросила Таша, точно околдованная видением.

– Не знаю... я же не всё знаю о звёздах, – вожатый пожал плечами. – Ал, наверное, Бог.

– Таир, это наш Саир! – пыталась понять сама и объяснить другим Варька. – Потому что его имя звучит по-английски «Таег», а по-немецки «Das Feuer». Если Ал – это Бог, значит Аль Таир – это Божественный огонь!

Саир благодарно ответил на её взгляд.

– Или Бог огня, – попыталась привлечь его внимание Егине, но чёрные глаза Саира ярко блестели среди ночи только для Варьки.

– Саир! Тебе повезло! В честь тебя звезду назвали! – воскликнула Ира. – Клёво!

– Ну вот, теперь совсем будет не страшно, – засмеялась Таша, хлопая в ладони, – у нас есть собственный Бог огня!

– И костёр наш будет самым высоким! Ура! – воскликнул Славка Бочкарёв.

Дети воодушевились.

Но оказалось, что костёр их был как у всех остальных, не считая, конечно, общего.

Песни пели допоздна, пока силы не заканчивались. Некоторые, особенно уставшие, уже отдыхали в палатках, как, например, Неля и Оля. Они совсем не умели петь.

А Яна пела лучше всех. И ей стало скучно со сверстниками. Незаметно она перебралась ко

второму отряду «Чертей», где весело играл на гитаре Серёжа Матвеев, посматривая на Яну. И та охотно подхватила его песни, удивляя ребят своим высоким, крепким не по возрасту голосом.

А Варька всё старалась вспомнить слова песни со словом «Альтаир». Память возвращала их не сразу, а по одному или по два слова. Где-то, не то по радио, не то на концертах, она слышала её – песню, что вертелась на языке. Потом память вернула сочетание «Звезда Альтаир». Немного напрягаясь, она прошептала ещё: «Звездопад, звездопад...» И снова вакуум. И только когда одновременно вдруг смолкли сразу все пионеры у других костров, что случалось крайне редко, в душе заиграла мелодия Александры Пахмутовой. Нет. Девочка боялась солировать. Она никогда этого не делала. Но подходил её черед исполнить песню у костра. Отключив слух совсем усилием воли, Варька стала шептать ещё и ещё раз, пока не вспомнила полностью слова песни.

Таша спросила ее:

– А ты, Варенька, что-нибудь нам исполнишь?

Пионеры восьмого отряда притихли, Варя неуверенно сказала:

– Ну, если только вы меня поддержите. Я не уверена, что помню все слова.

И запела:

С неба лиловые падают звёзды,
даже желанье придумать не просто.
На небосклоне привычных квартир
пусть загорится звезда Альтаир.

Дети тут же поддержали хором:

Звездопад, звездопад...
Это к счастью, друзья говорят...
Мы оставим на память в палатках
эту песню для новых орлят.

Да. Не все знали слова песни. Но, повторяя припев, его тут же запоминали и старались потом спеть самостоятельно.

Больше всех старался Саир. Он понимал, что Варька эту песню выводит именно для него, в честь него и во имя него, хоть и не обладает особенными музыкальными данными. Но это было ещё ценнее!

Неожиданно в пение вступил сам вожатый Саша и солировал:

Пусть перед нами дороги земные,
слышим мы дальних миров позывные.
Юность и песню, и крылья дала
тем, кто поверил в созвездье Орла!

Дети пели вдохновенно и трогательно. Даже Барма обратил на них внимание и незаметно подошёл греться у костра отряда «Бригантина».

В ночной тишине трещали цикады. Появлялись и исчезали привидениями летучие мыши. Иногда подходил делать видеосъёмку оператор.

– Как бесконечные звёздные дали, – всё громче и увереннее дивно пела Варька с сияющими глазами, – Мы бы на яркость людей проверяли. / Прав лишь горящий, презревший покой, / к людям летящий яркой звездой...

Необыкновенный волшебный вечер завершился.

Пионеры подтаскивали к остывающим углям картошку.

Ирина вслед за Яной тоже оказалась в это время возле Матвеева, который после пения патристических песен перешёл на дворовые. Тут уж отличилась Этери.

Вместе с ним она покачивалась в такт и пела уж совсем что-то непотребное.

– Не хочу жить в России, а хочу в США, никто не работает там никогда, железобетон и там и тут. Нью-Йорк тот город в Штатах зовут.

– А ты всё вкалывай-вкалывай, шуруй, шуруй, начальству премию, рабочему... нуль...

Яна демонстративно ушла.

Ирина записывала слова необычной песенки:

– Куда идёшь? Иду к врачу! Чего несёшь! Несу мочу! Зачем моча твоя врачу? А я работать не хочу... а ты всё вкалывай-вкалывай, шуруй-шуруй...

Песни про барабанщика Этери не хотела петь. И стала выкрикивать странные лозунги:

– Спасибо партии родной, теперь не пьём мы в выходной, благодаря её заботе мы хлещем водку на работе...

Мальчишки раздухарились. И отвечали по-разному. Например, так:

– Хорошо, что Ю. Гагарин не еврей и не татарин. Не какой-нибудь чучмек. А наш советский человек!

Ира вернулась к своему костру весьма озадаченная. Жукова она так и не нашла.

Картошины из углей вытаскивали приготовленными палочками. Ей тоже досталось лакомство. У своего отряда было просто, понятно и весело.

Яна Скок звонко пела, и ей подпевали остальные:

– Ах ты, милая картошка-тошка-тошка-тошка, пионеров идеал! Ал! Ал! тот не знает наслаждения-дня-дня-дня, кто картошки не едал! Дал! Дал!

Командир отряда Славка Бочкарёв, перепачкавшийся в саже, дул на печёную картошку для Яны и подпевал громче всех. Петька Скуратов и Димка Иванов особым музыкальным слухом не отличались, но как не поддержать пионерскую песню, и они, выгребая остатки из остывающих углей, подтягивали «кто в лес кто по дрова»:

– Наши бедные желудки-лудки-лудки-лудки были вечно голодны! Ны! Ны! И считали мы минутки-нутки-нутки-нутки до обеденной поры! Ры! Ры!

А потом всех сморил сон.

С неба падали звёзды. Пролетали один за другим спутники. Ухали совы.

К утру пала роса. Горнист затрубил побудку. Ребята отправились дружно к реке умываться.

– Дай понесу, – предложил Саир взять на себя Варькин груз, понимая, что от росы обувь тяжелеет и девочке идти трудно.

– Сама справлюсь. Не маленькая, – отказалась Варька.

Впрочем, дорога к лагерю показалась вдвое короче. Занятия в кружках на этот день отменили. В лагере поселилась какая-то тревога. Вожатых срочно вызвали в главный корпус к директору. Более того, удивил приказ собрать у всех девочек песенники и принести на совет дружины.

Тихий час прошёл без сна. Дети шептались, не понимая, что происходит. После полдника объявили общее построение.

Барма с побагровевшим лицом наблюдал, как пионеры строятся внизу под его трибуной.

– Что происходит? – начал он своё обращение нестандартно. – Что происходит в лагере, я вас спрашиваю? Что это такое? «Хочу жить в США»? Кто это писал?

Директор тряс рабочим блокнотом Иры Старцевой.

– Девочки! Не выдавайте меня!!! – шепнула побелевшая Ира. – Он его у костра нашёл!

– Будем в молчанку играть? – лютовал Барма. – Нет! Вы посмотрите на них. Хороши! Их родители весь год трудятся на благо Родины, зарабатывая летний отдых для этих оболтусов. А они вражескую агитацию разводят!

За директором старший пионервожатый доложил, что у всех девочек песенники подписаны, в этих «документах» не найдено ничего подобного, значит, блокнот принадлежит мальчику. Из всех тайн он выяснил, что под загнутыми уголками с пометкой «Мне нравится»... треть лагеря написало имя гитариста, треть – вожатого восьмого отряда, треть – киношной звезды... Но это к делу не относилось.

Этери глядела исподлобья, боясь «подставы» с любой стороны. Ведь Матвеев на пионерском костре пел блатные песни по её инициативе.

– Раздайте обратно песенники, – чуть смягчился Барма, листая непонятный набор странных записок Иры. – Ну, раз вы все так настойчиво не хотите выдавать врага, который считает, что «не работать» – основная задача человечества, значит, все и будете наказаны. Ведь если вас не наказать, вы и далее будете внимать американской пропаганде, направленной на растление ваших душ...

Над пионерской линейкой зависло тягостное молчание, пока Барма читал слова:

– «Спасибо партии родной, теперь не пьём мы в выходной, благодаря её заботе мы хлещем водку

на работе...» Нет. Вы видели хоть одного нетрезвого преподавателя в лагере «Экран»? Возмущения моему нет предела! «...зачем моча твоя врачу... а я работать не хочу...» Я считаю и уверен, вожатые меня поддержат, на завтра меняем меню, – неожиданно заявил он, – и на ужин будут не макароны по-флотски!

– У! Бармалей! – буркнула под нос Этери.

– Нет! Завтра вечером, – грозно кричал Барма, сделавшись краснее помидора, – будет картофельное пюре! И чтобы его сделать, вы все от мала до велика вместо кружка «Умелые руки» пойдёте... НА ПОЛЯ! К колхозникам! Собирать картошку! А сегодня и танцы, и кино отменяются! И никаких настольных теннисов! Ни-Че-Го!

Дети понуро стояли. Все знали, кто под гитару пел вчера на костре блатные песни. Но не хотели выдавать товарища. Ведь никто не сделал ему замечание, а значит, стал сообщником.

Не видя реакции, директор усилил наказание:

– А после уборки картошки вы будете вместо тихого часа драить полы, мыть с мылом туалеты, подметать аллею пионеров и чистить картошку! Всем ясно? По отрядам разойтись!

Восьмой отряд собрался на веранде у мальчиков в полном составе. Все знали, чей это блокнот. Знали и вожатые.

– Спасибо, ребят, – поблагодарила Ира, – я ж случайно записала просто вчера.

– Да понятно, – угрюмо ответил за всех Саша.

– Там в блокноте... много полезного... Даже не знаю, как это теперь восстанавливать.

– Если сознаешься, что это твои художества, родителям на работе достанется. Тебе это надо? – серьёзно спросила Таша.

– Мне заметки делать для «Пионерки», «Учительской» и «Знамя коммунизма»... ребят, выручайте... а?

– Копию за сколько часов снять сможешь? – задал неожиданный вопрос Славка.

– За час управлюсь!

– Са-а-аш? – посмотрели пионеры на вожатого с просьбой... – Саш, для дела ведь надо... Она не шпионка. Просто так получилось.

Десантник был просто обязан не подвести отряд, доверивший ему деликатное задание. Он знал, что двери во все общежития и служебные корпуса не запирались. Дождавшись, что Барма оставит блокнот у себя в кабинете и выйдет проверять столовую по обычному расписанию, вожатый незаметно проскользнул в кабинет, взял записки Иры и тут же передал Славке. Сам же увлёк Барму неожиданным потоком предложений по организации кружка астрономии.

Директор всё это выслушивал с нескрываемым интересом, особенно когда речь зашла о созвездии Орла и звезде Альтаир. Даже в столовую на пробу не дошёл.

Но потом, точно что-то учуяв, резко сказал:

– Нет. На дополнительные кружки бюджет нам не утвердят. Хотя заманчиво. Заманчиво...

За корпусом показался Славка, он махнул условно рукой. Это означало, что блокнот на месте.

– Ну что ж, нет так нет, – тут же завершил разговор Саша и вернулся к отряду.

С тех пор его группа стала еще сплочённой.

После ужина Яна Скок мыла руки и вдруг поняла, что её со всех сторон окружили девочки танцевального отряда.

С другой стороны ряда умывальников наблюдал зацепление девчонок Саир, не понимая, ругаются они или просто разговаривают.

Вперёд вышла Этери:

– Что у тебя с Матвеевым?

– Ничего, – удивилась Яна.

– Тогда почему ты ведёшь себя с ним, как проститутка?

Грубое слово резануло ухо. Яна испуганно обернулась по сторонам.

На её счастье, рядом с ней будто из-под земли выросла Варька:

– Проститутки это те, кто за деньги, – резко вступила девочка в неравный бой. И загордила собой подругу.

– Тогда шлюха! – продолжала нарываться на драку Этери.

Её восточные карие глаза зло сверкали. Крупный нос покрылся испариной. Рот оскалился ши-

роким рядом красивых ровных зубов. Крупная и почти уже совсем взрослая, она свирепо и злобно уставилась на обладательницу ангельского голоса.

– Шлюха – это та, кто со всеми! – загородила собою Яну Варька, как ценность отряда, как солистку, как необходимую редкость и гордость, которую не собиралась давать в обиду.

– Скок-поскок, скок-поскок, шустрый маленький зверёк... – стала передёргивать Этери фамилию Яны.

– Прекрати сейчас же дразниться! Это не по-товарищески!

– Что??? – засмеялись танцовщицы.

– Не по-пионерски!

– Ой! Держите меня. Тут одна идейная дура сейчас звезды получит полные трусы!

Варька и Яна приготовились встретить неравный бой.

– Спасибо партии родной, говоришь? – невозмутимо держалась Варька. – Ну-ну!

Этери дрогнула и сделала шаг назад:

– Поклянись, что у тебя с ним ничего!

– Сдался он мне сто лет! – возмутилась Яна.

– Ну, смотри, приблизишься к Серёге хоть на шаг – патлы вырву! Пошли, девчонки!

Группа удалилась. Саир выдохнул спокойно. Всё это время он стоял, сжимая кулаки.

Расписание следующего дня превратилось на бумаге в Праздник трудового воспитания.

Решительно отказалась повиноваться одна Неля. Она написала заявление, что покидает лагерь. Позвонили родителям. Но никто не остался её провожать.

Барма договорился с подшефным колхозом о сборе картофеля ещё в прошлом месяце.

Пионеры, так или иначе, всё равно бы оказались на сельскохозяйственных полях. Просто без скандала и нервов воспитателей.

После завтрака всем выделили рукавицы и мешки. Накануне колхозники уже скопили картофельную ботву и картофелеуборочным комбайном вырыли и отделили картофель от ботвы. Пионерам оставалось только собрать его в мешки. Вожатые грузили эти мешки в кузов машины, следовавшей сзади. Горнист тоже находился на полях. И лишь подошло время, дал команду построения.

Для пионеров подготовили душевые, передвинув банные процедуры на сутки вперёд.

Выдали новое постельное бельё, земляничное ароматное мыло и по несколько тазиков на отряд.

Дети с удовольствием после физической работы мылись и стирались в душевой, торопясь уступить место следующим в очереди.

– Спорнём, – коварно глядела Оля на Варьку, – ты не съешь этот борщ!

Голодная девчонка проглотила бы сейчас не одну тарелку, а несколько. Но Оля сильно хотела пить, как и все дети, и облюбовала любимый абрикосовый компот. Прибежав первой, она всыпала целую солонку соли в Варькин борщ.

– Я бы не стал спорить, – повторил настойчиво Саир.

– Спорим, съем! – не послушалась снова Варька.

– Я бы не стал... – настаивал мальчик.

– На что спорим? На компот?! – не обращала на него внимания Оля. – Разбейте нас, ребята!

И только Варька попыталась скушать первую ложку, как соль отвратительно застряла у неё в горле.

– Тьфу! Гадость! Ты зачем туда соли насыпала? – удивилась Варька со слезами на глазах.

– Проспорила! Проспорила! – обрадовалась Оля, подвигая к своей тарелке вожделенный компот.

Варька, покорно вздохнув, принялась уплетать тушёную капусту.

Саир не выдержал. Он взял свой компот, подошёл к столу девочек. Варька отрицательно качала головой. Но он и не собирался отдавать ей своё третье блюдо.

– На! Подавись! – резко поставил он компот перед Олей.

Славка встал и сделал то же самое. За ним Димка и Петька поставили компоты перед Олей, хотя компот ребята в лагере любили больше всего. Через минуту весь стол перед Олей был в стаканах.

– Что происходит? – заметила необычное поведение ребят вожатая Таша.

– Пусть лопнет! – ответил за всех командир отряда Славка. – Варька ей главную роль на смотре отдала, а Яблочкина вместо благодарности ей соли в борщ подсыпала. На спор!

– Ребята! Простите меня! Я больше не буду! – зарыдала артистка. – Честное пионерское, больше не буду! Заберите свои компоты обратно. Варенька! Миленькая! Я же пошутила! На, возьми мой борщ и мой компот!

Привычка ежедневно отдыхать после обеда сделала уборку и чистку картошки настоящей пыткой, да ещё после бани!

Понимая, что между детьми складываются непростые отношения, вожатые помещали их на такие вот «уроки труда» специально подобранными группами. Так, Ирине и Егине досталось мытьё пола в собственном корпусе. Мальчики носили стулья и другую мебель в клуб. Саиру, Варьке и Яне дали по ножкику и усадили чистить глазки у картошки.

Они выбирали из вёдер пропущенную на машине картошку и, выковыривая чёрные кружочки, бросали в ванну. Занятие муторное, однообразное. Руки очень скоро стали водянистыми.

– Саир, – попросила Яна, – а ты напишешь мне пожелание в песенник?

– Зачем? – удивился мальчик, не отрывая глаз от картошки.

– Просто так.

– А просто так, тогда зачем писать?

– Ну... – смутилась Яна, – я когда-нибудь вырасту большая, достану эту тетрадь, увижу твоё пожелание и улыбнусь.

– А что тебе написать?

– А ты нарисуй моё имя, как у тебя получается красиво. Ладно?

– Ладно, – согласился Саир, ожидая, что Варька тоже попросит его проявить талант в своём песеннике.

Но Варька не попросила.

– Саир, – снова начала Яна, – а почему тебя так называли?

– Не знаю. Папа назвал. А мама у меня русская. Её зовут Лена.

Разговор не клеился.

Картошины наполняли ванну.

– Так я за песенником сгоняю? Ты сейчас и нарисуешь?

– Хорошо!

Когда Яна убежала, Варька спросила:

– Можно я тебя о чём-то спрошу?

Саир почему-то заволновался и чуть слышно ответил:

– Спроси!

– Ирина ищет мальчика в лагере, внука Жукова. Он под другой фамилией отдыхает. Ты не знаешь, кто это?

– Знаю.

– Кто?

– ... просил не говорить.

– А-а-а... – обиделась Варька.

– Мужчины не обманывают, – понял её настроение Саир, – а тебе не надо больше спорить. Хорошо?

Варька кивнула.

Яна вернулась не с одним своим, а с песенниками сразу нескольких подруг, встретившихся по пути.

– Вот, рисуй! – разложила она перед Саиром тетради и цветные карандаши.

Ужин с картофельным пюре показался пионерам исключительно вкусным, ведь они принимали в его приготовлении непосредственное участие.

Пошла вторая половина смены. Дни завертелись один за другим. Конкурс КВН сменил военный праздник «Зарница». Отряд «Бригантина», как один из лучших по военно-спортивной подготовке, заработал множество грамот и медалей. Дети с закрытыми глазами научились собирать и разбирать автомат Калашникова, преодолевать по-пластунски «минные поля», прыгать в высоту и в длину ещё выше и дальше. Многие получили значки ГТО.

– Готов к труду и обороне, – гордо отвечали они при вручении.

По устоявшейся традиции, если кто-то из детей знал песню, то, переписав слова, через некоторое время все отряды знали её наизусть.

Впрочем, ничего особенного больше не происходило, если не учитывать того факта, что Серёжа Матвеев пригласил на танец Яну, и она отказала, демонстративно глянув на Этери.

По утрам стало прохладней. Но пионеры продолжали умываться и чистить зубы на улице.

В конце смены детей собрали в кинозале и показали документальные кадры, смонтированные об их жизни.

– Смотри, смотри! – вскакивали дети с мест. – Это наша «Бригантина»! Оля-то, Оля как трясётся, держа торт в руках! Молодец!

– Ух ты! Картошка-тошка-тошка!

Оператор даже оставил на память песню: «С неба лиловые падают звёзды, даже желанье придумать непросто...»

Весь лагерь подпевал:

– На небосклоне привычных квартир пусть загорится звезда Альтаир!

И тут все увидели крупным кадром, как Ирина делает записи в блокноте.

Все обернулись на неё. Рядом с ней уже стоял директор лагеря, ожидая её реакции.

– Журналистка, значит, – подытожил примирительно директор лагеря.

– Нет пока. Но обязательно стану.

– Ну, давай. Не подведи! – похлопал он девочку по плечу и остался рядом до конца просмотра.

– Интересно, кто из них внук Жукова? – спросила Варька у Иры. – Кстати, зачем он тебе?

– Ну, понимаешь, маршал этим летом скончался, и мне заказали статью о его героических потомках, продолжающих традицию отцов!!! Да как его достать?

– Так это была Неля из вашего отряда, – ответил Барма. – Надо было сразу у меня спросить!

– НЕЛЯЯЯ??? – воскликнули обе девочки разом.

Придя в палату после фильма, Варька не нашла песенника. А она-то ещё надеясь получить единственное недостающее пожелание друга Саира! Сильно расстроившись, девочка собрала вещи. Уложила в чемодан несколько трофеев – грамоты, значки, поделки из меха, соломки, резьбы по дереву. Лучшее всего получился белый медвежонок с голубыми глазами, который мог уместиться в столовую ложку. Ей, конечно, хотелось похвастаться перед родителями столь удачной поделкой. Но она решила подарить её на память Саиру.

А на следующий день горнист протрубил завершающий подъём. Детей покормили лучше обычного. Дали с собой каждому в дорогу сухие пайки.

Подъехали знакомые жёлтые автобусы. Вожатые распределяли по спискам ребят по машинам.

– Можно я сяду с тобой? – спросил Саир у Варьки.

– Садись, – обрадовалась она и достала из кармана приготовленный подарок.

– Глаза голубые, – мягко сказал мальчик, – как твои...

– Ты дашь мне свой адрес? – спросила Варька.

– Нет. Не могу.

– Почему?

– Потому.

Варька обиделась.

– Не сердись, – рассудительно сказал Саир и положил ей на колени знакомую тетрадь, куда девочка всю смену записывала слова понравившихся песен.

Она открыла его и увидела своё имя. На следующей странице тоже было её имя... и на следующей... Всё до последней страницы было разрисовано великолепной старательной вязью.

– Листай. Это мультик, – сказал Саир.

Варька отпустила страницы, чтобы быстро перелистывались.

В песеннике слово «ВАРЬКА» при пролистывании переливалось всеми цветами рассвета, блистало рассыпающимися звёздами, вспыхивало и плыло в волнах, превратившись в конце в великолепный парусник, имя «БРИГАНТИНА», в слово «ЭКРАН 1974» и снова завершилось именем «ВАРЬКА».

– Вот это да! – восхищённо произнесла девочка.

Автобус тронулся вслед за вереницей остальных.

Оба вожатых завели отрядные песни. Песен оказалось больше, чем длина дороги. Очутившись на площади, где их провожали три недели назад, дети высыпали скачущим по земле горохом к встречающим родителям, восторженно рассказывая что-то.

Её чемодан нашёлся сразу, и чемодан Саира тоже.

И вдруг все на минутку оторопели, наблюдая не совсем обычную картинку.

Чёрный отполированный до блеска лимузин ЗиЛ с номерами посольства Сирии преодолел с лёгкостью бордюр. Из него вышел водитель и мужчина в тёмном костюме нездешнего покроя, направившийся в сторону восьмого автобуса. В нём чувствовалась уверенность и редкая интеллигентность. Мягкие уголки его чёрных глаз показались Варьке знакомыми.

Водитель отворил дверцу:

– Госпожа Альбадин...

Из машины появилась редкой красоты женщина.

– Мама! – закричал Саир.

Родители, к которым побежал мальчик, с восторгом смотрели на сына, принимая в свои объятия.

– Тебя приняли в пионеры? – смеялся отец, идеальной улыбкой освещая округу.

Он бы дал фору всем артистам на «Мосфильме»! Пионеры, их слегка уставшие после смены вожатые и даже администрация лагеря заворочно переводили взгляд то на Саира, то на лимузин, то на его блистательных родителей.

– Да! Я выучил много песен! И узнал, что Денеб – это хвост Лебеда, а белая звезда Альтаир – голова Орла! А ещё я научился рисовать мультики!..

Чёрный лимузин скрылся за поворотом. Саир пытался оглянуться, чтобы ещё раз увидеть всех, с кем успел подружиться в русском пионерском лагере «Экран», он знал – осенью его ждала родная страна. Далеко не лесная прохлада, а жара песков. Но через тонированные стёкла посольской машины трудно было что-либо разглядеть.

– Я, например, больше всего любила компот из сухофруктов! А тебе? Что тебе больше всего понравилось в лагере? – спрашивала мама.

С ладони мальчика улыбался крохотный белый медвежонок голубыми пуговками глаз.

– Варька, – грустно сказал сын.

– Что есть «варь-кя»? – переспросил водитель-араб.

– Это самая лучшая девочка на свете, – с достоинством ответил Саир.

В эту секунду Варька, мгновенно поняв, почему мальчик не дал ей своего адреса, тоже увидела своих маму и папу и кинулась им навстречу, пытаясь заглушить встречей горечь неизбежного расставания. Но у неё плохо получалось. Из глаз брызнули слезинки.

– Почему ты плачешь? Тебя обидели? – встревожилась мама.

– Тебе было плохо в лагере? – пытался понять мысли дочурки отец.

Это было так же сложно, как увидеть звезду и вспомнить песню.

– Нет-нет! – возразила Варька. – Всё наоборот! Я плачу, потому что мне там было очень, очень хорошо!

Проза

Елена Дубровина

Елена Дубровина – окончила филологический факультет Воронежского государственного университета и экономический факультет Института менеджмента, маркетинга и финансов. Работает специалистом-экспертом в Федеральной службе государственной статистики. Автор романа «Туда, где рождается Солнце», сборников рассказов: «Пшеничное сердце», «Бабушка-Вуду», «Я тут», её рассказы вошли в сборник российских авторов «Покатилось жизни колесо» и др. Публиковалась в литературных журналах: «Берега», «Подъём», «Молоко», «Роман-газета», «Наследник», «Полдень, XXI век», «Суждения», в альманахе «Полдень» и др. Финалист VI Международного литературного фестиваля «Славянская лира – 2019» в номинации «Малая проза. Свободная тематика». Работала в составе жюри городских и региональных конкурсов чтецов: «Живая классика», «Откроем для себя Исаевские строки», «Я научила женщин говорить» и др. Выступала инициатором и организатором литературных конкурсов для школьников. Организатор благотворительного проекта для детей-сирот и детей-инвалидов «Лука и лучики».

Цвет безобразия

Рассказ

Печально вздохнув, нехотя оглянулся, чтобы ещё раз попрощаться... Это я задумался, а потому вышел из троллейбуса на остановке «Политехнический институт» – машинально, как делал тысячи тысяч раз на протяжении многих и многих лет. Делал буднично и равнодушно, полагая: так будет всегда. Что ж, подойти к Дворцу культуры имени Коминтерна не решился, а может, просто не захотел, ведь его некогда величественный вид теперь меня сильно удручал. Поглумилась над ним потребительская современность: куда-то исчез роскошный чугунный забор, который с десятков лет прятали аляпистые плакаты с коммерческими агитациями – унылыми порождениями перестройки; в правый бок вгрызлась двухэтажная пластиковая химера, в которой расположился банк. Глядя на это нелепое строение, диву даюсь: неужели бывают столь бездарные архитекторы, которые только и способны на то, чтобы портить, а не дополнять, уродовать, а не созидать, загромаждать, а не вписывать, халтурить, а не возводить?.. Прежде на этом месте располагался грязный рынок с разнопёрыми палатками и безликой толпой – вся эта мазня на палитре улицы превращалась в безобразный цвет, образуя нечто лишнее. Но я никогда не думал, что это самое нечто сформируется в сооружение, вырастет над рынком и устремится безуспешно соперничать с усадьбой культуры в стиле сталинского неоклассицизма... Цепкой болью отозвалась и рекламная насмешка, состоящая из гигантских букв на кровавых прямоугольниках, расчётливо, исподтишка по-браконьерски раздирающих стройный фасад дворцового здания между триумфальными колоннами: «М-Е-Х-А»-ха-ха...

Что с тобой сделали, монументальный и прекрасный господин, мой уважаемый учитель и старый друг, полвека учтиво и приветливо встречавший всякого входящего, не под стать твоему ампиричному наряду одетого?

Я окинул взглядом аркообразные окна: это они щедро дарили свет и пространство моей изостудии, это они открывали пути за пределы реальности, что скрывалась за готически таинственными силуэтами корявых пуховых тополей, основательных дубов и романтических лип. О, какое это было время! Помнишь? Сладковато-пряный аромат масла и кедрового лака приветливо окутывал каждого гостя, приходящего ко мне. А мои борода и волосы были тогда длинными и медными. Теперь их будто окунули в белила цинковые...

Но с тобой обошлись куда коварней. Раньше тебя окружал парк с живописными деревьями. Они в своём свободолюбивом умении раскидываться по наитию так гармонично тебя задекорировали, превратив в великолепную усадьбу для скромного рабочего класса, что никакой искусный садовник, будь он самым даровитым художником и обладателем магического секатора, не причесал бы их столь пышно и не скомпоновал бы в такой сложный витиеватый орнамент. Да, природа сама себе гармония, она легко преобразит даже убогую лачугу, не то что великолепное здание...

Помню узкие тротуары, старинные чугунные фонари, деревянные лавочки, фонтан в центре парка, неухоженные газоны с разнотравьем и кустами. Эта панорама радовала, утешала, а ещё услаждала – будто хаотично выполненная мастихином репродукция времён Возрождения. Помню детскую площадку с каменной крепостью и каруселью из прочного несгибаемого железа. Вот этоковка! Орудия труда, посуду и спортивный инвентарь послевоенные советские заводы продолжали делать так же крепко и надёжно, как некогда танки и ракеты. Теперь вместо парка вздулся полусферический картинг-клуб. Детей нет.

Ах, дети! С улыбкой вспоминаю... С ними в изостудию хлынуло много света и тепла, и всё преобразилось, ожило, зашевелилось, наполнилось смыслом! Они смотрели на меня восхищёнными глазами и, как нечто сакральное, ловили каждое моё учительское наставление. «Весь мир находится в движении, – деловито скрестив на груди худые руки, замечал я, – нужно лишь выбрать самое яркое и о многом говорящее»... «Улови тонкости перспективы. Линия горизонта не заканчивается под ногами персонажей, у кромки холста, а располагается гораздо выше. Смотри и увидишь: ландшафт простирается дальше, и для неба остаётся не так уж много места»... «Земля не “чёрная” и не “коричневая”, она имеет множество оттенков, понаблюдай, ты найдёшь то, что никто никогда не заметит»... «Нет, это не “фу говнистого цвета”, а самая расходимая краска у художника под названием “Охра светлая”, потому её у нас целая литровая банка»... «Постоянно совершенствуйся, не только посещай всевозможные художественные выставки, но тренируй руку и глаз: носи с собой блокнот с карандашом и делай зарисовки всего, что увидишь. Это потом можно будет использовать в работах»... «Каждый тюбик имеет своё название, в зависимости от оттенка, это не просто “красный”, это “кадмий светлый”»... «Написать можно не только настроение, но и музыку, и аромат»... «Немного молчания, недосказанности не повредит. Мозг публики домыслит то, что ты не покажешь, на что лишь намекнёшь»... «Никогда не “срисовывай” с фотографий: не губи себя, не упрощай реальность. Ведь плоскость передаётся легче содержания, и слишком сильно ощущается её фальшь. Следует уловить настроение, объём, движение, уникальность мгновения»... «Сначала художника учат достоверно передавать форму: иначе он не сможет показать душу. Можно ведь просто пролить и разбрызгать краски и выдать это за импрессию, но проницательный человек с недеформированным восприятием сразу догадается, что ему лгут»... «Не описывай, а проживи»... Да мало ли что я говорил этим юным дарованиям, из которых только один стал художником. Мне кажется, это я у них учился...

Вот и у Пикассо: в шесть лет его работы выглядели как у зрелого мастера, а взрослым он потом всю жизнь пытался писать как ребёнок. Однако у него так и не получилось. Есть что-то неподдельное в рисунках детей, что-то настоящее, искреннее, незащоренное, всё-то у них на чистом листе возможно...

Знаешь, а они меня любили, радовали, умиляли... изредка сердили. А ещё простоудушно утверждали, что я похож на Иисуса Христа. Лично я не видел сходства, даже написал автопортрет в профиль: за спиной крылья, а в руке зажжённая папироса. Вышло забавно, и к тому же честно...

А помнишь удивлённые глаза десятилетней Леночки? Она показала цветущий каштан, выполненный гуашью. Я тогда восхищённо воскликнул: «Ну надо же, с какой любовью написано! Сейчас же беру на выставку!» А она долго недоумевала, откуда я узнал о том, что она любит это деревце... Да ведь всё, что художник чувствует в творческом процессе, ровным счётом всё – прямиком переносится в его творение, ничего не утаишь, не скроешь!

Вот и в тебе, мой старинный друг, я вижу тоску немецких военнопленных по своей родине. Тебя они построили последним, восстанавливая Воронеж после разрухи, которую сами же и учинили. Жилые дома с конусообразными крышами и толстыми стенами, полукруглые здания в центре города, заводы – всё возводилось добротнo, прочно, хорошо, под присмотром нестрогого русского конвоя, и всё имеет узнаваемые немецкие национальные особенности: врождённая тяга к дисциплине и аккуратности, рациональность, экономия, безэмоциональность и готическая угловатость, а ещё нескрываемая тоска по дому... Понимаешь, если не вдохновлять, не оставлять часть своей

души в создаваемом, не наполнять собою, то стоит ли тратить на пустоту силы, время, краски, которые сейчас, кстати, очень дороги? Известно ли тебе, что кисть художника стирается за пару картин, но может пролежать века и сохраниться так же чудесно, как не тронутые временем волосы мумии. Я думаю, полезнее всё-таки стёртость её мягкой или жёсткой щетины: «Не делайте ничего безвкусно, кое-как. Помните, в “кое-как” можно потерять всю жизнь...»

Кстати, а я известен больше в Германии, чем здесь, так что и в этом просматриваю наше с тобой сходство, драгоценный мой друг...

А самого юного изостудийца – звонкоголосую миниатюрную Юльку – помнишь? Она умудрилась вымазаться краской, даже если осваивала штриховку грифелем. Как-то я хвалился её «Танцующими карандашами» перед одним маститым художником, обратив внимание на её возраст: «Мал золотник, да дорог». А Юлька, решив блеснуть знаниями взрослых выражений, серьёзно уточнила, рассмешив всех до слёз: «Мал клоп, да вонюч»...

А Андрюшку помнишь? Мальчик с богатырским телосложением, который перед девочками стеснялся, что его на занятия водит бабушка, но с нею был трогательно учтив, потому его возмущения всерьёз не воспринимались...

А удивительную Светлану с невероятными акварелями, где натюрморты изображались в виде кристалликов? Она пыталась глубоко постичь суть вещей и мир видела будто изнутри. Глядя на неё, я невольно задавался вопросом: кто однажды станет избранником столь необычной девушки, с её нестандартной внешностью и странным взглядом на жизнь? Через двадцать лет я получил ответ. Случайно встретил её в Алексеево-Акатовом женском монастыре, где делал зарисовки для будущей картины. Светлана тогда меня поразила своей степенной медлительностью, уверенностью и умиротворённостью. Она выглядела завораживающе величественно в чёрной мантии и клобуке. Взгляд отрешён, а глаза такие же ясные и задумчивые, как были в юности. Теперь Светлана пишет только иконы, занимается фреской, расписывает храмы.

Знаешь, мой старый друг, а ведь какой диссонанс: стены моей мастерской украшают картины с нагими натурщицами. Они притягательны, зажигательны и бесстыжи!

Светлана же работает над образом Богоматери, на который никто не посмеет, не дерзнёт посмотреть как на женщину. Она Мать всех живущих. И образ матери никогда не вызовет вождельных чувств и сладострастия у вменяемого человека, потому что он с древнейших времён слишком прекрасен, недостижимо чист и свят, надмирен и одухотворён. Жаль, что в современных женщинах встречаешь его редко. Едва разрешившись, они спешат вернуть соблазнительность и фигуру, чтобы влезть в моднодневное и чтобы наслаждаться вниманием мужчин, а не уникальными мгновениями младенческой жизни – скоротекущего становления растущего человечка...

Однажды дети повзрослели. Их жизнь озадачила более важным, чем я и мои нестрогие уроки ИЗО. Грустно. Вместе с ними ушло волшебное очарование, что-то очень яркое, многоцветное, волшебное! Изостудия осиротела, опустела, заскучала и стала просто мастерской художника. А потом её и вовсе урезали, подняв цену за аренду. Стало тесно.

Но двери никогда ни перед кем не затворялись: ты знаешь, мой старый друг, я всегда искренне радуюсь любому пришедшему и принимаю людей такими, какие они есть, потому они ко мне и тянутся. Люди – уникальные миры со своими галактиками, дарящие великое множество идей и живого материала для развития застывших картин. Помнишь, ученики и гости потекли рекой. Кого только не было! Чрезвычайно интересные и необычные люди. Помню, как одна девушка, перед тем как приняться за натюрморт, медитировала: получались оригинальные картины. А один броско одетый полный мужчина с тростью, в полосатых брюках и в жёлтой майке, фотографировал то, что обычно ни у кого не вызывает восторга: потёртости на диване, облупившуюся краску на садовой лавочке, ржавчину на гараже, крыло мухи... Он увеличивал изображения, и получились картины, будто нарочито созданные опытной рукой художника: бегущие олени, Мадонна с Младенцем на руках, осенний лес, старинный замок... Постепенно изостудия стала превращаться в место богемных вечеринок, с вином и звякающими бокалами, с нескромными шутками и интеллектуальными измышлениями, с заливым женским смехом, гулко тонущем в зыбком сигаретном мареве, с язвительными насмешками и сарказмом от разочарованных жизнью или с тонким юмором и возвышенными устремлениями от не успевших разочароваться.

Я в то время всё ещё был доверчиво открыт миру, жадно постигал его неуловимые флюиды, горел во мне какой-то огонёк и других к себе притягивал, пока я опытом не выстроил стены и ступени.

С годами огонёк мой стал восходящею звездой, далёкой даже для меня самого. Постепенно поднимая планку мастерства, я не заметил, как отдалился от родных, друзей и близких: между нами вдруг разверзлась пропасть, я остался одинок и не понят.

По привычке делился с другими достижениями и открытиями, не осознавая, что они к ним не готовы, потому что не несли со мною тяжесть поисков и преткновений, не делили тот же каменистый путь длиною в жизнь – от равнин к вершине. Это было всё равно, что требовать от маляра использовать таинство валёров, в то время как его дело – качественная штукатурка. Задачи у нас разные!

Когда становится невыносимо: приходят перемены. В моей жизни появилась муза... Наша связь казалась чистой и возвышенной... Друзья не осуждали...

Наверное, это жестоко так разочаровать свою музу. Сначала её делаешь избранной, восхищаешься ею, всего себя готов положить к подножию собственноручно возведённого пьедестала. Потом неустанно вдохновляешься, жадно впитывая её идеальные соки; она до одури манит тебя неизведанностью. Постепенно музу приручаешь, делаешь сугубо своей: она оказывается предсказуема, управляема и, столь некогда желанная, перестаёт быть интересной, становится какой-то будничной, приземлённой, с мещанскими потребностями. Муза и быт – вещи несовместимые!

Вот и тебя женили, мой старый друг, и, как оказалось, на купчихе: торгашество изрядно потрепало твой внешний вид. Должно быть, и внутренний тоже... Как я любил скользить ладонью по ледяным каменным широким перилам, отсчитывая массивные ступени на пути к мастерской!

Не дуйся, мой старый приятель, но уже не чувствую щемящей тоски по тебе. Всё переболело раньше, когда вывозил отсюда картины, подрамники, мольберты, реквизит для натюрмортов (дырявый самовар, черепки от глиняного кувшина, ржавую подкову, кожаный ботинок с оттопыренной, зубастой от башмачных гвоздиков подошвой, скрипку, чугунок, бутылку в оплётке, лапоть, узкую деревянную доску для стирки и многое другое, ценное в своей уникальности, со своей яркой историей, но менее захватывающей, чем твоя и моя). Я, между прочим, все эти сокровища годами по деревням да по свалкам собирал, но в новом месте мало что поместилось.

В моей нынешней мастерской довольно сумрачно, хотя есть много искусственного света. Двухэтажное помещение по-своему очаровательно, но лишено простора и воздуха. Окна – как в толчке электропоезда, и почему-то под потолком. Само здание выглядит модерново: хайтек, так сказать, – смесь пластика и алюминия, мёртвых чёрных квадратов и бессмысленных безделушек, а соседи теперь не танцевальные ансамбли, музыкальные и скульптурные студии, но банальный гипермаркет... Знаешь, мне всё чаще говорят, что мои картины пасмурны и серы, безжизненны и статичны. Это довольно странно, ведь я всю жизнь только и делал, что совершенствовался, пробовал себя в различных направлениях, рос от реализма к импрессионизму, мастерски владею различными техниками, давно привык к выставкам своих картин, мои работы дорого продаются здесь и за рубежом. Я мастер своего дела, профессионал, и продолжаю поиски нового образа, темы, приёма, подачи, при этом совсем не кичлив. Не лукавлю, я с детства такой. И совершенно не ожидаю ни критических похвал, ни журнальных дифирамбов, ни лавровых наград. Я просто родился художником и по-другому жить не умею.

Ты помнишь, мой старый друг, как я краснел, робел и тушевался, когда публика восторгалась и аплодировала. Разумеется, мне было приятно, что оценено моё умение: зритель обнаруживает детали картины именно в той последовательности, в которой я хочу их показать. Но есть в моих работах и то, что до сих пор публикой не открыто, не замечено, однако это не даёт мне повода ни к огорчению, ни к гордости. Всему своё время, а я продолжаю работать.

Поговаривают, что тебе скоро вернут облик дворца (иногда назвав тебя, кажется, «Plazzo» или «Plaza») – только «дворца» без «культуры». Впрочем, ночной клуб, кальянная, бильярд и дискотека в твоём огромном зале с лепниной и балконами, с двумя шикарными барочными лестницами по бокам от просторного холла станет всего лишь местом тусовки для обеспеченных, то есть тех несчастных, кого оставили с зависимым от города комфортом: без печи, без спичек, без дров, без топора, без живого огня, без умения согреть себя и осветить, короче говоря, без свободы. Как так вышло? Нами правят бездетные, вот потому у нас и нет будущего.

Настало странное время, когда духи смердят, обувь неудобна, декор уродлив, книги тупы, хлеб и вода – муляж и синтетика, а я – излишне ворчлив, стою тут, с тобою разговариваю, сутулясь, руки в карманах, вокруг смесь пёстрой, но безликой толпы, лживые распродажи, пустая суета, фон – мрачный урбанистический пейзаж маслом, над ним траурное паспарту и деревянная рамка.

Поэзия

Андрей Фролов

Андрей Владимирович Фролов – родился в 1965 году в Орле. Окончил Орловский строительный техникум и Орловский государственный университет. Работал плотником, инженером, в настоящее время – руководитель орловского Дома литераторов. Автор семи книг стихотворений и сборника рассказов. Произведения публиковались в альманахах: «Поэзия», «Невский альманах», журналах: «Наши современники», «Роман-журнал. XXI век», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Берега», «Бийский вестник» и др. Лауреат всероссийских литературных премий: «Вешние воды», «Белуха» имени Г. Гребеницкого, имени Н. Гумилёва, «Ладога» имени А. Прокофьева, Южно-Уральской литературной премии. Член Союза писателей России.

До неба – полверсты...

ГЛУБИНКА

Сдвинув в сторону плетень,
Бог поставил мету
из окрестных деревень
именно на эту.

В холода двory тесней
прижимались к тыну,
отмидали по весне,
пережив годину.

Быт размерен,
у людей
вкусы простоваты:
сговорясь, в апрельский день
все белили хаты.

Дружно – вспашка,
дружно – сев,
и любой при деле.
Здесь и немцы, обрусев,
под гармошку пели.

НА ПОКОСЕ

Отава изросью умыта,
из лога выплыла заря.
Литовка шикает сердито
на неумеху-косаря.

Срываю потную рубаху –
не деревенских я корней,
но я упрям, и с каждым взмахом
строка прокоса всё ровней.

Здоровье, вроде, не воловье,
а не устал за два часа –
шепчу старинное присловье:
«Коси, коса, пока роса!»

БАБЬЕ ЛЕТО

Богом посланная милость –
тёплый солнечный денёк.
Это лето зацепилось
паутинкой за пенёк.

Продолжает труд тяжёлый
забубённая пчела.
Пацаны бегут из школы
на окраину села.

Промелькнут по косогору –
мимо пасеки, на брод.
А пескарь в такую пору
и на голый крюк берёт!

РЫБАК

С перегреву зарницами бредя,
день июльский отходит ко сну.
Напевая вполголоса, Федя,
размахнувшись, бросает блесну.

Котелок, закипая, дымится:
ох, ушица двойная густа!
Рыбы много пока в Моховице.
Федя знает такие места!..

Но не лезьте с расспросами к Феде –
пропадут понапрасну труды, –
он не слишком искусен в беседе,
любит молча сидеть у воды.

Сырость гасит его сигарету.
Федя, пристально глядя во тьму,
караулит бессонную реку...
Улыбаются звёзды ему.

* * *

Надсадно выла автострада,
горячим выхлопом дыша, –
через шоссе валило стадо,
размеренно и не спеша.

Тяжеловесны и угрюмы,
как будто спали на ходу,
коровы медленную думу
жевали, точно лебеду.

И снисходительная жалость
к людской извечной суете
в глазах косящих отражалась,
как в застоявшейся воде.

* * *

Ивану Рыжову

В деревне Коровье Болото
совсем не осталось коров,
да и от деревни всего-то –
двенадцать замшелых дворов.

Воюет старик-долгожитель
с колодезным журавлём:
– Помрём-то когда же, скажите?
Ведь всё же когда-то помрём...

Горбатятся крыши косые,
хребтами белеют плетни...
Храни, Вседержитель, Россию!
И эту деревню храни.

РОДИНА

Дойдешь до чёрного столба,
сверни направо:
твоя здесь скорбная судьба,
твоя держава.

Твой худо-бедный огород
в тени крапивы,
тебя заждались у ворот,
рыдая, ивы.

В лугах не кошена трава
четыре срока.
А мама?.. Всё ещё жива,
да одинока.

Ждёт обветшалая изба
тебя так долго.
Сверни у чёрного столба –
нет выше долга.

КУЗЬМИЧ

Картина ясная вполне:
запасы соли, спичек, мыла...
Соседка мрачно пошутила:
– Кузьмич готовится к войне...

«Кузьмич готовится к войне...»
Смешно. Он три прошёл когда-то,
и нет надёжнее солдата
ни в той, ни в этой стороне.

Ни в той, ни в этой стороне
не обходилась так судьбина
ни с кем: сперва лишила сына,
затем – поминки по жене...

Пять лет поминки по жене.
И зимы, что невыносимы.
И одиночеством гонимый,
Кузьмич бредёт, как в полусне.

Кузьмич бредёт, как в полусне,
туда, где люди, к рынку ОРСа.
А как не купишь, коль припёрся,
то, что доступно по цене?

А что доступно по цене?
Конечно, спички, соль и мыло...
Кузьмич соседке, что шутила,
отдаст всё это по весне.

СТРОЙКА

Домишко скромный –
 стена в кирпич –
 полгода строил
 старик Кузьмич.
 Село ворчал:
 не тот, мол, пыл,
 у Кузьмича, мол,
 не хватит сил,
 ровесник века –
 не совладать...
 Кузьмич кумекал,
 где тёс достать.
 Залил фундамент
 и начал класть
 на камень камень,
 перекрестясь.
 Стропила, кровля –
 не на авось.
 Забил к Покрову
 последний гвоздь.
 Приладил двери
 и вытер пот:
 – Ну, кто не верил?
 Смотрите – вот...
 Присел в сторонке
 и вдруг... чихнул.
 Как о приёме
 акт подмахнул.

БЫЛИНЫ

Селеньице Былины.
 Ухабы да бугры.
 Здесь больше половины –
 бесхозные двory.

Давно деревню эту
 метлой житейских вьюг
 развеяло по свету,
 не тронув лишь старух.

Куда пойдёшь от дома,
 в котором прожил век,
 где тишина знакома,
 как близкий человек?

Не гаснут в хатах свечи,
 блюдутся все посты.
 До города – далече,
 до неба – полверсты.

СВАДЬБА

На два дома поделено счастье:
 невзирая на серенький дождь,
 шумно, весело едет венчаться
 из обеих семей молодёжь!

Чинны сваты, задиристы сватьи,
 Поцелуи – по-русски, взасос,
 на невесте шикарное платье,
 море радости, толика слёз!..

Всё путём, по обычаям древним:
 пир горой...
 Да ведь речь не о том.
 В этой, Богом забытой, деревне,
 почитай, уже есть третий дом!

КОСТОМАРОВКА

Между городом и селом
 свой особый блюдет уклад.
 Говорят, что идёт на слом –
 тридцать лет уже говорят.

Но всё так же сады цветут,
 так же горло дерёт петух,
 тот же крепкий в домах уют
 и ванильный на Пасху дух.

Всяко горе здесь не беда –
 по-крестьянски народец прост,
 но усопших несут всегда
 на большой городской погост.

ДОРОГА

Не покидай, судьба, дорогу,
 где каждый камешек знаком,
 которой – к другу, к слову, к Богу –
 шагаю с тощим рюкзаком;
 где обочь – яблони да вишни,
 где зыбок полог тишины,
 где незатейливые вирши
 мои кому-то да нужны.
 Пускай над ней теснятся ветры,
 пусть я усталый и в пыли,
 её хромые километры,
 доколе можно, дли и дли.
 Не верь досужему совету –
 мол, есть и лучшая тропа,
 не покидай дорогу эту,
 моя строптивая судьба.

Поэзия

Наталья Радостева

Наталья Радостева – член Союза писателей России. Окончила Московскую государственную юридическую академию. Депутат 3-го созыва Госсовета Республики Коми. Возглавляла Воркутинское городское литобъединение «Сполохи». Автор книг: «Приворот», «Звёзды в ладонях», лауреат IX Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2018), Международного литературного конкурса «Большой Финал», конкурса «Север – страна без границ» (Санкт-Петербург), дипломант Международной литературной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2019). Публиковалась в журналах: «Дон», «Молодая гвардия», «Новая Немига литературная», «Наши современники», «День и Ночь»; в газетах: «Литературная Россия», «Поэтоград», «День литературы», в альманахе

«Глагол» (Карта современной поэзии), в ряде коллективных сборников. Живёт в Воркуте.

Приворот

* * *

Звёзды в мокрых ветвях зависли;
Не гадаю – его, моя?..
В одиночестве – прелесть мысли.
Созерцание бытия.

Каждой капле в ветвях – по строчке.
Каждой ветви – касанье рук...
В талом мире набухших почек
Всё размеренно. Всё не вдруг.

Здесь не надо, с толпою слившись,
Знать лишь то, что позволят знать;
Здесь не надо, втихую спившись,
Привыкающее принимать.

С умертвляющих лже-экранов
Лишь проклятья былым годам,
Лесть и гимны заморским странам,
Их расчётливым городам.

Здесь не надо взбешённо слушать
Нагнетающий бред вождя...
Оживаю под первым душем
Мелкокапельного дождя.

И почти не смотрю под ноги.
Хоть болото, да всё – своё...
Все тропинки болот – дороги
К посвящению в бытие.

Если ж станется – стих последний
(Так несложно – свободных влёт).
Пусть весна в толчее столетий
Меня талой водой зальёт.

Но пока не решу вернуться
В дом с окошком на синий лёд,
Есть возможность мне ог-ля-нутьсЯ
На свободный мой перелёт.

Звёзды в мокрых ветвях зависли...
Жаль, больная страна моя
И не мыслит про прелесть мысли
В созерцании бытия.

КАУРЫЙ

Как обычно, к вечеру понуро
Сухо ткнёшься в ласковость руки...
Не печалься, славный мой каурый,
Через час мы будем у реки.

Смоем с пылью едкую усталость.
Не без нас закату догорать.
Мне проведать только и осталось
Плат земли, где кружат трактора.

Вот его обмеряю шагами,
Заступая серость лебеды...
Круга два потом за рычагами
Примеряю пахарей труды.

Пласт к пласту рассыпались некрупно,
Повлажнел участочек земли,
И опять, потряхивая крупом,
Мчит каурый в бежевой пыли.

Тают в травах розовые тени
Отсветом закатного огня
И уже отжившие сомненья
В откровенье завтрашнего дня.

Не сдержусь и, спешившись за лугом,
Придержу солёную узду...
Лемеха, сияющие, плуга
Солнце запахали в борозду.

* * *

Промелькнуло детство
Сенокосным днём.
Ну, куда мне деться
С памятью о нём?..

О вечерних росах,
Взлётном голосе
Да о тёмных косах
Ниже пояса...

ДРУГ ДЕТСТВА

1.

Дня на три приеду скоро.
Позови. Судьбе назло
Прокати меня с угора,
Не касаясь тормозов.

Чтобы в память опускаться
Над туманами земли,
Позабыв, что нам по двадцать,
Игры школьные – вдали.

Каждый миг былого дорог;
Затаив росинки слёз,
Прокати меня с угора
Мимо выросших берёз;

Мимо клуба, что разобран
И травой давно зарос...
Ветер, спицами разорван,
Покачнёт гирлянды звёзд...

Без обиды, без укора,
Без взаимного «Прости», –
В детство спустимся с угора,
Пусть нам будет очень скоро
Даже больше двадцати.

2.

Вошёл и сел под образами –
От клав да мань –
Альфонс с бесцветными глазами,
Трепло и пьянь.

И бессемейный, безработный,
Прощал, винил –
За то, что с армии он фото
Моё хранил...

На каждом слове порывался
К пожатью рук,
Всё повторял и повторялся,
Что детства друг.

Как прежде, звал – на спор, за речку,
Теряя связь...
А детство съёжилось за печкой,
Его стыдись.

ЦЫГАНУ

В меня влюблён был брат твой старший.
Ты злился, младший;
Он окликал меня Наташей,
Ты вслед – Наташей.

Ты был красивее – бесспорно.
Он – бесшабашен.
Я, как могла, гасила споры
В семействе вашем.

Мы с ним кружились в звёздных вальсах,
Костры тушили...
Да не сплетали в танцах пальцев,
А лишь дружили.

Коней просила не треножить,
Сбивала росы,
И вас тревожили, быть может,
Глаза да косы.

Когда гадала без улыбки
Цыганкам вашим,
Ругала бабушка: «Уж шибко
Бойка, Наташа».

Я вас сквозь годы наблюдаю –
До пьяной даты,
Где ты, как я, и нагадала,
Зарезал брата.

* * *

Кто кого стоит, кто чего стоит –
Как же всё сложно...
Я не с тобою, ты не со мною.
Значит, так можно...

Не ожидали, разговоровшись
Неосторожно,
Как обожжёмся, вдруг спохватившись –
Жизнь многосложна.

Всяк заблудился: я не нарочно,
Ты не нарочно...
Было б разумней по бездорожью
С картой дорожной...

Ты не открылся. Я растворилась...
Зря ли? Возможно.
Слов разночтенье, крыл разнокрылость –
Гордыми – сложно.

* * *

С. М.

Всё повторяется... Жива,
Тиха душа в отливке боли.
А не рождённые слова
Имеют тот же привкус соли.

Годами снявшийся мне сон
Дороже всех земных реалий.
Влюблённый. Дерзкий. Рядом – он.
На том же месте в клубном зале.

Когда до свадьбы не дошло
В расшифровавшее нас лето,
Ещё ничем не обожгло;
В запасе грезилось – столетье.

Чтоб не кружилась голова,
Годились гордость, юмор, стычки...
Все наши колкие слова
Храню в себе не по привычке,

А по влюблённости такой,
Где не до вечности и библий.
И разве важно, кто живой,
Когда мы всё-таки
погибли.

* * *

Призадвину шторы – не стучи
Позабудем споры... – помолчи!
Нестерпимо душно. Боль в груди.
Головой в подушку... – Ухо-ди!

* * *

В светлой комнате моей
Стало сумрачно и душно.
В царстве грусти и теней
Поселилось равнодушие.

Всплески смеха по углам
Не успели запылиться,
Отражают зеркала
Ненамокшие ресницы...

И не важно, почему
Я уныло и послушно
По рецепту своему
Принимаю равнодушие.

* * *

Не пытай меня вопросами,
Я, как дура, впечатлительна...
Я совсем не поматросила –
Ты мне нравишься действительно.

Через снежность прорываешься,
Убедителен и искренен:
Всё твердишь, что я – красавица,
Что не ценит этой истины.

На смешки мои не злящийся,
Обязательный в обещанном,
Молодой и состоявшийся,
Называешь лучшей женщиной.

Горячась, ты прав по-своему;
Оптимизмом заразителен,
Юморной и ладно скроенный, –
Ты мне нравишься
действительно.

Только мне покоя хочется,
От любви едва лишь выжила...
Зарываюсь в одиночество,
Как в песок от солнца выжженный.

Я признаний столько слышала! –
От солидных и безбашенных...
Только трудный мой – как вышло-то! –
Не чурается раскрашенных.

Каждый взгляд его неискренний
Мне б забыть, с тобой забывшейся.
Но – как прошлый мой единственный –
Не морочу я влюбившихся.

Не пытай меня вопросами...
 Пусть союз наш так сомнителен –
 Я ещё тебя не бросила:
 Ты мне нравишься действительно.

Но пока покоя хочется;
 От любви едва лишь выжила.
 ...Зарываюсь в одиночество,
 Как в песок от солнца выжженный...

* * *

И соскучившись, не признаться –
 Слыть холодной.
 Может статься, смогу остаться
 Жить свободной.

Не блуждая среди кавычек
 В рассуждениях,
 Не пугая твоих привычек –
 Отражением.

Даже – хочешь? – поделим лето,
 Но без спора!
 Против смутных часов рассвета –
 Мне просторы,

Где угоры и соты мёда,
 Ветер встречный!
 И грибную лесов свободу –
 Мне, конечно!

Как богатством таким делиться? –
 Неделимо.
 Разве с тем, кто сумеет слиться –
 Воедино.

Но задумано – не признаться.
 Слыть холодной.
 Может статься, смогу остаться –
 Жить свободной?

Сдав экзамен опять расстаться –
 На отлично;
 Может статься, смогу смеяться –
 Как обычно.

* * *

Не-здеш-ний
 мой,
 Не-греш-ный
 мой...

Неизбежная,
 Я – нежная,
 Я – вешняя,
 Я – прежняя...

Нездешний мой,
 Я
 грешная?

...
 Неизбежный мой.
 Нежный мой.
 Грешный мой.
 Прежний
 мой.

ПРИВОРОТ

За водою на колодец не от жажды, а со смыслом –
 Почерпнула. Пригубила блики солнца из ведра.
 Ощущаю, как изящна, усмиряя коромысло,
 Как колышется водица выше уровня бедра.

Редкий случай, где походка не стремительна,
а – павы,
 Где на статные берёзы смотришь –
словно им под стать.

И песком искрится тропка, по краям которой травы:
 Вышла в люди – окрылиться,
день из лучиков сверстать.

Улыбнусь, коль кто приветлив,
а смурного не отмечу.

Если ж с поводом проводят,
через сени в дом войдя, –
 Из ковша подав напиток, и настырного привечу.
 Не без шуток отвечая. Глаз вприщур не отвоя.

Первой мне не предлагайте, вслед хлебнуть –
себе дорожке.

Не без вызова раскрою: это был бы приворот!
 Ещё бабушка учила – пить за кем-либо негоже,
 От плотка воды за кем-то – к несвободе поворот.

Пусть не каждого и жалко, не рискуйте зря – пустое.
 Не сгублю грехами душу – паутин любви не вью.
 Не настаивайте. Смелость мне доказывать не стоит.
 Всё равно – не убедите. Всё одно – не отопью.

Уж и так ресничный трепет ловит
плавные движенья.
 Как зачерпнута водица. Как с улыбкой подана.
 Без воды приворожила. А не будет продолженья –
 Не чудесницы проказы, не чудесницы вина.

Поэзия

Наталья Мамлина

Наталья Александровна Мамлина – родилась в 1988 году в Москве. Окончила Литературный институт имени А. М. Горького. Печаталась в журналах: «Дружба народов», «Урал», «Новая Юность», «День и ночь», «Литературная учёба» и других, а также в альманахе «День поэзии – XXI век. 2018–2019 год».

Автор стихотворных сборников: «Себе наперерез» (М., 2011) и «Горлица» (М., 2016).

1990-е гг.

* * *

Мы – бражники, блудницы, наркоманы –
Вошли в полуразрушенные храмы
И различили Запад и Восток.
В нас чувства, пробудившись, стали резки.
Нас окружили выцветшие фрески –
На уцелевших полыхали раны.
И было ясно, где добро, где зло.

– Как там дом твой? – Мой дом не построен.
– Как там сын твой? – Мой сын не зачат.

В наше время волков – не зайчат –
Поколение живёт на постое,
И, растратив себя на пустое,
Здесь любимых, и тех не щадят.

В те дни мы восставали против тлена,
Мы приносили к стенам Вифлеема
Свои окаменелые сердца.
Мы даже не мечтали о прощенье,
Но (притчу испытавши до прочтения)
Почувствовали, выходцы из плена,
Навстречу нам спешившего Отца.

– Как там враг твой? – Мой враг не повержен.
– Как там друг твой? – Мой друг позабыт.

Наши души годятся на сбыт –
Не на вечную радость, поверь же.
И ответ этот нами затвержен
У разбитых китайских корыт.

* * *

– Как же так? – (Пожимаю плечами.)
– Как так вышло? – (Молчу за двоих,

Тогда февраль вступал в свои права.
Мне было очень холодно – настолько,
Что не согрела б ни одна настойка.
И в сердце у меня чернел провал.

Не на шутку уста затворив.)
... Но куда земля нас качает,
Даже мы ещё плачем ночами
О сомнительных душах своих.

Тогда я перестала ждать тепла.
И чуда ждать я тоже перестала.
Меня чурались люди, кем я стала.
И вот тогда, поверишь ли, тогда

* * *

Животные с картонок Пиросмани
Пришли и заливали боль мою.
«Спаси, Нико!» – Тебя, Господь, молю
О дивном уроженце Мирзаани.

Зашумело шоссе и омыло свои берега,
Поманив одинокого путника лёгкой развязкой.
Береги свою душу, как мама тебя берегла,
Покрывая горячечный лоб охлаждённой повязкой.

Береги себя, путник. Пусть город закатан в бетон,
Да над городом небо, с которого каждого видно.
Даже если дорога твоя обернётся бедой,
То утетишься тем, что твоя голова неповинна.

* * *

Всё-то мир в крови.
Зашумела Сетунь.
Лишь себя кори –
На других не сетуй.

Лишь себя вини,
А других – не надо.
У реки сверни
И пройди вдоль сада.

Личная война.
Правда и неправда.
Личная вина.
Личная Непрядва.

В мире все вольны
Плакать до надсады.
А итог войны –
За оградкой сада.

* * *

Это время твоё потеряно,
Это ты в опустелом тереме
(Под окном ни цветка, ни деревца),
Одинокая красна девица.
Не хватило ума ли, сердца ли?..
На себя полюбуйся в зеркальце –
Никому не жена, не милая.
Жизнь твоя не живая – мнимая.

Тишина над тобой – дамокловым.
Всё ты ходишь вокруг да около,
Материнство зовёшь, супружество...
Нет, не мужа тебе, а мужества
Не хватает, ничья далёкая,
Чтоб судьбу свою счесть за лёгкую,
Чтоб смириться во светлой горнице
И однажды воскреснуть горлицей.

* * *

Ты понимаешь вдруг, что время куце.
Ты жив ещё, ты падаешь ничком.
Из всех твоих вопросов остаются:
«Кому повем?» и «Колокол по ком?»

И, дрожь земли уже не отрицая,
Ты страждешь в мире, страстью повреждён.
Срывается куда-то птичья стая,
И небо обрушается дождём.

А ты один под этим грозным небом.
И страшно так, как в детстве в темноте.
Ты ждёшь рассвета. А потом с рассветом
Ты долго нем. И кроток в немоте.

* * *

Вновь колючкой земля увита
И охвачена ветром ярим,
На котором Звезда Давида
Полыхала над Бабьим Яром.
Серебристым ягнёнком пепел
Поднимался над тем оврагом,
И не пел на восходе петел,
Ни один не вещал оракул.
Это было вчера. А завтра...
Что там завтра – спроси и сведай,
Кто, звериным горя азартом,
Оглушит мои рассветы?

* * *

Направляется под уклон
Этот поезд быстрее прочих,
Завещая тебе поклон,
Почерневшая наша почва.

Знаю, станет совсем не так,
Как бывало когда-то раньше,
Но да сбудется добрый знак
После сбывшихся знаков вражьих.

Снова птица гнездо совьёт,
Зарубцуются полустышья.
Жизнь, конечно, возьмёт своё,
Но значительно тише. Тише.

* * *

На заре на зарю посмотри.
На закате почувствуй закат.
Всё случайное, слышишь, сотри,
Или Блок тебе больше не брат?

Знай, никто у тебя не отнял
Ни просторов твоих, ни степей,
Где довольно не жизни, а дня,
Чтобы всё научиться стерпеть.

И звезда не погасла – горит,
Твой рифмованный путь серебра
Через все расстоянья земли,
На которой не бросит тебя.

Поэзия

Анна Барсова

Анна Барсова – поэт, прозаик, переводчик, публицист, литературовед. Член Союза российских писателей, Академии российской литературы, Российского и Международного литфондов.

Долгие годы работала в Набережных Челнах, где строился КамАЗ. Стояла у истоков создания детских и молодёжных творческих коллективов города и объединения. Обладатель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» с вручением золотого знака, премии А. Грибоедова, премии мэра города Набережные Челны. Публикуется в журналах: «Юность», «Подъём», «Урал», «Бийский вестник», «Приокские зори» и др. Стихи и статьи А. Барсовой переведены на английский, немецкий, французский, сербский, японский и другие языки.

За верное служение отечественной литературе награждена литературными орденами и медалями: С. Есенина, В. Шекспира, М. Джалиля, М. Ломоносова, Р. Казаковой и др. Автор многочисленных научных публикаций. Дипломант международных и всероссийских фестивалей и конкурсов. Проживает в Екатеринбурге.

Из цикла «Свет небесный»

* * *

Скоро Пасха светлая и май,
радости такой давно не помню:
чист и светел благодатный край,
свет небесный согревает кровлю.

Ветер машет лёгким рукавом,
на берёзах звякают серёжки.
Знаешь, друг мой, мы ведь не умрём:
подрастают дети наши, крошки!

МНЕ ПЕЛАСЬ ПЕСНЯ...

1

Мне пелась песня: вся душа изныла,
Вся изболелась, кровью изошла.
Мне пелась песня, мне она открыла,
Как ноша этой жизни тяжела!

2

Как сгусток крови, эта тишина,
Как сердце режет боль, терзая тело!
И рвётся в высь душа оголена,
Мгновенье – и она опять взлетела!

* * *

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
Поля, хлеба и мокрое жнивье!
Мы столько трав в лугах её косили,
Мы сердцем приросли к лесам её!

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
Морей и рек великих караван.
Здесь горы – кладези, и здесь вития
Не гнёт пред барами свой гордый стан!

Что есть для нас Расея, Русь, Россия?!
История безмерной глубины...
Здесь наши души тают в небе синем,
Здесь наши прашуры погребены!

* * *

Что на веере китайском –
сосны в синем небе тают,
и мороз плывёт по кругу...
Я надена с перепугу
шапку, синюю толстовку, –
одним словом, всю обновку!
И пойду искать стихи
у Исети, у реки!

* * *

Зима, зима... Мороз – по коже,
Мороз на чёрной борозде.
Мне вспоминать сейчас негоже
Ту песню о любви к тебе!

Но в сердце тот хрустальный вечер
И палисадник у окна...
О, молодость, как ты беспечна,
О, память, это – глубина!

ОСЕНИ

Засыпая, скинешь платье,
Златовласая княжна.
Недовольна своей статью?
Кто сказал, что не нужна?!

Я тебя такую славлю,
Пусть в дождях ты, не в шелках...
Ветер кроны обезглавил,
Слёзы – в голубых глазах!

* * *

Рожденье песни и стиха...
Как труден этот путь!
Дитя любви или греха?!
Ты – в нём, и в этом – суть!

* * *

В глубине синеющего леса
Тишина, покой и мошкара,
Паутины тонкая завеса
Стелется, как нить из серебра!

Выйду к речке, красотой сражённый,
Окунусь в небесную купель,
Заново природою рождённый,
Стану чист и свеж я, как апрель!

* * *

Васильки и трава предо мною,
окунуться бы в них с головою,
зачерпнуть солнца алые блики,
и забыть о большом и великом!

* * *

Гладит ветер косы
И траву земную.
Серебрятся росы,
Утро нам даруя.
Наступает завтра...
Что же это будет?!
Будет жизни правда,
Чудо жизни будет!

Поэзия

Татьяна Костандогло

Татьяна Костандогло – родилась в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный университет, позже – педагогический институт в городе Черкассы (Украина). Литературную деятельность начинала, будучи в составе Литфонда СССР. Стихи опубликованы в литературно-художественных журналах, газетах, Интернет-альманахах России, Украины, Германии, США, Чехии.

Является автором поэтических сборников: «Я прикоснулась к тайне бытия», «Не разлуки страшны, а встречи», «Над колыбелью с дышащим огнём», «В плену земных дорог», «Очередь в туалет, или Философия успеха», «Без словаря». Автор книг: «Сила твоя – в тебе», «Пятый воздух. Версия убийства Марины Цветаевой», «Аутодафе» и др.

* * *

Мелодия забытых сновидений
За мной уже не бродит по пятам,
Дождь отрезвел, причудливые тени
На голых ветках пляшут по утрам.

Протяжны завывания метели,
Печальна песнь остывшего костра.
Озябшие волнения взлетели,
Как птицы, с почерневшего креста.

На всём следы слепого изначально
И радости неукротимый след.
Ликует день, исполненный страданья,
Но мне и в нём привычной роли нет.

Пронизанная солнечной тревогой,
Иду во тьме, влекущей наугад
К такой же безутешно одинокой
Душе, познавшей заповедь наград.

И только ей себя вручив однажды,
Дыханье успокоит бездны зов.
И кончится томительный и страшный
Один из самых непробудных снов.

* * *

Как лес осенний, опаду грустя.
И, глядя в небо, замолчу надолго.
И станет дождик, часто морося,
Выстукивать то жалобно, то звонко.

Завоют ветры, заскулит метель,
Укутают снега от лютой стужи.
Ну а пока я молода, как ель,
Которая о будущем не тужит.

* * *

И снова распятая радость
(Тобою!), рыдая, скулит...
И вновь торжествует усталость,
И душит поэзию быт.
И вновь ни о чём разговоры
Свирепствуют в лютый мороз.
И снова постылые ссоры,
И снова в душе моей конц...
Концлагерь! Овчарки, зверея,
Всё ближе и ближе... А ток
Колючую проволоку греет...
(Какой тебе с этого прок?)
Какого ты хочешь вниманья?
Какую прикажешь любовь
Дарить тебе, если касанье
(Твоё!) леденит мою кровь?
О, сколько ещё эту пытку
Терпеть мне, всевидящий Бог?
Да, я совершила ошибку.
Но я рассчиталась за вдох,
За выдох (с тобой!) рассчиталась,
За боль, за любимую плеть...
Довольно. Полжизни – не малость.
Не трогай меня, круговерть!

* * *

Я ухожу. Прости меня, прости.
Нет виноватых, оба понимаем.
Ещё не веришь? Милый, на пути,
Твоём пути, меж адом и меж раем –
Припомнишь слёз слепящий водопад,
И то, как ты не верил водопаду.
Но будешь рад, безмерно будешь рад

Достойную себя иметь награду:
 Ту женщину, которая чадру –
 Ради тебя надев – её не сбросит.
 А я тебя из памяти сотру,
 Как каждый год зима стирает осень.
 Ещё пример? Ветра, лучей разлив,
 Дань по плодам и по делам – не даром.
 Я ухожу. Не веришь? О, наив!
 Всё, как в кино... В плохом и очень старом.

* * *

То ли время меня обронило,
 То ли я обронила его?
 Сцена жизни нелепо застыла.
 Миг – и снегом судьбу замело.

Занесла одуревшая вьюга
 В даль, откуда вернуться назад
 Не сумеет мне из нового круга
 В старый круг... И диковинный сад

Не похож ни на райские кущи,
 Ни на ад... Но душа не болит.
 В незнакомый порядок запущен
 Ход незримых часов и орбит.

Здесь закаты пылают в уставших
 Одиноких страницах любви...
 В тайниках – и прекрасных, и страшных –
 Вдалеке от распятой земли.

* * *

Наитие, приблизься – не исчезни,
 Предчувствие, прошу, не обмани.
 О, радуга невыразимой бездны,
 Зажги глубин космических огни!

Мне страх неведом, ты об этом знаешь.
 Со смертью своею в дружбе я.
 Зачем же, прикоснувшись, исчезаешь,
 Волнуя песней омут бытия?

Земная твердь удерживает тело,
 А мысль несётся в звёздный крик ночей...
 Пока она ещё не долетела,
 Духотворящий разум, чей ты? Чей?!

Я – плод твоей фантазии безумной,
 Пристёгнутый пожизненно к земле?
 Не верю. Протестую против суммы
 Всех доказательств, выросших в тепле.

Наитие, приблизься. Я готова
 Сорвать ответ, как аленький цветок...
 – У Смерти есть Лицо... Одежда... Слово...
 – Дух, торжествуй! Ты Автор этих строк.

* * *

А я себя казнила:
 Вина – моя,
 Когда любовь – крапивою –
 Средь бела дня...

Но, словно заклинанье,
 Шептала: «Мой!» –
 Просила пониманья,
 А не покой.

Под бурями шаталась
 И гнулась вниз...
 А ты кричал: «Сломалась!»
 И – сверху вис.

Одна была лишь жалость –
 Топтать меня!
 Вот я и удержалась
 В объятьях дня...

Но оттого страдала
 Под стук сердец –
 Там, где моё начало,
 Там твой конец.

* * *

Крест-накрест душа заколочена,
 И дым не идёт из трубы –
 О, Господи! Это же вотчина,
 Забвения ровный изгиб...

Шаги раздаются неслышные,
 Не ветры кружат небосвод –
 Воздушные роды всевышние,
 Взрывая бесчувственный лёд,

Взмывают счастливым дыханием,
 Касаясь глубоких минут.
 Волнуется память сознанием
 Того, что бессмертьем зовут.

Крест-накрест душа заколочена,
 И дым не идёт из трубы.
 А в храмах, где пыль позолочена,
 Пустые отпеты гробы...

* * *

Вы не меня обидели –
Вы воздух подожгли...
Гораций ли, Овидий ли,
Иль Сальвадор Дали
Сгорят в бездушном пламени,
По ветру – пепел – в лёт.
В моём молчанье каменном
Одна лишь боль поёт!
Так весело, так счастливо, –
Что диву дашься тут:
Ужели радость – часть того,
Что бедствием зовут?

А коли так – от счастья
Я откажусь легко.
Мне Вашего участия
Не надобно! Ни в ком
Искать не стану праздника
(Мне ль праздника искать?),
Своей ждать стану казни, как
Спасения от «знать»
Что Вы – земно устроены...
Земному – рай земной:
– Поставьте, неба воины,
Свечу за упокой.

* * *

Луна льёт свет... В окно вместилось небо.
Здесь кто-то жил, любил, страдал, горел!
И вдруг ушёл поспешно и нелепо –
Пропал. Исчез. И песню не допел.

Пришёл другой... Луна сияет та же.
Всё тот же фильм – интрига без интриг:
Смеяться, горевать... О чём – неважно.
Что важно? Жить. И только. Каждый миг.

* * *

Воспоминания теснились
И, разрывая цепь времён,
Друг другу в чёрно-белом снились...
О, этот непрерывный сон

О том, кто был когда-то рядом,
Смеясь, и лгал и предавал,
Летал и полз, скользил и падал
В непредсказуемый финал...

* * *

Когдаходишь в свой мир – добываешь не всходы, а зёрна.
Можешь сеять и жать, из муки печь хлеба и слова.
Урожай твой велик! Ты – соавтор, ты лепишь упорно
Океаны, моря, небеса, облака, острова...

Лепишь новые солнца, планеты взрывая без страха,
Лепишь новых земель и религий основы свои.
И растут этажи, воскресают мелодии Баха,
Сказки русского леса ликующий Штраус творит.

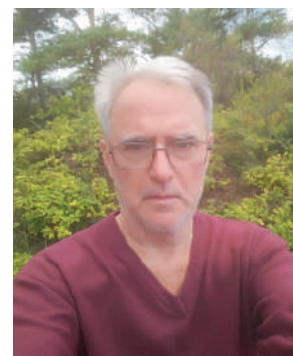
Золотые века, словно люди, сойдясь в хороводы,
Рукоплещут просторам, летящим стремглав за тобой...
Свет и Тьма, взявшись за руки, дети извечной свободы,
Держат мост над рекою с живою и мёртвой водой.

Мы стоим у окна. До распахнутых настезь вселенных
Вдох один. Только вдох до загадочной музыки звёзд.
Ты шагнул. Я шагну. Кто-то третий шагнёт из нетленных.
И аккорды шагнут вслед за нами потоками слёз.

Поэзия

Владимир Стрижов

Владимир Стрижов – родился в Ленинграде в 1954 году. Вырос в городе Зеленоградске Калининградской области. Окончил физико-математический факультет Калининградского государственного университета. Круг интересов, кроме искусства, – Мироздание и Человек. Четыре главных вопроса: Что? Как? Почему? И главное – Зачем?!

* * *

Я – Есть, мой друг! Я – Тот, Кто Есть.
Прошу меня ни с кем не путать.
Не про твою иль чью-то честь,
Не с тем, чтоб нравиться кому-то.

Других таких же нет, как Я,
Как нет других Тебе подобных.
И пусть я – разный. Но всегда
Я Тот, Кто Есть! Из несъедобных.

Дружить со мною нелегко.
И здесь виною не брезгливость.
Не штампы: «близко», «далеко»...
А просто так – несовместимость.

Для тех, кто хочет меня съесть,
Скорей всего я стану ядом.
Я – Есть, мой друг! Я – Тот, Кто Есть!
И приправлять меня не надо.

* * *

Не стоят славы и успеха
Твои свобода и покой.
Поверь, блестящие доспехи
Твоей железною тюрьмой
Однажды станут на потеху
Пред вожделеющей толпой.

Когда, насытив чрево хлебом,
Взалкает зрелища народ,
Он утолить свою потребу,
К тебе, Кумиру, приползёт
И до себя опустит Небо
С его заоблачных высот.

Не рассыпай сакральный бисер
Горстями щедро. Погоди!
Сегодня – «деньги!», «браво!», «бисы!»...
А Завтра? – Время уходить?!
Быть может, лучше за кулисой
Стать Созерцателем да жить?
Сжечь тщетных дел ненужный список
И птиц из клетки отпустить.

* * *

Соблазн всегда в прекрасном есть,
И в искушении – блаженство!
Там совершенство прячет месть
Всем, кто не чтит несовершенство.

Там отголоски прошлых лет
Разбросаны, как сор, повсюду.
Один в забвении поэт –
Его уже никто не любит.

Он вкусно съеден и забыт.
Прошёл, как всё и все проходят.
Талантлив, молод, знаменит
Когда-то был. Теперь не моден.

Букет – изысканный вчера,
Сегодня выброшен в помойку.
Влечение длится до утра,
Но до рассвета греет койку!

Прохлада трезвости вползёт
Под лёгкость пуха одеяла,
И день реальности начнёт
По кругу бег опять сначала.

* * *

Притяжение Духа Материей
Велико. И из тела не вырваться
Просто так, не прожив свои тернии,
Удовольствия, счастья и мытарства.

Не познав тонкий вкус одиночества
После сладости горькой общения
И восторг неизбежности творчества
После долгих дорог разрушения.

* * *

Я с тишиной
живу в себе самом.
В ответ звучит мне только моё эхо,
Когда вхожу
хозяином в свой дом
В ничем не защищающих доспехах

От пустоты,
что полной хочет быть.
Но лишь меня ей, очевидно, мало.
Она могла бы
всех в себя вместить,
Да вот, полней от этого б не стала.

Я одиночеству в аренду сдан
Среди богатства выбора общенья.
Как в эпицентре кроток ураган,
Сквозит покой во всех моих движеньях.

Я отражён
в своих же зеркалах.
Тех, что меня обратно возвращают.
И в созерцаний розовых очках
Я отражений рукопись читаю.

На все звонки
я отвечаю сам
И сам себе передаю приветы.
Нет у меня
почтения к словам,
Когда вопрос значительней ответа.

Вокруг светила вертится Земля
И оторваться прочь никак не может.
Так пёс дворовый, цепь свою кляня,
Кружит на привязи
возможного.
Я – тоже.

* * *

Что происходит, господа?!
Кто нам откроет эту правду,
Когда вдруг искренне года
Свои просматривает каждый?

Что в состоянии понять
Наш ум, детальностью пленённый?
И кто из нас желает знать
Всё так, как есть, людьми рождённый?

Кто состоятелен вполне
Здесь, на Земле, и там – на Небе?
И кто сторонний на войне
За свой очаг и корку хлеба?

Кто в состоянии презреть
Материю с её тюрьмою?
И наконец-то не терпеть,
А жить с открытою душою.

Кто что-то знает о любви?
Кто был когда-нибудь свободен?
И только ветер фонари
Качает, осени угоден...

* * *

Уже ли всё, что было жаль,
За дверью в прошлое осталось?!
Тумана тонкая печаль
Вчера по окнам в сад стекала

И оседала на ветвях,
Отцветших несказанным светом,
На красках осени, друзьях,
На всём, что было прежде Летом...

Из четырёх сезонов год,
Четыре времени в природе.
Воспоминаний хоровод
Кружит с листвою в непогоду,
Уже сезон четвёртый ждёт...

И следом, наконец, – Свобода!

* * *

Прощенья Человек достоин
Уже за то, что здесь рождён.
И, одинокий в поле воин,
Уже на смерть определён.

За то, что, в очевидной схватке
За выживание, не мог
Играть с самим собою в прятки.
И не всегда бывал жесток.

За то, что пресловутой чаши
Не миновал и пил до дна.
Что жизнь пытался сделать краше,
Но принимал, как есть, всегда.

За то, что белой был вороной.
А чёрных с детства не любил,
Державших стаей оборону.
Они – клевали. Он – их бил.

За то, что не без сожаленья
Сдавал в осаде города
И ждал рассвета пробужденья
От комы массового сна.

Во лжи тотальной знал и верил,
Что всё неправда, всё не так.
Что существуют где-то двери –
Открой и выйди, сделай Шаг!

Да кто б из нас ни подписался
Здесь в несогласии своём!
Если, конечно, в нём остался
Тот, кто был Матерью рождён.

* * *

В тот день, когда приходит осень
И с сердца первый лист слетит,
Ты вдруг заметишь, как уносит
Куда-то небо стаю птиц.

Холодным утром это будет.
Ещё чуть дремлющий рассвет
Туман за окнами разбудит
И тихо ночь сведёт на нет.

Ты выйдешь – зябкий, неготовый –
В молочных сумерках стоять,
Смотреть, в который раз, как снова
День станет сам себя рождать.

И вдруг, пронзительно-знакомый,
Как близко, так и далеко,
Услышишь крик, словно из Дома,
Что всеу лет забыл легко.

Тогда, вцепившись взглядом в небо,
Туман осенний, птичий клин,
Поймёшь, как долго ты там не был
И как давно уже один.

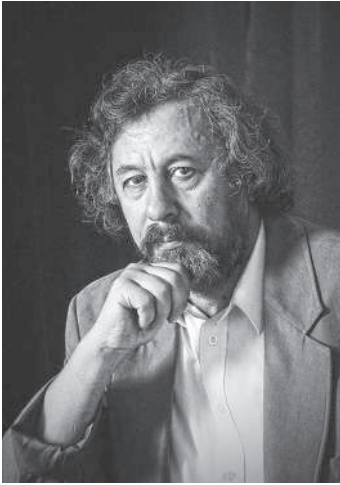
И станет «здесь» совсем чужою
Та жизнь, что ты считал своей.
И беспричинно пёс завоет
С той стороны твоих дверей.

* * *

Умейте наслаждаться мелочами!
Случайной радостью нечаянных минут,
Когда внезапно происходит что-то с нами
И всё меняется – как будто ты не «Тут»,
А где-то «Там», в безмерности далёкой,
Непостижимой будничным умом,
Где ждёт и теплится нетронутым до срока
Твой настоящий, но забытый Дом.

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Куприянов – родился в 1939 году в Новосибирске. Учился в Высшем военно-морском училище в Ленинграде. Окончил Московский институт иностранных языков. Член Союза писателей России и Сербской Республики. Поэт, прозаик, переводчик. Литературные премии: фестиваль поэзии в Гонезе (Италия, 1986), Европейская литературная премия (Югославия, 1987), Македонский жезл поэзии (Скопье, 1999), премия им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006), премия министерства образования Австрии (2007), «Моравский свиток» (Сербия 2008), Бунинская премия (2010), им. Маяковского (2011), Почётная грамота президента Республики Саха (Якутия, 2016), премия Союза писателей Сербии (2017), «Европейский атлас поэзии» (Сербия, 2017), Felix Rotulana (Сербия, 2017), «Сердце связующая нить» (СП России, 2018), «Югра» (Ханты-Мансийск, 2018), Naji Naaman's Literary Prize (Япония, 2018).

Из жизни одного короля

Король летит на ковре-самолёте,
вокруг него сгрудилась его свита.
– Куда мы летим? – вопрошает король.
– Мы летим в Лапландию, Ваше Блаженство,
мы намерены провести с ней переговоры
о нераспространении льда за её пределы.
– Странно, – говорит король, –
ведь лёд несёт ветром,
а ведь это мы делаем погоду.
– Но лёд производит Лапландия,
Ваше Блаженство.
– Великолепно. Однако, когда мы будем
пролетать горы,
прошу вас обратить на них моё внимание.
– Горы, Ваше Блаженство, обратите внимание,
горы.
– Великолепно! Если бы всю землю покрывали
горы, нам бы не надо было летать на самолётах,
можно было бы просто прыгать с вершины
на вершину.
– Совершенно верно, Ваше Блаженство,
но у гор один недостаток:
они производят лёд, и, следовательно,
Лапландия
может предъявить претензии на все горные
вершины.
– Невероятно! Невероятно! Как только
мы прибудем на место, напомните мне
о моём народе,
о его мощи, величии и названии,

чтобы от его общего лица я мог Лапландии
диктовать волю.
– Воля ваша, Ваше Блаженство,
а что касается народа, то ваш народ – это люди,
люди не позволят дать себя в обиду.
– Великолепно. Но когда мы будем пролетать
море, прошу вас обратить на него моё внимание.
– Море, Ваше Блаженство, обратите внимание,
море.
– Великолепно! Если бы всю землю покрывало
море, то нам не надо было бы делить землю.
– Совершенно верно, Ваше Блаженство.
– Но поскольку это не так, обратите внимание,
когда мы будем перелетать границу,
не забудьте всем раздать меховые шапки,
чтобы чуждое веяние не повредило нам уши.
– Будет сделано, Ваше Блаженство.
– Кстати, что это за дымка там, на горизонте,
может быть, это враждебные силы
в нарушение всех негласных соглашений
выбивают там свои ковры-самолёты?
– Не волнуйтесь, Ваше Блаженство,
горизонтальная служба наведёт там свой порядок.
– А где мы летим? – король вопрошает.
– Мы летим, где положено, – отвечает хором
свита, и её ответ переходит в гимн стихиям,
которые тем и прекрасны,
что нам должны покориться.
Но король опять вопрошает в тревоге:
– Да кто мы?

– Мы сама справедливость, – поёт его свита.
 – Мы сама справедливость, и на нас вся
 надежда, – и король поёт вместе
 со всею свитой,
 пока не становится видимым дыханье,
 и тогда он отдаёт распоряженье
 раздать всем меховые шапки, и песня стихает,
 потому что сквозь шапку её не слышно.
 – Куда мы летим? – вопрошает король в шапке.
 – Мы летим в Лапландию, Ваше Блаженство,
 мы летим в Лапландию делать погоду, –
 но король уже ничего не слышит.

* * *

Король проводит день в большой тревоге,
 первый день, а потом второй и третий,
 приближённые спрашивают,
 что его так тревожит,
 и король отвечает:
 – Надо рассмешить Царевну-Несмеяну,
 она не хочет смеяться тому,
 чему мы смеёмся.
 У всех есть ковры,
 у некоторых самолёты,
 но ковры сами по себе не летают,
 а самолёты не всегда мягко садятся.
 У всех пока есть, что есть,
 но никто не знает, что будет,
 так что срочно нужна скатерть-самобранка,
 а чтобы всего этого добиться,
 может понадобится дубинка-самобитка
 как для народа, так и для приближённых.
 Короче говоря, мне кажется, что дурак нужен,
 Иван-дурак, ещё не совсем превратившийся
 в Джона,
 чтобы разрешить некоторые проблемы.
 – Что за проблемы! –
 восклицает первый приближённый,
 а за ним второй и третий,
 – Если я нужен, то я перед вами!
 – Нет, – король качает короной, –
 мне такой дурак даром не нужен,
 мне нужен дурак из сказки,
 который выловит в проруби подводную лодку
 и заставит её исполнять свои мирные желания,
 не обязательно ему ездить на ядерной печке,
 но очень хочется, чтобы на душе потеплело,
 и хочется, чтобы всем стало веселее.
 – Да, такого дурака найти непросто, –
 говорит первый приближённый.
 – Такого дурака нынче с электричеством
 не сыщешь, –

говорит второй приближённый.
 – Таких дураков нету, –
 говорит третий,
 и говорят все вместе:
 – Мы дураки не такие,
 хотя тоже хочется, чтобы на душе потеплело,
 и хочется, чтобы всем стало веселее.

* * *

– Народ ждёт от вас действий, Ваше Блаженство.
 – Откуда это видно?
 – Это видно из того, что народ безмолвствует.
 – Каких же действий ждёт безмолвный народ?
 – Лучше всего военных,
 поскольку в этих действиях
 народ хорошо себя проявляет
 и выявляет свои лучшие силы,
 которые кричат вперёд, когда надо,
 и безмолвствует, когда уже ничего не надо.
 – Против кого должны быть действия?
 – Скорее всего, против другого народа,
 который тоже хочет выявить свои лучшие силы.
 – А когда одни лучшие силы
 угрожают другие лучшие силы,
 чего мы добьёмся с остатками народа?
 – Мы добьёмся мирных переговоров, Ваше
 Блаженство,
 в результате которых
 вам могут предложить остатки другого народа,
 который будет безмолвно ждать от вас других
 действий.
 – Против кого?
 – Хотя бы против остатков своего народа,
 Ваше Блаженство!

* * *

– Раз вы король, то вам нужна охрана, –
 сказала ему свита.
 – Что это значит, охрана?
 – Это сильные, крепкие люди,
 которые будут вас защищать от прочих.
 – Кто такие прочие?
 – Это сильные, крепкие люди,
 которые захотят отнять у вас корону,
 а то и жизнь вместе с короной,
 а то и просто жизнь,
 вообще без короны.
 – Что это за жизнь,
 если есть такие люди,
 и в чём смысл охраны такой жизни?
 – Смысл в том,

чтобы все сильные, крепкие люди
постепенно вошли
в число вашей охраны,
не отняв у вас вашей жизни
при этом постепенном переходе
и не покушаясь в дальнейшем
уже в качестве охраны
на вашу корону.
– Не проще ли
ходить в обычной меховой шапке? –
спросил король, но ему возразили:
– Не проще,
ибо всё равно тяжела шапка Мономаха,
тем более если и под ней
пытаться думать.

* * *

Над королём размахивают опахалом
и приговаривают при этом:
– Вы лицо историческое,
поэтому не закрывайте лицо руками.
В ваших руках судьба народа,
поэтому, когда идёте вперёд,
смотрите под ноги и мягко ступайте.
Когда будете что-нибудь обещать народу,
стучите себя кулаком в грудь,
это можно.
Чтобы грудь при этом брэнчала,
мы её увешаем орденами,
это придаст весомость каждому слову.
– А если народ повернётся к историческому
лицу задом?
– Шутить изволите, Ваше Блаженство,
народ есть сущность абстрактная,
так что ему фактически нечем к вам
повернуться.
– Любопытно, а мне казалось,
что если кто имеет свое лицо,
то имеет и всё остальное.
– Вашему Блаженству простительны даже
крамольные мысли.
– Мысли всегда простительны
(по рядам свиты пролетает шёпот –
король сегодня в добром расположении духа).

* * *

Король решил погладить народ по головке,
памятуя о том, что народ перед ним снимает
шапки,
приближённые тут же пошли ему навстречу
и склонили свои пустые головы перед

Его Блаженством.
Но умеренная оппозиция тут же покорно
возразила –
народ всё равно останется недоволен,
поскольку до любого и каждого трудно
дотянуться,
разве что во время массовых
народных волнений, но и тут трудно будет
отличить народ от стражей порядка,
которые от волнения потеряют свои
железные каски.
К тому же любой и каждый может этот жест
понять иначе,
будто рука владыки потянулась не к головке,
а к горлу, так что народ может просто откусить
вашу руку,
ибо у народа зубов больше, чем мозга.
Пусть лучше народ вашей протянутой руки
не замечает,
поскольку видит только свои протянутые руки,
а король пусть гладит своих приближённых,
тех, у кого ещё есть голова на плечах,
их число ограничено и обозримо,
из них каждый может ловко лизнуть вашу руку,
даже если она дружески дерёт вам уши.

* * *

Как отмечают хроники и хроникёры,
народ короля любит,
поскольку король накормил свой народ
чужим народом.
Но если народу тыкать в нос чужим народом,
он ничему не поверит,
он будет задавать ехидные вопросы:
откуда видно, что чужой народ съеден?
Можно проверить все пустые упаковки,
на них нет и намёка на людоедство,
на наших свалках не найти человеческих
скелетов,
в нашем кофе нет чужого пота
и в блеске наших алмазов и рубинов
ничья чужая кровь не играет,
а вы хотите наши рекламные радужные краски
залить краской стыда, скорее серой,
чем красной,
в конце концов, что вы от истории хотите,
всегда в истории сытые давали работу
голодным,
и, если кто-то из голодных делался сытым,
это не значило, что он съел своих голодных
братьев,
ведь чем больше сытых,

тем больше работы для голодных,
это верно как для нашего народа,
так и для любого другого,
для которого наш народ – пример
для подражания, потому нашего короля
должны любить все народы,
и за этим должны следить
хроники и хроникёры.

* * *

Король был когда-то
простым человеком,
и с ним водились простые люди,
для которых всё просто.

И вдруг он понял,
что можно быть ещё
проще простого,
и тогда с ним стали водиться и те,
для кого всё
проще простого.

Главной заботой короля стало
следить за тем, чтобы те,
для кого всё проще простого,
присматривали за теми,
для кого всё просто,
то есть те, кто проще простого,
не спускали глаз
с простого человека
в надежде на то,
что простой человек
сам уже не допустит
никакого другого человека.

Так они и жили,
люди как люди.

* * *

Что за весть нам на хвосте принесла сорока,
и не сорока, а совсем чужая птица,
да и вообще этой птицы никто не видел,
только кто-то слышал,

будто она провещала,
что наш король умер.
Как мы теперь будем,
что с нами без него станет?
Мы ведь думали, что король вечен,
а теперь возможны перемены,
нам, возможно, придётся
не думать по-другому,
а по-другому не думать –
это очень болезненная перестройка,
вот поэтому мы горюем,
мы плачем:
на кого ты нас покинул,
вокруг кого теперь будет виться наша свита,
от лица кого мы будем плясать и петь
перед народом,
перед лицом кого мы будем твердить
о благе народа,
вслед за кем,
по поручению кого,
в чью честь и кому на руку?
Увы, но кто это идёт нам навстречу?
Это же Его Блаженство собственной персоной!
Кто же это нам подсунил чужую птицу,
да и не чужую, а просто сороку,
на хвосте у которой мы чуть не поплелись всей
свитой?

* * *

Диковинный сон королю приснился,
будто народ его процветает,
и король понял, что это сновиденье.

Диковинный сон королю приснился,
будто он и не король вовсе,
и тут он в страхе проснулся.

Диковинный сон королю приснился,
будто он свой подданный и не больше,
и тут же сон стал ещё глубже.

Диковинный сон королю приснился,
будто он сам над собой поставлен,
с тех пор короля бессонница гложет.

Берега юбилеев

Александр Герасимов

*Редакция журнала, коллеги и читатели
поздравляют Александра Владимировича с 65-летием!
Новых творческих успехов, светлого вдохновения!*

Александр Герасимов – родился в 1955 году в селе Иннокентьевка на Амуре. В прошлом учитель, журналист и руководитель редакций телевидения, председатель телерадиовещательной компании «Амур», член коллегии ВГТРК, трижды избирался председателем Амурской областной организации Союза журналистов России. Автор рассказов и пьес (публикации в литературных журналах России, Австралии, Германии, Канады, постановки в театрах Абакана, Владивостока, Луганска, Сизла, Тынды, Челябинска и др.). Награждён орденом преподобного Сергия Радонежского Русской Православной церкви. Заслуженный работник культуры РФ. С 2011 года живёт в Калининграде. Член редакционного совета литературно-художественного журнала «Берега».

Ни слова о телевидении!

Оно высасывает глаза, завлекает, не отпускает и тупит умы. Оно – симуляция чувств, имитация мыслей и желаний. От нас требуется немного: пучиться в мельтешащие картинки, по команде невидимого режиссёра вовремя удивляться, умиляться, возмущаться, плакать, смеяться, покупать, голосовать и подчиняться. Нам подскажут, где и какую эмоцию проявить, какой товар и какого политика захотеть, – вовремя щёлкнет и вспыхнет табло. Мы уже не можем представить свою жизнь без ежедневных депутатов, рекламных роликов и этих (далее по списку): наглых силиконовых див, озабоченного премьер-министра, крашенных певцов весёлой ориентации, обрюзгших юмористов, терактов, киношных бандитов, грязного белья только что умерших артистов. Список неполный, но по сути исчерпывающий. Жизнь мерцающего зазеркалья подавляет и подменяет иную, не виртуальную, распоряжается ею. Это безумное шоу за гранью добра и зла. Это – телевидение.

Я отдал ему двадцать семь лет. Оно предало меня, а я проклял его. Я дал зарок: ни слова о нём. Но оно мне снится.

Когда-то мне казалось, что мало кто так понимает его и чувствует, как я. До сих пор, даже отвернувшись от работающего телевизора, зримо воспринимаю, что там происходит. Непрофессионализм и наглую фальшь чувствую кожей, физически, болезненно. Не читайте советских газет, – рекомендовал персонаж «Собачьего сердца» Филипп Филиппович Преображенский. Рефлексивному человеку перед приёмом пищи было крайне вредно читать те газеты, портился аппетит. Нынешнее телевидение бесстыжестью превзошло советские газеты. Люди добрые, не смотрите телевизор! – говорю вам я, персонаж и персона (в недавнем прошлом) отечественного телевидения. Вам грозит уже не изжога и несварение желудка, а более страшная болезнь – неизлечимый идиотизм.

Не циник, даже не прагматик, а должно быть – последний романтик, – до сих пор наивно полагаю, что телевидение – собеседник. Это гость, который без стука и спросу входит в дом и становится в нём желанным. Конечно, такое возможно только в идеале. Но телевизионному человеку надо к нему стремиться. Расположи аудиторию к себе, потому будь сам предельно открытым. А где невозможно, прояви сдержанную ироничность. Лучше промолчать, чем лукавить и лгать. Корректная недоговорённость часто сильнее многих слов и нервных эмоций.

Могу надавать немало советов. Но кому?

Моя первая телевизионная должность – редактор молодёжных программ. На самом деле редактировать я мог только себя, потому как являлся и автором сценария, и ведущим собственной телепередачи. Первое задание: сорок пять минут эфирного времени для рассказа о молодёжи целинного приамурского совхоза; на подготовку – целая неделя.

Рейсовым автобусом съездил на два дня в неблизкое село «за материалом». Официально столько же времени потратил на неторопливое написание сценария, на самом деле – час работы с перекурами. Всё шло по плану: в графике следующего дня был назначен выезд киногруппы.

Наивный, не знал: на телевидении гладко ничего не происходит. В день выезда оказалось, что у редакции кончился лимит киносъёмок. Тогда не было переносных профессиональных телекамер, внестудийные съёмки делались на киноплёнке, которая делилась на неозвученную – «немую» – и «синхрон». Последнее означало съёмки с одновременной записью звука на громоздкий магнитофон, – при монтаже киноплёнка и такая же перфорированная магнитная лента синхронизировались, подгонялись под артикуляцию говорящих в кадре. После эмоциональных трёхчасовых разборок у редакции художественных передач отобрали и мне, дебютанту, торжественно, с назиданиями и слезами на глазах, передали разрешение на две минуты «синхрона» и две – «немой».

Легче всего научиться плавать, когда в раннем детстве бросят в воду, скажут «плыви» и отвернутся. Обязательно научишься. Ограничения в технических средствах воспринял как должные, с драгоценной плёнкой распорядился экономно. Снял в полторы минуты киносюжет о девушке-трактористке, двухминутное интервью с юношей-доярком (нетрадиционный контраст профессий) плюс две панорамы села: со стороны трассы и с ржавой водонапорной башни, куда залез вместе с кинооператором и, вцепившись в железную скобу, страховал того за брючный ремень. Для заполнения остального эфирного пространства передачи предполагались мои монологи и диалоги с собеседниками. В студию я пригласил медсестру сельского медпункта – бывшую красавицу-трактористку и целинницу Валентину Ивановну, а от молодёжи, принимающей эстафету поколения первоцелинников, – совхозного диспетчера, по совместительству – секретаря комитета комсомола, хромого инвалида Валеру. Заранее договорился лично, а потом ещё и созвонился с парторгом совхоза, объяснил, что люди должны приехать в студию в пятницу к десяти часам утра на репетицию и запись передачи.

Утром в день эфира выяснилось, что записывать программу не будут, так как редакция съела все лимиты по использованию услуг цеха видеозаписи. Этот цех был призван ежеквартально бдительно беречь от излишней загрузки головки своих магнитофонов – официально считалось, что те очень сильно истираются. Короче, – записи не будет! Потому до обеда – только «тракт», так называют холостой прогон программы в студии, а вечером в половине восьмого – «живой» эфир. В моём новом коллективе такие стрессы были нормой. Перевыполнение и невыполнение квартальных лимитов «загрузки видеозаписи», как и киноплёнки, даже на одну единственную секунду – каралось лишением премиальных. В условиях плановой экономики развитого социализма вся отчётность шла в Москву, в Гостелерадио. Журналистам и режиссёрам премий не выдавали, им выплачивали скромные авторские гонорары и постановочные. Премии получали инженеры, технические работники и администрация. Смухлевать и договориться было невозможно. Рисковать зарплатой никто не хотел. Видеоинженерам вообще выпадала счастливая халява: не жалея, не щадя рабочее время и драгоценные видеоголовки, крутили на производственных магнитофонах фильмы и мультики, развлекались, посмеивались и плевать хотели на проблемы «творцов» – не они ж те правила придумали.

К десяти приглашённые мною собеседники на тракт программы не явились. Я отбарабанил в пустой студии свои монологи, мелькнули кадры киноплёнки. Прогон уложился в десять минут. А что дальше? С чем, точнее, с кем выходить в настоящий эфир? Звоню, слышимость плохая, волнуясь, выясняю. Оказалось, что Валера в Благовещенск ещё накануне поехал, потому что у него в городе брат живёт, а Валентина Ивановна никуда не поехала, оттого что утром молоковоз сломался и не забрал её до райцентра, чтобы оттуда до города автобусом, а больше выехать не на чем. Пытаюсь объяснить, доказать, потребовать, чтобы всех нашли, отправили, потому что вечером эфир, несу ахинею про обком, который будет очень важную передачу смотреть. Пообещали Валентину Ивановну отправить до райцентра на машине «скорой помощи», оттуда каким-нибудь проходящим автобусом, к вечеру авось до города доберётся. А Валера, должно, загулял, дело молодое, вообще-то он ответственный, появится. Успокоили.

Время медленно тянулось и бешено несло. Не мог сидеть в студии, взад-вперёд ходил за воротами телецентра. Был конец сентября, моросил дождик, в холодных лужах мокли и раскисали несчастные жёлтые листья. За тридцать минут до эфира увидел ковыляющего к студии комсомольца. По лужам, зачерпнув воды в ботинок, бросился навстречу, обрадовался, обнял как родного. И только потом разглядел: у героя моей передачи нет лица. То есть оно имеется, но всё в синяках: чёрные круги под глазами, гематомы на лбу и щеках. «Городские в вашем Доме молодёжи навалили, – пояснил Валера, – но мы вашим тоже дали». Герой совхозный и раньше оратором не был, а сейчас губы разбиты, запеклись, еле лопочет, хотя и кичится по-деревенски, и пиджак на нём парадный – чёрный двубортный. Хороший персонаж для телевизионного дебюта! За пятнадцать минут до эфира прибежала Валентина Ивановна: растрёпанная, испуганная, дрожит. Ассистенты режиссёра наспех причесали волосы, чуть припудрили лицо героини и наглухо запудрили лицевую сторону головы герою моей программы.

Нас провели в студию. Трёхминутная готовность. Припекают и жарят фонари, слепят глаза. В сумерках за громоздкими телевизионными камерами снуют силуэты телеоператоров, осветителей, ассистентов. Слышны переговоры проводной связи с режиссёрским пультом. За спиной с артиллерийским грохотом взрывается раскалённая лампа светильника. От неожиданности вздрагиваем, вжимаем головы. Как и мои герои, я сам впервые нахожусь в эфирной студии.

– Не переживайте, – говорю, – не волнуйтесь. Валентина Ивановна, не обращайтесь ни на кого внимания. А ты, Валера, что бы я ни спросил, старайся отвечать коротко, а лучше – односложно: да и нет. Понятно?

– Угу, – мычит в ответ Валера, – да и нет, угу. – Тяжёлая капля пота, слетев с напудренного подбородка, падает на лацкан его чёрного пиджака, тут же высыхает и становится большим белым пятном.

Показываю оператору пальцем на пятно, тот кивает. Надеюсь, что понял: только общий план, без крупного.

– Минутная готовность! – это голос режиссёра. – Проверяю микрофон. Посчитайте.

– Раз-два, два-раз, раз-два.

– Спасибо. Приготовились! Пять секунд, четыре, три, ни пуха...

– К чёрту!

– ...две, эфир!

Щёлкает табло «Микрофон включён!». Вспыхивает уголёк над трёхглазой турелью телекамеры. Я в эфире!

Это длилось долю секунды. Но промелькнувшие вдруг картинки я рассмотрел очень чётко. Ярко, как вспышку молнии. Увидел острый шпиль телевизионной мачты. От него во все стороны в вечернее небо, как в учебнике физики за восьмой класс, разлетались кругами магнитные волны. Это моё изображение летело в эфир. Одновременно я увидел своих зрителей. Во множестве разных квартир они сидели перед телевизорами. Все были в красных домашних тапочках. И все выжидающе смотрели на меня.

Что я, незнакомый им человек, хочу сказать? Зачем появился? И что за растерянные люди сидят со мною? На дневном тракте я изображал телевизионного публициста: с пронизательным взором говорил правильные и многозначительные слова. За долю секунды понял, что там была игра и позирование. Что сейчас на мне иная огромная ответственность. Рядом со мной испуганные люди. Я должен сделать так, чтобы они открылись и стали интересны.

– Добрый вечер, дорогие телезрители! – сказал я и улыбнулся, было очень трудно первый раз улыбнуться, после длинной фразы из четырёх слов пересохла губы и язык, но, улыбнувшись, я неожиданно успокоился, появилась уверенность и убеждённость хозяина студии. – У нас сегодня будет интересная передача, потому что я познакомлю вас с очень интересными людьми.

Представив гостей – собеседников, стал говорить об истории целинного совхоза, о некоей незримой связи поколений молодёжи пятьдесят седьмого и восьмидесятого. В уже далёком целинном году Валентине Ивановне было семнадцать, а Валера только родился. Как и все девчонки-трактористки нового совхоза, наша героиня жила в степи, в полевом вагончике.

– Вы помните, Валентина Ивановна, как однажды утром вы чуть не опоздали на смену? Как и сейчас, была осень, и ваша коса примёрзла к железной спинке кровати...

Женщина не ожидала вопроса, не ведала, что от её подруги я знаю ту далёкую историю. Она заплакала, потом смутилась, потом улыбнулась мне и, уже не обращая внимания на телекамеры и жгущие софиты, начала рассказывать. Как примёрзли разметававшиеся волосы, а на работу нельзя

было опоздать. Попросила у подруги ножницы и отрезала косу, росшую с самого детства. Они в пятьдесят седьмом были ещё сами как дети. Взрослая жизнь только-только начиналась. Господи, как они верили в светлое будущее!

Откуда что взялось? Внешне был раскован, улыбался, но внутри предельно собран, вёл нить разговора, не давая собеседникам отвлечься и замкнуться. Валера тоже втянулся в беседу не столько монологами, сколько сопереживанием – оказался очень славным парнем. Мы говорили о целине, юности, мечтах, радостях, потерях, детях, тревогах и надеждах. Не забыл я и о крохотных кинорепортажах, снятых в селе. Успевал замечать, какая камера, из трёх студийных, включена, ведя диалоги, смотрел и в объективы, обращаясь к зрителям, как бы приглашая их к разговору.

Сорок пять минут эфира пролетели, и даже мало показалось отведённого времени.

– Всем спасибо! – сказал через «громкую связь» режиссёр. – Поздравляю с дебютом!

Подошёл телеоператор Володя Николаев:

– Ты где так научился камеры чувствовать? Ни разу не ошибся. И разговор интересный получился, я и сам слушал.

Где? В школе учителем работал. А там обязан был видеть и весь класс, и каждого. И удерживать внимание аудитории там же научился.

На еженедельной летучке передачу отметили как лучшую:

– Участники в студии были такие естественные. Как у себя дома. Редкий случай. Просто повезло таких людей найти.

Конечно же, повезло. И потом везло. Но не то было важно. Я интуитивно и спонтанно определил для себя три главных правила собственного поведения в кадре:

– Рассказывая о чём-либо, говори так, чтобы самому всё было любопытно, тогда и телезрители будут слушать.

– Проявляй искренний интерес к собеседнику, и он раскроется.

– Не позируй, не рисуйся, оставайся собой. Женщинам красоваться можно, мужчинам – нельзя.

Согласитесь, всё очень просто, даже как-то тривиально. При случае можете проверить на практике. У вас получится.

А потом началась работа. Командировки, сценарии, съёмки, эфиры. Ежемесячно минимум пятнадцать суток командировок, – каждый второй день в разъездах. Жизнь кочевника-бродяги: где спать лёг, там и дом. Через несколько лет в Амурской области не осталось ни одного населённого пункта, даже если считать таковым сообщество из трёх-четырёх домов, где хотя бы однажды я не отметился. Было интересно ездить и узнавать людей, в общем телевизионном потоке мои передачи выделялись.

Кроме «молодёжных» программ стал готовить и вести цикл очерков «Люди и судьбы». Года через три впервые попал на месячную учёбу в Москву. Интересны были не столько лекции, как общение с коллегами из иных углов и весей огромной страны (сопоставляешь себя) и встречи с известными московскими коллегами (ничего особенного).

Но «профессиональное мастерство» у нас вёл классик, один из основоположников отечественного телевидения, Сергей Муратов. Его я слушал, боясь пропустить слова и даже запятые. Перед окончанием учёбы мэтр попросил всех написать курсовые работы для последующего обсуждения и закрепления усвоенных знаний и навыков. У наших сочинений были свободные в изложении темы, лишь бы о телевидении. Я писал несколько ночей, отдал текст машинистке, получилось восемь страниц плотного текста. Изучив наши описания, Муратов устроил корректный разбор и совместное обсуждение. По очереди обсудили всех. Кроме меня. Каждому нашлись слова поддержки и профессиональной критики. Сердце колотится и замирает в груди: неужели я чего-то не понял, не то и не теми словами написал, неужто всё напрасно? Должно быть, оттого что я не получил профессионального образования, сидящие вокруг закончили факультеты журналистики известных университетов, только я – провинциальный пединститут. Вот уже Муратов всех благодарит за старания, желает профессиональных успехов, прощается и смотрит на меня:

– Александр, оставайтесь, пожалуйста. С вами отдельный разговор.

Все слушатели, оглядываясь на меня, уходят. Муратов садится напротив, смотрит мне в глаза, снимает и вновь надевает очки:

– Я не хотел при всех. Внимательно прочитал вашу работу. Вы телевидение не понимаете, я хотел сказать, что вы его не только умом понимаете, как все здесь молодые люди, вы им живёте. Это

редкая способность, постарайтесь её в себе сохранить. Я позвонил в редакцию газеты «Советская культура», рассказал о вас. Вот телефон редактора отдела телевидения. Созвонитесь, отнесите свою рукопись. Мне пообещали опубликовать. Удачи вам.

Позвонил и отвёз. Женщины, редактора отдела, на месте не оказалось, болела. Потом перед самым отъездом из Москвы звонил ещё несколько раз. Наконец услышал усталый прокуренный голос:

– Да-да, мне о вас Серёжа Муратов рассказывал. У вас очень интересное эссе. Язык хороший. Персонажи чудесные. Но слишком много телевизионной кухни. Надо бы вам немного текст переписать. И объём сократить до одной второй газетной полосы. Ах, вы же телевизионщик, должно быть, не знаете, одна вторая полосы – это...

– Извините, я знаю, что такое одна вторая. Постараюсь переписать и принести текст. Но завтра я улетаю домой.

Обладательница усталого голоса определила жанр моего сочинения. Композиция текста эссе была довольно сложной: истории жизни героев трёх телеочерков из цикла «Люди и судьбы» переплетались с рабочими моментами съёмки, рассуждениями и переживаниями автора. Я не стал переделывать текст. Как не рассказывать о «телевизионной кухне», когда именно о ней писал? О том, как бережно снимал людей и отчего мои герои не замечали камеры, оставались «живыми», в кадре откровенничали, искренне смеялись и, не стесняясь, плакали.

Потом были ещё сотни передач, очерков, телевизионных рассказов, расследований и репортажей. Работа приносила не материальные блага, – моральные. Открывал себе и зрителям новые, ещё не освоенные телевидением темы. Реально помогал конкретным людям. Мне верили, писали письма, просили приехать. Перед телекамерой с микрофоном в руке я не боялся ни разъярённой толпы, ни бандитов, ни природных стихий, – много было катаклизмов и житейских ситуаций в стране и у меня. Жил, как рыба в аквариуме, – всегда на виду у всех.

В публичных профессиях умных людей немного. Актёрские и телевизионные сообщества – тому доказательство. Кто эти социальные группы знает близко – подтвердят. Громких слов, внешних эмоциональных эффектов – сколько угодно, а внутреннее интеллектуальное сопровождение хромает. Это не порок, а спасение. В России от ума всегда горе. Да и ни к чему несчастной стране публичные горемыки.

Наши масштабные политики, несомненно, самые публичные люди. Но сколько бы ежедневно ни мелькали на телеэкранах современные деятели, а в публичности им не обойти Михаила Горбачёва. Всё-таки телевидение тогда имело много большее воздействие на умы и чувства людей. Именно тогда произошло его пробуждение, становление и расцвет. То был и пик моей популярности. Еженедельная телепрограмма «Молодёжный четверг» начиналась в шесть вечера, заканчивалась за полночь. Содержание: перестроечные репортажи, дискуссии, интервью и музыка видеоклипов. Был автором, телевизионным ведущим и руководителем большой редакции, в подчинении полтора десятка человек. На фестивалях молодёжных программ Дальнего Востока и Сибири наш «Четверг» занимал первые места по всем номинациям. Из участника и лауреата этих фестивалей я перерос в «незаменимого» председателя жюри. Случайно слышал, как некоторые люди называли меня «легендой», а кто-то даже «эпохой телевидения». Забавно быть живой легендой и эпохой. Хотя новые поколения знают меня уже как просто бывшего телевизионного чиновника. До сих пор случается: идёшь по улице, посмотришь незнакомому человеку в глаза, и тот здоровается. Скорее, даже и не помнит: откуда знает, где видел, а на всякий случай приветствует. Улыбаюсь и киваю в ответ. Издержки прежней публичной жизни – давно ушёл с телевидения, а узнают и за спиной что-то комментируют, не спрячешься, такая судьба у человека из телевизионного аквариума.

...Очередной губернатор летом две тысячи седьмого, ещё ни разу не побывав в Благовещенске, привозил на утверждение в столицу, на моё пока не освобождённое кресло, – директора овощного рынка города Казани. Ту первую кандидатуру отчего-то не одобрили. Но мне предложили уйти «по собственному».

Залётный губернатор куролесил недолго, уехал от нас со скандалами, но то уже другая история.

Другие времена, другие люди, другое телевидение. Конфликт мечты с действительностью когда-нибудь должен был разрешиться. Время телевизионных романтиков кануло в Лету. Как это ни банально: «свободным миром» правит корыстолюбие, продажность и пошлость. И ни слова больше о телевидении! При мне ни слова.

Берега памяти

Григорий Блехман

Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Работал научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Родился 11 августа 1945 года на Кубани – в казачьей станице Бесскорбная. В 1955 году отца перевели на работу в Москву, куда переехала вся семья. Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор одиннадцати сборников – стихов, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Союза писателей России. Лауреат Международной и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017».

Неправда, друг не умирает...

(9 октября Сэде ВЕРМИШЕВОЙ было бы 88)

Печальную весть о том, что утром 18 февраля ушла в мир иной наш выдающийся поэт, публицист и мой близкий друг Сэда Константиновна Вермишева, получил тем же вечером. Сначала позвонил писатель и драматург Валерий Лебединский, потом её сын Сурен. И хотя с конца прошлого года здоровье Сэды Константиновны серьёзно ухудшилось, да и возраст почтенный, к случившемуся утром того дня никак не был готов. К тому же 5 февраля она написала мне, что ей стало легче и как только чуть окрепнет, очень бы хотела продолжить нашу беседу о возможных причинах распада Советского Союза, первая часть которой была опубликована в декабрьском номере газеты «Слово» и на сайте «День Литературы». Беседа имела широкий общественный резонанс, и Сэде Константиновне было очень приятно видеть и слышать серьёзные, благодарные комментарии уважаемых людей.

Мой первый вопрос в продолжение этой беседы у неё уже был, поскольку дальнейший контур мы наметили ещё по окончании первой части. И именно на него она готовилась ответить после того, как написала мне 5 февраля.

Но... судьба распорядилась иначе, и теперь мой близкий друг уже ничего не напишет.

* * *

Помню, что в какой-то момент того печального вечера, после разговора с её сыном Суrenom, в памяти всплыли строчки В. А. Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сочувствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностию: были.

Единственное, что в этих прекрасных словах смутило, – глагол «были». Потому что не поворачивается язык сказать о ней в прошедшем времени.

С того печального дня прошло уже почти девять месяцев, а с прошедшим временем она у меня и, уверен, не только у меня не ассоциируется. Вряд ли кто-нибудь, кто с ней знаком – очно или заочно, употребит по отношению к Сэде Вермишевой прошедшее время. Потому что трудно себе представить человека более деятельного, полного замыслов и умеющего их воплощать. Как и более надёжного друга.

Все, кто её знают, помнят о постоянной готовности этой хрупкой внешне, но очень сильной внутренне женщины помочь тому, кому худо, и сделать для этого всё, что в её силах. За что очень многие остаются ей благодарны.

Конечно, нам всегда будет не хватать возможности слышать её голос или получить по электронной почте её письмо, но в остальном прошедшее время не для Сэды. О таком чувстве когда-то абсолютно точно сказал замечательный писатель-фронтовик К. М. Симонов:

Неправда, друг не умирает,/ Лишь рядом быть перестает.
Он кров с тобой не разделяет,/ Из фляги из твоей не пьёт...

Потому что, если это друг, а друзей, в истинном смысле этого слова, у каждого из нас бывают лишь единицы, он может оказаться и на очень далёком от тебя расстоянии и даже уйти в мир иной, но внутренне всегда остаётся с тобой. И любой свой поступок ты сверяешь с тем, как он бы к этому отнёсся. Оттого так и прижилось в людях известное изречение Михаила Светлова, что «дружба – понятие круглосуточное». И конечно же, дружба не имеет срока давности.

* * *

Заочно мы познакомились благодаря сайту «Российский писатель», где каждый из нас с какого-то момента стал обращать внимание на публикации и комментарии друг друга. Не обратить внимания на публикации Сэды было невозможно, потому что её аналитическая мысль в рассуждениях на темы экономики и геополитики восхищает своей глубиной, умением разобрать обсуждаемую проблему на элементы, после чего сложить эти элементы в единое целое. Причём сложить так, что ты уже видишь не только внешнюю картину происходящего, но и его истоки. Отчего перед тобой будто возникает рентгеновский снимок обсуждаемого автором явления.

Ну а то, что Сэда Вермишева – выдающийся поэт, поражающего воображение масштаба, думаю, ощутил каждый, кто хоть что-нибудь прочитал из её стихотворений. Причём ей в высшей степени подвластны все поэтические жанры – и мощная гражданская, и глубинная философская, и тончайшая любовная лирика, которая в подавляющем большинстве случаев органично сливается с лирикой природы.

И конечно, такая поэтическая палитра при высочайшей культуре слова у Сэды оказывает очень сильный эмоциональный эффект на многочисленных поклонников её поэзии. Причём поклонников самого разного возраста.

* * *

Однажды, когда был на Комсомольском, 13, получил от Николая Ивановича Дорошенко только что вышедший в издательстве «Российский писатель» сборник её стихов – «СМЯТЕНИЕ». По мере того как читал, чувствовал усиливающуюся потребность написать о содержании, потому что эти стихи не отпускали своей интонацией, абсолютно точно соответствующей названию книги. Да и форма, присущая поэзии Сэды Вермишевой, о чём речь пойдёт позже, позволяет её строкам входить в душу читателя уже навсегда.

Вот об этом и написал небольшой очерк «ПЕСНЯ МЕТЕЛИ – НЕ ЯБЛОНИ ЦВЕТ», который опубликовал сайт «Российский писатель».

Было очень приятно видеть многочисленные комментарии как собратьев по перу, так и людей, не имеющих отношения к профессиональному занятию литературой, но имеющих тонкий литературный вкус, выраженный в данном случае восхищёнными словами о поэзии Сэды Константиновны.

Да и как не быть словам восхищения и благодарности, когда перед нами поэт, личность которого наделена высочайшей духовной силой, позволяющей на примере собственных взлётов и падений убедить читателя, что безвыходных положений нет, если не опускать рук:

Когда нет сил / Подняться / Для полёта,
Когда мне жить / Почти / Невмоготу,
Крест-накрест / Предо мной / Все двери, все ворота –
Я говорю себе, / Что я – пехота...
А впереди / Лишь топи / Да болота,
Но я их всё-таки / Когда-нибудь / Пройду...

Уже в те дни мне стало понятно, что это и есть «рентген души» моего теперь близкого друга Сэды Вермишевой.

А тогда, через несколько дней после публикации на сайте «Русский писатель», мне позвонил давно и хорошо её знающий Николай Иванович Дорошенко и сказал, что Сэда попросила его познакомиться нас. Узнав об этом, я был удивлён, поскольку думал, что Сэда Константиновна живёт в Ереване. Оказалось, что живёт она в Москве, работает в посольстве Армении, где возглавляет аналитический отдел экономики и геополитики.

В условленный день и час мы поехали к ней на работу. Встреча была очень радушной. Гостеприимная хозяйка тут же заказала для всех ужин из посольского ресторана, и мы замечательно посидели весь вечер втроём в её уютном кабинете. Когда кто-то из нас случайно обратил внимание, который час, были очень удивлены: настолько незаметно пролетело время за разговорами на самые разные темы – от литературы до политики.

С той поры у нас с Сэдой началась постоянная переписка по электронной почте и стали довольно частыми встречи, поскольку она любила пригласить к себе в кабинет после рабочего дня.

Рассказывая друг другу о своей жизни, мы неожиданно выяснили, что у нас довольно много общих знакомых ещё со времён СССР: замечательный поэт, литературный критик и яркая личность Татьяна Глушкова – для обоих она была Таней; непризнанный гений поэзии, человек драматичной судьбы Лёня Губанов – основатель известного, хотя и недолго просуществовавшего с середины 60-х неофициального литературного объединения СМОГ: «Самое Молодое Общество Гениев»; дальний родственник Сэды Булат Окуджава, от которого она после известных событий 1993 года из-за его подписи под «письмом 42» с возмущением отреклась; замечательные поэты-фронтовики Юрий Левитанский, Евгений Винокуров, Дмитрий Ковалёв, прекрасные поэты разных поколений Леонид Мартынов, Владимир Цыбин, Роберт Рождественский... Перечислять можно долго. (С некоторыми ещё в 60-е познакомился благодаря моей тётушке – переводчице Татьяне Третьяковой, дочери известного в 20-е и 30-е годы поэта-футуриста Сергея Третьякова.)

Эти встречи с Сэдой, как и первая, тоже проходили в атмосфере гостеприимства щедрой хозяйки и тоже пролетали незаметно за обоюдными рассказами и обсуждениями любой общей для нас темы и событий из текущего или прошлого.

Нас заметно сближало и то, что оба пришли в литературу из науки. Сэда Константиновна после окончания экономического факультета Ереванского государственного университета более четверти века трудилась в Институте экономики и планирования Госплана Армении. Её научные разработки были известны и имели высокую оценку в среде экономистов Советского Союза.

А поскольку жизнь в науке развивает у человека не только его творческое начало, но и определённый образ мышления – способность фундаментально подходить к анализу любого явления, нам было очень легко говорить, что называется, «на одном языке».

Поэтому ни одна из таких встреч не носила характер досужих разговоров, и всегда после них – по пути домой, дома и позже – всплывали в моей памяти её ёмкие суждения о сути литературного процесса, о сложных взаимосвязях «подковёрных игр» политиков, о том, насколько сильно отличалась в лучшую сторону атмосфера периода наших с ней юных лет в Советском Союзе от нынешней, и почему...

И это «почему» всегда являлось главным итогом наших бесчисленных бесед.

* * *

О том, как было встречено появление её имени в литературе, она из скромности и высокого уровня воспитания мне не говорила. Это я узнаю позже от близкого друга Сэды, известного писателя и фотохудожника Левона Осепяна. Он расскажет, что со второй половины 60-х Сэда, наряду с научной работой, всё больше начинает уделять внимание литературной, и в 1971 году выйдет первый сборник её стихотворений. Несмотря на малый объём и незначительный тираж, книжка получила широкий резонанс как среди профессиональных писателей, так и в кругу читателей, умеющих ценить литературный талант. Довольно скоро последовали отклики людей, имеющих высокий авторитет в литературе: Н. Тихонова, Л. Мартынова, Вс. Рождественского, А. Ревича, Ст. Щипачёва, И. Снеговой, С. Капутикян... Причём некоторые писали довольно основательные рецензии об особенностях поэтического дарования Сэды Вермишевой.

Приведу две из них, но и этого будет достаточно, чтобы ощутить, каким явлением в литературе стало имя дебютантки. Вот как написала Сильва Капутикян: *«Говорят, человек должен писать на том языке, на каком молится. Случилось так, что, хотя Сэда пишет стихи по-русски, молится на армянском. За русскими словами скрывается мир армянки, армянская душа – глубокая, пустившая сильные корни. В поэзии Сэды Вермишевой всегда присутствует чувство долга, особенно – перед родной землёй. И она отдаёт, возвращает этот долг вновь и вновь, и, может быть более весомо, чем кто-либо».*

А это слова Александра Ревича: *«В поэзии Вермишевой я обратил внимание на одну вещь, которая для меня была тоже открытием, – присутствие Блока. Ведь по сути дела в России Блок – самый крупный русский поэт 20-го века – замечателен именно тем, что он больше всех ощутил трагедию страны. И, когда*

Летит, летит, летит степная кобылица
И мнёт ковыль...

идёт в стихотворении Сэды эпитафией, это оправдывается хотя бы тем, что стихотворение кончается

За всё, что было,
За всё, что будет,
В траву степную
Лицом
Упасть...

Это вот так вот разорвано и написано. Это написано так потому, что произносящий задыхается. Произносящий задыхается!..»

Не правда ли, в этих строках в полной мере ощутим дух горьковского Данко с его горящим сердцем, принесённым в жертву, чтобы спасти свой народ. Именно такой – готовой на подобный подвиг ради родных ей армянского и русского народов – и осталась Сэда в памяти всех, кто знал её близко. Причём для себя она такую готовность подвигом не считала, а считала долгом памяти наших великих предков.

Позже – уже в десятые годы 21-го века – о высоте, которую достигал полёт души этого уникального поэта, скажет Николай Дорошенко: *«Собственная судьба её не волнует. Её волнует только судьба мира сего. Она Давид, от которого спрятался Голиаф. Она Пересвет, на вызов которого не ответил в своих куршевельских содомих и гоморрах ненавистнейший Челубей. И никто, никто, абсолютно никто, если не считать таких же, как она, апостолов современного русского поэтического слова, уже не может увидеть воистину шекспировскую высоту её строк:*

Я альфа и омега.
Я – только
Прах.
Я – голос мира,
Ветвь его побега...
Я – эхо Бога
И пред Богом
Страх.
Слепая жизнь,
Ползущая по кручам,
Ковчег Библейский
В буре снеговой...

Колени содраны...

Пред ликом Всемогушим
Я есть ничто...

Но мной не правит случай...

Вот в этой последней строчке я вижу её одинокое, в нас не свершившееся, не каждым нашим сердцем чаемое великое народное восстание; я вижу горделивую под петлёй осанку Зои Космодемьянской, вижу Александра Матросова, упрямо приближающегося к вражескому взлету...»

Все эти яркие характеристики состоявшихся в литературе писателей сводятся к одному: перед нами уникальный пример поэта, «дум *высокое стремленье*» которого сохраняет свою высочайшую энергию благородного служения людям. Потому и такие сильные образы кристаллизуются у Сэды в поэтические строки.

* * *

Довольно скоро она стала приглашать меня на поэтические и политологические вечера: в ЦДРИ, ЦДЛ, Дом-музей Цветаевой, б-ку им. Некрасова, в конференц-зал посольства Армении, где сама организовывала и вела такие встречи, в московский Литературный институт им. Горького, в Переделкино... Иногда по её просьбе в таких вечерах были наши совместные выступления.

И здесь я обнаружил в Сэде Константиновне очень неожиданное для меня качество: если в выступлениях и дискуссиях по экономике, геополитике... она вела себя абсолютно уверенно, логически убедительно отстаивая свою точку зрения (хотя умела услышать оппонента и согласиться с его доводами), то в канун поэтических выступлений передо мной была уже другая Сэда.

Сэда, в характере которой сочеталось, казалось бы, несочетаемое: когда нужно было сделать что-то благое для достойного человека или дела, а также оценить события, поступки людей, литературные произведения, она делала это очень решительно, уверенно и метко; а по отношению к собственным стихотворениям проявляла неуверенность. Постоянно сомневалась в их качестве. Перед каждым творческим вечером спрашивала, что ей лучше почитать: старое, уже принятое писательской и читательской средой, или новое, в литературном качестве которого ещё сомневается. Или, написав что-то новое, тут же присылала с просьбой о самой тщательной критике.

Хотя какая могла быть критика при таком высоком уровне её владения пером поэта и публициста.

Но ведь именно в этой неуверенности и заключается высочайшее требование к своему слову, идущее от трепетного отношения к Литературе, которая в конечном счёте и определяет главное во взаимоотношениях между людьми – степень их милосердия, гуманности и любви к ближнему...

* * *

К сожалению, стечение обстоятельств не позволило ей последние три земных года жить в Москве. Пришлось вернуться в Ереван, где чувствовала себя одиноко, поскольку литературная и общественная жизнь в столице России больше подходили ей по динамике и духовной основе.

Об этом были её многочисленные письма, и мы – друзья Сэды – старались сделать всё от нас зависящее, чтобы она не чувствовала внутренней оторванности от России. В нескольких номерах журнала «Берега» прошлого года и в первом этого выходили её публикации – поэзия и публицистика в виде интервью с главным редактором журнала Лидией Довыденко, которую Сэда обожала за чуткость души, благородную направленность организаторского и литературного дарования. Как уже говорил в газете «Слово» Виктор Алексеевич Линник – элитный журналист, которого она называла человеком отменного литературного вкуса и кем издавна восхищалась, опубликовал нашу с ней беседу «Как уходил СССР». Николай Иванович Дорошенко, с которым она давно дружила и чью литературную одарённость высоко ценила, постоянно публиковал на сайте «Российский писатель» её новые стихотворения и стихотворные циклы. Елена Игоревна Дорошенко, когда у Сэды не работал доступ к окошку для комментариев, а ей очень хотелось поделиться своим мнением о той или иной публикации на сайте, всегда лично помогала ей в этом. Николай Фёдорович Иванов, к кому она очень тепло относилась, зная его достойнейшую биографию и восхищаясь его прозой, в которой чувствуется душа поэта, постоянно и во всём Сэду поддерживал. В частности, сразу, одной из первых, оформил ей билет Союза писателей России нового образца и выделил из первой же партии знак нашей организации. Мы передали это через её сына Сурена, который проездом был в Москве, и благодарная Сэда была тронута таким вниманием со стороны нашего Союза.

Когда в 2017 году тяжело заболела её внучка Мария Саакян – талантливый российский кинорежиссёр – и приехала на лечение в Москву, Николай Иванов сделал всё от него зависящее, чтобы лечение проходило в лучшей из клиник, у лучших специалистов. К сожалению, болезнь оказалась в уже неизлечимой фазе, и в январе 2018 года Машенька ушла из жизни.

* * *

Знаю, что Сэда Константиновна вела обширную переписку со многими российскими писателями, у каждого из которых, уверен, найдутся о ней самые добрые слова.

Её душевное тепло и высокую литературную оценку сполна ощутили на себе Нина Волченкова, Екатерина Пионт, Валентина Коростелёва, Екатерина и Анна Козыревы, Анна Варганьян, Анна Ретеюм, Светлана Демченко, Людмила Владимировна, Геннадий Иванов, Николай Коновской, Эдуард Петренко (светлая ему память), Валерий Латынин, Сергей Зубарев, Никита Иванов, Владимир Скиф, Владимир Корнилов... продолжать могу очень долго. Единственным, кому она хотела написать на январский цикл стихов, но не успела, является Наталья Радостева. Успела лишь в нашем телефонном разговоре сказать, что на сайте появился очень интересный, яркий поэт с собственным голосом и что, когда чуть окрепнет, напишет сама. Но... Бог не дал.

Согласимся, далеко не каждому из нас присуще такое щедрое внимание к собратьям по перу – не только читать свежие публикации, но и находить время, силы и нужные слова, чтобы публично откликнуться на то, что тронуло душу.

Сэда была в постоянном контакте с профессором московского Литературного института им. Горького Михаилом Николаевичем Поповым, с поэтом, прозаиком и драматургом, главным редактором журнала «Муза» Валерием Ефимовичем Лебединским, с заведующим отделом театра и телевидения ЦДРИ, поэтом и режиссёром Анной Алексеевной Шишко. Когда Михаил Попов и Анна Шишко пригласили меня выступить в ЦДРИ на вечере памяти замечательного поэта-фронтовика Давида Самойлова, с которым мы были знакомы, то перед выступлением и после него говорили в основном о Сэде. О том, как не хватает её в Москве. Вспоминали наши совместные встречи, окрашенные яркостью таланта и душевной теплотой этого щедро одарённого природой нашего друга. Надеялись, что, может быть, она вернётся. Точнее, не столько надеялись, сколько хотели и мечтали об этом.

После вечера подробно написал Сэде о происходившем и выслал видеосъёмку выступлений на сцене. Растроганная, она ответила, что будто побывала в те часы вместе с нами.

* * *

Однажды, узнав, что готовлю рукопись для публикации нового сборника стихов, спросила, можно ли ей эту рукопись почитать. Конечно, я с удовольствием отправил уже скомпонованный материал в надежде получить её советы, поскольку реакция такого Мастера всегда полезна. Через несколько дней эта реакция последовала, но в очень неожиданном для меня виде: Сэда спросила, не возражаю ли я, если она напишет к сборнику предисловие. И в этом вопросе в очередной раз ощутил высшую степень её деликатности. Ведь таким предложением она делала мне неоценимый подарок, потому что получить предисловие поэта такого уровня, да ещё по собственному желанию этого поэта, это честь и яркий штрих в собственной литературной биографии, чем очень дорожу и горжусь. Её предисловие украсило мой сборник поэзии *«Живёшь, свою книгу листая»*.

Когда рассказал ей, что готовлю рукопись книги о Великой Отечественной под названием *«О чём поведал фронтовик»*, куда войдут повести и рассказ о моих старших товарищах-фронтовиках, их воспоминания, а также письма с фронта одного из них и его записи из фронтового дневника, она очень воодушевилась, сказав, что у неё тоже появилось желание систематизировать и опубликовать письма и дневники отца, ушедшего на фронт в рядах Народного ополчения. И добавила: «Вот только немножко окрепну».

Но... судьба распорядилась иначе. И теперь она, уйдя в другое измерение, всё отчётливей входит в память, где и останется жить. Потому что:

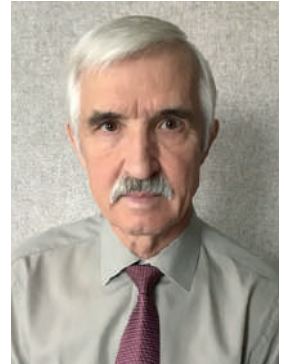
Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестаёт...

сказал человек, который хорошо знал, что это такое.

Берега памяти

Павел Плюхин

Павел Плюхин – автор шести книг и 57 публикаций в коллективных изданиях и журналах Москвы, Екатеринбурга, Тюмени, Ханты-Мансийска, Нижневартовска. Увлекается фотографией, состоялось 15 персональных фотовыставок. Участник и победитель ряда фотоконкурсов, его работы публиковались в престижных журналах и альбомах. Принял участие в создании фильма о своём земляке митрополите Викторе и его Миссии в Пекине «Бэйгуань», сделав для него несколько кадров. В 2011 году фильм получил Гран-при на международном фестивале православных фильмов в Краснодаре. Член Союза писателей России. Кандидат технических наук. Лауреат регионального конкурса «Книга года – 2013», лауреат литературной премии им. В. И. Муравленко. Награждён медалями: «За трудовую доблесть» (1981), «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1991), памятной медалью ЦК КПРФ «100 лет со дня рождения М. А. Шолохова» (2008).

Ермак и Строгановы. Служа Верой и Правдой Отечеству

(К 440-летию начала похода Ермака и покорения Сибири)

Фото из экспозиции Тобольского музея

Две причины повлияли на появление этой статьи: открытие новых документов, касающихся Строгановых и атамана Ермака, и не покидающая меня фраза генерала А. Лебеда: «Богатеть надо вместе с державой, а не за её счёт».

И если в связи с первой причиной достаточно привести вновь открывающиеся факты, то вторая причина для нашего Отечества первостепенна: оказывающее влияние на подрастающее поколение СМИ, благодаря недалёкости (допускаю заказной характер!) журналистов и их работодателей, массово рисуют образы удачливых топ-менеджеров, олигархов, игроков «на миллион»!

В медиапространстве исчез образ человека труда, создателя тех благ, которые делают страну сильной, а жизнь нашу достойнее. И это опасно.

...Об атамане Ермаке и его дружине исследователями написано и сказано немало. Его героический поход упоминается в летописях, его изучали известные исследователи: Витсен, Миллер, Карамзин. Но не все детали предыстории тех событий известны читателю, и совсем незаслуженно остались в стороне от внимания соотечественников важные для истории люди и события.

Работая с первоисточниками, публикациями XVIII–XIX веков, обнаружил, что появились новые подробности о роли царских особ, семейства Строгановых в освоении Сибири и в организации исторического похода дружины Ермака за Урал.

Кто они, Строгановы, – цепкие предприниматели или патриоты земли русской? Герои своего Отечества или люди, которым улыбалась судьба? Какова их роль и значимость в истории России? В поиске ответов на эти вопросы я обратился к материалам, изданным Н. Устряловым в середине XIX века. Хотелось найти ответ на вопрос: что двигало Строгановыми в этой истории? Немаловажным для автора был вопрос: насколько далеки ценности «современных строгановых» от Строгановых – героев этой статьи?!

«Пишутъ, говорить Карамзинъ, что сія купца происходила отъ знатнаго крещенаго мурзы золотой орды, именовъ Спиридона, научившаго Россіянь употребленію счетовъ; что Татары, имъ озлобленные, плѣнили его въ битвѣ, измучили и будто бы застрѣли до смерти; что сынъ его потому названъ Строгановымъ, а внукъ способствовалъ искупленію великаго князя Василія Темнаго, бывшаго плѣнникомъ въ Казанскихъ улусахъ.»¹

Строгановы с незапамятных времён, задолго до Иоанна IV, владели обширными землями в Устюжанском и Соль-Вычегодском уездах, которые переходили из рода в род по праву наследства, имея царские верительные грамоты. А начиналось всё так:

Яковъ и Григорій Строгановы, дѣти Анкія Ѳедоровича, правнуки Лукины. Они явились въ Москву и сказали государю, что въ отчинѣ его, въ Великой Перми, по обѣимъ сторонамъ Камы рѣки отъ Лысвы рѣчки до Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черныя, рѣки и озера дикія, острова и наволоки необитаемыя, никому неотписанныя ни въ писцовыхъ книгахъ, ни въ купчихъ, ни въ правожныхъ; никто тамъ пашни не пахивалъ, дворовъ не ставилъ, пошлинъ въ казну не платилъ. «Пожалуй намъ, государь, говорилъ Григорій Строгановъ, это мѣсто: тамъ мы городъ поставимъ, на городъ пушки и пищали учинимъ, пушкарей, пищальниковъ и подворотниковъ устроимъ, и будемъ беречь твою отчину отъ Нагайскихъ людей и иныхъ ордъ. Дозволь только въ томъ дикомъ мѣстѣ, по рѣчкамъ до вершинъ ихъ и по озерамъ, лѣсъ рубить, пашню пахать, дворы ставить, людей призывать неписьменныхъ и нестяглыхъ, варницы заводить, соль варить.»

Открывая доставшийся мне от прародителей учебник Русской истории М. Острогорского за 1911 год (были же когда-то учебники, которые переиздавали 23 раза!), я увидел границы Русского царства на рубеже XVI–XVII веков, когда земли Строгановых по Каме-реке были уже нанесены,

и они граничили по Каменному поясу с Сибирским царством Кучума, а на южном направлении граничили с Казанским ханством и яицкими казаками. На карте учебника разным цветом отражено приращение российских земель, которое произошло при различных монархах, начиная от Ивана Грозного.

В актах XVI века их называли просто по имени и фамилии, а в актах XVII века они уже назывались Именитыми людьми, например Именитый человек Андрей Семёнович Строганов.

Владея обширными землями Пермского края, они проводили в ней суд, независимо от Пермских наместников и от Московских приказов, сами не подлежали ничьему суду, кроме царского. Они строили города и крепости, содержали полки ратных людей, лили пушки, воевали с сибирскими со-

Страницка из учебника Русской истории М. Острогорского, 1911 г.

Илл. № 7

Въ лѣтописи Новгородской, изданной археографическою комиссіею, стр. 141, подъ годомъ 6954 сказано: «Поималъ царь Махметъ в. к. Василья Васильевича подъ Суздалемъ и державъ отпустилъ его на Русскую землю, и взялъ царь Махметъ окуна на великомъ князѣ 200,000 руб.» Сумма огромная по тогдашнему времени. Но числительныя показанія Новгородскаго лѣтописца не всегда вѣрны: наприм. онъ говоритъ, что въ 1316 году Новгородцы обязались заплатить князю Михаилу Тверскому 5 темъ гривенъ серебра, т. е. 50,000 (стр. 71), между тѣмъ, какъ въ договорной грамотѣ означено только 12,000. Сумма окуна за Василья Темнаго въ Псковской лѣтописи уменьшена до 29,500 рублей.

Илл. № 8

Съ паденіемъ Казани, предѣлы Россіи раздвинулись до Каменнаго пояса или до хребта Уральскаго. За нимъ, на берегахъ Иртыша и Тобола, находилось неподвластное намъ царство Татарское, главою коего былъ Киргизскій ханъ Кучумъ, врагъ Россіи: онъ подъ смертною казнію запретилъ прежнимъ данникамъ нашимъ Остякамъ, Вогуличамъ, Югорцамъ посылать въ Москву ясакъ или дань мягкою рухлядью, подстрекалъ мятежную Черемису къ возстанію и самъ неоднократно тревожилъ набѣгами Великую Пермь

Илл. № 9

вторглись въ Великую Пермь, разграбили на Камѣ суда и побили 77 человекъ торговыхъ. Строгановы поспѣшно вывели свои ратныя дружины, назначили имъ головъ или вождей и послали ихъ на Черемису; спокойствіе было скоро восстановлено; мятежники смирились и въ залогъ вѣрности дали аманатовъ, которые отправлены въ Пермь къ царскимъ намѣстникамъ

Илл. № 10

По укрощеніи бунта, Строгановы извѣстили государя, что виновникомъ возстанія Черемисы былъ Сибирскій салтанъ Кучумъ, что онъ же запрещаетъ вѣрнымъ Остякамъ, Вогуличамъ и Югричамъ платить въ Москву дань и грозитъ разореніемъ городковъ и острожковъ по Камѣ и Чусовой, заградившихъ ему путь въ землю Пермскую; что братъ его Маметкулъ уже приходилъ на Чусовую съ войскомъ, для развѣдыванья, побилъ многихъ вѣрныхъ Остяковъ, полонилъ царскаго посла, ѣхавшаго къ Киргизамъ, и скрылся за Каменнымъ поясомъ; они же безъ царскаго указа не смѣли гнаться за хищнымъ непріателемъ. Для охраненія на будущее время царской отчины отъ прихода Сибирскихъ Татаръ, Строгановы просили указа ввести войну въ предѣлы Кучумова царства. «Тамъ, писали они къ Іоанну, за Каменнымъ поясомъ, за Югорскимъ камнемъ, живетъ недругъ твой, салтанъ Сибирскій, на Тоболѣ, на Тахчяхъ, на Иртышѣ: дозвожь намъ, государь, въ томъ краю, на усторожливомъ мѣстѣ, крѣпости ставить, людей ратныхъ наймовать и огненный нарядъ держать собою (т. е. на собственный счетъ); также пашни пахать, желѣзо плавить и всякими угодами владѣть

они требовали не войска, не пушекъ, ни денегъ, а единственно жалованной грамоты на землю неприятельскую — и получили ³⁵. 30 Мая 1574 года Юаннъ далъ имъ право по рѣкѣ Тоболу и по впадающимъ въ нее съ обѣихъ сторонъ рѣкамъ и рѣчкамъ отъ устьевъ и до вершинъ, заводить слободы, строить крѣпости, держать огненный нарядъ, пушкарей и пищальниковъ, принимать въ службу всѣхъ людей вольныхъ, исключая воровъ, разбойниковъ, также бѣглыхъ людей боярскихъ, и вести войну съ царемъ Сибири для защиты отъ него даиниковъ нашихъ Остяковъ, Вогуличей, Югричей, Самоѣдовъ, и для покоренія царскому скипетру подвластныхъ Кучуму народовъ. Сверхъ того дозволялъ плавить желѣзную руду, прискивать мѣдную, свинцовую, горючей сѣры; даровалъ двадцатилѣтнюю льготу на беспошлинную торговлю съ Бухарцами и Киргизами, свободу отъ всякихъ податей и повинностей и право собственного суда въ принадлежавшей имъ землѣ, по всѣмъ дѣламъ безъ исключенія, независимо отъ Персическихъ намѣстниковъ.

Доблестные братья, такъ смѣло задумавшіе воевать съ царемъ Сибири, не успѣли исполнить своего намѣренія: они умерли одинъ за другимъ вскоре послѣ полученія царской грамоты на рѣку Тоболъ, между 1574 и 1579 годами; но отважная мысль ихъ не угасла. Они оставили одного брата Семена Анкиевича и двухъ сыновей Максима Яковлевича и Никиту Григорьевича.

Илл. № 11

Имѣя право вести войну за хребтомъ Уральскимъ и нанимать для этой цѣли ратныя дружины изъ людей вольныхъ, неписменныхъ и нетяглыхъ, Строгановы отправили ласковую грамоту и богатые дары ³⁶, на Волгу въ Казацкія станицы, съ призывомъ храбрыхъ витязей на подвигъ чести и корысти. Нашлось болѣе 500 охотниковъ; вождемъ ихъ былъ славный Ермакъ. Онъ привелъ свои дружины въ Чусовскіе города въ 1579 году, жилъ здѣсь болѣе 2 лѣтъ, неоднократно отражалъ нападеніе Остяковъ, Вогуличей, Нагайцевъ, между тѣмъ устраивалъ свое войско и готовился къ подвигу важнѣйшему. Строгановы снабдили его всѣмъ необходимымъ: пушками, ружьями, свинцомъ, порохомъ, съестными припасами, перевозными судами, далъ ему 300 человекъ ратныхъ изъ своихъ людей и указали путь въ Сибирь. Ермакъ перешагнулъ Каменный поясъ, разсыпалъ войска Кучума, овладѣлъ столицею его Искеромъ, а самого загналъ въ степи Ишимскія, и прислалъ въ Москву сподвижника своего Ивана Кольцо ударить челомъ государю царствомъ Сибирскимъ.

Илл. № 12

седами, торговали беспошлинно с Югрой, Сибирью, Азией. Признавая своимъ судьѣй самого царя, они не уступали знатнымъ сановникам, во многомъ даже превосходя их. Они были почётнымъ сословием, для другихъ недоступным, и были внесены в соборное Уложение (1649) царя Алексея Михайловича. (См. илл. № 7).

В разныхъ летописяхъ встречаются разные суммы выкупа русского царя, но выводъ одинъ: царская казна была не способна выплатить огромную по темъ временамъ сумму, смогли это сделать Строгановы какъ знакъ великаго уваженія и щедрости. (См. илл. № 8, 9).

Вспыхнувшій в 1572 году на землѣ Черемисской бунтъ с участіемъ остяковъ, вогуличей, югричей, башкиръ показалъ реальную власть Строгановыхъ, усмирившихъ бунтъ, и в который разъ подтвердилъ значимость ихъ для поддержки Московскаго царства.

Строгановымъ были пожалованы дополнительно земли за Ураломъ по Ваграну, Сосьве, Лобве, Туре. В грамотѣ 7082 (1573) года (некоторые историки называютъ 1574 год, но далее Устряловъ пишетъ о полученіи Грамоты между 1574 и 1579 годами) имъ на двадцать лѣтъ давалось право по обоимъ берегамъ Тобола ставить крѣпости, а пришедшему люду разрешалось не платить подати с пашенъ и промыслов, что дало огромный толчокъ к переселенію и освоению этого региона. (См. илл. № 10, 11, 12).

Прагматичность Строгановыхъ проявилась и в покореніи Сибири: они понимали, что воевать с Кучумомъ — «не царское дело», да и рискъ пораженія великъ! Поэтому они обратили свой взоръ на казаковъ, промышленявшихъ разбоями на южныхъ рубежахъ Руси: они и воевать умеютъ, и веры христіанской не предадутъ! Ермакъ Тимофеевичъ с дружиною стали лучшимъ вариантомъ в реализаціи давно задуманныхъ плановъ военнаго похода за Камень и покоренія Кучума, который изрядно мешалъ процветанію Именитыхъ людей.

Эта важная мысль не давала мнѣ покоя в историческихъ поискахъ до той поры, пока не прояснился ходъ мыслей Строгановыхъ. Об этомъ пишетъ Устряловъ: (См. илл. № 13, 14).

(Указъ отъ 16 ноября 7091 года)

Не смогъ вспыльчивый царь Юаннъ (Иванъ Грозный) разобраться и оценить величіе и щедрость подарка, сделаннаго Строгановыми и Ермакомъ со дружиною. Поэтому его первая реакція была столь резкой. Это объясняетъ причину, почему соратникъ Ермака атаманъ Иванъ Кольцо подвергся такимъ жестокимъ пыткамъ, прибывъ къ царю с известіемъ о присоединеніи Сибирскаго царства къ Московскому. (См. илл. № 15).

Илл. № 13

1, Строгановы гораздо прежде пришествія Ермака задумали внести свое оружіе въ предѣлы Сибири, и 2, Ермакъ былъ именно призванъ ими для войны съ Кучумомъ. Въ первомъ убѣждаетъ насъ вышеприведенная нами грамота Іоанна Грознаго на рѣку Тоболъ; во второмъ удостоверяютъ столь же положительныя свидѣтельства.

Въ то самое время, когда мужественный витязь Волги рѣкою Чусовою отправился за хребетъ Уральскій, какой то князь Пельмскій, вѣроятно союзникъ Кучума, съ Вогуличами, Остяками, Сибирскими Татарами и Башкирцами, изъ за Каменнаго пояса напалъ на Пермскіе города, едва не овладѣлъ главнымъ изъ нихъ Чердынью, разорилъ окрестности Соликамска, Канкора, Кергедана и городковъ Чусовскихъ. Строгановы, за отсылкою большей части своихъ людей съ Ермакомъ, не въ силахъ были подать помощь Пермскимъ воеводамъ и едва спасли собственные городки

Илл. № 14

Свѣдавъ отъ воеводъ о разореніи земли Пермской, Іоаннъ прислалъ къ Строгановымъ гнѣвную грамоту, которою винилъ ихъ въ нашествіи Пельмскаго князя, въ озлобленіи Кучума, а болѣе всего въ самовольномъ призваніи Казаковъ. «Вы, пишетъ Іоаннъ къ Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу, задирая войною Вогуличъ, Вотяковъ, Пельмцевъ, отвели ихъ отъ нашего жалованья; вы же своимъ задоромъ разсорили насъ съ салтаномъ Сибирскимъ, и безъ нашего указа призвали въ свои остроги Волжскіе атамановъ, наняли воровъ, которые прежде того своими разбоями на Волгѣ ссорили насъ съ Нагайскою ордою; имъ слѣдовало покрыть свои вины защитою земли Пермской, а они въ то самое время, когда напалъ на нее князь Пельмскій, пошли воевать Вогуличей; Пермь же ни сколько не пособила, и все то сталося вашимъ воровствомъ и измѣною.» Въ слѣдствіе того Іоаннъ повелѣваетъ Строгановымъ: отозвать казаковъ изъ Сибири и отправить ихъ въ Пермь для защиты тамошнихъ городовъ отъ Вогуличей и Остяковъ. «Если же, заключаетъ государь, не вышлите Ермака Тимофеева съ товарищами въ Пермь въ распоряженіе воеводъ, то на васъ положу большую опалу, а Казаковъ велю перевѣшать.»

Конфликтъ былъ благополучно исчерпан. Авторъ статьи, не повторяя детали похода Ермака, считаетъ важнымъ сообщить читателю некоторые подробности участія Строгановыхъ въ жизни государства.

Строгановы продолжали помогать деньгами и ратными людьми Прокопію Ляпунову, князю Пожарскому, юному Михаилу. Въ жалованной грамоте Петра Великаго Именитому человеку Григорию Дмитриевичу приводится, что у прадедовъ и дедовъ его (во время междоусобствъ и при царѣ Михаилѣ Фѣдоровичѣ) было взято въ казну деньгами, жемчугомъ, сосудами серебряными, хлебомъ и солью въ основномъ въ видѣ добровольныхъ пожертвованій и чрезвычайнаго налога 423 706 руб.

У отца его Дмитрія Андреевича было взято 418 056 руб.

Помощь князю Пожарскому засвидѣтельствована въ жалованной грамотѣ отъ 25 іюля 7200 (1691) года: «Да у Андрея Строганова во время мимошедшее, какъ стояли подъ Москвою бояре наши и воеводы, князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой да стольникъ князь Дмитрій Пожарскій и Прокопій Ляпуновъ, взяты у него Андрея многіе деньги ратнымъ людямъ на жалованье».

Илл. № 15

Это второе свидетельство разнится отъ перваго только тѣмъ, что Іоаннъ приписываетъ призваніе Ермака Максиму Яковлевичу и Никитѣ Григорьевичу, а царь Алексѣй дядь ихъ Семену Аникіевичу. Согласить такое разнорѣчіе не трудно: Іоаннъ обратился съ гнѣвнымъ словомъ только къ Максиму и Якову потому, что въ первыя минуты не могъ знать объ участіи Семена Аникіевича; царь же Алексѣй приписываетъ все дѣло исключительно сему послѣднему, потому, что онъ могъ быть главнымъ дѣйствователемъ. Въ этой догадкѣ утверждаетъ насъ наиболее Сибирская летопись: въ ней сказано, что Іоаннъ, обрадованный неожиданнымъ покореніемъ Сибири, изъявилъ особенную милость Семену Аникіевичу, давъ ему царскую грамоту за красною печатью и за приписью посольскаго дьяка на города Поволжскіе Соль Большую и Соль Малую; а племянникамъ его дозволилъ въ городахъ ихъ и острожкахъ торговать беспошлинно, т. е. продолжилъ право, дарованное имъ прежними жалованными грамотами

Илл. № 16

Къ концу XVII столѣтія домъ Строгановыхъ сосредоточился въ одномъ лицѣ Григорія Дмитріевича, изъ поколѣнія Семена Аникіевича; родъ старшаго брата Якова Аникіевича угасъ правнукомъ его; родъ средняго брата Григорія Аникіевича пресѣкся на сынѣ. Все имѣніе ихъ перешло въ одні руки Григорія Дмитріевича, которому пожаловали Іоаннъ и Петръ въ 1692 году подтвердительную грамоту на всѣ земли, права и отличія, дарованныя дому Строгановыхъ Россійскими государями со временъ Іоанна Васильевича Грознаго ⁴¹. Григорій Дмитріевичъ былъ послѣднимъ именитымъ человекомъ: дѣти его Александръ, Николай и Сергѣй въ 1722 получили отъ Петра Великаго званіе бароновъ.

Особенностью отношеній Строгановыхъ съ царями была щедрость. Вот какъ отзывался о нихъ великій князь Василий Ивановичъ (Шуйскій): когда царская казна брала в долгъ у богатыхъ россиян, то, например, нижегородцы свои деньги взяли назадъ изъ кабацкихъ и таможенныхъ доходовъ, а «прадеды и деды Григорія Дмитріевича Строганова изъ нашей казны закладовъ и техъ денегъ не имали и в томъ прибыли не искали: служили и работали намъ великимъ государямъ и всему Московскому государству верою и правдою». (См. илл. № 16).

Верительные грамоты и указы сберегла Софья Владимировна Строганова, урождѣнная княжна Голицына. Она и познакомила съ ними профессора русской исторіи Петербургскаго университета Николая Герасимовича Устрялова, который в 1842 году предалъ ихъ гласности в своей книгѣ.

Жаль, труд сей, оцифрованный и хранящійся в Мюнхенской Bayer Statsbibliothek, я смогъ прочесть не в библиотекѣ своего Отечества.

Берега памяти

Георгий Кольцов

К 75-летию поэта

Георгий Николаевич Кольцов – родился 9 апреля 1945 года в селе Буреть Боханского района Иркутской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Участник знаменитого Читинского совещания молодых писателей. Участник 6-го Всесоюзного совещания молодых писателей. Один из авторов коллективного сборника «Зёрна», изданного по итогам Читинского совещания (М., 1966), автор сборника стихов «Корни кедра» (Иркутск, 1975). Печатался в журналах: «Звезда», «Сибирь», «Сибирские огни», «Пограничник», «Студенческий меридиан», в альманахе «Истоки» («Молодая гвардия»). Умер и похоронен в городе Кашира Московской области в 1985 году.

ПОМИНКИ

Жизнь торжествует в разномастном гуле,
Где вздохи вдов порою не слышны...
В большой эмалированной кастрюле
Замесит мама
Тесто на блины.

И соберёт соседок и знакомых,
Запрячет под косынку седину.
А тёплый блин
Вдруг встанет в горле комом,
Когда я на собравшихся взгляну.

Там, за окошком,
В этот вечер глуше
Шумят листвой осенние леса.
Помин души погибшего отца.
Она в мою переселилась душу!

Я разолью,
Как требует обычай,
Настойку, что от выдержки светла.
О коробок сломаю уйму спичек,
Прикуривая около стола.

* * *

На марше,
В карауле,
На привале,
Когда почти беспомощны слова,
Не красноречьем слова
Дружбу мы сверяли,
А степень солдатского родства.

И в степень превосходную
К России
Мог возвести я преданность свою,
Когда вдоль строя знамя проносили,
Пробитое осколками в бою.

СИРОТА

Палисадники,
Пихты –
Станция Юшала.
У него из родных тут
Лишь Россия была.
Он с котомочкой тощей,
Как взрывною волной,
На вокзальную площадь
Был отброшен войной.
И под небом весенним
В сорок трудном году
Зарабатывал пеньем
Он себе на еду.
Пел он плохо и жалко.
Но плясал – как цыган!
Мурашами бежали
Цыпки вверх по ногам.
Мог сыграть и на ложках
О ладошку руки.
В кепку падали гроши,
Звякали медяки.
Вся в мазуте и саже
Телогрейка была.
Тётя Ньюра однажды
В дом его привела.

Тётя Нюра в ушате
Замочила бельё...
То ли брызги на платье,
То ли слёзы её...

СЛЕПОЙ

В огне бомбёжки,
В адском скрежете
Навеки свет в глазах потух...
Так обострила тьма крошечная
Его обыкновенный слух,

Что научился он по голосу
Определять прохожих рост,
Как поле – по шуршанью колоса,
Сентябрь – по шелесту берёз.

Бесшумной палочкой бамбуковой,
Что верной спутницей была,
Не мостовую он простукивал –
Гремел во все колокола.

Звонил о братьях по оружию!
Как будто бы из-под земли
Неумирающие души их
На стук откликнуться могли.

Пожгла, сломала, исковеркала
Подлесок жуткая гроза...
А иногда во сне,
Как в зеркале,
Он видит вновь свои глаза.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ВЕСНА

Брату Николаю

Ты помнишь ту весну:
Упрямо к небу
Рвалась настырно ранняя трава.
А наша мать
За полбуханки хлеба
Ночь напролёт вязала кружева.
Скребла полы
И клеила калоши,
Поглядывая часто на кровать,
Где спали трое пацанов подросток,
Любивших плакать,
Петь
И рисовать.
Ты помнишь?
Мама выменяла где-то

За кружева карандашей набор.
И не тогда ль
Я приобщился к цвету,
Который мне сопутствует с тех пор.
Им стал зелёный.
Зеленели листья
И не могли завянуть на корню.
И потому я позже
Стал танкистом,
Что в цвет защитный красили броню.

ТЁТКА ДАРЬЯ

В День Победы
Тётка Дарья –
Вот уже который год –
Утром мужнины медали
Мягкой тряпочкой протрёт.

Так в награды фронтовые
Въелась горечь передряг,
Что, всю жизнь прошив навывлет,
Память
Встанет вновь в дверях...

Вот летишь ты на свиданье
За околицу села
Никакой не тёткой Дарьей,
А невестой, весела...

Сотни звёзд!
А может, тыщи?
И, не помня ничего,
Ты сама во тьме отыщешь
Губы жаркие его.

На счастливейшей полянке
Знать не знали
Ты и луг,
Что «Прощание славянки»
Вырвет милого из рук...

Я б за то вручал медали,
Что жила
В дни тех годин
Вера в силу ожиданья
Даже в плаче проводин.

Шла она с бойцами рядом,
Согревала в снег и в дождь...
Ты прильнёшь щекой к наградам
И украдкой
Всплакнёшь.

ПОЧТАЛЬОНША

Как долго –
Через всю Россию –
Шли письма.
Днём и по ночам.
А ты, девчонкой, разносила
Их по дворам односельчан.

Летела мигом
К ждущим окнам,
Надеждой жившим всякий раз.
Такая шустрая,
Во многом
Не сразу ты разобралась.

Взять даже то,
Что торопиться,
Пожалуй, надо не всегда.
Ведь в сумке выцветшей тряпичной
Могла пристроиться беда.

О, письма с фронта!
Глянув мельком
На штемпель, адрес и печать,
Кто смог бы так,
Как ты умела,
Их содержание различать?..

Обманчивость благополучья –
Был в тыщу раз
В те дни страшней
Родных мужицких закорючек
Красивый почерк писарей.

Ты, размышляя на подворье,
Как бабья доля тяжела,
В конверт заклеенное горе
Вдове
Растерянно несла.

И, жадно вслушиваясь в сводки,
То в жар бросающих,
То в дрожь,
Солдатки знали –
По походке –
С какой ты весточкой идёшь.

КРАЙНЯЯ ИЗБА

Пурга.
Ни огонька и ни столба!
Усталости слепая паутина...

Но в белом мраке крайняя изба
Меня, как сына,
На ночь приютила.
В ней не нашлось домашнего вина,
Но угольки нашлись для самовара.
Хозяйка престарелая –
Одна! –
В ней, доживая век свой, зимовала.
В ней пышно взбитых не было перин,
И мне постелью стал тулуп овчинный.
А я сидел на лавке
И курил,
Прикуривая жадно от лучины.
В печи сухие таяли дрова,
Стреляя, как неотсыревший порох.
И думал о старушке я сперва,
Потом – о крайних избах,
От которых
Такой короткий путь до большака...
Отсюда – не на жатву урожая –
Сибирская крестьянка
Мужика,
Сынков своих на запад провожала.
Как ночи ожидания длинны!
Как луч надежды призрачен и тонок!
Здесь проходил
Передний край войны,
Сердца сжимая болью похоронок.
И если снова позовёт труба
Иль заметёт дорогу вьюга злая,
Проводит нас
И встретит нас изба,
Та крайняя изба –
Не хата с краю.

ЧИСТОТА

Суровое военное житьё.
И столько в нём традиций, сколько прозы...
И перед боем чистое бельё
Солдатам выдавалось из обоза.

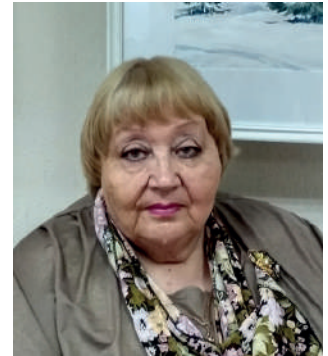
Бойцы же треугольники потом
Политрукам зачем-то отдавали.
И главное едва ли было в том,
Что люди перед смертью надевали.

Ведь где-то токовали глухари,
А рядом на дыбы земля вставала...
И всё-таки,
Чего ни говори,
Какая-то здесь связь
Существовала.

Берега памяти

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – бывший учитель химии высшей категории гимназии города Светлогорска. Отличник образования Республики Беларусь. Публиковалась в педагогических периодических изданиях Беларуси и России, автор шести книг, циклов интервью с педагогами, врачами, работниками культуры и др., рецензий на спектакли народных театров, мероприятий любительских творческих объединений и др., публикаций в жанре лирической миниатюры и короткого рассказа, дипломант Гомельского областного литературного конкурса им. Кирилла Туровского (2009). Автор сборника «Мгновения жизни» (Минск: Белпринт, 2020).

«Если мы войну забудем, вновь придёт война»

В моём детстве как-то само собой разумеющимся было то, что папа воевал и имеет боевые награды. Его старший брат, лётчик, и мамин старший брат, артиллерист, погибли. Старшее поколение после войны жило в землянках, терпело нужду и голод. Так было в семьях всех друзей и знакомых. Да и взрослые не любили вспоминать лихолетье. А зря! Надо было бы их расспросить да записать всё. Только поздно сейчас – спрашивать давно некого. Запишу хотя бы то небольшое, что помню.

ТАНКИСТ

Мой отец Анатолий Фридрихович Копецкий, которому в 1943 году исполнилось 17 лет, ушёл на фронт добровольцем. Окончил танковое училище, прошёл курсы подготовки механика-водителя танка Т-34 и прошёл с боями от Курска до Берлина. Имел три ранения: в 1944 году – тяжёлое, осколочное, под Познанью; в 1945 году – тяжёлое, осколочное, в Варшаве, в 1945 году – лёгкое, под Берлином, и контузию. В черепной кости у него застрял небольшой осколок. Так и жил отец всю жизнь с этим «подарком» войны. Уволен из армии только в июне 1950 года. Не демобилизовался раньше, так как не было в живых молодых ребят призывного возраста. Имел боевые награды – ордена: Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Славы III степени; медали: «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и все юбилейные ордена и медали, которыми награждались ветераны Великой Отечественной войны.

Когда упрашивала рассказать о подвиге, он тяжело вздыхал: «На войне каждый день – подвиг». Кратко и неохотно он рассказал, как на его глазах погиб его лучший друг Вася Весенин, как он сам три раза выбирался из горящего танка и два раза – из тонущего. Рассказал, как, выполняя боевое задание «провести разведку», они пристроились поздно вечером к немецкой колонне танков, так проникли на территорию противника. Провели необходимую разведку, а потом с боем прорвались к своим. За этот подвиг все члены экипажа были награждены орденом Славы III степени.

«ЛЯГУШКИ»

Война – это не фильм ужасов, это страшная быль. Папа как-то рассказал, как однажды выбрались с товарищами из горящего танка, а потом, в пылу боя, присоединились к пехоте и пошли вместе со всеми в атаку. Рядом с отцом бежал высокий мощный парень в форме пехотинца. Навстречу им выскочил фашист с автоматом наперевес, а пехотинец как врежет немцу по голове прикладом ружья! Видно, сила была у парня богатырская, потому что у фашиста в буквальном смысле слова глаза из орбит вылезли. Папа говорил: «Выскочили глаза, как будто лягушки выпрыгнули». От такого зрелища парень оторопел и встал как вкопанный. В бою останавливаться нельзя. Отец изо всех сил

Танкист Ан. Ф. Копецкий

Лётчик Ад. Ф. Копецкий

Артиллерист В. П. Литский

толкнул кулаком парня в спину, тот побежал вперёд, потом опять остановился. Так и бежал папа в атаку с криком: «За Родину! За Сталина!» Правой рукой из трофейного пистолета стрелял, а левой рукой толкал окаменевшего от шока пехотинца. Оба они в той страшной атаке остались в живых.

«МАРМЕЛАДКИ»

Папа не любил рассказывать о войне. А если и рассказывал, то что-то смешное. Например, однажды он показал своему другу Косте красивую коробочку: «Смотри, какие у меня мармеладки есть!» Костя: «Дай мне!» Толик в ответ: «Не дам!» – и бросился удирать. Костик – за ним. Бегают друг за другом, дурачатся. Толя покручивает коробочку перед носом друга, хохочет. Наконец Костя изловчился, выхватил коробочку, запустил в неё руку, набрал содержимого полную горсть и всё затолкал себе в рот. Через минуту у него глаза выпучились, принялся Костя плевать и чертыхаться. Анатолий с издёвкой: «Что, не по вкусу зубной порошок пришёл?»

Было солдатикам по девятнадцать лет... Мальчишки.

Мальчишки, которые ценой своего здоровья, а порой и ценой жизни спасли мир от «коричневой чумы» фашизма.

ЛЁТЧИК

С детства помню, что у бабушки по отцу в комнате висел портрет её старшего сына Адика.

К сожалению, ничего о нём не знаю. Когда началась война, он уже служил в лётном полку и принял участие в боевых действиях практически с первых дней войны. Отец рассказывал, как весной 1945 года он в Восточной Пруссии случайно встретился со своим старшим братом и даже побывал у него в гостях в лётном полку. Через несколько дней папа с однополчанами участвовал в похоронах погибших лётчиков. Тела их сильно обгорели, но Анатолию показалось, что один из пилотов – его брат, т. к. на руке погибшего была такая же татуировка, как и у Адика. Потом отец узнал, что его родителям пришла похоронка, в которой было сказано, что Адольф Фридрихович Копецкий пропал без вести в Восточной Пруссии: не вернулся с боевого полёта...

«ШПИОНЫ»

Семья дедушки и бабушки Фридриха Антоновича и Марии Матвеевны Копецких жила в городе Гомеле. Фридрих Антонович повёз оборудование гомельского завода (к сожалению, родственники не помнят название завода) в эвакуацию в Уфу. Сосед сказал бабушке: «Мария Матвеевна, срочно уезжайте, в Уфу уходят последние эшелоны. Ваш средний сын уехал с отцом». Бабушка собрала кое-какие вещи, взяла с собой младшего сына Толю и уехала. В вагоне было много людей, теснота, не то

что яблоку – сливе негде было упасть. Кто-то взял и донёс, что моя бабушка – шпионка. Её вместе с сыном высадили из поезда на одной из остановок. Усталый начальник вокзала спросил: «Ну, где тут шпионы?» Мария Матвеевна отвечает с отчаянием: «Я шпионка, да вот ещё один шпион, мой сын четырнадцати лет». Начальник чертыхнулся и посадил их в другой поезд. Когда они проезжали следующую станцию, то увидели на железнодорожных путях остатки вагона поезда, в котором они ехали: в эшелон попала бомба фашистского самолёта. Так подлое поведение кого-то из попутчиков оказалось благом – моя бабушка и отец остались живыми. Мария Матвеевна нашла в Уфе своего мужа, там они и жили до освобождения Гомеля.

КУЛЕШ В ШАПКЕ

Во время эвакуации в городе Уфе папа поступил в ФЗУ, там его кормили. Дедушка работал на заводе и ел в рабочей столовой. Моя бабушка вынуждена была питаться по карточке иждивенца и сильно голодала. Была она женщиной гордой и очень терпеливой, никогда ни на что не жаловалась. Только когда сын и муж заметили, что она от голода пухнет, стали делиться своим небогатым пайком. Папа рассказывал, что, когда выпадало ему дежурить по кухне, всегда выпрашивал у повара хоть какие-то крохи для голодающей матери. Однажды им выдали по солидной порции кулеша. Выделил он половину порции для матери, а как её донести? Не растерялся, вылил густой кулеш в шапку и со всех ног помчался домой.

Слаще всех яств мира казался моей бабушке тот кулеш из старой шапки сына...

БОРЩ ИЗ ЩАВЕЛЯ

Брат моего отца Рудольф вернулся с вокзала домой, узнал, что мама и брат уехали в Уфу, но последовать за ними не смог: Гомель захватили фашисты. Он жил в оккупированном городе один. Потом немцы угнали Рудика в Германию в рабство. Он остался жив, вернулся на Родину в 1945 году. Дядя рассказывал, что в рабстве в Германии приходилось много работать на бауэра, который обращался с ними грубо, оскорблял. В тёплое время года в выходной день все работники собирались на лугу, разжигали костёр и варили борщ из щавеля. Хозяйка над ними смеялась: «Русские свиньи траву едят».

Видно, не от хорошей жизни бесконечно вкусным казался моему дяде тот сваренный на костре борщ из щавеля...

«КОМУ ЭТА ВОЙНА НУЖНА?»

Бабушка Мария Фоминична Липская рассказывала, что во время войны в их домике поселились фашисты, а хозяйка ютилась в хлеву вместе с немногочисленным скотом. Как-то бабушка прибиралась во дворе. Пожилой немец, который чистил своё оружие во дворе, оглянулся по сторонам, затем тихонько сказал: «Матка, иди сюда!» Бабушка застыла в испуге: подойти страшно, а не подойти ещё страшнее. Перекрестилась украдкой и подошла, мысленно читая про себя молитву. Немец протянул шоколадку: «На, спрячь быстро. Отдай твоим киндер. У меня тоже две киндер дома». Потом вздохнул и добавил на ломаном русском: «И кому эта война нужна? Пусть бы Гитлер со Сталиным разбежались да стукнулись лбами, кто упал, тот и проиграл».

...Не все немцы фашистами были, только народу СССР от этого легче не стало...

«ТРИ ГОДА!»

Мамина двоюродная сестра Мария Клейнова несколько раз рассказывала мне эту историю. У них в доме во время войны остановились на постой итальянцы, которые служили в фашистских войсках. Однажды один из них вечером на ломаном русском сказал Мане: «Завтра вас всех соберут. Скажешь, что твоей дочке три года. Запомни: три года!»

Назавтра фашисты действительно согнали всех женщин с детками. К тем, у кого были маленькие дети, подходили и спрашивали, сколько ребёнку лет. Маня прижала к себе свою единственную четырёхлетнюю доченьку Раечку и закричала не своим голосом: «Три года! Ей только три года!»

Я высокая, муж высокий, Райка высокая. Ей три года! Три года!» Фашисты отобрали всех деток, начиная с четырёхлетнего возраста, у матерей и отвезли в детский концлагерь в Красный Берег. Там у детишек брали кровь для раненых фрицев. 1990 детей не выжили...

ХОЧУ ВО СНЕ УВИДЕТЬ МАМУ

Мою маму Валентину Павловну Липскую фашисты угнали в Германию в рабство. Хозяин, к которому её отдали, плохо рабов кормил и заставлял много работать. После Победы на Родину молодая, ранее здоровая деревенская девушка вернулась совершенно больной. Она умерла, когда мне было два месяца. Так война и меня сделала сиротой. К отцу несколько раз приходили из детского дома, предлагали отдать меня, приходила обеспеченная семейная бездетная пара, тоже просили отдать им ребёнка. Его старший брат, у которого уже было два сына, просил отдать ему меня, а самому строить свою жизнь заново. Отец никого не послушал, никому меня не отдал. Перед смертью мама попросила папу, чтобы он женился на её младшей сестре Шуре. Так он и поступил. Низкий поклон, конечно, Александре Павловне за то, что она меня вырастила и воспитала, но я всю жизнь мечтаю, хотя бы во сне, увидеть мою родную маму...

МОГИЛА ДЕРЕВНИ

Семья моего дедушки Павла Александровича Липского (1884–1944) жила на хуторе Кунное рядом с деревней Печищи (нынешний Светлогорский район). Дедушку не призвали в армию, так как у него была язва желудка. Его сын, Всеволод Павлович Липский (1920–1943), учился в военном училище, был артиллеристом, вступил в бой с фашистами в первый же день войны. Семья Липских испытала огромные трудности во время проживания на оккупированной территории: голод, холод, страх и опасность. Недалеко от хутора Кунное находилась деревня Печищи. 10 февраля 1942 года каратели сожгли деревню и расстреляли 120 человек. Моя матушка рассказывала, что, когда фашисты уехали, мой дедушка с односельчанином (к сожалению, не помню его имени) тайком ночью собрали останки погибших и похоронили их. Эта братская могила находится в лесу в километре от восстановленной деревни Печищи, там установлен памятник. Символическая могила деревни Печищи находится в мемориальном комплексе «Хатынь» среди 155 могил белорусских деревень, сожжённых вместе с людьми.

СИЛА ИСКРЕННЕЙ МОЛИТВЫ

В 1943 году немцы собрали всех жителей и погнали их к реке в направлении деревни Стужки. Все люди думали, что их ведут, чтобы расстрелять или утопить в реке. Моя бабушка Мария Фоминична по пути наставляла своих дочерей: «Как начнут стрелять, то ты, Валечка, прячься за папу, ты Шурочка – за меня. А потом лежите тихонечко, может, вас не увидят. Прощайте, донечки мои». Все люди шли, плакали, прощались с детьми, многие молились. Неожиданно к колонне подъехал мотоциклист с каким-то приказом. Всю колонну развернули и привели в деревню Прудок. Бабушка Мария Фоминична Липская, была человеком глубоко верующим, она всегда говорила, что они остались живы только благодаря тому, что она и многие женщины молились о спасении.

А ПОСЛЕ ВОЙНЫ...

А после войны жизнь была невыносимо тяжёлая. Моя бабушка по матери со своей младшей дочкой Шурой жили в землянке, спали на деревянных нарах, голодали. Из одежды самый шик – блузочка из парашютного шёлка, если ещё повезло этот парашют найти. Однажды ночью, неловко повернувшись, Шура упала с нар на пол, где была лужица холодной воды. Обогреться негде, переодеться не во что... Утром пошли на работу, где девочка и «согрелась»: вспахивая поле, таскала вместе с другими девчатами плуг на себе, так как лошадей в колхозе не было...

Берега прочтения

Екатерина Козырева

Екатерина Николаевна Козырева (Костарева) – родилась в посёлке Агаповка Челябинской области. Окончила МОПИ, ВЛК в семинаре Юрия Поликарповича Кузнецова. Издатель альманахов «Вечера в Академическом» и «Царское Село». Печаталась в журналах: «Наш современник», «Подъём», «Роман-журнал 21 век», «Вестник российской литературы» и других. Произведения автора можно найти на сайтах: «Российский писатель», «Русский переплёт», «День литературы», «Русская народная линия», Стихи. Ру. Автор поэтических книг: «Дорога в Болдино» (1993, переиздана в 1999 году), «Свет одиночества» (1995), «Качели над обрывом» (1997), «Неземное кольцо» (1999), «Зимний шиповник» (2003), «Возвращение к себе» (2006), «Берег неба» (2009), «Другиня» (2012), «Богатый остров» (2016), «Сонеты времени» (2016). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Тайная судьба А. С. Пушкина

На грани смерти и бессмертия

В 1836 году А. С. Пушкин написал «Отцы пустынноики и жёны непорочны» – переложение молитвы святого Ефрема Сирина.

Ефрем Сирин жил в 4-м веке. Оставил много толкований Святого Писания и других сочинений, переведённых на греческий. Также сочинял умиленные молитвы и песнопения. Великопостная молитва Ефрема Сирина широко известна:

Господи и Владыко живота моего!

Дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми.

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему.

Ей, Господи Царю, даруй ми зрети мои прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Так молился великий святой. Как же передаёт нам молитву смертный человек и бессмертный гений Александр Сергеевич Пушкин?

Среди множества молитв, сложенных отцами-пустынниками и жёнами непорочными, поэту «всё чаще приходит на уста» только одна великопостная молитва «и падшего крепит неведомою силой»:

Владыко дней моих!

дух праздности унылой,

любоначалия, змеи сокрытой сей,

и празднословия не дай душе моей.

но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,

да брат мой от меня не примет осужденья,

и дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи.

В 1836 году Пушкин пересматривает всю свою жизнь. Праздность и уныние, названные Ефремом Сириным отдельно, друг за другом, поэт объединяет в одно – праздность унылая. Ну да, для поэта праздность всегда уныла. Хотя значение этого слова «праздность», производного от слова «праздь» – ничегонеделанье, свободное время от трудной и тяжёлой физической работы крестьянства и вообще трудового народа. В этом случае праздность, праздь, становится отдыхом, праздником. Но Ефрем Сирин говорит о духе праздности. И гений Пушкина определяет унылым дух праздности поэта, потому что в праздности «меж детей ничтожных мира быть может всех ничтожней он».

Валентин Непомнящий говорит о крупном отступлении Пушкина от оригинала молитвы: «...вместо скупой и монолитной формулы Ефрема Сирина у Пушкина “Дух праздности унылой, Любоначала, змеи сокрытой сей, И празднословия не дай душе моей”. Эта метафорическая змея появляется потому, что Пушкин вводит усиление в том месте, где именуется грех, всего более страшный его: “Любоначала, змеи сокрытой сей”. Образ змеи много раз появляется в произведениях Пушкина. Но если в “Пророке” (1826) “жало мудрая змея”, в “Воспоминании” (1828) “змеи сердечной угрызенья” мучают поэта, то в молитве 1836 года «змеи сокрытой»... Этим эпитетом поэт хочет подчеркнуть, что любоначалие скрытно, тайно, незаметно для него самого овладевает человеком. Духовное начальство над всеми – вот как называется этот страшный грех гордыни. Любоначалие над несчастными узниками, над царем, обществом и страной, над сердцами людей, наконец...

Откуда же появляется эта непомерная гордыня, это упоение собой?»

Нельзя не согласиться с мнением В. С. Непомнящего, что это «упоение собой ведёт к слепоте и глухоте. Отсюда потеря чувства такта и ориентации в реальных исторических и человеческих обстоятельствах». В. Непомнящий в книге «Поэзия и судьба» достаточно подробно останавливается на вопросе отношений личности Пушкина и его гения.

Мы же здесь остановимся на конкретных произведениях, где любоначалие как соблазн духовного владычества, своей могучей власти над умами у Пушкина проявилось с таким мощным самозабвением.

«Желание славы» было написано в 1825 году. Это излюбленное Пушкиным двухчастное стихотворение. Вторая часть – это страшная месть! Оно звучит как заклинание, заговор. Это уже не просто поэзия, это демоническая власть, которой обладает поэтический гений. В стихотворении четырежды повторяется слово «чтоб». Слово проклятье:

Желаю славы я, ч т о б именем моим
Твой слух был поражён всечасно, чтоб ты мною
Окружена была, чтоб громкою молвою
Всё, всё вокруг тебя звучало обо мне,
Чтоб гласу верному внимая в тишине,
Ты помнила мои последние моленья...

Несчастливая жертва попадает в круг демонической власти всемогущего слова. Её слух, она сама, всё, всё вокруг неё, память – вся жертва – окружена его именем, им самим, молвою, голосом.

Горе тому, кто подпадёт под такое духовное владычество: от него действительно трудно освободиться. Но в 1825 году желание славы ново для Пушкина, эта новая страсть родилась как бы в отместку той женщине, которая изменила. «Я новым для меня желанием томим», – признаётся поэт... Но окружить женщину собой, своим именем! О, это страшное, страстное, мстительное желание собственника, не желающего уступить никому другому то, что ему так дорого и любимо! Любоначалие... Оно возникает и в других стихотворениях Пушкина: «Не правда ль: ты одна... ты плачешь... я спокоен; ...Но если...» Он спокоен, потому что она плачет. И что же в этом «Но если...»? Опять «мщенье, бурная мечта ожесточённого страданья»?

Но сразу же вслед за «Желанием славы» Пушкин пишет стихотворение «Храни меня, мой талисман», где мщение сменится заклинанием, просьбой – словом «храни», которое повторяется здесь шесть раз! Поэт сам чувствует себя жертвой:

Пускай же век сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда; спи, желанье;
Храни меня, мой талисман.

И ещё раз обратится Пушкин к талисману, но уже в 1827 году. От чего же охранит талисман, который вручила ему восточная волшебница?

От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!

Почти повторяется строка 1825 года! Долго, долго сердечные и другие раны растравляли сердце поэта и незаметно привели к «змеи сокрытой сей», к осознанию своего любоначала, в котором он искренне раскаивается, повторяя далее слово в слово молитву Ефрема Сирина.

«Не здесь ли, в этой высокой и смиренной молитве, стоящей почти рядом с “Памятником”, с его “милостью к падшим”, подводится духовный итог многолетнего – на всю жизнь – внутреннего диалога сложных и столь часто мучительных отношений смертного человека со своим бессмертным даром?» – предполагает В. Непомнящий.

Да, и здесь, и на протяжении всей своей великой жизни поэт жил и творил на грани смерти и бессмертия.

1996–1997 гг.

Красота и воля поэта (о поэтическом творчестве)

Искусство и литература. Кто не помнит эту школьную тему? Но почему «и»? Разве литература не искусство? К примеру, писать картины искусство? Искусство. А писать прозу или стихи? Тоже искусство. Искусство творчества. Да и само это слово можно так «расшифровать»: искус сотворения, что само по себе многозначно. Искус, искушение, сотворение – творение своего мира, что может делать только Бог. Вот почему «искус». То есть настоящее стихотворение – творение наравне с Богом. Это великое искушение, за которое творец своего мира – поэт – и будет в ответе перед Богом. За каждое слово, мысль, рифму, за каждую запятую!

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён. <...>
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
(«Поэт», 1825)

Значит, слух поэта должен стать чутким к себе самому, к окружающему его миру; душа поэта должна трепетать, только тогда божественное слово делает стихи поэзией, искусством.

Творческая сила. «Самая лестная похвала, которую ты мог мне сказать», – писал Грибоедов Катенину в ответ на его слова, что в грибоедовских стихах «дарования более, нежели искусства». «Искусство в том только и состоит, чтоб подделываться под дарование, а в ком более вытверженного, приобретённого потом и сидением искусства... в ком, говорю я, более способности удовлетворять школьным требованиям, условиям, привычкам... нежели собственно творческой силы, – тот, если художник, разбей свою палитру и кисть, резец или перо брось за окошко... Я как живу, так и пишу – свободно и свободно».

Цитата взята из книги В. В. Кожина «Как пишут стихи». Последняя строка чаще всего цитируется: «Я как живу, так и пишу – свободно и свободно». Значит ли это, что творческая сила заключается в свободе? Или только в даровании? Или в соединении стихии дарования и свободной воли художника? Дело в том, что одарённый человек, но не прикладывающий собственной творческой силы воли к своему дарованию, всегда находится перед опасностью зарыть свой талант в землю. И ничего из этого таланта не вырастет. Но сила воли художника всегда должна быть творческой, а не конструктивистской.

Поэтому нельзя руководствоваться статьей В. Маяковского «Как делать стихи», который всё же написал: «...очень решительно оговариваюсь: я не даю никаких правил для того, чтобы человек стал поэтом, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтом называется человек, который именно и создаёт эти самые поэтические правила».

Таким образом, творческая сила – это сила воли, сила свободы поэта или сила вдохновения.

В «Разговоре продавца с поэтом» (1824) А. С. Пушкина читаем:

В часы ночного вдохновенья
Всё волновало нежный ум...
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,

И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грёзы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались...
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом
И музы пламенных даров
Не унижал постыдным торгом...

Вот она, истинная творческая сила, как жить, так и писать свободно и свободно – не для славы, не для денег, не для любви. Это детская способность «свободно распоряжаться собой и миром». Когда у поэта есть «признак Бога, вдохновенье...». Но ещё свободнее творчество, вообще никак не воплощённое ни в чтении, ни в письме, ни в ожидании славы за свободу творить:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шёпот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Пушкин ставит вдохновение свободного творчества выше всего – выше славы, выше денег, выше влюблённого внимания! Вот что такое истинная творческая сила.

Красота и воля.

Пушкин однажды сказал: «Я думал стихами». Кожин в своей книге делает вывод: «Думать и говорить как бы прямо и непосредственно стихами – это и есть высшая искусность поэта». В великолепном разборе пушкинского стихотворения «Я вас любил» он показывает красоту и силу поэзии Пушкина, её естественность, её тонкость и утончённость, её стройность и целостность: одним словом, всю искусность поэтического творчества.

В чём тут дело? Разве только в одной чувственности, в одном мощном «чувствилище» (Л. Анненский)? Нет! Дело в красоте и воле поэта к созданию этой красоты в её естественном проявлении, это «души высокие созданья», которые поэт «про себя таил». Но Пушкин настолько «блажен», то есть гениален, что смог передать это блаженное, высокое, мучительное, болезненное состояние человека в любви «безмолвной, безнадежной, искренней и нежной», «робкой» и «ревнивой».

Вся красота и сила этой любви выражена в собственном самоотрицании и самоотречении. «Я не хочу печалить вас ничем». Потому и не хочет печалить, что любит. Поэтому и произносит эти блаженные, безумные слова: «Как дай вам Бог любимой быть другим».

Воля Пушкина прежде всего была направлена на самого себя, потому и умел он создавать новую красоту и силу из самого себя.

«Я памятник себе воздвиг...»

Россия – это страна поэтов, способная в «жестокий век» восславить свободу. Это «душа в заветной лире». Это не о себе Пушкин писал – о России: «мой прах переживёт и тленья убежит». Пушкин-Россия провозгласил всемирную всечеловечность, отзывчивость её в словах: «слух обо мне пройдёт по всей Руси великой», обо мне – о русском духе поэтическом. Можно плакать над словами Лермонтова: «Погиб поэт – невольник чести», а можно плакать над Россией – Поэтом – Пушкиным, которого назовёт «всяк сущий в ней язык». Сущий в ней – в России, в Пушкине! Отсюда и признан в ней, как существующий в ней, «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык».

Эта всемирная отзывчивость по «веленью Божию». Это наша судьба, русская идея, а потому «обиды не страшась, не требуя венца; хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца».

Равнодушно – значит спокойно, так как быть человеком и оставаться человеком в наш не менее жестокий век – эта трагическая миссия великого безмолвия предназначена Богом только великому народу в великой России.

1997–1998 гг.

К Пушкину через 200 лет

История народа принадлежит поэту.
А. Пушкин

Пушкинскому гению повезло родиться и развиваться в героическую для России эпоху: патриотический подъем 1812 года, возвращение Александра I с победой в 1815 году, встреча с Чаадаевым в 1816 году, с которым он делился «вольнлюбивыми мечтами» и вёл «пророческие споры» – всё это предопределило раннее созревание Пушкина как политического деятеля. До 1820 года взгляды поэта были достаточно умеренными:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря?

За идеей освобождения крестьян следует идея конституционной монархии:

Склонитесь первые главой
Под сень надёжную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Но уже в «Исторических записках» 1821 года Пушкин говорит о влиянии европейском и азиатском невежестве послепетровского времени и о неспособности наследников к «новому вдохновению» строительства государства.

Говоря о царствовании Екатерины II, поэт намеренно заменяет одно слово в библейской фразе: «Много было званных, и много избранных» – любовников, заместников, любимцев, которые уничтожали благородный дух дворянства, расхищали казну. В «записках» Пушкин противопоставляет добрые начинания государыни конечному их результату: «Екатерина уничтожила название рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян и закрепостила вольную Малороссию... уничтожила пытку – а тайная канцелярия процветала... любила просвещение, а Новикова, Радищева, Княжнина... преследовала, гнала духовенство и монашество, чем вызвала равнодушие к отечественной религии, насмешки».

Пушкин откровенно высказывает сожаление об этом, «ибо греческое вероисповедание... даёт нам особенный национальный характер... мы обязаны монахам нашей истории, следственно и просвещением».

О дальнейшем изменении политических взглядов поэта можно судить по известному стихотворению 1823 года:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощённые бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Упования на революцию лопнули, именно это вызывает такую ярость поэта, прежде беспристрастного.

В Одессе Пушкин сближается с консервативно-религиозным писателем Стурдзой и, попав в Михайловскую ссылку за атеистические увлечения «единственным умным афеем», он, видимо, другого умного атеиста не встретил в своей жизни, и сердце его уже влеклось к счастью православного мировоззрения. В Михайловском уединении 1824–1826 годов, несмотря на житейские трудности, Пушкин создаст великую драму «Борис Годунов», приходя к убеждению, что «монархия есть в народном сознании фундамент русской политической жизни».

А в сохранившихся отрывках из десятой главы «Евгения Онегина» Пушкин даёт уничтожающую характеристику декабристов: «Всё это были разговоры, и не входила глубоко в сердца мятежные наука. Всё это было только скука, безделье молодых умов, забавы взрослых шалунов».

Особое место в этой теме занимают отношения Пушкина и Николая I. Достаточно широко этот вопрос раскрывается в книге В. Непомнящего «Поэзия и судьба». Здесь же необходимо сказать, что 8 сентября 1826 года Пушкин был привезён прямо из Михайловского на секретную аудиенцию с царём, где поэт открыто сказал царю, что, если бы был в Петербурге, он не мог бы отречься от своих друзей и принял бы участие в восстании. Николай I даровал поэту свободу... под полицейским надзором Бенкендорфа... и единственного цензора – царя.

По поручению Николая Пушкин написал записку «О народном воспитании», где высказывался о пользе иностранных университетов, которые отличаются «нравственностью и умеренностью». Особое значение Пушкин придаёт изучению русской истории, высоко оценивает труд Карамзина, называя его «подвигом честного человека». Причём вторая часть высказывания будто бы написана в наше время и для нас: «Россия слишком мало известна русским. Изучение России... должно занять умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве».

О! Если бы способны были мы внять мудрому учению великого национального гения!

Пушкин же получил за это от Бенкендорфа выговор об излишнем увлечении «безнравственным и беспокойным» просвещением; а затем и за «Андрея Шенье», написанное до декабрьского восстания, и за «Гавриилиаду» – шуточную поэму, от которой сам поэт потом отрекался.

К концу жизни Пушкин разглядел в царе «много от прапорщика и немножко от Петра Великого». Поэт приходит в отчаяние не только от невозможности снять ненавистный ему камер-юнкерский мундир и уйти в отставку для творческого уединения в деревне, но более всего от политической обстановки в России: «Чёрт догадал меня родиться в России с душой и талантом». Но широко известно и другое высказывание поэта: «Ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, ни иметь другой истории, чем история наших предков, как её послал нам Бог» (письмо к Чаадаеву 1836 г.).

Пушкин хорошо понимал, что нельзя применять политику Запада к России, т. к. история их различна. Бесспорна мысль Пушкина о демократии: «С изумлением увидел я демократию в её отвратительном цинизме, в её жестоких предрассудках, в её нестерпимом тиранстве. Всё благородное, бескорыстное, всё возвышающее душу человеческую – подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству; большинство, нагло притесняющее общество...» – пишет Пушкин, ссылаясь на книгу Токевиля «О демократии в Америке». Наконец, всем известно пушкинское слово об уважении к истории: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим», – приобретает особую актуальность в наше время. Но менее известно продолжение этой цитаты: «Конечно, есть достоинство выше знатности рода – именно достоинство личное... Имена Минина и Ломоносова вдвоём перевесят все наши старинные родословные. Но неужто потомству их смешно было бы гордиться их именами?»

Достоинство личное – вот что более всего необходимо нашей современности. Гордость именами Георгия Жукова, Юрия Гагарина, Георгия Свиридова, Галины Улановой, Виктора Петровича Поляничко, русского святого мальчика Жени Родионова, не предавшего православной веры под гнусными пытками чеченских палачей, – гордость многими и многими личностями XX века – просто необходима будущим поколениям России.

А. С. Пушкин не только с ужасом думал о крестьянских бунтах – «не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный», но думал он и о непрерывности культурного и политического развития в мирных условиях: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества» («Мысли на дороге»).

Это высказывание почему-то не любят цитировать наши доморожденные демократы. Более того, пытаясь принизить значение А. С. Пушкина как политического мыслителя, нам навязывают мнение, что ни в одной стране мира политики не стали бы брать во внимание мысль поэта, чтобы подкрепить ею политическое убеждение. Пугают бунтом, а сами создают полицейское государство; вместо улучшения нравов устраивают насильственные политические потрясения, действительно страшные для всего человечества, о которых так пророчески предупреждал поэт устами своего героя Гринёва в «Капитанской дочке».

Истинная свобода для поэта заключается в духовной независимости творческой личности и частной жизни:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям с друг другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, слова, слова, слова.

Что же дорого поэту?

Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчёта не давать, себе лишь самому
Служить и угождать;
Для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественной природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья. –
Вот счастье! вот права...

(«Из Пиндемонти», 1836)

«Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не в пример лучше», – писал Пушкин, переживший на собственном опыте опеку государственной власти, позволявшей себе даже вскрывать письма поэта к жене. Поэтому он и повторил в письме к Наталье Николаевне слова М. В. Ломоносова: «Я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного».

Вот из этого уважения к самому себе и состоит независимость духовной жизни, «наука первая: чтить самого себя». У человека возникает требование прочного правопорядка, т. е. законности. В «Мыслях на дороге» это сформулировано чётко: «Несостоятельность закона столь же вредит правительству (власти), как несостоятельность денежного обязательства». Твердыней общественной жизни, по мысли Пушкина, является наследственное дворянство, но «аристократией прав» и «рабством народа» кончается, погибает дворянство. «Где нет независимых сословий, там господствует равенство и развращающий деспотизм».

Русский философ С. Франк в статье о политических воззрениях Пушкина пишет: «В основе своей воззрение Пушкина имеет пророческое значение: с момента появления у нас “разночинцев” – представителей полуобразованных и необразованных классов – началось понижение уровня русской культуры. С крушением русской монархии... рухнула свобода и культура России». Не Россию надо пробуждать,

а вот этих «разночинцев», необразованных и развращённых деспотов всех веков. Уже в раннем вольнолюбивом творчестве Пушкин старается пробудить «чувства добрые» в царе Александре I. Монарх не внял поэту, более того, цензура запретила печатание «Вольности», а затем и второй части «Деревни». А властитель цинично заявил, что будет продолжать начатое (насаждать Чугуевские военные поселения). Так же цинично современная власть твердит о продолжении начатых «реформ» и мифического рыночного курса, хотя бы и пришлось для этого уморить голодом и холодом многие народы.

В 19 лет Пушкин написал «Отчизны внемлем призыванье». Внемлем ли мы Отчизны призыванье? Какими явились мы через 200 лет к памяти Пушкина? К памятнику, к Пушкину, наклонившему голову к нам – к «племени незнакомому»? На юбилейном вечере памяти великого русского скульптора Опекушина возник разговор о современном понимании памятника Пушкину. Поэт Анатолий Парпара увидел Пушкина «в наклоне гордой головы». Академик Валерий Балабанов считает, что современное окружение – Макдоналдс, Самсунг, иностранная реклама – убивает значение памятника, и Пушкин глядит с укоризной, со стыдом за нас. Ему возразил известный писатель Владимир Крупин, сказав, что демократическая нервность не может убить такую святыню, как Пушкин.

Мне кажется, всё сказанное справедливо и пробуждает нашу совесть, но я бы повторила известное, что Пушкин наше всё – и внемлет нашему всему, и уповаet на нас, надеется, прислушивается и ждёт «минуты вольности святой». Об ожидании святой вольности он писал другу своему Чаадаеву. В другом послании «К Н. Я. Плюсковой» Пушкин, говоря:

Я не рождён царей забавить
Стыдливой Музою моею,

с гордостью заключает:

Любовь и тайная Свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Александр I «даровал» полякам в 1818 году конституцию. Возмущение русского народа возросло, когда стало известно, что царь замыслил включить в Польшу некоторые части России.

Пушкин откликнулся на всё это стихотворением «Сказки» («Ура! В Россию скачет кочующий деспот»), где царь-отец обещает:

И людям я права людей
По царской милости моей
Отдам из доброй воли.

Доверчивое дитя – православный народ в радости восклицает:

Неужто, в самом деле? Неужто, не шутя?
А мать ему: Бай-бай! Закрой ты глазки;
Пора уснуть уж, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки.

А вот что пишет первый поэт нашей современности Юрий Кузнецов уже не на сон, а на пробуждение России:

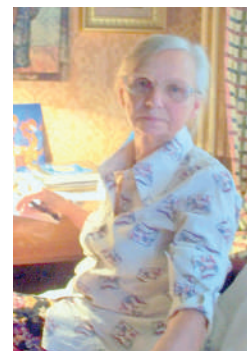
Нет в речи твоей склада-ладушка,
Начальнички пудрят мозги.
Проснулась ты, родина-матушка!
Да встала ты с левой ноги.
И всё-таки русские мальчики
Вцепились в твой рваный подол.
И вышли в зенит перехватчики,
Где реет двуглавый орёл.

Русские мальчики явились к Пушкину через 200 лет и не хотят переменить своё Отечество, свою веру; им нужна такая Родина, какую послал нам Бог.

Берега прочтения

Алина Чадаева

Алина Яковлевна Чадаева (1931) – русская писательница, собиратель фольклора, исследователь культур коренных народов русского Севера и Дальнего Востока. Окончила историко-филологический факультет Горьковского государственного университета. Автор книг: «Лествица Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны» (М., 2011), «Августейший поэт: Великий князь Константин Константинович» (2013); «Великий Князь Сергей Михайлович: реформатор артиллерии, алапаевский мученик» (2012); «Князь Владимир Палей из рода Романовых. Поэт. Мученик. Святой. Жизнь и житие» и др.

Чума во время пира

Безбожный пир, безбожные безумцы!

А. С. Пушкин. Пир во время чумы

Александр Сергеевич Пушкин приехал в Болдино 3 сентября 1830 года. А уже 7-го им было написано стихотворение «Бесы», «одно из самых тревожных и напряжённых», по слову Ю. М. Лотмана («Александр Сергеевич Пушкин». Ленинград, 1983).

Что вызвало в поэте такую фантазмагорию? Она воспринимается не как мираж наваждения, но как реальные картины.

Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.
Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

Поэт не только ВИДИТ, но и СЛЫШИТ звуки бесовского шабаша:

Вьюга злится, вьюга ПЛАЧЕТ;
Кони чуткие храпят...
... Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
ВИЗГОМ жалобным и ВОЕМ
Надрывая сердце мне...

Сам ритм стихотворения – яростный хорей, словно лихорадочное сердцебиение человека, попавшего в безвыходный круговорот мчащихся, вьющихся туч. Звук колокольчика на сбруе лошадей – «дин-дин-дин» – жалобный вопль одиночества среди хаоса одержимой природы.

Черновик оригинала закончен беглым графическим росчерком Пушкина, выдающим смятенное настроение поэта.

Но с чего бы это? Время написания стихотворения – начало сентября, осень – любимое время года Александра Сергеевича. Однако, направляясь в Болдино, он раздражён, что поездка грозит обернуться неустанными поисками денег: «...я должен хлопотать о приданом, да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда».

Пушкин помолвлен с бесприданницей Натальей Николаевной Гончаровой и был готов венчаться без приданого, но мать невесты воспротивилась, и поэту «пришлось самому доставать деньги на приданое, которое он якобы получил за невестой» (Ю. М. Лотман).

Кроме того, Пушкину предстояли юридические хлопоты по введению во владение деревенькой Кистенёвка с двумястами душами крестьян, которую отец поэта выделил сыну.

По этим поводам Пушкин жалуется в письме: «Еду в деревню, Бог весть, буду ли там иметь время заниматься, и душевное спокойствие, без которого ничего не произведёшь».

Но если бы только это... В 1830 году друг Александра Сергеевича А. А. Дельвиг начал издавать «Литературную газету», ближайшими участниками которой были Пушкин, Вяземский, Орест Сомов. Цель создания газеты – защита статуса профессионального литератора в России, обуздание тоталитарной цензуры, нравственная атмосфера в среде писателей и критиков. Естественно, что вокруг газеты немедленно сложилась оппозиция в лице Булгарина (связанного с III отделением, возглавляемым Бенкендорфом), а также с журнальными статьями Н. А. Полевого (журнал «Московский телеграф») и Н. И. Надеждиным, выступавшими, пусть и на разных с Полевым основаниях, против так называемой «дворянской» литературы, или, как писал Надеждин, «площадным подвижничеством русского барича».

Хрестоматийно известны факты сложных отношений Пушкина с императором Николаем I, включая и тот, что поэт опосредованно, через Бенкендорфа, вынужден был просить соизволения высшей власти на брак с Н. Н. Гончаровой, ибо «родители невесты высказывали опасения относительно политической репутации жениха». В ответном письме шеф жандармов уведомлял Пушкина, что государь принял «с благосклонным удовлетворением» сообщение о предстоящей женитьбе поэта» (Ю. М. Лотман).

Перечисление фактов об унижительном положении А. С. Пушкина в эпоху деспотизма Николая I – не для формата, в данном случае, журнального очерка. Целесообразнее привести аналитические выводы Анны Фёдоровны Тютчевой, которая в те годы была фрейлиной Высочайшего двора и в своих воспоминаниях и дневниках под общим названием «При дворе двух императоров» (М., 1990) дала глубокую и беспристрастную оценку той эпохи и личности самодержавного властителя.

«Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти... Он верил в неё со слепой верою фанатика, в ту безусловную пассивную покорность, которую требовал он от своего народа... Как у всякого фанатика, умственный кругозор его был поразительно ограничен его нравственными убеждениями... Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы... представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть, подавить, искоренить во что бы то ни стало, и он преследовал её не только без угрызения совести, но со спокойным... сознанием исполнения долга.

Угнетение, которое он оказывал... был самый худший вид угнетения – систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убеждённое в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть, и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки. Отсюда в исходе его царствования всеобщее оцепенение умов, глубокая деморализация всех разрядов чиновничества, безвыходная инертность народа...»

В письме Александра Сергеевича жене от 18 мая 1836 года есть строчка: «...чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом!»

В 1830 году ко всем «прелестям» Николаевского режима присоединился и «холерный бес».

Тогда холеру называли «индийская зараза». Из Индии холера перекинулась на Ближний Восток, на Кавказ, в низовья Волги и далее... На второй станции по дороге из Москвы в Болдино Пушкин уже знал, что эпидемия свирепствует и в Нижнем Новгороде. Позднее писал: «Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случилось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой». На дороге всюду были расставлены карантинные посты. Населению предписывалось: не выходить на улицу босиком, иметь наготове редьку и вино, определять болезнь по «беспрерывному урчанию в животе».

«Народ ропщет, – писал Пушкин одному из своих друзей, – не понимая строгой необходимости карантина и предпочитая зло непонятной заразы непривычному своему стеснению быта. Мятежи вспыхивают то тут, то там...»

Оформив свои юридические права на владение Кистенёвкой, поэт рвётся в Москву. Пытается прорваться через кордоны. О первой попытке писал: когда уже отъехали двадцать вёрст, путь пре-

градила застава. «Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что вероятно где-нибудь да учреждён карантин, что я не сегодня, так завтра на него наеду и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета». Однако прорваться через кордоны Пушкину не удалось. Пришлось вернуться в Болдино. Он готов ехать в Москву (уже закрытую на въезд и выезд) любым путём – «хоть через Вятку, Архангельск и Петербург». Пишет П. А. Плетнёву 9 сентября в Петербург: «Около меня холера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? Того и гляди, что забежит он и в Болдино, да всех нас перекусает...»

Опасность была реальной. Поэт дерзко принимал её вызов. Энергия неукротимого жизнелюбия искала выход. И – находила. В том же письме к П. А. Плетнёву Александр Сергеевич писал: «Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; ездить верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает».

В иные дни, в ином настроении – тому же Плетнёву: «...но до того доходит, что хоть в петлю. Мне и стихи в голову не лезут, хоть осень чудная, и дождь, и снег, и по колено грязь».

Перепады в душевном состоянии поэта объяснимы сложными внешними обстоятельствами, но «внешнее» всегда становилось для Пушкина внутренним.

Обратимся к одному из эпизодов осени 1830 года. Нижегородская губернаторша А. П. Бутурлина спрашивала Пушкина о его пребывании в Болдино: «Что же вы делали в деревне, Александр Сергеевич? Скучали?» – «Некогда было, Анна Петровна, – отвечал Пушкин. – Я даже говорил проповеди». – «Проповеди?» – «Да, в церкви, с амвона. По случаю холеры. Увещевал их: И холера послана вам, братцы, оттого что вы оброка не платите, пьянствуете...»

В шутовском тоне Пушкин пересказывает эпизод с «проповедью» в письме Плетнёву: «...ты бы со смеху умер...» Но – вчитайтесь: «холера ПОСЛАНА ВАМ...» Пушкин знал, что ПОСЛАНА, и в этом, по сути, идейный центр тяжести его «маленькой трагедии» «ПИР ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ», четвёртой и последней из цикла «Маленькие трагедии».

Вероятно, не случайна последовательность их создания. Привожу даты по старому летосчислению: 1830 год. 23 октября окончена пьеса «Скупой рыцарь»; 26 октября – «Моцарт и Сальери»; 4 ноября – «Каменный гость»; 6 ноября завершена пьеса «Пир во время чумы».

Чтобы понять совокупность всего цикла, стоит обратиться к Посланию римлянам апостола Павла. В начальной, первой главе, призванный благовестить Христа всякому Иудею и всякому Еллину, апостол утверждает, что, «как написано, «праведный верою жив будет». Но «славу нетленного Бога (они – иудеи и еллины) изменили в образ, подобный тленному человеку...», «заменили истину Божию ложью», и предал их Бог «превратному уму – делать непотребства». И далее апостол Павел перечисляет пороки человечества. Список подробен. Выберем хотя бы первый абзац.

«Так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия».

В тексте сосредоточена основная тематика «маленьких трагедий» Пушкина. «Скупой рыцарь» – корыстолюбие, злонравие. «Моцарт и Сальери» – зависть, злоба, убийство. «Каменный гость» – блуд, обман, убийство.

«Пир во время чумы», на мой взгляд, суммирует и подытоживает тему планетарного растления человечества. «Мне отмщение, и Азъ воздам». Если перевести эту фразу из текста апостола Павла на русский, то она звучит так: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию». Дословно слова Христа переводятся: «На Мне лежит отмщение, и оно придёт от Меня».

В Болдине А. С. Пушкин читает драму шотландского поэта Джона Вилсона «Город чумы». В основу её положен исторический факт о лондонской чуме 1665 года. Кратко – сюжет. Морской офицер Франкфорт и его невеста Магдалена – чистые и возвышенные «дети природы» – попадают в зачумлённый город и становятся жертвами эпидемии. Оба принимают смерть как избавление от земных страданий.

Английская критика в 1817 году приняла пьесу как неудачное сочинение автора. Особенные нарекания вызвали сцены «пира во время чумы». «Это неудачная попытка изобразить одну из противоестественных оргий – тех неистовых вспышек буйного и вызывающего веселья, которые были естественным следствием отчаяния, охватившего людей в то время».

Известно, что Александр Сергеевич не дочитал немислимо растянутую, композиционно размытую драму до конца. Но есть в этом произведении монолог некоего «старика»:

Часто мука мне больнее смертной,
Пронзают сердце лишь слова Христа.
Святые засияют мне: в них чудо
Спасающей любви и милосердя.

«Маленькая трагедия» А. С. Пушкина «Пир во время чумы» – предвидение и пророчество поэта о великой планетарной Трагедии – о духовной пандемии человечества и о проявлении «ГНЕВА БОЖИЯ» в форме вселенской физической смертоносной эпидемии.

Нельзя не видеть в современной нам ситуации исполнение пророчества Пушкина. Холера 1830 года в России была тогда ещё локальным грозным предупреждением, посланным Свыше.

Поэт метафизической ориентации Роман Славяцкий, живущий ныне в подмосковной Коломне, написал мне по этому поводу: «Пушкин – всечеловек! Фрагмент английской пьесы он сумел сделать частью русской души».

Приведу известные слова Ф. М. Достоевского о том, что же такое «русская душа»: «...русская душа... гений народа русского, может быть, наиболее способна из всех народов вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, извиняющего несходное, снимающего противоречия».

Одна из сверхзадач пьесы «Пир во время чумы», на мой взгляд, реализует эту идею. Главная же – эсхатологическая, предвещающая последние времена Вселенной. В диалоге Вальсингама и Священника – извечный, непримиримый спор Тьмы и Света, Смерти и Жизни.

Ситуация, на фоне которой развёртывается действие трагедии, предельно напряжена реальностью, отражающей исторические факты эпидемий чумы в средневековой Европе, в Москве, и не однажды, но в 1654–1656 годах, в 1770-м, как и современная Пушкину – эпидемия холеры, унёсшая уже тысячи жизней.

В виртуально-реальном городе, на улице – «накрытый стол». За ним пируют «несколько мужчин и женщин». Есть и Председатель, «самый тот, кто три тому недели, на коленях, труп матери, рыдая, обнимал...». Пьют в память Джаксона, «весельчака»: «он выбыл первый из круга нашего». Среди пирующих две уличные женщины – «сёстры печали и позора».

Председатель просит Мери спеть «уныло и протяжно, / Чтоб мы потом к веселью обратились». В пении Мери – воспоминание о днях её невинности, пасторальный пейзаж жизни в её (и тысячах других) селении. Мирное течение дней тогда было обусловлено причастностью к «церкви Божией»: «В воскресенье бывала / Церковь Божия полна». В школе раздавались детские голоса, «И сверкали в светлом поле / Серп и быстрая коса». Но вот – по этой идиллии прошёл серп чумы, и возникает картина... современного нам всепланетного апокалипсического пейзажа.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща тёмная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, –
Тихо всё – одно кладбище
Не пустеет, не молчит...

Песня Мери о том, что уже было однажды. И Председатель подтверждает:

В дни прежние чума такая ж, видно,
Холмы и доли ваши посетила...

В «жалобной песне» падшей женщины слышится мотив покаяния:

Мой голос слаще был в то время: он
Был голосом невинности...

Нет, не всё безнадежно. Мери поёт от имени некоей умершей от чумы «Дженни», которая закликает своего любимого не приближаться к её телу, не касаться «уст умерших». Светлым лучом возникает мотив, что и за гробом Дженни будет молиться о спасении юноши.

И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!

Другой персонаж трагедии – Луиза – антипод Мери: груба, ревнива, её речь близка к уличному сленгу. Но вот – в разгар гневливого речитатива Луизы – слышен «стук колёс». Реплика Пушкина: «Едет телега, наполненная мёртвыми телами. Негр управляет ею». «НЕГР» – грозное напоминание о пандемии, захватившей всю планету. «Мужское сердце» Луизы не выдерживает зрелища. В обмороке видится ей вещий сон. Вещий, ибо раскрывает власть тьмы, а в подтексте сцены читается тема ВОЗМЕЗДИЯ. «Мне отмщение, и азъ воздам».

Ужасный демон
Приснился мне: весь чёрный, белоглазый...
Он звал меня в свою тележку. В ней
Лежали мёртвые – и лепетали
Ужасную, неведомую речь...

Председатель сухо констатирует: «И страх живёт в душе, страстями томимой!» И предлагает: «Брось, Мери, ей воды в лицо». Но Мери ведёт себя иначе:

Сестра моей печали и позора,
Приляг на грудь мою.

Среди всеобщей тьмы возникает и утверждается автором образ светлого человека, чьё незлопаметное милосердие искупительно, и грех обретает прощение.

Эпицентр трагедии, её кульминация: «Гимн Чуме» – экспромт Председателя и последующее появление Священника, его Заклинание, обращённое к пирующим.

Строки из «Гимна»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...

Как ни парадоксально прозвучат мои слова, но в яростном монологе Председателя можно проследить мотив исповеди самого автора трагедии – А. С. Пушкина. Ю. М. Лотман в уже названной мной книге приводит стихотворение, написанное поэтом «ещё в ранней молодости»:

Мне бой знаком – люблю я звон мечей;
От первых лет поклонник бранной славы,
Люблю войны кровавые забавы,
И смерти мысль мила душе моей...

«Пушкин любил бой, – пишет Лотман и далее «применяет» слова Гоголя: – «Нечто пиршественное виделось ему в сражении». Достаточно вспомнить, как неистово бросился поэт в бучу сражающихся – верхом, в цилиндре, в бурке на плечах – во время похода в Арзрум в 1829 году, где русские войска под командованием графа Паскевича сражались против турок Османской империи, закрывшей пролив Босфор.

«Конница наша была впереди; мы стали спускаться в овраг... Поминутно лошадь моя могла упасть... Однако бог вынес... Первые в преследовании были наши татарские полки, коих лошади отличаются быстротою и силою. Лошадь моя, закусив повод, от них не отставала...» – писал Пушкин в очерке «Путешествие в Арзрум». «Есть упоение в бою...»

Собираясь в обратный путь, Пушкин узнал, «что в Арзруме открылась чума. Мне, – писал он, – тотчас представились ужасы карантина... Мысль о присутствии чумы очень неприятна с непривычки... Любопытство, однако ж, превозмогло; на другой день я отправился с лекарем в лагерь, где находились зачумлённые... Из палатки вывели к нам больного; он был чрезвычайно бледен и шатался, как пьяный. Другой больной лежал без памяти...»

События и впечатления 1829 года, будто провиденциально, приуготавливали поэта к эпидемии холеры в России в следующем, 1830 году и во многом стали фактографической основой «Пира во время чумы».

Следует остановиться ещё на одном эпизоде Пушкинского «Путешествия...».

Проезжая Армению, утром Пушкин «вышел из палатки». «Солнце встало. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. “Что за гора?” – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”. Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни – И ВРАНА И ГОЛУБИЦУ, излетающих, СИМВОЛЫ ЖИЗНИ И ПРИМИРЕНИЯ...» (выделено мной. – А. Ч.).

Да, Пушкину ведомо «упоение в бою». Но как сражаться с врагом невидимым, неуловимым, смертоносным? Председатель пирующих противопоставляет неуязвимому невидимке безудержное молодечество, которое, однако, сродни отчаянью: «И, заварив пиры да балы, / Восславим царствие Чумы».

Ремарка Пушкина: «Входит СТАРЫЙ СВЯЩЕННИК».

Вот – пик трагедии. Поединок Света и Тьмы.

Суть «безбожного пира» для Священника однозначна:

Подумать мог бы я, что нынче бесы
Погибший дух безбожника терзают
И в тьму кромешную тащат со смехом.

И сразу же ответ безумцев слышит: «Ступай, старик! Ступай своей дорогой!»

И тогда Священник закликает их самым святым, что есть у смертного человека:

Я закликаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души.
Ступайте по своим домам!

Но – поздно. Пирующие – жертвы чумы духовной, пленники беснующихся в них сил. Председатель сборища, имевший имя Вальсингам, а ныне – безымянный, говорит о себе, что он – «удержан». Чем же? – «Отчаяньем, воспоминаньем страшным, / Сознанием беззаконья моего... / И новостью сих бешеных веселий...» Скопище грехов одолевает его и иже с ним, как сонмы бесов... «Бесконечны, безобразны / В мутной месяца игре...» Ни голос усопшей матери, ни жены «Матильды чистый дух» ему уже не слышен. Но только ли его душевный слух замкнут? Он – Председатель воинствующего сборища бесов. «Но проклят будь, кто за тобой пойдёт!» – Последний роковой ответ Священнику.

И всё-таки – это ещё не финал.

Заключительный диалог Вальсингама и Священника – робкая, но светлая надежда, что Господь ещё помилует человечество.

Председатель: Отец мой, ради Бога, / Оставь меня!
Священник: Спаси тебя, Господь!
Прости, мой сын.

Ремарка Пушкина: «Уходит. Пир продолжается. Председатель остаётся, погружённый в глубокую задумчивость».

«Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни – и врана, и голубицу, излетающих, символы жизни и примирения».

Берега Новороссии

Фаина Савенкова

Фаина Савенкова – член Союза писателей ЛНР. Участник республиканского фестиваля ДНР «Звёзды над Донбассом». Автор пьесы «Ёжик надежды», получившей специальный приз всероссийского конкурса детской драматургии «Asyl» (2019), сборника «Всходы» (2020), участник сборника «Живи, Донбасс». Рассказ «Глициния и кошка» – победитель чешского конкурса «Мир глазами ребёнка» (2019). Эссе «Детский смех победы» опубликовано в журнале «Юность», в газете «Комсомольская правда», переведено на английский, сербский, итальянский, болгарский и чешский языки. Эссе «Взрослое молчание» («Alive») опубликовано в известном французском англоязычном блоге Stalker, сербских газетах «Восток» и «Факты», переведено на английский, сербский, итальянский, болгарский, чешский языки. Приз конкурса ветеранов МХАТ «Читаем рассказы». Отмечена заместителем чрезвычайного посла России в ООН Дмитрием Полянским. Благодарность за весомый вклад в развитие культурных отношений между ДНР и РФ в области литературы от Дениса Пушилина.

Детский смех Победы

Война – это авианалёты, грохот артиллерии и танков, канонада выстрелов... У неё много звуков и много лиц. Она подкрадывается и обрушивается на тебя всей своей силой, когда ты меньше всего её ждёшь. И, прячась, ты считаешь разрывы. Один. Два. Три... Господи, спасибо, что мимо. А потом орудия смолкают. И в этой тишине становится слышен плач ребёнка. Тихие всхлипывания, похожие на жалобное мяуканье котёнка. А потом снова начинается обстрел, заглушающий всё... Именно поэтому дети войны тихи. Они знают, что их плач останется неуслышанным.

Лето 1941 года было очень жарким. Под палящим солнцем выгорали поля и мельчали речушки, а ночи по-прежнему были холодны и темны. Страна жила. Никто не ожидал, что беда постучится в дверь. Люди, конечно, понимали, что скоро может начаться война, но старались верить в лучшее, в добро. Как у нас в 2014 году.

Василию – одному из моих прадедушек – в 41-м исполнилось 17 лет. Он собирался поступать в институт и, приписав себе год, подал документы. Вот только его мечтам не суждено было сбыться. Пришла война. Тут уж стало не до института. Война может многое. Перемолоть в своих жерновах огромное количество людей, принести разрушения и голод. Она может изменить судьбу целого поколения, оставив в его памяти отметины и шрамы. Но если ты ей сопротивляешься, то война медленно отступает. И мы помним своих героев и то, как тяжело досталась эта победа.

Много это или мало – годы, отнятые у мирной жизни? Для всего народа 22 июня стало датой, изменившей жизнь на «до» и «после». Все эти долгие мучительные годы мои деды и родня боролись за победу и жизнь. Война проверяла их на прочность, закаляла характер и создавала из них личностей. И я горжусь, что никто из них не стал предателем и полицаем.

Мой прадедушка Василий был артиллеристом. Он выходил из окружения так же, как многие солдаты в то время. Можно было просто сдаться, но он с боем прорывался к своим. После контузии он снова вернулся к сослуживцам на фронт, убежав из госпиталя, потому что понимал – он защищает свою Родину, свою землю. По-другому не мог. Вся страна по-другому не могла. За это время его мама получила на него три похоронки, и мне даже страшно представить, что она каждый раз чувствовала. Но, тем не менее, позже он освобождал Прагу и служил до 1949 года.

Другой прадедушка и обе прабабушки были слишком малы, поэтому остались в тылу. И ещё неизвестно, где было тяжелее: на фронте или дома, где они работали наравне со взрослыми, сбивая руки в кровь и надрываясь. «Всё для фронта! Всё для победы!» Для них это были не пустые слова,

поэтому никто не роптал. И каждый делал то, что мог. Ведь они верили в свою правоту, в необходимость победы над фашизмом ради будущего мира.

Кто-то приближал победу на фронте, кто-то – находясь в тылу. Не менялось только одно – дети войны взрослеют слишком быстро и слишком рано. Достаточно вспомнить о подвиге наших молодогвардейцев или о мальчишках, ставших сынами полка. Сколько бы им всем ни было, они перестали быть детьми, но всё равно по-детски мечтали о конфетах и беззаботных деньках. И они стали невидимой опорой этой победы.

Сейчас мне 11 лет. Я живу в Луганске, и мне известно, что такое артобстрел или авианалёт. Половина моей жизни – война. Я не знаю, что чувствовали такие же дети, как я, в том тяжёлом и страшном 41-м году, но мне кажется, что это похоже на всё то, что испытывают сейчас дети Луганска и Донецка. Иногда мне очень хочется написать моим сверстникам из 1941 года письмо. Сказать им много слов поддержки, но потом я вспоминаю их жизненный путь и понимаю, что их стойкости и самоотверженности может позавидовать каждый. Жизнь детей войны – это не истории об отчаянии, это истории о надежде, даже если они полны трагедий. И пусть, что тогда, что сейчас, мы не знаем, что нас ждёт завтра и будет ли оно у нас – это «завтра», но мы уверенно шагаем вперёд. Мы не сломались и с каждым днём становимся только сильнее, потому что сила духа у нас в крови.

Когда я прихожу к могилам своих прадедов и думаю о них, я знаю, что продолжу их путь, ведь мы шли и идём в одном направлении. И я точно знаю, как и они, что война рано или поздно закончится, и мы будем создавать новое будущее. С памятью о войне, но с верой в мир. Будущее, в тишине которого будет услышана молитва детей о мире и их смех. Потому что, когда раздаётся детский смех, война отступает.

Ёжик и небо

Жил-был Ёжик. Обычный такой Ёжик, с длинными иголками. Не такими, конечно, длинными, как у дикобраза, но и не такими короткими, как у кактуса. И хотел этот ёжик научиться летать.

Что он только ни делал, чтобы исполнить свою мечту. Когда наконец он понял, что ни разбег, ни махание передними лапками ему не помогут, Ёжик расстроился. Он с сожалением посмотрел на небо и увидел самолёт. Самолёт! Люди ведь тоже не могут летать, но они поднимаются в небо. Так Ёжик понял, как же ему исполнить свою мечту о полёте.

Но мечтать – это одно, а воплощать свою мечту – совсем другое. У ёжиков нет своих конструкторских бюро, аэропортов, да и железную руду они не добывают. Они ведь не гномы какие-нибудь, а обычные ёжики. Пробираться на человеческий самолёт тоже не было смысла. Какая разница, где ты смотришь себе под ноги – в лесу или в самолёте?

Поэтому наш Ёжик стал искать другой способ летать. Размышляя над ним, он увидел бабочку. «Точно! Нужно сделать крылья, как у бабочки», – подумал Ёжик. Он пошёл в лес, насобирал там веточек и лепестков цветов, сшил эти лепестки паутинкой и сделал самые настоящие крылья. Ёжик почти стал бабочкой. «Почти» – потому что он так и не взлетел.

«Наверное, мне нужны крылья, как у птицы. Я слишком тяжёлый для крыльев бабочек», – сказал сам себе Ёжик. И пошёл собирать птичьи перья. Это было очень нелегко, птицы не очень-то хотели отдавать их. Тем не менее Ёжик очень старался. В конце концов маленький мечтатель сделал себе крылья. Но, к сожалению, его снова постигла неудача.

Ёжик уже почти отчаялся, когда вдалеке увидел людей с дельтапланом. «Они же летают!» – только и смог воскликнуть зверёк. Он наблюдал за людьми, пытаясь понять, как устроен дельтаплан, как на нём летать. А потом пошёл собирать по лесу всё, что для его изготовления может понадобиться. Оказалось, что в лесах можно найти много чего интересного, а иногда полезного и даже опасного. Собрав всё, что нужно, Ёжик смастерил дельтаплан.

Забравшись на большой холм, колючий герой приготовился. Кажется, ему впервые в жизни было страшно. Он глубоко вздохнул, разбежался, оттолкнулся лапками от земли и... полетел. Он полетел! Внизу остался холм и лес, реки, озёра, но Ёжик не смотрел туда, он смотрел вперёд, на небо. Его мечта исполнилась.

Путешественники

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка.

Уильям Блейк

Мальчики бывают разными. Тот мальчик, о котором пойдёт речь, был самым обычным, как и миллионы таких же мальчишек его возраста по всему миру. И всё же было в нём что-то особенное. Даже звали его как одного известного кота из детского фильма. Мама так к нему и обращалась: «Мой котёнок». А ещё этого мальчика любили животные, а он любил их. Но самое главное – он не боялся вымокнуть до нитки и вместо того, чтобы жаловаться, – весело прыгал в кедях, в которых воды было едва ли не больше, чем в ближайшей луже. Поэтому-то мальчик-котик мог с лёгкостью ходить во время дождя в магазин или куда-нибудь ещё без зонтика. Хотя вообще-то с зонтом даже веселее, он почти как парус фрегата.

Одним летом мальчик стал замечать, что во время дождя ему стали встречаться такие же бесстрашные путники, как он. Но эти путешественники были куда более медлительными, поэтому иногда на них наступали неосмотрительные люди или могли раздавить машины.

Бесстрашными путешественниками были улитки. Когда начинался дождь, они выползали отовсюду, бросая все свои дела, и пытались перебраться на другую сторону дороги. Целые караваны ползущих улиток, оглядывая глазами-рожками улицу, ползут к своей непонятной цели и иногда, так и не достигнув её, погибают на этом нелёгком пути...

Мальчик стал помогать своим странным приятелям по путешествию. Тогда-то он и встретил свою Улитку. У неё была немного сколота раковина, так что узнать её не составляло труда. В следующий раз, заметив путницу у обочины дороги, мальчик-котик был рад видеть новую знакомую. Казалось, она специально ждала своего помощника, чтобы тот перенёс её. Может быть, конечно, мальчишка и раньше встречал одних и тех же улиток по несколько раз, но все они казались одинаковыми.

Всё лето мальчик относил улиток, а они продолжали исследовать мир за пределами своего домика в бесконечных поисках чего-то. Не раз ему попадалась и знакомая путешественница. «Интересно, куда они все ползут?» – не раз крутилось в голове. Но на самом деле это не имело никакого значения.

Наступила осень, дожди стали холодными, а улитки не любят холод. Так что мальчику пришлось гулять в одиночестве. Но осень как приходит, так и уходит.

Со временем перенесение улиток через дорогу во время дождя стало почти традицией, в которой мальчику-котику стала помогать младшая сестра. Но вот свою особенную Улитку он больше не видел. Видимо, ей удалось достичь своей неведомой цели.

Мальчик рос, менялись его увлечения, привычки, но одно оставалось неизменным – дружба с улитками и песенка, которую он напевал во время прогулок:

Я кот Матвей, мой метод прост:
Я не люблю тянуть кота за хвост.

Как-то дождливым весенним утром брат с сестрой собирались в школу, думая, сколько же понадобится времени для улиток и опоздают ли они в школу или успеют прийти вовремя. Каково же было их удивление, когда, пройдя почти 200 метров, дети не встретили на дороге ни одной упрямой путницы. Это было так странно и непривычно. А пройдя ещё немного, им стало понятно, в чём же дело: впереди, прячась под зонтом, шёл мужчина и переносил улиток. У мальчика-котика и его сестры появился единомышленник.

Без разницы, куда и зачем ползут улитки. Без разницы, взрослый ты или ребёнок. Главное, быть собой и не бояться помогать тем, кто слабее и нуждается в твоей помощи. Даже если окружающие не понимают, зачем всё это нужно, и из-за своего непонимания пытаются сделать тебя таким же, как они.

Взрослое молчание

Каждому человеку известно, что у любой войны всегда есть начало и конец. Но официальные даты часто так и остаются не более чем холодными безразличными числами в памяти участников событий.

Когда началась война на Донбассе для каждого из нас? Сколько бы я ни спрашивала у окружающих, у всех будет разный ответ. В 2014 году было много событий, ставших для кого-то той самой разделительной чертой.

Я верю в человечность. Хочу верить. Как и мои родители. Мы не живём в выдуманном мире, нет. Просто есть разница между тем, что мы видим, и тем, что мы хотим. И моим близким хотелось верить, что происходящее было чудовищной случайностью. Ведь не могут же люди быть такими жестокими и безжалостными? Могут. И мы это знаем, всё равно продолжая надеяться, что люди способны одуматься. Иначе, зачем тогда жить? Всего лишь наивная надежда, ничуть не оправдывающая преступления. Не знаю. Наверное, просто была убеждённость в том, что такого не может случиться в наше время у нас на Родине. Всё казалось каким-то глупым кошмарным сновидением. Так не могло быть. Так не должно быть, чтобы собственная армия уничтожала свой же народ. Но такое всё равно происходит.

Думаю, настоящее понимание того, что началась война, приходит, когда привыкаешь к смерти. Тогда же она начинается и для отдельного человека, а не только государства.

Для меня такой датой стало 2 июня 2014 года. Я помню, что это был понедельник и мы с братом болели, надо было идти на приём к врачу. Повседневная жизнь расписана по минутам, хоть мы этого и не замечаем: до автобусной остановки идти столько-то минут, поездка займёт столько-то времени. Расписание автобусных рейсов, график работы педиатра, примерное время ожидания в очереди... Ангина – это, конечно, неприятно, но не смертельно, и если надеть маску, то можно и в библиотеку зайти, чтобы взять книги из школьного списка для летнего чтения. Планы, которые могут меняться в зависимости от обстоятельств. Наши поменялись из-за того, что мой старший брат испугался и в тот день у врача была только я, а мне лень было идти в библиотеку за книгами, которые у меня и прочесть-то не получилось бы, разве что картинки рассмотреть. Если бы мой брат не боялся или мама не обратила внимание на его переживания, во время обстрела мы были бы возле того самого сквера, по которому был нанесён авиаудар по зданию Луганской областной администрации. И я понимаю, что, возможно, мы с мамой живы только благодаря брату.

Помню, как расплакалась из-за страшного грохота, прогремевшего на весь город. Помню, как не было мобильной связи и мы не могли дозвониться бабушке, работавшей в театре через дорогу от места трагедии. А ещё я помню, что мой учитель рассказывал о событиях второго июня. За зданием администрации находится детский сад, и в тот день после обстрела воспитатели стояли у ворот и встречали ослепших от слёз матерей всего одной фразой: «Все живы!!!» А им больше ничего и не было нужно.

Война – это когда первого июня мир отмечает День защиты детей, а уже второго июня самое важное, самое нужное слово, которое родители могут услышать, простое и короткое – «живы». А через неделю погибает от артобстрела первый ребёнок. Полина Солодка из Славянска. Ей было шесть лет – моя ровесница. Она могла стать врачом, учителем или художником. Кем угодно. Но навсегда останется первой в списке убитых детей – жертв этой войны. Самое страшное во всём этом – слово «список». И пополняется он до сих пор. Неудобная правда, но о ней нельзя забывать. Да и не получится, даже если хотелось бы.

В Луганске есть мемориал, посвящённый детям, погибшим из-за обстрелов. Есть он и в Донецке. Стоя у него, взрослые до сих пор не находят слов и молчат, опустив глаза. Тут действительно нечего сказать. Мир отмечает День защиты детей, но защитить нас не может.

Когда-то уже писала, что дети войны тихи, потому что не слышимы взрослыми. Пока так и есть. Но я верю, что всё изменится. Когда-нибудь мы увидим мир и на нашей земле. Мы, дети, пережившие войну, вырастем. И будем пытаться остановить весь этот ужас, сделав то, что не удалось взрослым, чтобы День защиты детей перестал быть просто датой, превратившись в настоящий праздник.

Русский мир без границ

Берега Германии

Владимир Штеле

Владимир Штеле – родился в 1948 году в СибЛаге Кузбасса, куда были депортированы родители. Рос в шахтёрском городе Анжеро-Судженске Кемеровской области. С отличием окончил Кузбасский политехнический институт. Учёная степень – кандидат технических наук. Более 20 лет работал в Сибирской Академии наук СССР. Около 120 научно-технических статей. Автор более 300 изобретений, признанных в СССР и России, и более 50 международных патентов. Книги: сборник рассказов «Дурнина», сборник иронических стихов «Письма из провинции». С 1992 года живёт в городе Касселе.

ЯНВАРЬ, ЕВРОПА, СТЫНЬ

Чихнул некстати,
«Здрасьте вам», – сказав.
Добавил тихо: «Дождик снова льётся».
Снял пальтецо и вывернул рукав.
Какой? Да левый. Левая не гнётся.

Ответили на «здрасьте» мне? Да нет.
Кому тут отвечать – в квартире пусто.
Стоит приятный запах сигарет,
А в кадке разрослись герберы густо.

Позвонит кто-нибудь сегодня? Нет.
Свет ни к чему – я полюбил потёмки.
В окне увижу городка макет,
Он не для жизни, а для киносъёмки.

И снова – «чих».
Январь, Европа, стынь.
Что там по телику? Опять разборки.
Немецкий вермут пью – одна полынь –
И, полупьяный, бормочу: «Как горько».

На башенке часы пробили шесть.
Ползут по стёклам капельки, как слизни.
Пытаюсь долго я прижиться здесь,
Хотя макетный город – не для жизни.

Макетный парк, макетный горсовет,
Макетная с дворцом старинным горка.
Прохожих за моим окошком нет,
А если кто пройдёт, услышит: «Горько».

Знакомо ночью заболит сустав,
Понянчу руку, старый, одряхлелый.
Ругнись в прихожей утром: «Кто рукав

Мой вывернул?»
Какой рукав?
Да левый.

Я НЕ СТАНУ ПРОКУРОРОМ

Вдруг родишься, глянешь:
Люлька,
Деревянная стена,
За окном висит сосулька.
Мамку спросишь: «Что, весна?»

За окном сибирский морок.
Мамке кто пришил статью?
Стану, видно, прокурором,
Коль вопросы задаю.

Месяц, два... –
Всё люлька, люлька.
Эх, на лыжи бы да – в лес.
Упадёт в сугроб сосулька, –
Примечаю, хоть – малец.

Подрасту, смотрю с укором.
Люльки нету, есть кровать.
Я не стану прокурором,
Буду в шахте план давать.

Лягу, хмурый, после смены.
Ночь в окне черным-черна.
А вокруг глухие стены
Из сибирского бревна.

СУББОТНЯЯ ВЫЛАЗКА В ГОРОД

Грыз с маком большую баранку
(На голову хоть надевай),
Старинную слушал шарманку
И ждал двадцать первый трамвай.

Пакетик купил аспирина
И шнапса с названием «Ландскнехт».
Играла «Шармант Катарина»
Бесплатно шарманка для всех.

Поправил седую чуприну,
Шепнул в кулачок мелкий: «Эх»,
И слушал «Шармант Катарину»,
Взирая устало на всех.

Тряс банку с наклейкой «пожертвуй!»
Мужик с бородёнкой густой.
Потом подошёл двадцать первый –
Свежепомытый, пустой.

На нём я проехал три круга,
А это – четыре часа.
Тряслась на окне от испуга
С полосчатым брюхом оса.

Затем по салону кружила,
Зубами пёс маленький – клац.
«Пока», – я сказал пассажирам
И вышел на «Ляйпцигер платц».

А дома – лежал на кушетке,
Смотрел на бутылку «Ландскнехт»,
Запив тёплым шнапсом таблетки,
Шепнув в кулачок мелкий: «Эх».

НАМ, НЕНАДЁЖНЫМ, ПОВЕЗЛО

В обители моей светло бывает
Лишь иногда,
когда трамвай ночной
В окно направит луч и «Кольцевая»,
Пролопотав мне, поспешит к «Цветной».

Трамвайная дорога тут кривая,
Здесь поворот, и дальше нет пути.
Я выгляну в окно – вон «Кольцевая»,
А до ночной «Цветной» и не дойти.

В обители своей я осторожно
Хожу, молчу, как будто вор какой.
На «Кольцевой» – народец ненадёжный,
Достойные живут все на «Цветной».

На «Кольцевой» – полгода снегопады,
А у домов следы лесных куниц.
«Цветная» – где? А там, где Ленинграды,
Где купола, где твердь больших столиц.

Там – много-много в магазинах хлеба,
Полным-полно красавиц-молодух.
Цветами пахнет там? Не знаю, не был.
На «Кольцевой» стоит таёжный дух.

Здесь можно жить, вода тут ключевая.
Я утром выйду – всё вокруг бело,
На лес взглянув, следы куниц считаю,
Шепчу: «Нам, ненадёжным, повезло».

ЛУКОВЫЙ СУП

Листал всё утро катехизис,
Смотрел в окно, пил коньячок.
Потом пошёл к сестре Луизе,
Спросил: «Как жизнь?»
Она: «Ничо».
Ей жизнь моя неинтересна,
Вопросов нету у сестры.
Я сел за стол и с рожей пресной
Свои приглаживал вихры.
Луиза молча «KENT» курила,
В дыму не разглядеть лица.
Суп луковый сестра сварила,
А мне хотелось холодца.
Сестра, – здоровая кобыла,
Из дыма мне: «Чо, горячо?»
А я, вихрастенский обмылок,
Суп ел, шепча: «Ничо, ничо»,
И христианский катехизис
Перебирал в уме с трудом.
Курила «KENT» сестра Луиза,
Исчезнув в облаке густом.
Нет у неё ко мне вопросов
И к Богу – нет, всё ясно ей.
А я бубнил: «Ничо», гундосо,
Стараясь суп доесть скорей.
Сидел, по-стариковски, косо.
Ел суп.
Покашливал – бронхит.
Нет у меня к сестре вопросов,
Есть только – к Богу.
Он молчит.
«Спасибочко», – сказал Луизе.
Поковылял на свой чердак.
Листал весь вечер катехизис
И пил задумчиво коньяк.

ЖЁЛТЫЙ У ЗАБОРЧИКА
ПИКАП

Мокрая на крыше черепица,
Жёлтый у заборчика пикап,
Осенью не надо торопиться,
Встань, глазей,
как капельки – кап-кап.

Слушай, как на крыше черногрудка
Клювиком по камешку стучит.
Осенью не скажешь: «Во живут как!»
Не воскликнешь с завистью: «Етит!»

Знаешь ты уже – что ожидает
Тех, под черепицей, и тебя,
Видишь, как вокруг всё увядает,
Как каштаны улицу бомбят.

Осенью нет зависти, всё ясно.
Ясно, что для всех один удел.
А живут они, конечно, классно,
Только я жить классно расхотел.

Потому как... потому как – осень,
И желаний глупых нет уже.
Черногрудки стук,
Лай глупых мосек,
Тишина, звенящая, в душе.

Капли вниз летят, чтобы разбиться.
Сколько их? Да много – кап да кап.
Мокрая на крыше черепица,
Жёлтый у заборчика пикап.

ПРЕДЗИМНЯЯ ПАСТОРАЛЬ

Пил чёрный чай, смотрел в окошко
И мякиш пальцами катал.
Гусь, яркие надев сапожки,
Степенно белый снег топтал.

Красиво! – падай хоть со стула.
Летят снежинки с четверга.
Я крикнул: «Люда, ты уснула?»
Она ответила: «Ага».

Всё прозеваает, эх, кулёма.
Потом глаза протрёт: «Зима?»
Ну да: сугроб на крыше дома,
А на оградах бахрома.

Пил красное, смотрел в окошко.
Гусь гоготнул, мол, снег – ура!
Я на пол смёл ладонью крошки,
Решил: «Забить гусей пора».

Но это – завтра-послезавтра.
«Гуляй, – шепнул, – гордец, пока».
Похож гусак чуть-чуть на Гафта
И чуть – на Ваську Чумака.

Осенним мусором загажен
Был огород, теперь он бел.
Гусь крупный, родовит и важен,
От первоснега обалдел.

Пойду к своей, её поглажу,
Покой, тепло и мир в избе.
«Гуся охота», – баба скажет.
Я ей: «Да будет гусь тебе».

РАРИТЕТ

Отрастил я большущую бороду,
Лапотки, лыко вымочив, сплёл
И брожу по немецкому городу,
Улыбаясь, хоть гол как сокол.
Так шатаюсь с дурацкою рожею,
Напеваю своё: «Разлюли...»
Эфиопочки две чернокожие
В бородищу мне ленты вплели,
Налепили стеклянные стразы,
В уши шепчут, смеясь: «Very well».
Диковат и космат, словно Разин.
На Неметчине я обрусел.
Захожу в ресторанчик с пилястрами,
Денег нету, есть только рубли.
Бородища висит жёлто-красная,
Напеваю своё: «Разлюли...»
Тут нальют?
Да нальют, я же пугало.
А вернее сказать, – раритет.
Вон деваха на входе погуглила.
«Разлюли» ищет?
Хмурится: «Бред».
Гогочу и пою, глажу бороду,
Свой спецназовский скинул бушлат.
Выпил? Выпил.
И дальше – по городу.
Шу-шу-шу – лапоточки шуршат.
Эфиопки со мною шатаются.
«Ты из немцев? Из русских? Да? Нет?» –
Надо мною они потешаются.
Эх, дурёхи, да я – раритет.

СКОРО ТАМ ПОЛЯНЫ ЗАРАСТУТ

Да, скоро там поляны зарастут,
И скажет местный житель, ухмыляясь:
«Поверьте, никогда не жил он тут».
Соврёт? Соврёт.
Что делать – жизнь такая.

Вернусь туристом.
Кофр я загружу:
Подарочки забывчивым и лживым.
О прошлом не грустил и не грущу.
– Ну, как вы тут?
– Да, слава Богу, – живы.

Шептаться станут:
– У него гешефт...
А я пойду вдоль стареньких оградок
И разгляжу, на корточки присев,
Следы отца, след конвоира – рядом.

Нет, не прошу я Бога: «Накажи».
Все раны заросли, остались шрамы.
Следы конвойных до сих пор свежи,
А рядом след моей умершей мамы.

Для вас, я понимаю, это – сюр:
Сибирь, тайга, убогие хибарки.
Раз-два – и кончился мой тур.
Нашёл следы.
Раздал подарки.

НЕМЕЦ, ПЕРЕЦ, КОЛБАСА

Пошёл.
Не спрашивай – вернусь ли?
Не бормочи за дверь: «Сглаз...»
Я русские послушать гусли
Хочу на «Alexanderplatz».

Там есть певун в косоворотке,
С кудрями русыми гуслиар.
Вокруг толпятся гугенотки,
Потомки столбовых бояр.

Но более всего – холопов
Из разных мест страны большой.
Стой, слушай и глазами хлопай
Да в такт притопывай ногой.

Под вечер он в рогожу гусли,
Как ляльку, нежно завернёт.
Пойдёт.
А я за ним.
Вернусь ли?
«Вертайся!» – кто-то заорёт.

За город выйдем, перекурим.
И дальше – в тёмные леса.
Я поплетусь за ним, как дурень.
Эх, немец, перец, колбаса.

ФУЛЬДА

И кто я тут? Да чудо-юдо,
С заскоком старческим пиит.
У ног затихла речка Фульда:
То ли бежит, то ли стоит.

Шагну в неё – она в покое.
На мне пальто.
Как мелко тут.
Ругнусь беззлобно: «Что такое,
И потонуть здесь не дадут!»

Вот врут, что будто королева
Купалась в Фульде, –
В ней же муть.
По дну пройду на берег левый,
А глубина – всего по грудь.

На правом –
Фрау Штемпель Ева
Раскрыла рот: мол, вот даёт!
Я – чудо-юдо, я – на левом,
Я мокрый старый идиот.

«Эй, – крикну фрау Штемпель Еве, –
Тут мелко, нет тут глубины,
По грудь здесь мне и королеве».
Теперь – домой, сменить штаны.

Стоит на правом фрау Штемпель.
Нет, воды Фульды не текут.
Пойду, махая тростью, в темпе,
Вновь убедившись: мелко тут.

Русский мир без границ

Берега Канады

Ваагн Карапетян

Ваагн Карапетян – член Союза армянских писателей, главный редактор альманаха «Литературная Канада», автор нескольких книг, повести «Девичья башня – 2025» и романа «Немногое из того, что было...».

Немногое из того, что было...

Отрывок из романа

...Некоторые встречи тут же забывались, иные запоминались надолго и делали мою жизнь более содержательной, а иногда и поучительной. Такой оказалась и история, происшедшая в словацком городе Кошице...

БИЗНЕС

Во время Международной профсоюзной конференции в этом городе ко мне подошёл грузный мужчина и представился на ломаном русском языке:

– Янош Дюрица, предприниматель. Хотел бы предложить тебе сегодня вечером вместе поужинать.

– Пожалуйста, – удивившись столь неожиданному приглашению от незнакомого человека, ответил я.

Встретились в небольшом кафе. Едва уселись, как Янош, тепло улыбаясь, сказал:

– Каждый сам себе заказывает, но плачу я, это железно, – и без вступления заговорил о цели нашей встречи: – Я предприниматель, занимаюсь перепродажей сырья. Продаю всё: нефть, металл, дерево, стеклотару, я имею в виду бутылки, но только белого цвета, и куплю у тебя всё, что ты мне предложишь.

Я растерялся, но вида не подаю, с умным видом киваю головой. Янош продолжает:

– Ты мне предлагаешь сырьё, указываешь объём – я ищу покупателя и сообщаю сумму, которую ты от этой сделки можешь получить.

– Да, интересно... – мычу я. – Но у меня вопрос, – пытаюсь я прояснить картину происходящего, – почему вы именно меня выбрали в партнёры?

– А как же, – удивился Янош, – из гостей только ты один бизнесмен. Ты же руководишь профсоюзом инновационных и малых предприятий?

– Да, – согласился я и вспомнил, как после заседаний президиума мои так называемые подчинённые, члены президиума, разъезжаются на своих шикарных машинах, а я, руководитель, коротаю время на троллейбусной остановке.

И тут же мне пришёл на память один мой знакомый – директор металлургического завода из Днепропетровска, Роберт Мангасарян.

На одной из встреч он, посмеиваясь, говорил:

– Чего ты спишь, зарылся в своём кабинете?! Люди деньги делают, а ты глазами хлопаешь, подключайся. Мой завод – к твоим услугам, ищи покупателей.

– Как не спать – я знаю, а как покупателя искать – ума не приложу, – ответил я тогда ему.

Помню, как Роберт с сожалением посмотрел на меня и махнул рукой.

– А арматура вас заинтересует? – поинтересовался я.

Янош встрепенулся:

– Как раз англичане просят, им две тысячи тонн нужно. – Затем переспросил: – Из Армении?

– Нет, из Украины.

– Ещё лучше, – обрадовался Янош, – с армянами так тяжело договариваться.

На том и порешили. На радостях пришлось спиртное дозаказывать, потом повторили ещё раз. А на прощанье долго обнимались и, как и положено едва стоящим на ногах мужчинам, клялись в дружбе и верности друг другу.

Уже из Еревана я позвонил Роберту, рассказал о предложении.

– А тебе что-то перепадёт?

– Вроде обещали.

– Ну, смотри, не прогадай, хотя уже хорошо, что начинаешь. А там во вкус войдёшь. Передай твоему другу мой телефон, я с ним определяюсь.

Я тут же связался со Словакией, сообщил номер телефона Роберта, но меня несколько озадачило то, что Янош как-то напрягся и только после небольшой паузы ответил:

– Через неделю дам знать, как и что там получается.

Дней семь я вздрагивал от каждого телефонного звонка, потом эта история подзабылась в суете, а месяца через два в трубке послышался голос Яноша:

– Это Ваагн?

– Да, Янош, он самый! – вскрикнул я.

– Ваагн, мы договорились, я беру десять тысяч тонн. С тонны по два доллара тебя устроит?

Я молчу, потому что не могу сообразить, сколько это будет – по два доллара с десяти тысяч тонн. Получается двадцать тысяч долларов, но это же нереально. Неужели вот так, запросто, можно получить двадцать тысяч долларов?

Янош прерывает мои размышления:

– Понимаю, что это небольшая сумма, но я уверяю тебя, что всё просчитано, и это максимум того, что я могу тебе предложить.

– Хорошо, договорились, – после небольшой паузы соглашаюсь я.

– Как только заключу сделку – дам знать, – повеселев, сказал Янош и положил трубку.

Прошло ещё с полгода. Я не звоню ни Роберту, ни Яношу. Зачем? Какой смысл?

И вдруг неожиданный звонок:

– Привет, Ваагн. Я деньги получил и готов рассчитаться. Куда их перечислить? У тебя есть валютный счёт? Если нет, то могу в любом швейцарском банке открыть на твоё имя.

Перед глазами возникает картина: вот я, непонятно каким образом оказавшись в Швейцарии, захожу в банк, показываю какую-то разрисованную бумагу от Яноша, а банковский служащий, с удивлением глядя на неё, просит меня освободить помещение...

– Янош, мне как раз нужно опять в Словакию. Заеду к вам. Так что перечислять никуда не надо, оставьте пока у себя.

– Хорошо, как только купишь билет, дай знать, я тебя встречу.

Положил я трубку и думаю: «Зачем мне в Словакию ехать, чего это я ляпнул? Двадцать тысяч долларов. Кто мне их даст? И зачем?»

Ну, приеду, подойдёт ко мне в аэропорту какой-то пацанёнок и скажет, что Янош срочно уехал в Индию или Китай на два месяца или на полгода. И что тогда делать? Не солоно хлебавши обратно тащиться?»

В те дни в моём кооперативе дела шли лучше некуда, до позднего вечера вымпелы штамповали, так вот я, имея ещё и бутик в торговом ряду и пару столиков на рынке, за год с трудом десять тысяч долларов наскрёб, а тут сразу двадцать тысяч. Янош блефует, это ясно, но как бы почувствовать это, убедиться и оставить глупую затею с поездкой?

Через несколько дней звоню ему в Кошице. Янош поднимает трубку:

– Уже едешь?

– Нет, вот в Москву собираюсь, а оттуда уже к вам.

– Ну, как билет купишь, дай знать.

– Я просто уточнить хотел, в это время вы будете в городе? Поездки не намечаются?

– Нет, я на месте, редко выезжаю, больше по телефону.

– Договорились, из Москвы перезвоню.

«Теперь ещё и Москву приплёл, – смеюсь уже сам над собой, – хотя из Москвы в Словакию на поезде дешевле. Если я Яношу из Москвы позвоню, то он поймёт, что я реально еду, и дрогнет. Тогда одной поездкой в Москву и ограничусь».

Следующий звонок Яношу:

- Янош, я уже в Москве.
- Догадался по коду. Когда к нам?
- Сейчас за билетом поеду.
- Как купишь – звони.

Потащился я на вокзал:

- Вот влип так влип.

Стою в очереди, то посмеиваюсь, то головой мотаю. Со стороны посмотреть – настоящий псих из больницы сбежал. Бывает, время в очереди долго тянется, а здесь и глазом не успел моргнуть, как у кассы оказался. Что делать, купил билет. Опять звоню Яношу.

- Билет купил. Решил поездом ехать, чтобы вам за город не тащиться встречать меня в аэропорту.

– Разницы никакой нет, Ваагн. Твой поезд, насколько я знаю, в четыре утра по графику прибывает, но в последнее время они постоянно опаздывают. Поэтому запиши номер телефона моего водителя, с вокзала позвонишь, он рядом живёт, минут через десять будет у тебя.

«Ну вот, началось – сначала говорил, сам встречать буду, а теперь – водитель, которому ещё и предварительно позвонить надо. Но отступать поздно, половина пути пройдена. По крайней мере, появится хорошая возможность всю оставшуюся жизнь над собой смеяться», – стал я, ухмыляясь, рассуждать.

В поезде в моём купе оказались попутчики с огромными баулами, челноки по-нашему. Один я с небольшим портфелем. Они мне:

– Таможня скоро, пару сумок на себя возьмите... А я не рискнул, мало ли что там у них спрятано, потом беды не оберёшься.

И как оказалось, зря: таможенники-то с ними быстро разобрались, особо и не придирались, а на мне остановились, причём основательно. Где это видано, чтобы армянин, да без коробок?! Тут что-то не то... Стали меня при всём честном народе обыскивать да ощупывать. Женщина в голубой фуражке и с такими же погонами все карманы мои вытряхнула, без признаков смущения рукой между ног у меня шарит, что-то ищет. Попросили снять ремень, обувь, каблуки отдирают, ужас. Я очередному таможеннику:

- Что вы обувь портите, как ходить-то я буду?

Он злобно смотрит и усмехается. Эти ушли, стоим полчаса. По вагону пронеслось: обнаружили злостного контрабандиста. Пришла новая бригада.

- С какой целью едешь?
- Гулять еду.
- На пятьсот долларов не особо разгуляешься.
- У меня друзья богатые, к ним еду.
- Ну-ну.

И по новой: – Зачем едешь?

Я не выдерживаю:

– Зачем еду? Потому что дурак, безмозглый дурак! Вот зачем. Вы не видели дурака, нет? Вот смотрите, перед вами стою!

После этого от меня отстали. В общей сложности из-за меня поезд на сорок пять минут задержался, соответственно, позже и прибыл.

С привокзального автомата позвонил по номеру, оставленному Яношем, никто не отвечает. Набираю ещё раз и ещё... По десять, по пятнадцать гудков – тишина. Минут через десять снова набираю...

То ли с четвертого, то ли с пятого захода дозвонился, заспанный голос ответил:

- Простьте меня, я скоро буду.

Пятнадцать минут, двадцать, полчаса... Но вот на сороковой минуте ко мне, улыбаясь, как на свадьбе, подходит кучерявый парнишка:

- У меня машина плохо работает, задержался.

Уже в машине водитель сказал, что мы едем в офис, там можно будет выпить кофе, в холодильнике есть бутерброды, Янош позже подъедет. Оставил меня у подъезда, а сам умчался.

Я приготовил кофе, достал пару бутербродов, они оказались на удивление свежими: с зеленью и вкусной приправой. Пришлось ещё два бутерброда экспроприировать. Жую бутерброды и думаю:

«А что дальше? Наверняка тот же водитель сейчас зайдёт и скажет, что тёща заболела, или дед окочурился, или сын в беду попал, ночью не пришёл домой, вот только сообщили, и Янош срочно вылетел, выехал, пополз, в общем, нет его, и неизвестно когда будет».

Так прошёл час, второй на исходе... Нервы, нервы. Только бы сердце не лопнуло от всей этой неизвестности. А на рабочем столе постоянно надрывается телефон, значит, в это время Янош уже на месте бывает. Тянет трубку поднять, словно тут же разгадку получу, да что толку.

Наконец-то открывается дверь и заходит... неизвестный мужчина. Сердце ёкнуло: пришёл сообщать то, что мне ещё в Ереване было известно.

Он оглядел меня с головы до ног, выдержал паузу, словно бы продумывая, с какого конца разговор начать:

– Я сразу догадался, кто ты. Янош о тебе мне рассказывал. Я его брат двоюродный.

«Ну, а дальше-то что?» – подумал я про себя и, улыбаясь, встал, протянул ему руку:

– Ваагн.

– Марек, очень приятно.

Я, на правах временного хозяина, предложил ему пройти к креслам у журнального столика. Он опустился в кресло, достал портсигар, открыл его. Я опередил его намерение предложить мне сигарету.

– Спасибо, я не курю.

– Тогда и я не буду, – сказал Марек и убрал портсигар, – тут вот какое дело, – начал он, – мне вчера вечером позвонил Янош...

«Это конец», – понял я и устало опустил голову...

Бывают в жизни минуты, когда тебе кажется, что время остановилось, всё замерло и тебя, потерявшего почву под ногами, уносит куда-то ветер вечности. И только шум в ушах, и мелькание звёзд. И напрасно ты силишься вернуться к действительности, ведь даже на вопросы «Кто я?» и «Где я?» ты не в силах ответить. Тебя всё дальше и дальше затягивает бездонная пропасть. Ты чувствуешь только своё безвольное тело и путаницу в голове. Ты расслаблен настолько, что вполне осознаёшь бессмысленность своих потуг и, опустив руки, медленно угасаешь...

Но вдруг отворилась дверь, и в комнату не вошёл, ворвался Янош Дюрица и со словами:

– Извини меня, Ваагн, – полез обниматься: – Я на вечер заказал русскую баню, там с моими друзьями познакомишься, – присел на край дивана и, не давая мне опомниться, затараторил:

– Очень интересное дело: компания НПК «Веста» хочет взять в аренду на двадцать пять лет самолёт Ту-134. Напрямую очень дорого. А вам, советским предприятиям, на пятьдесят процентов дешевле получается. Если ты арендуешь его, а затем нам передашь, то тридцать процентов от сделки наши, каждому по пятнадцать. Это будет, сейчас я скажу, сколько долларов, – он подошёл к рабочему столу и стал искать калькулятор.

– Кстати, о долларах, – без какой-либо надежды, пытаюсь справиться с волнением, обратился я к нему, – а где моя доля?

– Твоя доля? – Янош удивлённо посмотрел на меня, пытаюсь понять, о чём идёт речь. Но через несколько секунд он, поморщившись, встряхнул головой, укоряя себя за неоправданную забывчивость и успокаивая меня взглядом, воскликнул: – Сейчас, сейчас!..

Подошёл к сейфу, рванул на себя железную массивную дверь и начал рыться в бумагах, перебирать листочки, иногда просматривая их. Затем, тяжело вздохнув и качая головой, очевидно, неудовлетворённый результатом поиска, принялся перекаладывать с полки на полку папки, амбарные книги, блокноты. Это продолжалось бесконечно долго, он стал нервничать и что-то бормотать на своём родном, на словацком. Видимо, отчаявшись найти нужное, решил выгрузить содержимое сейфа на рабочий стол. На столе выросла разношёрстная куча бумажных изделий, часть посыпалась на пол. Тут Янош стал откровенно чертыхаться и, всё более раздражаясь, выскабливать из сейфа оставшиеся бумаги. Ещё пару резких, судорожных, отчаянных движений – он обмяк, загадочно улыбнувшись, посмотрел в мою сторону. Затем просунул руку в глубину сейфа и с нескрываемым удовольствием выгреб оттуда две пачки стодолларовых купюр, упакованных банковской лентой. Подошёл ко мне и положил их передо мной на отполированную до блеска поверхность журнального столика. Вернулся к своему рабочему столу и продолжил искать калькулятор, попутно подбирая и закидывая в сейф рассыпанную по полу макулатуру.

Я, глядя на доллары, застыл, во рту запершило. Намереваясь прочистить горло, негромко пару раз прикашлянул, затем от усталости и охватившего напряжения, преследовавшего меня уже который день, обмяк и небрежно развалился в мягком кресле. Но, заметив насмешливый взгляд двоюродного брата Яноша Марека, который, сдерживая ухмылку, следил за моим поведением, схватил чашку с остатками уже холодного кофе, допил в два глотка каштановую горькую смесь и обратился к хозяину кабинета:

– Янош, я очень устал, можно мне сначала в гостиницу, немного в себя приду, а потом обсудим твоё предложение.

– Хорошо, конечно. – улыбнулся Янош. – Ты опять в «Глории»?

Я кивнул головой.

– Марек, подбросишь?

Марек одобрительно кивнул головой. Как бы нехотя, двумя пальцами, я переложил обе пачки денег в наружное отделение портфеля, не то что не пересчитывая, даже толком не глядя на них, и встал вслед за Марексом.

Гостиница, как оказалось, находится недалеко, рукой подать, минут десять пешком, так что толком и усесться в комфортном «Dodge» не успел, как Марек притормозил и на прощанье, протягивая мне руку, сказал:

– Янош честный человек, зря ты волновался. – Затем добавил: – Я к трём часам заеду, хочу пригласить тебя на обед, а вечером в шесть – в русскую баню.

– Спасибо, Марек... просто вымотался в дороге, – стал я отнекиваться, – на таможне шмонали, причём и те и эти... А так, чего мне волноваться-то? – стараясь как можно спокойнее выглядеть, сбиваясь и волнуясь, заговорил я, хотя понимал, что неубедительно выгляжу. Слишком неожиданным для меня оказалось замечание Марека, вот и не успел перестроиться на нужную волну, чтобы бодрым голосом, уверенно отрапортовать:

«О чём-это ты Марек, да я нисколько и не сомневался, – при этом не забывая похлопывать Марека по плечу и снисходительно улыбаться, – чтобы из-за каких-то двадцати тысяч волноваться? Смешно...»

Да таким тоном произнести, чтобы он окончательно оконфузился, этот Марек, понимая, что зря затеял разговор.

Такие мысли копошились в моей голове, когда я, уставший, измотанный не столько длительной поездкой, сколько напряжением последних дней и часов, поднимался по ковровой дорожке к себе в номер.

Захлопнув за собой дверь, я первым делом вытащил обе пачки долларов, бросил их на аккуратно застеленную постель. Сел напротив в небольшое кресло и долго, мучительно долго смотрел на них.

Наши друзья

Советуем почитать:

- Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.ruskline.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргмак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «Литерра», гл. ред. Владимир Фёдоров

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:
dovidenko_L@mail.ru